

"Незабываемая"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Из-за облаков выглянула мертвенно-бледная луна, ненадолго осветившая ночное небо и человека с собакой.

Вот уже больше двух часов человек этот сидел на корточках на скалистом уступе, не сводя глаз с океана.

Весь вечер завывал ветер, хлестал ливень, сверкали молнии, где-то вдали слышались громовые раскаты, от которых сотрясалась земная твердь. Но человек и собака оставались неподвижны. Оба обладали редким даром — умением полностью сосредоточиться на своей задаче, невзирая на обстоятельства.

Человек был наделен этой способностью с рождения; его всегда словно бы подпитывал некий внутренний источник энергии, остававшийся для других загадкой. Собака же переняла это ценное качество от хозяина: он научил ее выполнять задания, не отвлекаясь ни на что вокруг. Сейчас способности обоих должны были подвергнуться решающему испытанию.

Яростно ударил гром, ослепительно вспыхнула молния, озарив неистовый, вспененный океан. Потом луна нырнула в густые тучи, и все вокруг погрузилось во мрак. Ветер, ворвавшийся в узкие расселины среди вулканических скал, взвыл особенно протяжно, истрепанные пальмы пригнулись чуть ли не к самой земле.

— А я-то уж подумал, что сейчас прояснится, — сказал Грег Бракстон своему мохнатому спутнику. — Это испортило бы нам все удовольствие.

Доджер понимающе покосился на хозяина сквозь завесу дождя. Его золотисто-коричневый мех стал бурым: вода бежала с собаки в три ручья.

— Хуже, чем есть, уже не будет, — сказал Грег псу. — Ждать больше нечего.

Стараясь не обращать внимания на боль в затекших ногах, он чуть заметным движением кисти дал До-цжеру команду встать. Борзая вскочила. Ей предстояло пройти самое сложное, но необходимое испытание. Чтобы зарекомендовать себя полноценной собакой-спасателем, Доджеру оставалось выполнить непростое задание, с которым часто не справлялись даже самые натренированные четвероногие коллеги. После этого они полетят на «большую землю» за удостоверением.

— Ищи! — приказал Грег, переворачивая кисть ладонью вверх.

Доджер бесстрашно, словно у него выросли крылья, сорвался с обрыва и приземлился на валун далеко внизу. Потом он понесся вправо, без усилия перепрыгивая через нагромождения камней. Казалось, пес не сознает, что одно неверное движение — и он сорвется со скалы, а там его мигом поглотит беснующийся океан...

Грег старался не отставать, пользуясь светом небесных прожекторов — молний. Уж он-то прекрасно понимал, что рискует разбиться о камни, ослепленный ветром и дождем. Кроме того, на скалах каким-то чудом укоренились папоротники, на которых сейчас, под ливнем,

ничего не стоило поскользнуться — и рухнуть вниз.

— Доджер! Куда ты?

Пес вдруг резко свернул влево, хотя Грег припрятал свой пузырек совсем в другой стороне. Он так тщательно замаскировал его в трещине среди кусков лавы, что сам вряд ли нашел бы его снова. Это был специальный тренировочный пузырек, источавший трупный запах, — важное подспорье для натаскивания собак-спасателей. И, надо сказать, довольно дорогостоящее подспорье...

Но что вытворяет Доджер? Он же несется прочь от «трупа в пузырьке»! Грег тяжело дышал. Вот что бывает, стоит посочувствовать собаке! Доджер — прирожденная гончая, обученная неустанному преследованию механического кролика. Возможно, борзую вообще нельзя переучить?

Грег уже решил возвращаться в лагерь, когда внезапно услышал лай. Впрочем, ветер и ливень шумели так оглушительно, что немудрено было обознаться.

— Что это? Неужели он меня зовет?

Пес снова трижды подал голос. На этот раз его сигнал ни с чем нельзя было спутать.

Грег заторопился по руслу доисторического лавового потока. Ливень лупил в него пулеметными очередями, вода лилась с подбородка под плащ. Доджера он нашел на обрыве.

Тот стоял, приподняв одну лапу, как настоящий охотничий пес, делающий стойку, и смотрел вниз.

— Что ты там увидел, парень? — с недоумением произнес Грег.

А впрочем, тоже неплохо, подумал он: по крайней мере, научился наводить людей на находку, пусть и не сумел отыскать псевдотруп.

В этот момент новая молния на мгновение залила все вокруг неестественным бело-фиолетовым заревом.

— Не может быть! — пробормотал Грег, заметив у подножия скалы автомобиль.

Неужели у него начались галлюцинации?! Все это было слишком похоже на другую ночь, когда он, так же стоял на дороге, увидел внизу, под насыпью, машину. Но в ту ночь не было дождя, а рядом с ним находилась вся поисково-спасательная бригада гавайского острова Мауи. Только они прибыли на место слишком поздно.

Грег тряхнул головой. Не хватало спутать прошлое с настоящим! Он сорвал с пояса фонарь и навел луч на камни внизу, у самых беснующихся волн. Луч пропорол темноту и высветил белую «Тойоту».

— Откуда она там взялась?

Грег выбрал эту безлюдную оконечность острова именно потому, что дорога здесь обрывалась. Восточная часть Мауи вообще представляла собой непроходимые джунгли, и то, что именовалось дорогой, размывалось всякий раз, когда на Гавайи налетал ураган по кличке Ананасовый Экспресс. Это дорога была непроезжей даже днем, но какому-то олуху

понадобилось забраться сюда среди ночи! Водитель наверняка погиб, но проверить все-таки необходимо.

Он тихонько свистнул, и Доджер, поняв команду, ринулся вниз по крутому склону. Грег прикидывал, сумеет ли самостоятельно затащить пострадавшего наверх. В палатке имелось кое-какое спасательное снаряжение, но его вряд ли хватит.

Звать на помощь было некого. Спасателям из Кихеи понадобился бы вертолет, чтобы добраться до этой глуши, а летать в такую погоду невыносимо. В Хане был полицейский участок, но туда тоже не доехать из-за урагана.

Доджер уже достиг машины и теперь должен был узнать, жив водитель или мертв. Грег считал это неплохой проверкой. Собака-спасатель обязана уметь находить утопленников. В месте, где человек пошел ко дну, от воды поднимаются испарения, и обученная собака способна обнаружить по ним пострадавшего и определить, жив ли он. Сейчас воды было столько, что происходящее вполне можно было назвать водным крещением для Доджера. Прикрыв глаза ладонью, Грег прищурился. Пес гавкнул, выждал ровно пять секунд, потом повторил условный сигнал.

— Неужели в такой аварии можно выжить? Грег кинулся назад, перепрыгивая через валуны. В палатке он нашел маленькую аптечку, моток веревки и прочные рукавицы. Это было все, что он сумел привезти на мотоцикле. Даже эти мелочи Грег захватил больше по привычке, не думая, что придется ими воспользоваться.

— Будем надеяться, что веревки хватит, — бормотал он про себя, возвращаясь к месту аварии. — Иначе тебе крышка, приятель.

Он обвязал веревкой самый крупный валун, какой сумел найти, надел рукавицы и поспешно спустился вниз. Волны, в обычное время плескавшиеся у кромки мирного пляжа, теперь бились о скалы, обдавая все вокруг брызгами и швыряясь водорослями.

— Молодец, парень! — крикнул он Доджеру, перекрывая рев волн.

Вода еще не успела проникнуть внутрь машины. При очередной вспышке молнии Грег увидел женщину — она лежала на переднем сиденье, касаясь коленями руля. У нее были светлые волосы, длинные и вьющиеся. Он взял ее за кисть и сразу различил уверенный пульс.

Грег включил фонарь, чтобы разобраться, сильно ли она пострадала, но не обнаружил ничего, кроме нескольких синяков и царапин. Присмотревшись повнимательнее, он разглядел среди белокурых завитков струйку крови.

— Травма головы, — бросил он через плечо, обращаясь к Доджеру. — Но, кажется, ничего серьезного.

Грег выпрямился. Дождь барабанил по спине, захлестывал машину. Ураган неуклонно продвигался внутрь острова, и он представил себе грозные тучи, окутывающие Халеакалу. Спящий вулкан преграждал путь тропическим штормам, превращая свои южные подножия во влажные джунгли. Но ураган был слишком силен. Это означало, что скоро со склонов Халеакалы помчится вниз сметающий все на своем пути поток, и расселина, куда упала машина, будет затоплена. Сколько пройдет времени, прежде чем это случится? От нескольких минут до получаса.

— Ничего не поделаешь, — пробормотал Грег себе под нос. — Придется тащить ее наверх.

Он осторожно повернул голову женщины, опасаясь, что она пострадала сильнее, чем ему показалось; начала, но по-прежнему ничего серьезного не обнаружил. Не исключались, конечно, повреждения внутренних органов, однако в любом случае этой женщине невероятно повезло: при подобной аварии шанс выжить равен одному из миллиона.

Грег взгляделся в нее получше и присвистнул. Ангел в гриме шлюхи! На овальном личике, обрамленном осветленными кудряшками, багровели густо намазанные помадой губы, а на глаза ушло столько туши и теней, что для этого, наверное, потребовался запас целого косметического магазина.

Ее платице тигровой расцветки выглядело такой же дешевой, как и грим. Короткая юбка не прикрывала бедер, груди чуть не вываливались из лифа. Грег предпочитал женщин иного типа, но не мог не признать, что эта девица чертовски сексуальна.

Внезапно он вспомнил Джессику и нахмурился. Последние два года Грег заставлял себя не думать об умершей жене, и до этой ночи ему удавалось держать память на замке. Сейчас он увидел ее совсем здоровой, раскрасневшейся, словно только что отошедшей от духовки с печеньем. Странно, что у Джессики могло быть общего с этой особой? Грегу было ясно, что перед ним заурядная шлюха.

Когда до палатки оставались считанные фута, Грег окончательно выдохся и чуть было не уронил женщину. Отодвинув локтем полу палатки, он опустил ее на надувной матрас и рухнул рядом, как загнанная лошадь. Сама женщина была легонькая, но подъем вверх по склону оказался тяжким испытанием. Если бы не отличная спортивная форма, Грег ни за что не справился бы с этой задачей.

Снаружи донесся вой.

— Заходи, Доджер! — позвал Грег. — Не мокнуть же тебе всю ночь под дождем.

Пес залез в палатку и отряхнулся, обдав холодным душем все вокруг себя. Грег усмехнулся. Он поставил палатку для того, чтобы было где обсохнуть после тренировки. Теперь по милости Доджера в палатке стало так же мокро, как и снаружи.

Доджер устроился у его ног. Грег повесил фонарь под куполом палатки и вынул из непромокаемого пакета специальное одеяло спасателей. Из-за урагана даже воздух тропиков напитался прохладой, а пострадавшей нельзя было мерзнуть.

— Смотри-ка, как она изменилась! — обратился он к Доджеру.

Дождь смыл с лица женщины кричащий грим и распрямил ее локоны, которые лежали теперь влажными прядями на плечах. Мокрое платье прилипло к телу, подчеркивая соблазнительные очертания бедер и груди.

— Черт побери, что она со мной делает?! — пробурчал Грег, укрывая ее одеялом. Он разговаривал с собакой больше, чем обычно, чтобы не признаваться себе, что женщина не оставила его равнодушным. — Прямо хоть выбегай под дождь и ищи себе подружку! Только разве здесь кого-нибудь найдешь?

Впрочем, и в более цивилизованных местах Грег не спешил пускаться на поиски, среди его знакомых женщин не меньше полудюжины охотно ответили бы ему благосклонностью. После смерти Джессики он не мог смотреть ни на одну. Получше укрыв свою неожиданную гостью,

спрятав ее бесстыдную грудь, он вновь обратился к Доджеру:

— До чего она все-таки везучая! Наверняка отделалась легким сотрясением мозга.

Доджер помахал хвостом, отчего еще больше усилился запах псины, а Грег подумал, что надо бы разуть женщину. Сняв с нее одну теннисную туфлю, он отметил про себя несоответствие между нарядом профессиональной соблазнительницы и тривиальной обувью.

Развязывая шнурки на второй туфле, он обратил внимание, что она не совпадает по размеру с первой.

— Что за чепуха? — Грег поднес туфли к тусклому свету. Одна из них была шестого размера, с красным витым шнурком, другая — седьмого, с обычным шнурком. — Зачем она напялила шестой размер? Представляю, как она натерла себе пальцы!

Фонарь грозил вот-вот потухнуть, но Грег успел рассмотреть ее ноги. Ногти были покрыты лаком того же ярко-вишневого цвета, что помада на губах, уже смытая дождем. На правой ноге остались следы от туфли, которая явно была мала.

— Ладно, чего только не случается на свете! Грег подоткнул одеяло ей под ноги, потом снял с себя плащ и, швырнув его в угол палатки, стянул рубашку. Внезапно за его спиной послышалось какое-то шевеление, и Грег обернулся. Женщина сидела на матрасе, одеяло почти не прикрывало ей грудь, глаза были широко открыты. Еще в машине, проверяя реакцию ее зрачков, он подумал, что глаза у женщины какого-то необычного цвета, а сейчас смог уточнить определение: глаза у нее были ярко-зеленые, ресницы коричневые, тонкие брови изящно загибались к вискам. Это были такие потрясающие глаза, что у него перехватило дыхание.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он. Женщина пробормотала какое-то слово — Грегу послышалось, что она сказала «возбуждение», но уверенности не было. Сейчас, с мокрыми волосами, спасенная казалась шатенкой, и это гораздо больше подходило к цвету ее глаз. Впрочем, Грегу никогда не нравились крашенные блондинки.

— Ты меня так возбуждаешь! — внезапно совершенно отчетливо произнесла она. Грег с изумлением уставился на нее. Что за бред?! Вид женщины совершенно не соответствовал ее словам: она смотрела на него с отчаянием.

— Лучше приляг, — посоветовал он. — У тебя шок. Я смогу доставить тебя в медпункт только утром. Дорогу размывло ливнем.

Она смотрела на него — или сквозь него? — с непонятной настойчивостью. Этот взгляд почему-то взволновал Грега. Такого волнения он давно не испытывал. Батарейки в фонаре сели почти полностью, но и этого затухающего света было достаточно, чтобы видеть покачивание ее грудей с ожившими, словно тянущимися к нему сквозь тонкую ткань сосками. Его бросило в жар, дыхание перехватило.

А она знай себе лепетала что-то про «возбуждение». Боже, кого это он спас? Шлюху по призванию?

— У тебя шок, — повторил Грег. — Тебе нужен покой.

Но она подалась к нему, благо для этого в тесной палатке не потребовалось большого усилия. На Грега пахнуло ее жаром, она дышала часто и прерывисто:

— Дай мне хотя бы один шанс! Я постараюсь, чтобы ты меня полюбил...

Женщина смотрела на него невидящими глазами, и Грег догадался, что здесь что-то не так. На его верхней губе выступил пот. Он вытер лицо тыльной стороной ладони. Каких только женщин не встретишь на свете! Он перепробовал всяких, но здесь, сейчас ему было не до баловства.

— О любви забудь, — попробовал отшутиться он. — Я согласен принять благодарность в виде простого «спасибо» и коробки дешевого шоколада.

— Любовь... — прошептала она, замороженно глядя ему прямо в глаза.

Женщина придвигалась все ближе, он ощущал тяжелый аромат дешевых духов. Наконец ее грудь прижалась к его груди, Грег шарахнулся от нее, но в тесной палатке деваться было некуда.

Внезапно он сообразил, что за все это время она еще ни разу не мигнула, и почувствовал, что волосы шевельнулись у него на голове. Что с ней? Он поводит рукой перед ее лицом — никакой реакции. Глаза остались распахнутыми, ресницы не шелохнулись.

— Да она в трансе! — пробормотал Грег и сам удивился, как сдавленно звучит его голос.

Со стоном — то ли боли, то ли вожделения — женщина обвила руками его шею.

— Я постараюсь, чтобы ты меня полюбил. Пожалуйста! Дай, я тебе покажу...

Грег несколько не сомневался в ее способностях — он мог судить о них по собственной реакции. Сквозь тонкую ткань платья он ощущал ее набухшие, затвердевшие соски, раскаленный, чувственный взгляд казался осязаемым. Губы, будоражаще близкие, приоткрылись, она провела по ним кончиком языка, и Грега захлестнуло ее теплом. В нем вскипела кровь, сердце стучало, словно африканский барабан, рокочущий в жаркой ночи.

Она положила его руку себе на грудь, заставила прикоснуться к напряженному соску. Как Грег ни старался, ему не удалось справиться с собой: он взвесил на ладони тяжелую грудь, попробовал на ощупь упругость соска.

Что он делает?! Она либо находится под воздействием наркотиков, либо сошла с ума. Ей требуется помощь, а не секс! Грег уложил ее на матрас, но она поняла его действия по-своему и вцепилась в его плечи, потянув за собой. От неожиданности Грег потерял равновесие и оказался рядом с ней на матрасе. Теперь она прижималась к нему всем телом, и Грег чувствовал, что еще немного — и он потеряет контроль над собой. Собственная реакция оказалась для него сюрпризом; еще удивительнее было внезапно вернувшееся к ней спокойствие. Теперь она казалась отрешенной, вообще походила на пришлицу с того света. Нет, с ней определенно было не все в порядке.

— Как хорошо! — прошептала женщина с блаженной улыбкой. — Я постараюсь, чтобы ты меня полюбил.

Ее рука заскользила по его обнаженной груди, глаза заволокло сладострастной дымкой. Казалось, она видит и испытывает что-то, недоступное ему.

Тем временем ее руки... Она и в самом деле сошла с ума! Одной рукой женщина быстро расстегнула «молнию» на его джинсах, другая рука с неожиданным проворством метнулась ему в трусы. Там она обрела деликатность: прикосновение было легким, но и этого оказалось

достаточно, чтобы Грег почувствовал, как напрягается его плоть.

— Не смей! — крикнул он, отталкивая ее руку и судорожно лоя ртом воздух.

Грег не ожидал от себя такой восприимчивости к ее посягательствам. Собственное возбуждение было слишком болезненным. Зажмурившись, он призвал на подмогу остаток воли, которая на протяжении последних двух лет успешно помогала ему подавлять чувства.

Минула целая минута, прежде чем у него восстановилось дыхание и последствия ее легкомысленного прикосновения сошли на нет. Лишь тогда он приоткрыл глаза, заранее боясь картины, которая перед ним предстанет.

Но оказалось, что опасался он напрасно. Ее голова покоилась у него на плече, она по-прежнему смотрела на него во все глаза, но уже сквозь легкую завесу слез. Только что он готов был возненавидеть эту женщину, но теперь она его пугала. С ней действительно было что-то не так. Сильно не так.

И тогда Грег сказал ей слова, которые, по его мнению, должны были ее успокоить:

— Я тебя люблю.

Женщина застонала. Это был жалобный звук, перешедший в рыдание, и скоро она уже плакала навзрвд, при этом не отрывая от него глаз, которые сохраняли прежнее отрешенное выражение.

— Пожалуйста, не делай мне больно!

— Я не собираюсь причинять тебе боль. — Грег решил, что он сам сошел с ума, раз беседует с человеком, понятия не имеющим о его существовании.

Ее тело постепенно расслабилось, обмякло, превратилось в податливый воск. Он выпустил ее руку, она вздохнула и наконец-то закрыла глаза — в тот самый момент, когда фонарь испустил дух, оставив их в полной темноте.

2

Она просыпалась рывками, словно пытаясь выбраться на поверхность сквозь толщу воды. В голове гудело, веки оказались слишком тяжелыми и никак не хотели подниматься, в ушах раздавалось тоскливое завывание.

«Дыши глубже!» -приказала она себе, но воздух, наполнивший легкие, был нестерпимо густым и горячим, будто она дышала сквозь мокрое одеяло. В ноздри ударила вонь, от которой ее чуть не стошнило. Не хватало очутиться в собачьей конуре! Мало одной жары и духоты, так еще запах псины...

Она приоткрыла один глаз, но от этого лучше не стало: вокруг ничего нельзя было разглядеть, тусклый свет слабо просачивался сквозь какую-то щель. Что происходит, черт побери?!

— О Господи!

Ее приветствовало горящее зарей небо. Где она?

Она резко села, напрягая память. Теперь открыты были оба глаза, но это принесло новую муку:

казалось, в них ворочаются огромные огненные колеса, голова раскалывалась, внезапный приступ тошноты заставил ее снова откинуться на подушку.

Что случилось? Может быть, она больна?

Но приступ тошноты сразу нрошел, и она снова открыла глаза. Голова оставалась чугуной, шум в ушах мешал сосредоточиться, и все-таки по прошествии нескольких секунд она все же сообразила, что находится в маленькой палатке.

Забавно! Разве она собиралась в поход?

Она оглянулась и увидела свои теннисные туфли. Вернее, ей принадлежала одна туфля, другая была чужой: меньшего размера, с непонятно откуда взявшимся красным шнурком. Сколько она ни оглядывалась, пары своей туфле так и не высмотрела.

В углу лежал желтый дождевик, поверх него валялась синяя мужская рубашка. В глаза бросился ярлык: «XXL». Что она делает в крохотной палатке, с мужчиной? Да еще с очень крупным мужчиной, судя по богатырскому размеру? Кто он?

Искать ответ в гудящей голове было гиблым делом. Внутренний голос твердил одно: «Здесь жарко. Выйди на воздух», — и она принялась впихивать ногу в чужую туфлю. Боже, что за кошмарный лак у нее на ногтях?! И на руках тоже... Как она могла выбрать такой уродливый цвет?! А это дешевое платице вульгарной тигровой расцветки?

Так ничего и не поняв, она поползла на четвереньках к клапану палатки. По пути ее снова скрутил приступ тошноты, да такой, что она обхватила руками плечи, чтобы унять дрожь, и плюхнулась на живот. Волосы рассыпались по лицу, носу стало щекотно, и от этого, как ни странно, она почувствовала себя лучше.

С некоторой опаской откинув клапан, она выползла из палатки и жадно глотнула воздух. Однако снаружи оказалось немногим прохладнее, чем внутри. От камней поднимался влажный пар, пропитанный запахом земли и дождя. Она с трудом выпрямилась и узрела перед собой бескрайнее лазурное пространство — океан, сливающийся на горизонте с небом. Стая маленьких птиц, поднявшись с воды, полетела над самыми волнами, как лохматая тучка.

— Где я? — громко спросила она.

Скалистая береговая линия была почти нестерпимо красива, но при этом навевала почему-то пугающее ощущение одиночества. Грациозные пальмы охраняли пустынный пляж, как непреклонные часовые. Она замерла, не отрывая глаз от океана и пытаясь вспомнить, как здесь очутилась, а потом вдруг почувствовала, что за ней наблюдают.

«Спокойно!» — приказала она себе и обернулась — медленно, чтобы избежать нового приступа тошноты. В нескольких футах от нее сидел на камне мужчина с кружкой в руке. Огромные древовидные папоротники отбрасывали тень, мешавшую разглядеть его лицо. Из они за ней следили его пронзительные голубые глаза, от взгляда которых ей стало неудобно.

Это были отнюдь не веселые голубенькие глазки Санта-Клауса, а холодные льдинки, мерцавшие, как лезвие ножа у мужчины на поясе. Такой здоровенный, широкоплечий детина мог бы скрутить ее одной левой; судя по его взгляду, именно так он и намеревался потупить...

Она поспешно оглянулась вокруг, моментально забыв о головной боли и тошноте. Как ее угораздило оказаться неведомо где один на один с незнакомым мужчиной?! Он еще ничего не

предпринял, даже не соизволил заговорить, а она уже была близка к панике.

Встреча с подобным субъектом была бы нежелательна даже в церкви — не то что в темном переулке. Он казался не только огромным, но и каким-то зловещим. На квадратной челюсти и над верхней губой топорщилась многодневная черная щетина. Оттопыренная нижняя губа тоже не предвещала ничего хорошего.

Одежда у него была совсем не пляжная: альпинистские шорты, мощные ботсы, выцветшая голубая тенниска, обтягивающая загорелые плечи. Узкие бедра опоясывал выдавший виды кожаный ремень, к которому был прицеплен нож, уже успевший ее напугать, а также фляжка и фонарь.

Головная боль и сердцебиение мешали сосредоточиться, но одно было ясно: этот тип ей совершенно не нравился. В голове мелькали испуганные мысли, одна другой тревожнее. Кто это? А главное — каким образом она сама оказалась здесь?!

.Мужчина вытер лоб тыльной стороной ладони, убирая со лба иссиня-черные волосы.

— Как самочувствие?

Негромкий низкий бас, напрочь лишенный эмоций, испугал ее больше, чем если бы он закричал. В ответ она пролепетала, с трудом разжимая запекшиеся губы:

— Ничего. Только немного болит голова.

— Вы уверены?

Мужчина недоверчиво нахмурился, словно меньше всего ожидал от нее такого ответа. Потом его лицо снова приняло безразличное выражение — очевидно, он не имел привычки делиться с другими людьми своими соображениями и намерениями. В том, что эти намерения дурные, она не сомневалась: иначе почему его ноги сплошь покрыты царапинами, ссадинами и синяками, словно он всю жизнь только и делает, что с кем-то дерется?

— Со мной все в порядке, честное слово.

В действительности ее так и подмывало штурмовать отвесный склон, лишь бы оказаться от него подальше. Но куда бы она подалась? Где искать помощи? Уж лучше благоразумно оставаться на месте.

Мужчина без лишних слов протянул ей кружку кофе, и она, лишь мгновение поколебавшись, на нетвердых ногах подошла ближе; кофе хотелось безумно. Взяв кружку, она сделала глоток, чувствуя на себе его внимательный взгляд. Горячая жидкость обожгла горло, согрела желудок. Кофеин немедленно оказал на нее столь необходимое бодрящее действие.

Она провела языком ЕЮ сухим губам и пробормотала:

— Спасибо.

Мужчина лишь молча пожал плечами и, опустив руку, погладил собаку, лежавшую с ним рядом. До этой секунды она не замечала пса и теперь удивилась, как ласково потрепал его по голове хозяин. А может быть, этот человек не так уж плох? Он хорошо относится к своей собаке и как будто не собирается причинять вреда ей... Надо попробовать с ним поговорить: вдруг удастся вспомнить, кто он такой?

— У вас борзая?

— Да.

Не очень-то он разговорчив! Она пила кофе, надеясь, что гул в голове стихнет и она припомнит, как сюда попала.

— Разве бывают коричневые борзые?

— Каких только не бывает.

— Вы, наверное, ходите с ним на охоту? Разговор получался дурацкий, но она больше ничего не могла придумать. Признаться, что не помнит, кто он такой, было бы все равно, что расписаться в собственной умственной неполноценности. Однако ее волнение понемногу улеглось — то ли от кофе, то ли от разговора. Она надеялась, что вот-вот вспомнит, как здесь очутилась.

— Нет. Доджер — спасатель.

И все-таки что-то в нем ее пугало: то ли могучие мускулы рук, сложенных теперь на груди, то ли бесстрашное выражение лица. От него веяло каким-то жертвенным, противоестественным покоем.

— Как это — «спасатель»?

— Спасательно-розыскная собака.

— Вот оно что! — Наконец-то появилось объяснение его походного снаряжения, ножа и прочих причиндалов на поясе. Видимо, он — член поисковой команды. — Ищите потерявшихся?

— Нет. — Он смотрел на нее как на клиническую дуру с мозгом размером в горошину. — Вы попали в аварию. Как ваша голова?

— В аварию?!

Она опасливо пощупала затылок. Вот это шишка! И ссадина... Неудивительно, что у нее раскалывается голова!

— Вы не помните, как это произошло?

— Нет, — призналась она. — А что, собственно, произошло?

Он кивком головы показал на ближайшую скалу.

— Вы слетели с дороги.

— Я?!

Мужчина встал и шагнул к ней. Тут же захотелось броситься наутек, но она осталась на месте, твердя про себя, что спасатели не причиняют людям вреда. Вон как у него исцарапаны руки и ноги! Неужели он поранился, когда ее спасал?

— Смотрите на мой палец.

Грег стал подносить указательный палец к кончику ее носа, и она послушно следила взглядом

за пальцем.

— Гм... — пробурчал он, как будто удовлетворенный тем, как она, рискуя окосеть, выполняет стандартный тест. У нее опять подкатила к горлу тошнота, все тело ломило, но она промолчала. — Теперь сделайте вдох.

Она подчинилась. Он внимательно наблюдал за ней.

— Где-нибудь болит?

— Только голова немного...

— Ну и повезло же вам! Руки-ноги целы, ребра, судя по всему, тоже. Наверное, у вас несильное сотрясение мозга — отсюда головная боль.

— Я попала в аварию... — повторила она, пытаясь освоиться с ситуацией.

— Вон там ваша машина упала вниз, — он указал на скалистый уступ. — Если хотите, пойдете посмотрим.

Она боязливо приблизилась к краю обрыва, чтобы взглянуть на машину, почти забыв про человека и собаку, следующих за ней по пятам. На самом краю она остановилась и ахнула:

— Боже!

Дорога в этом месте круто поворачивала, ничего не стоило не заметить опасность, грозящую на вираже далеко внизу, среди огромных валунов, белели жалкие остатки машины.

— Я была в этой машине?

Мужчина подошел ближе и встал с ней рядом.

— Вы этого не помните?

— Нет... — Не имело смысла и дальше скрывать, что она не помнит происшедшего. Судя по состоянию машины, она выжила каким-то чудом. Очевидно, ушиб отбил у нее память об аварии. — Где мы?

— На побережье Мауи со стороны Ханы, в двух милях от могилы Линдберга.

Судя по тому, каким тоном это было произнесено, ей полагалось знать, кто такой Линдберг. Но эта фамилия ничего ей не говорила.

— Линдберг?

Он как-то странно на нее покосился.

— Ну, тот самый летчик, который первым в одиночку перелетел через Атлантический океан. Одинокий Орел.

— О! — Она по-прежнему не припоминала этого Пиндберга. — А как я сюда попала?

— Вам виднее.

Она пожала плечами: мог бы догадаться, что у нее нет ответа на этот вопрос. Наверное, все дело в страшной головной боли: это из-за нее она не может вспомнить, что с ней стряслось.

— Я нашел вас, когда тренировал Доджера, — он улыбнулся и погладил пса. — Так что своим спасением вы обязаны ему.

Улыбка полностью его преобразила. Она была уверена, что этот человек не расточает улыбки направо и налево; тем ценнее была теплота, с которой он улыбался сейчас.

— Как я погляжу, тебе знакома разница между телом «А» и телом «Б», да, Доджер? Пес радостно помахал хвостом.

— Тело «А» и тело «Б»? — повторила она, глядя вниз, на разбитую машину.

Ее вдруг начала колотить дрожь, и, чтобы унять ее, пришлось обхватить себя руками за плечи. Боже, она была на волосок от смерти!

— Вы уверены, что хорошо себя чувствуете? — Он снова пристально посмотрел на нее.

Она кивнула. Как бы то ни было, а она чудом осталась в живых. Головная боль — это такой пустяк...

— Как же он меня нашел?

— Если хотите, сейчас я вам покажу. — Он вытянул вперед руку ладонью вниз и приказал: — Ищи!

Доджер сорвался с обрыва и на мгновение повис в воздухе. Она вскрикнула. Ведь он сейчас разобьется! Но пес уверенно опустился всеми четырьмя лапами на валун, тут же оттолкнулся от него и исчез из виду.

— Представьте, что взрывом разрушило дом. Кого бы вы стали искать в первую очередь? — спросил незнакомец.

— Выживших.

— Правильно, — с улыбкой подтвердил он. Улыбка эыла, впрочем, адресована не ей, а собаке, скрывшейся в зарослях. — Тело «А» — это и есть выживший. Тело «Б» — это мертвец. Ночью мы с ним искали тело «Б».

— Вы хотите сказать, что есть погибшие? Боже, неужели в этой аварии кто-то погиб, а она сидела за рулем?! Неужели у нее на совести чья-то смерть?

— Нет, в машине, кроме вас, никого не было. Он посмотрел вниз и снова улыбнулся: Доджер возвращался, преодолевая крутой склон. Он нес что-то в зубах, но она не могла различить, что именно. Пес подбежал к хозяину, тот вынул из его пасти маленький пузырек и протянул ей.

— Понюхайте.

Пузырек был заткнут резиновой пробкой, но она нашла в ней крохотное отверстие и принялась. Странно: соленый морской запах — определенно не то, что ей предлагалось учуять... Она вынула из пузырька пробку и ощутила такое мерзкое зловоние, что ее снова стошнило.

— Осторожно, — сказал незнакомец и забрал у нее пузырек, опасаясь, что она выронит его на камни. — Это называется «тело в пузырьке», а также «запах смерти», или «тело „Б“». Прежде для тренировки спасательно-розыскных собак нам приходилось прятать куски трупов, теперь мы используем такие препараты. Это трупный запах.

Она чуть не рассталась с выпитым кофе и несколько раз вдохнула полной грудью соленый морской воздух.

— Получается, что Доджеру хватает запаха, просачивающегося в отверстие? У него такой тонкий нюх?

Мужчина заткнул пузырек и убрал его в карман.

— Тонкий нюх и неутомимый бег!

Это было произнесено с такой гордостью, что она окончательно поняла, как ошибалась насчет своего спасителя: он не собирался причинять ей зла. Грубая внешность оказалась обманчивой.

И все-таки она никак не могла прийти в себя. Какое чудо, что они очутились поблизости и успели ее вытащить! Она еще раз посмотрела вниз. Доджер забрался на откос без усилий, но она не могла себе представить, чтобы даже такой силач, как этот человек, сумел втащить ее сюда в одиночку.

— Как же вы меня донесли?

Он пожал плечами, не отрывая взгляда от океана.

— Донес.

Можно подумать, что это так просто! Конечно, он силен, но склон усеян огромными камнями... Она покосилась на него, по-новому оценивая его царапины и ссадины. Спасая ее, этот человек рисковал жизнью, а она вела себя как идиотка, принимая его чуть ли не за убийцу! Но очень уж это непростая задача — поблагодарить человека, спасшего тебе жизнь...

— Представляю, каково это — тащить меня по такому склону! — произнесла она, покраснев. — Даже не знаю, что сказать... Как мне вас отблагодарить?

Она дотронулась до его руки, но он поспешно отдернул руку и даже отошел чуть в сторону, словно ее прикосновение было ему крайне неприятно.

— Не надо меня благодарить.

— Вы спасли мне жизнь, а я даже не знаю, как вас зовут.

— Грег Бракстон.

Грег... Очень подходящее для него имя: основательное, отрывистое, угловатое, как эти скалы. Жаль, что она ему так несимпатична... Она позволила себе посмотреть прямо в его темно-голубые глаза. Его взгляд был выжидательным: видимо, ей тоже полагалось назвать себя.

— А меня зовут... — Вот ужас! Собственное имя вертелось на языке, но никак не приходило в голову. Еще одна попытка: — Меня зовут... — Она зажмурилась. «Ну же! Ты ведь знаешь, как тебя зовут! Давай!» — У меня болит голова. Сама не знаю, что со мной: забыла собственное имя! Точно так же я не помню, как оказалась здесь и... Я вообще ничего не помню!

— Не надо нервничать, — он старался говорить мягко и успокаивающе, но это у него получалось не слишком хорошо. — После аварии люди часто многого не помнят. Пока что будем звать вас Лаки. Ведь то, что вы выжили, — огромное везение. Вам чертовски подфартило!

Она отвернулась и стала смотреть на пляж. Шторм кончился, но волны до сих пор с ужасающей силой обрушивались на скалы, разбивались на мириады брызг, взлетающих в самое небо, взбивали густую пену. То, что он умудрился втащить ее на эту скалу, с каждым мгновением казалось все более невероятным чудом.

Лаки, везучая... Нет, это было бы слишком просто. Везение — это когда выигрывает твой номер в лотерее, когда тебе достается козырной туз или удачный билет на экзамене. То, что случилось с ней, претендовало на другое название: она выжила в катастрофе, грозившей неминуемой смертью.

— Так вы уверены, что вас ничего не беспокоит? — снова спросил Грег, и она только сейчас поняла, что неизвестно сколько времени разглядывает разбитую машину внизу.

— Уверена. Так, небольшая шишка и ссадина на затылке. Отсюда и головная боль.

Он нахмурился и недоверчиво покачал головой.

— Я поеду в Хану и пришлю за вами «Скорую». Побудьте здесь, только, пожалуйста, никуда не уходите. И не удивляйтесь, если придется долго ждать: после такого ливня дорога наверняка размыта.

Мысль о том, что придется остаться одной, привела ее в ужас.

— Возьмите меня с собой!

Он покачал головой и откинул со лба прядь черных волос.

— Я на мотоцикле.

— Прошу вас! У меня не так уж сильно болит голова. — Одиночество на скале пугало ее гораздо сильнее, чем езда на мотоцикле по размытой дороге. Она изо всех сил вцепилась Грегу в плечо. — Пожалуйста! Отвезете меня прямо к врачу.

Он несколько секунд смотрел на ее руку, потом сказал:

— Ладно, может, так будет лучше.

Заметив, как он хмурится, глядя на ее руку, она убрала ее.

Грег достал из палатки рюкзак и вынул из него оранжевую попону с черной надписью: «Собака-спасатель».

— Зачем это? — осведомилась она, глядя, как он завязывает тесемки попоны у пса под брюхом.

— Собак-поводырей и собак-спасателей, в отличие от всех остальных, пускают в помещения. Без этой попоны Доджер не сможет попасть в медпункт в Хане. Пойдемте, за палаткой я вернусь потом.

Они полезли вверх по склону. Трава и дикие цветы, торчащие среди камней, блестели от

дождевой воды, бесчисленные ручейки сбегали вниз, к морю. Грунтовая дорога превратилась в сплошную промоину, усеянную камнями. Наверху Грега ждал огромный мотоцикл, обернутый целлофановым чехлом.

Здесь было очень красиво: вдоль дороги росли мощные деревья, им почти не уступали в высоте огромные папоротники. Глаз радовали маленькие, с наперсток, орхидеи, слух — птичьи трели, обоняние — сочные запахи дождя. Откуда-то из зарослей доносился шум воды: там, очевидно, бежал ручей, а может — низвергался водопад. Она ни в чем не была уверена, ей хотелось поскорее попасть в какое-нибудь знакомое место.

Грег снял с «Харлея» чехол, перекинул богатырскую ногу через седло. Рев мотора оглушил ее и на время заставил забыть о шуме в голове. Она попыталась представить себе, что он думает, глядя на нее, но его глаза цвета морской воды оставались непроницаемыми.

— Садитесь.

Грег снял с рукоятки летные очки и надел на себя, предварительно протерев их краем тенниски. Она села позади него, и мотоцикл сорвался с места. Потоки грязи из-под колес мгновенно забрызгали ее голые ноги.

Мимо проносились деревья и папоротники, ее волосы развевались на ветру, как знамя. Они проскочили водопад, низвергавшийся с грандиозной скалы, утонувшей в зелени, потом еще один. Рев мотоцикла заглушал шум воды, но ее дважды окатило холодным душем.

Грег нещадно вилял, огибая глубокие лужи, и его пассажирка отчаянно боролась с тошнотой. Зато Доджер легко мчался рядом с такой грацией, что она засмеялась бы, если бы не кошмарная головная боль.

Обхватив руками широкие плечи Грега, она невольно старалась прижаться к нему как можно теснее: близость этого сильного мужчины действовала ободряюще. И все-таки голова у нее болела все сильнее, тошнота то и дело подступала к горлу. Может быть, она все-таки пострадала серьезнее, чем показалось сначала?

Зажмурившись, она еще крепче прижалась щекой к спине Грега. Ничего страшного, ей просто нужен покой. Отоспавшись, она вспомнит, кто она такая и как ее занесло в эту глушь.

Лаки не знала, как долго они ехали. Почувствовав, что Грег тормозит, она открыла глаза и увидела пальмы, противостоящие напору ветрам. Их широкие листья шумели, словно флаги всех стран мира, вместе взятых. Надпись под пальмами гласила: «Отель Хана Мауи».

— Держу пари, что вы живете здесь, — бросил Грег через плечо.

— Почему?

Бунгало над мирной бухтой и зеленые холмы с пасущимся скотом представляли собой образцовый рекламный пейзаж. Однако ни эта картина, ни большой деревянный крест на холме не показались ей знакомыми. Она наверняка запомнила бы этот крест, если бы видела его раньше.

— Вы управляли арендованной машиной, судя по наклейке на стекле. А этот отель — единственное место в округе, где останавливаются приезжие. У вас хватит сил, чтобы зайти и поискать друзей? Они могут захотеть отправить вас самолетом в Гонолулу: здешний медпункт слитком скромный.

— Конечно! Давайте поищем.

Перспектива встречи с друзьями придала ей сил. Она была готова терпеть головную боль, лишь бы найти близких людей. Страшнее всякой боли было не помнить собственного имени и ощущать абсолютное одиночество.

Грег заглушил мотор, помог ей слезть и повел в гостиницу. Доджер трусил рядом. Перед глазами у нее плыли темные круги, чудесная бухта то и дело пропадала из виду. Внезапно Лаки показалось, что земля уходит у нее из-под ног, и она схватила Грега за руку, чтобы не упасть.

— Вам плохо?

— Все хорошо, — выдавила она.

Гостиничный холл был полон обрывков пальмовых ветвей, принесенных ветром. Уборщица подтирала на полу лужи. Над ней скакал по жердочкам малиновый попугай, выкрикивая: «Хана — рай! Хана — рай! Хана — рай!»

За стойкой регистратуры стояла женщина с орхидеей за ухом и переброшенными через плечо черными шелковистыми волосами. Одарив Грега радушной улыбкой, она сказала:

— Пехеа ое. Ну и шторм!

«Пехеа ое»? Это обращение резануло слух Лаки. Оно походило на приветствие, но раньше она как будто такого не слыхала.

— Да, шторм убийственный, — ответил Грег. — У вас случайно не пропадали гости?

— Не слыхала. А что?

Грег повернулся к Лаки, и она только тогда заметила, что ее ногти впились ему в руку чуть ли не до крови.

— Вот у этой мисс случилась авария неподалеку от могилы Линдберга.

Дежурная взглянула на нее так, словно у Лаки отсутствовал важнейший орган — мозг.

— Как ее туда занесло?

Они беседовали при ней, будто она была глухонемой! Лаки хотела вставить словечко, но помешал новый приступ тошноты. В ушах стоял шум под стать реву штормового океана, гостиничный холл плыл перед глазами. Она напрягала все силы, чтобы не грохнуться.

— Этого я не знаю. Она не из ваших гостей?

— Нет, — женщина за стойкой покачала головой. — Никогда ее не видела.

Зазвонил телефон, и дежурная сняла трубку. Позади стойки из бамбука висело зеркало, в котором отражался Грег, и Лаки поняла, что уже успела к нему привыкнуть: он больше не казался ей страшным.

Внезапно она увидела в зеркал рядом с Грегом какую-то незнакомую женщину — особу дикого облика с завитыми светлыми волосами, в полосатом платье. Надо же, так обесцветить волосы!

Лаки прищурилась, стараясь получше разглядеть незнакомку, и вдруг содрогнулась всем телом. Не может быть! У нее перехватило дыхание, она дернула Грега за руку, не сводя глаз с отвратительной, злобной карикатуры в зеркале.

— Это не я! — Она ткнула пальцем в зеркало. — Клянусь, это не я!

Грег взял ее за плечи. Лаки понимала, что кричит на весь гостиничный вестибюль, но замолчать было выше ее сил.

— Это не я! Это другая! Вы должны мне поверить! У нее закружилась голова, весь мир закачался, как корабль, сотрясаемый штормом, а потом вдруг все остановилось. Ей показалось, что она перестала дышать, биение сердца, раньше оглушительно отдававшееся в ушах, прервалось. Все звуки смолкли. Сначала она еще видела, как шевелятся губы Грега, понимала, что он к ней обращается, но головная боль не давала расслышать ни слова.

А потом ее поглотила тьма.

3

Коди Бракстон услышал стук в дверь и поднял глаза от служебного журнала. На пороге стоял взволнованный диспетчер.

— Шеф, медпункт Ханы запросил поисково-спасательный вертолет.

Коди кивнул, не понимая, зачем ставить в известность его. Правда, поисково-спасательная служба считалась подразделением полиции острова Мауи и в принципе должна была перед ним отчитываться, но он? вполне доверял хорошо обученным добровольцам, знающим свою работу. Полиция лишь вела учет несчастных случаев.

— Вышлите к вертолету машину и узнайте подробности, — нетерпеливо произнес он.

Через час у его близнецов начинался футбольный матч, а гора бумаг на столе никак не уменьшалась. Деятельность начальника полиции острова Мауи в основном сводилась к утомительному бумагомаранию.

Диспетчер откашлялся и доложил:

— Это ваш брат, сэр. Вчера ночью он кого-то спас. -Диспетчер удалился, и Коди проводил его взглядом. Так вот почему его предупредили! Все знали, что они с Грегом уже два года не разговаривают, а когда-то были неразлучны. Коди скучал по старшему брату больше, чем был готов признаться даже себе самому...

Ну что ж, ему предоставлялся случай повидаться с братом. Коди посмотрел на часы. Если он сам поедет к вертолету, то опоздает на матч. Ему очень не хотелось пропускать игру сыновей, но еще больше не хотелось упустить возможность помириться с Грегом.

Без лишних размышлений Коди схватил трубку и позвонил Саре: он всегда предупреждал ее, если предстояло задержаться. Она ответила не сразу — очевидно, крики мальчишек помешали ей услышать звонок. Он представил себе всю картину: Сара говорит с ним из кухни, по полу ползает малышка, а старшие сыновья, как всегда, ссорятся.

— Боюсь, что я не успею сегодня на футбол: ночью Грег спас какую-то женщину вблизи Ханы.

— Неужели спасателям пришлось работать в такой ураган?

— Не уверен.

Коди взглянул на карту Мауи, висевшую на стене. Центральный полицейский участок, где он работал, был отмечен жирной зеленой точкой, а участки в Лахайне и Хане — синими точками поменьше. Диспетчеру полагалось втыкать флажок в место, куда вызвали спасателей, но возле Ханы красный флажок отсутствовал.

Полиции редко приходилось помогать спасателям. Те обычно вызволяли туристов, заблудившихся в джунглях, или альпинистов, получивших травмы при восхождении на Халеакалу. Однако вчерашний ураган был необычным явлением для здешних мест. В такую погоду вертолеты не осмелились бы вылететь в глушь, на предательские задворки острова. Неудивительно, что их не вызвали.

— Скорее всего это была неофициальная операция.

— Значит, Грег забрался туда один?

— Наверное. — Коди все чаще слышал о скитаниях Грега по острову. Брат по-прежнему возглавлял Институт морских исследований, но, похоже, утратил вкус к работе, если не к жизни вообще. — Я должен с ним повидаться.

— Понимаю, — ответила Сара. — Я скажу ребятам, что ты опоздаешь на матч.

— Я тебя люблю, — сказал он и повесил трубку. Коди не пропускал дня, чтобы хотя бы раз не признаться жене в любви. Не хотелось испытывать судьбу: однажды он ее уже чуть не потерял.

Коди ехал по оживленным улицам Лехуэ, и его взору открывалась изнанка рая: одинаковые, тесно стоящие жилые дома, небольшие магазинчики, прачечные... Можно было подумать, что это какой-нибудь Канзас и до пляжа не миля, а многие тысячи миль. Некоторые сочли бы город тоскливым, но Коди был о нем другого мнения. Это был его город, его остров! Он уже пытался жить на материке, но не смог. Лучше ежедневно сталкиваться с раем — пусть даже с изнаночной стороны.

Он приехал на больничную стоянку и дождался приземления вертолета. Появление Коди никого не удивило: он всегда считал свой начальственный пост в полиции формальностью и выезжал на вызовы наравне с подчиненными.

Первой из вертолета выскочила борзая в оранжевой попоне собаки-спасателя и застыла под винтом, как часовой. Не иначе собака Грега, о которой Коди успел наслушаться. Брат всегда ладил с животными — не то что с людьми. По мнению Коди, винить в этом следовало тетю Сис. Если бы она не обходилась с Грегом так сурово, а Грег не был бы таким упрямым...

Что ж, прошлое не изменить. Что было, то было.

При виде Грега Коди невольно напрягся. Ни единого словечка за два года! Но зато уж сейчас Грег не сможет его проигнорировать: профессионализм заставит его дать представителю полиции отчет о случившемся.

Коди не торопился лезть брату на глаза и был рад, что пока его скрывает малиновая бугенвиллея, трепещущая листьями на непрекращающемся пассатном ветру. Грег остался

силачом и не утратил подвижности, хотя через месяц ему стукнет тридцать семь. Блестящими черными волосами без признака седины он походил на мать. Выражение его лица по-прежнему было суровым и непреклонным — отдельное спасибо тетушке Сис...

Грег наклонился к носилкам на колесиках и что-то сказал лежащей на них женщине. Расстояние не позволило Коди расслышать их разговор, но он заметил, как жесткие черты Грега на мгновение разгладились. Потом он поднял глаза и увидел брата.

Санитары покатали носилки с кудрявой блондинкой к дверям приемного отделения. Грег шагал сзади, не обращая внимания на Коди, и тому ничего не оставалось, как последовать за ним.

В приемном отделении, как водится, хватало пациентов с переломами конечностей и болями в желудке, а также «мокес» — местных забулдыг, злоупотребивших накануне «окоলেখао». Пристрастие к самогону домашнего приготовления из сомнительных корней часто приводило к ужасным головным болям и сердцебиению, но это, к сожалению, никого ничему не учило.

— Что с ней? — спросил Коди у Грега, подойдя вместе с ним к стойке регистратуры.

Грег не сводил глаз с пострадавшей, и Коди уже решил, что не получит ответа.

— Прошлой ночью ее машина слетела с дороги неподалеку от могилы Линдберга. Я ее нашел.

— В такой ураган?!

Грег кивнул, взглянув брату прямо в глаза, и Коди потребовалось все его самообладание, чтобы не попятиться. Даже на похоронах Джессики Грег не удостоил его взгляда. За два года глаза брата не изменились: все та же пронзительная голубизна, все тот же адский огонь...

— Лучше отправь вертолет к пляжу. Пусть кто-нибудь опустится на тросе и поищет в ее машине сумочку, — посоветовал Грег.

— Опустится?.. — удивился Коди и тут же почувствовал себя болваном, не умеющим читать между строк.

Услышав от брата об аварии, он решил, что машина угодила в ручей, обилие которых создало дороге на Хану дурную славу. Теперь он сообразил, что машина блондинки свалилась с одной из тамошних скал.

Очевидно, Грег тащил пострадавшую наверх в одиночку, и это был тяжелый труд, если судить по его ссадинам и синякам. Черт возьми! Впрочем, чему тут удивляться? Грегу часто удавалось невозможное.

— Не исключено, что ее нельзя было тревожить, — продолжил Грег, и Коди догадался, что брат потрясен: если бы не его состояние, он бы не разговаривал с ним так, словно между ними не разверзлась пропасть. — Но в такую бурю я не мог рассчитывать на помощь. Я боялся, что машину затопит.

— Да, в бурю эти расселины превращаются в смертельные ловушки.

— На этот раз обошлось: вода прошла в стороне от машины. — Грег покосился на женщину, ожидающуюся врачей. — Но я скорее всего усугубил ее состояние. Она ровно ничего не помнит, даже собственного имени. Видел бы ты сцену в отеле «Хана Мауи»! Она чуть с ума не

сошла, когда увидела собственное отражение в зеркале. Она не узнает даже саму себя!

— Что поделаешь, судьба. Ты сделал все, что мог. Коди изобразил бодрую улыбку, но Грег отказывался относиться к делу философски.

— Нет, я наверняка все испортил. Она сказала, что прилично себя чувствует, и я повез ее в Хану. Я думал, что она отделалась шишкой и ссадиной на затылке. — Грег удрученно покачал головой. — Ты бы ее сфотографировал: может, придется показывать в округе ее фотографии.

Коди был склонен считать эту женщину просто туристкой, которую уже разыскивают напуганные товарищи. Тем не менее он пошел к машине за «Полароидом», который всегда возил с собой, как все полицейские на острове. Правда, последний раз фотоаппарат понадобился ему для съемки ущерба, нанесенного козой миссис Гроу соседским луковым дялянком. Скотина проломил забор и сожрала несколько десятков ценнейших островных луковиц, предназначенных для отправки на материк. Такова жизнь в раю: худшее, что здесь может произойти, — это коза с запахом лука изо рта.

Вернувшись, он нашел Грега и его подопечную в больничном коридоре, неподалеку от рентгеновского кабинета. Пока Грег беседовал с блондинкой, Коди сделал несколько снимков и отметил про себя, что женщина очень красива. Ее не портило даже дешевое платье и засохшая грязь на коленках. Огромные глаза, роскошное тело, завивка, как из аэродинамической трубы. Любой, кто хоть раз ее видел, обязательно вспомнит, если ему попадется на глаза фотография.

Проснувшись, Лаки с трудом разлепила глаза и определила, что находится в больничной палате. Нестерпимая головная боль прошла, осталось только неприятное ощущение у основания черепа. Зато все тело ломило так, словно она упала в бочке с Ниагарского водопада. Манипуляции, которым подвергли ее медики, только добавили ей страданий: анализ крови, рентген, электрокардиограмма, компьютерная томография и так далее. На затылке у нее теперь была выбрита плешь и наложены два шва.

Интересно, сколько времени она спала? Лаки сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. В палате было темно; видимо, прошло уже несколько часов. «Тебе лучше, — сказала она себе. — Головная боль прошла. Вспоминай свое имя».

В памяти шевелилось какое-то слово, однако она так и не сумела его ухватить. Но ведь имя у нее было! Почему же оно на замке? Лаки ударила кулаком по матрасу. Почему?! Почему у нее отшибло память? «Помни, я тебя люблю».

Эти слова появились ниоткуда, как шепот, принесенный ветром. Сначала ей показалось, что она действительно услышала их, но потом стало ясно, что это — сигнал из пустоты, царящей внутри ее черепной коробки. Тем не менее она восприняла послание положительно: кто-то ее любит — уже хорошо.

А что, если она замужем? Лаки на всякий случай взглянула на руку — нет, никакого кольца.

Но ведь кто-то же у нее обязательно есть! Семья, друзья, молодой человек. Ее хватятся, начнут искать — и найдут. Ее будут целовать, обнимать, орошать слезами... Внезапно она вспомнила ужасную женщину в зеркале рядом с Грегом Бракстоном и собственный крик: «Господи, не может быть! Это не я!»

Но если не она, кто же тогда?

Лаки крепко зажмурилась, пытаясь вспомнить свой настоящий облик. Попытки ничего не дали: перед мысленным взором чернело Ничто, и она содрогнулась всем телом. Ясно было одно: с ней стряслась какая-то беда. На глаза навернулись слезы.

— Не смей! — сказала она вслух, запрещая себе плакать. — Не смей...

— Вы о чем? — раздалось из темноты. Лаки открыла глаза.

— Грег?

Она замигала, чтобы разглядеть его сквозь слезы.

— Да, это я. Вот вы и проснулись. — До сих пор Грег сидел совершенно неподвижно, и она не догадывалась, что в палате есть кто-то, кроме нее. Но когда он поднялся, включил свет и подошел к ее койке. Лаки едва не вскрикнула: его невозможно было узнать. Он побрился, переоделся в чистую рубашку и отлично отутюженные брюки. Все в Грее Бракстоне, включая квадратную челюсть, загар на скуластом лице, богатырский рост и размах плеч подчеркивало его мужественность. И в то же время он выглядел весьма элегантно.

А еще Лаки подумала, что этот человек привык распоряжаться, отдавать приказания. Судя по его поведению после ее обморока в гостиничном вестибюле, он считал естественным, когда окружающие повинуются ему без лишних вопросов. Вряд ли кто-нибудь сумел бы так же быстро доставить ее в больницу.

Неожиданно Лаки снова вспомнила уродливую потаскуху в зеркале. Неудивительно, что она упала в обморок! Ей не хотелось иметь с этой женщиной ничего общего, не хотелось, чтобы Грег видел ее такой.

— Вам лучше, Лаки?

— Со мной все о'кей, — ответила она. Ей было совестно, что она заставила его с ней возиться: Грег и так сделал более, чем достаточно. — Почему вы не спешите к семье?

Он покачал головой, привычно откинув со лба черные волосы.

— Доджер — вся моя семья.

— А тот полицейский с фотоаппаратом? Одна из медсестер сказала, что это ваш брат.

Грег нахмурился и промолчал, зато Доджер ткнул холодным носом ей в ладонь. Раньше она не замечала его, а он между тем не сводил с нее умных глаз, молча выражая свое сострадание. Ей опять захотелось расплакаться. Этот мужчина и эта собака рисковали жизнью ради ее спасения! Она протянула руку и погладила Доджера по голове.

— Как мне вас благодарить?

Глаза Грега встретились с ее глазами. — Это совершенно не обязательно. Мы оба исполнили свой долг.

Она нерешительно взяла его за руку, и Грег вздрогнул, но тут же справился с собой и руки не отнял. А Лаки снова испытывала отвращение к самой себе от кричащего лака на ногтях.

— Простите за причиненные хлопоты.

— Не стоит, — он смущенно передернул плечами и сменил тему: — Вы проспали больше двадцати часов.

— Так долго?! И что же, меня так никто и не хватился? К ней вернулось прежнее нехорошее предчувствие. Все это было очень странно.

Грег крепко сжал ее маленькую ладонь.

— Большинство приезжих на Мауи — это туристы, путешествующие с родными или друзьями. Рано или поздно за вами придут.

Он отпустил ее руку, и Лаки испытала неожиданное разочарование. Его сильная мужская рука помогала ей поверить, что ее страхи — порождение травмированного воображения и все на самом деле вот-вот утрясется.

— Мой брат — шеф местной полиции. Он послал людей к вашей машине, но они, к сожалению, не нашли никаких документов. Теперь он связывается с компаниями по предоставлению мафии в аренду. Скоро станет известно, кто арендовал вашу машину и где эти люди проживают.

— Хорошо, — сказала она, не в силах оторвать взгляда от его глаз.

Как ей хотелось перестать быть крашеной мегерой, снова стать собой! Самое ужасное заключалось в том, что Лаки не знала, какая она в действительности. А вдруг такую женщину вообще не стоило спасать?!

— В отеле «Четыре сезона» как раз идет конференция нейрохирургов. Доктор Хамалаэ консультируется с коллегами. Они изучают ваши анализы. Скоро будет готово заключение. — Грег погладил Доджера, почесал его за ухом. — Вы еще не вспомнили, как вас зовут?

— Нет. Имя вертится на кончике языка, но это пока все. Боюсь, вам придется еще какое-то время называть меня Лаки.

Грег молча кивнул. Она была благодарна ему за то, что он не задает вопросов, которыми ее мучили другие. Раз она не помнит даже собственного имени, как можно требовать адрес и номер телефона?

— Вам что-нибудь нужно?

«Память! Верните мне память!» — хотелось крикнуть ей. Но вместо этого она ответила:

— Разве что резинку для волос, чтобы они не падали на лицо.

Когда Грег и Доджер покинули палату. Лаки уставилась в потолок, умоляя память перестать артачиться. Ведь она просит совсем немного! Ей казалось, что, стоит вспомнить свое имя, остальное наверняка вспомнится своим чередом, когда пройдет шок от аварии.

Внезапно Лаки услышала какой-то звук и подняла глаза, ожидая увидеть Грега. Но вместо Грега в палате появился его брат. Об их близком родстве можно было догадаться сразу: та же квадратная челюсть, та же ямочка на подбородке. Только волосы у брата были светлее, чем у Грега, а глаза — не такой яркой голубизны. Кроме того, ей показалось, что он гораздо более доволен жизнью, чем Грег.

Остановившись у койки, он спросил:

— Ну, вспомнили свое имя?

Его тон выдавал глубокий скепсис. Судя по всему, он не верил, что она лишилась памяти. Лаки уже замучили однообразными вопросами, и она привычно бросила:

— Нет!

— Значит, будете пока Джейн Доу <Неопознанные лица мужского и женского пола именуется в американской судебной практике Джонами и Джейн Доу. (Прим. пер.)>. — Он показал ей удостоверение, в котором было написано: «Коди Уильям Бракстон, начальник полицейского участка». — Вы арестованы.

4

Грег терпеливо ждал, пока мед сестра найдет для Лаки резинку; и размышлял о том, удастся ли Коди выяснить что-нибудь до вечера. Полицейские, побывавшие накануне у машины, не нашли ни сумочки Лаки, ни арендного контракта, которому полагалось лежать в «бардачке». Теперь полиции придется обращаться во все компании острова, сдающие автомобили в аренду, и проверять, не значится ли у них номерной знак разбившейся машины. Эта канитель могла занять целый день: главные агентства располагались в аэропорту, но еще десятки гнездились в отелях по всему острову.

Грег знал, что Коди проявит упорство: его брат был хорошим полицейским. И еще было ясно, что Коди постарается во что бы то ни стало помириться с ним. Он уже сделал первый шаг навстречу, поручив своему отряду забрать с места аварии вещи Грега и палатку, а от медпункта — его мотоцикл, чтобы брату не пришлось лишний раз ездить в Хану. Так Коди вымаливал себе прощение... Вот глупец! Да если бы не Лаки, Грег вообще не стал бы с ним разговаривать.

А Лаки оказалась совсем не такой, как он ожидал. Наутро после аварии она словно переродилась. О заигрываниях больше не было речи. Правда, по дороге в Хану она слишком сильно к нему прижималась, но это, конечно, было сущим пустяком по сравнению с ее

ночным поведением. К сожалению, теперь, стоило ему увидеть ее руки, как он вспоминал этот эпизод.

Грег негромко выругался. Черт побери, он не мог о ней не думать! С той минуты его не оставляло желание, горячее и властное, победившее его хваленое самообладание. Собственная реакция была для него такой неожиданной, что он пока еще не мог придумать, как с этим бороться.

— Вот, держите, — сестра протянула ему резинку, прервав его размышления.

— Спасибо, — бросил он через плечо уже на бегу, торопясь в палату к Лаки.

Что он ей скажет? Ладно, не важно. Главное — он снова увидит ее, увидит это роскошное чувственное тело, едва скрытое ночной рубашкой...

— Сукин сын! — обругал он сам себя, мучаясь желанием, которое успешно подавлял не один год. Почему сейчас? Почему он возжелал именно ее? Ведь любому дурню ясно, что это заурядная потаскуха! Неужели ему мало урока, преподнесенного Джессикой?

В коридоре его ждал Доджер, и Грег задержался, чтобы приласкать пса.

— Ну что, ты готов к вылету сегодня вечером? Тебе ведь предстоит серьезный экзамен! Хочешь получить сертификат?

Доджер с воодушевлением завил хвостом. Происшествие на скале дало один неоспоримый результат: Доджер хорошо себя проявил. Теперь Грег не сомневался, что он успешно выдержит сложное испытание.

Добежав до конца коридора, он остановился у двери Лаки как вкопанный: в палате раздавался голос брата:

— Предупреждаю: все, что вы скажете, может быть использовано против вас... Грег ворвался в палату.

— Что происходит, черт возьми?

Лаки переводила с одного на другого широко раскрытые испуганные глаза. Коди стоял перед ней в своей коронной воинственной позе — широко расставив ноги.

— Арендованная машина оказалась украденной, — объяснил он Грегу. — Она твердит, что не помнит, как ее зовут. Что ж, это очень удобно, когда тебя обвиняют в краже.

Грег отдал Лаки резинку и попытался подбодрить ее улыбкой.

— Давай-ка выйдем на минуту, — обратился он к Коди. — Побудь с ней, Доджер. Мы скоро вернемся.

В коридоре он еле удержало, чтобы не отвесить брату затрещину: ему уже два года хотелось это сделать. Пришлось несколько раз глубоко вдохнуть. Нет, Коди не дожидается, чтобы он опозорился, потеряв самообладание!

— А я-то всегда считал тебя хорошим сыщиком, — сказал Грег, не скрывая сарказма. — Если бы ты потрудился обратиться к доктору Хамалаэ, то узнал бы, что Лаки очень повезло: она могла бы вообще превратиться в растение. У нее такая редкая травма головы, что Хамалаэ пришлось консультироваться с другими врачами, приехавшими сюда на конференцию. Они с полудня изучают ее анализы.

— Но окончательный диагноз еще не поставлен. Грег, разве ты не знаешь, что симулировать потерю памяти — самый распространенный прием? Никакой серьезной травмы у нее нет. Сестра говорит, что ей наложили пару швов — и дело с концом.

— Наверное, дело во внутреннем кровотечении. Черт, я не врач, чтобы...

— А тебя не волнует, что она управляла угнанной машиной?

Грег вспомнил, как Лаки была одета, вспомнил ее вульгарный макияж, туфли разного размера. Если прибавить к этому ее поведение в палатке, то... Господи, что же она натворила? Но он все равно не собирался признавать правоту брата.

— Машину мог угнать кто-то другой.

Коди хлопнул себя ладонью по лбу — жест, унаследованный от отца, хотя к моменту гибели их родителей Коди исполнилось всего четыре года. Он не мог запомнить, как отец бил себя по

лбу, когда гневался, но все равно повторял этот жест.

— Все равно тут дело нечисто! Машина числится в угоне уже год, и все это время ее никто не видел.

Грег чувствовал, что Коди призывает на подмогу все свое терпение, чтобы использовать шанс для примирения с братом. И это явно давалось ему нелегко.

Грег знал, что Коди гордится собой, и не без оснований. На острове почти не существовало преступности, и Коди считал делом чести найти угнанную машину. Машины почти никогда не покидали остров, и предотвратить вывоз угнанной ничего не стоило — достаточно было предупредить администрацию порта. Следовательно, машина находилась на острове, но ее так надежно спрятали, что она ни разу не попала на глаза полиции. Было отчего прийти в отчаяние.

— Если ты такой умный, то почему сразу не узнал номер?

Грег понимал, что говорит с братом чересчур едким тоном, но ничего не мог с собой поделать. Он был страшно зол на Коли, и эта злость за два года нисколько не смягчилась.

Коди нахмурился, но ответ его прозвучал спокойно:

— Сам я машину не видел. Как тебе известно, я послал туда своих людей искать ее сумочку. Знакомясь с их рапортом, я сразу узнал номер. Кроме того, я весь день показывал фотографию нашей блондиночки в отелях острова.

— И чего ты добился?

— Ничего. Никто ее не узнает. Поэтому я приехал взглянуть на ее одежду. Надежды, конечно, мало, но вдруг ключом окажется ярлычок или что-то еще?

— А ты не проглядел очевидное? — ядовито спросил Грег. Коди, потеряв терпение, угрожающе уставился на него, но Грега было нелегко напугать. — Она наверняка жила на южной оконечности острова, в районе Ханы.

Грег знал, что на обработку этого участка уйдет несколько дней. На дальнем краю «земного рая» обитали едва ли не тысяча человек, наслаждавшиеся оторванностью от цивилизации. Вокруг Ханы можно было наткнуться на что угодно: и на виллу рок-звезды, и на списанный школьный автобус, превращенный в жилище стареющими хиппи. Большинство тамошних жителей избегали туристический район Мауи и ревностно охраняли свое отшельничество от вторжений.

— Наверное, ты прав, — неохотно согласился Коди. — Но мне все равно придется ее арестовать. Эта блондинка...

— Лаки, — перебил его Грег. — Зови ее Лаки.

— Ладно, Лаки — так Лаки, — пробормотал Коди с таким видом, словно ему на зуб попал гвоздь. — Дело в том, что машина принадлежала фирме Трейлера.

Тони Трейлер был главой Совета представителей городов острова, по сути — боссом Коди. Эти три сотни фунтов жира, обтянутые гавайской рубахой, вечно оглашали остров громким ревом и существовали, казалось, только для того, чтобы отдавать приказания и помыкать людьми.

Когда одна из машин Тони пропала, Коди пришлось выслушать немало теплых слов в свой адрес. Так продолжалось не один месяц.

— Коди, дружище, ты прекрасно умеешь общаться с подобными людьми. Скажи Тони, что не арестуешь ее, пока не прочтешь холмы: вдруг она там жила? Все равно доктор Хамалаэ не выпишет ее еще несколько дней. К тому времени я слетаю с Доджером на экзамен в Сан-Франциско и вернусь.

— Едва ли Тони поверит в ее сказку о потере памяти. А тебе, Грег, лучше в это дело не соваться. Я чую неприятности, и немалые. Лаки — не собака, брошенная издыхать в болоте, а скорее — аллигатор, вроде тех, что едва не сожрали твоего Доджера.

Грег прикусил губу, чтобы не сорваться. Он не выносил манеру Коди выслеживать его. Доджер действительно когда-то участвовал в гонках, и однажды вся свора собак свернула с трассы и угодила во флоридские болота. Грег как раз находился в то время в Майами, где собирался купить немецкую овчарку, чтобы выдрессировать ее и превратить в спасателя. Тогда-то он и услышал о единственном псе, выжившем в трясине. Грег не удержался и навестил Доджера. У пса оказался подкупающий взгляд — любящий и доверчивый, несмотря на пережитое.

— Она не угоняла эту машину, — отчеканил Грег. Он доверял своей интуиции. Ведь это интуиция подсказала ему в свое время купить Доджера!

Лаки стояла перед зеркалом в маленькой ванной, примыкавшей к больничной палате. Ну и уродина! Что за вульгарный облик? Из зеркала на нее воинственно взирала дешевка с такими всклокоченными космами, словно из них выдрали тонну репейника.

— Я тебя не знаю! — в отчаянии воскликнула Лаки.

Едва не тыкаясь носом в зеркало, она внимательно изучала отвратительное отражение, косясь иногда на застывшего с ней рядом Доджера. Нет, это невозможно! Это не она. Свое лицо она бы узнала. Или нет?..

Лаки ухватилась руками за край раковины, чтобы не упасть. А ведь такая женщина, пожалуй, могла угнать машину! Услышав это дикое обвинение, она в него не поверила. Но сейчас, глядясь в зеркало, испытывала сомнения.

Эта незнакомая женщина была способна на все.

«Боже, скажи мне, что это неправда!»

Но Господь Бог не отвечал. Незнакомка дерзко пялилась на нее из зеркала, бросая вызов: докажи, что ты не воровка! Но Лаки ничего не могла доказать. Последние два дня она переживала кошмар, в котором возможно было все.

Доджер лизнул ей руку. Она медленно опустилась на колени, морщась от боли во всем теле, и, погладив Доджера, заглянула в его печальные глаза. Ей почему-то казалось, что собака понимает ее мучения.

«Помни, я тебя люблю».

Эти слова вновь донесли до нее из крошечной пустоты, заменявшей память. И снова Лаки почувствовала облегчение. Кому-то она небезразлична. Этот кто-то обязательно появится и все

поставит на свои места. В следующую секунду Лаки охватила странная уверенность: ее ищет мать!

— Мама! — прошептала она. — Я здесь, на Гавайях. Быстрее приезжай за мной, пока меня не бросили в тюрьму!

Доджер от избытка чувств лизнул ее в щеку, и Лаки поневоле усмехнулась. Ведь она взрослая женщина, судя по отражению в зеркале — тридцати с лишним лет. Почему же она, как ребенок, зовет маму?

— Когда Дело худо, никто не заменит мать, верно, Доджер?

Она с трудом выпрямилась. Матери рядом не было, и у нее появилось щемящее чувство, что она уже никогда ее не увидит.

Одна в целом свете!

Отражение в зеркале зло насмеялось над ней, и она снова принялась рассматривать страшную незнакомку. Глаза как будто в порядке: темно-зеленые, с проблесками золота. Нос и губы тоже не вызывали у нее неприятия — в них чудилось что-то знакомое.

— В чем же дело, Доджер?

Пес помахал хвостом, и в ту же секунду до нее дошло, чем ее не устраивает отражение. Все дело было в этих ужасных лохмах! Дешевый перманент превратил волосы в чащобу, неподвластную расческе. Кроме того, они были безжалостно обесцвечены и резко контрастировали с ее темными бровями.

Лаки, как могла, пригладила волосы и стянула их с затылке принесенной Гретом резинкой.

— Что, лучше?

Доджер снова помахал хвостом, и в этот момент ее окликнул из палаты чей-то голос. Голос не принадлежал Грегу, и у Лаки отчаянно забилося сердце. Неужели за ней пришли?! Кто это может быть? Ее отец? Ее друг?

Придерживая одной рукой больничный халат с болтающимися завязками, она кинулась в палату, преследуемая Доджером. Надежда сменилась разочарованием: она увидела доктора Хамалаэ и еще двоих мужчин в халатах — видимо, врачей, с которыми он консультировался. За их спинами переминался с ноги на ногу Грег Бракстон.

— Результаты ваших анализов готовы, — сообщил доктор Хамалаэ. — Присядьте, мы вам все объясним.

Лаки села на кровать и прикрыла ноги простыней. Доджер подбежал к Грегу, и она поняла, что тот собирается уходить.

— Оставайтесь, Грег, прошу вас! — взмолилась она, не думая, как униженно это звучит.

Грег ответил ей довольно натянутой улыбкой и пожал плечами. Пусть так, только бы он остался! Лаки мысленно умоляла его подойти к ней поближе, но он прислонился к стене, возле которой стоял.

— Это доктор Клигман из Стэнфордского медицинского центра, — представил доктор Хамалаэ

одно-то из своих спутников.

Седеющий брюнет пожал ей руку.

— А я — Курт Йорген из института «Слоан Кеттеринг» в Нью-Йорке, — представился второй.

Этот ей сразу понравился, хотя был более молодым и менее представительным, чем его коллега из Стэнфорда.

— Сейчас на острове проходит конференция по неврологии, — объяснил доктор Хамалаэ. — Вам повезло: нам не пришлось переправлять вас для установки диагноза на материк.

— Так что же со мной? — не выдержала Лаки. Хамалаэ посмотрел на Клингмана, потом на Грега, и она догадалась, что дела ее из рук вон плохи. Очевидно, у нее не просто сотрясение мозга, а что-то несравненно худшее.

Доктор Клингман откашлялся.

— У вас нестандартная электроэнцефалограмма. Это подтверждает и доктор Йорген. Часть клеток коры головного мозга погибла, что сказалось на ваших познавательных способностях. Это называется синдромом Хойта — Мелленберга.

— Я не понимаю... Что это значит?! Клингман улыбнулся ей, как ребенку, не способному проникнуть в мудрость его речений.

— В аварии частично пострадал мозг.

— Но у меня всего лишь небольшая ссадина на голове, — возразила Лаки.

— От удара произошло внутримозговое кровоотечение. Хотя оно прекратилось довольно быстро, клетки успели пострадать.

— Не может быть! Я совершенно нормально себя чувствую, у меня нет жалоб.

Клигман очень внимательно на нее посмотрел.

— В вашем хорошем самочувствии я не сомневаюсь. Но что вы помните о прошлом?

— Ничего... пока. Но это просто последствия травмы! Память скоро вернется, и я... Врач покачал головой.

— Боюсь, всего вам никогда не вспомнить.

Что он хочет сказать?! Его слова подтверждали ее самые дурные предчувствия. Неужели она не вспомнит даже собственного имени?! Лаки покосилась на Грега, чтобы понять его отношение ко всему этому; Грег хмуро смотрел на доктора Клигмана.

— Чего именно она не сможет вспомнить? Наконец-то Грег, словно услышав ее немую мольбу, подошел ближе. Лаки дотронулась до его руки; он немного поколебался и сплел свои сильные пальцы с ее пальцами.

Доктор продолжал внимательно смотреть на Лаки.

— Можете считать, что вам повезло. В результате такой аварии вас могло бы парализовать или

стереть банк памяти не частично, а целиком. — Врач обернулся к ней. — В этом случае вам пришлось бы всему учиться заново, как малому ребенку. Ходить, говорить...

Лаки почувствовала, что в горле застрял ком, дышать стало невозможно. Ей хотелось закричать. Не может быть! Она в отчаянии посмотрела на Грега, однако тот старался не встречаться с ней глазами.

— Но я хотя бы вспомню свое имя? Доктор Йорген ободряюще улыбнулся ей.

— Имя вы вспомните, когда пройдет вызванный аварией шок: ведь вы его тысячи раз произносили и писали. Оно хранится в той части вашего мозга, где содержится прочая информация, усвоенная механически.

Лаки чувствовала себя так, словно у нее на шее затягивают удавку. Происходящее казалось чем-то нереальным. Наверное, это сон, и она скоро проснется! Вот только бы удалось вздохнуть полной грудью и перестать дрожать... Грег после недолгой борьбы с собой положил руку ей на плечо.

— АО своей жизни я ничего не вспомню?

— Боюсь, что нет. — Доктор Клигман снова снисходительно улыбнулся, и Лаки чуть не закричала. Ведь речь идет о ее жизни, а не о каком-то примере из учебника! — Видите ли, существует три типа памяти. Семантическая, или учебная — то, что мы сознательно познаем, чем овладеваем: скажем, математические уравнения или иностранные языки. Второй тип памяти — процедурный: если вы что-то часто делаете, то знаете, каких последствий ожидать. Ребенок узнает на собственном опыте, что огонь жжется, и больше не сует руку в пламя.

— А как же мое прошлое?! Все, что со мной происходило?..

Лаки услышала в собственном голосе панику. От Грега это тоже не укрылось, и он погладил ее по плечу, пытаясь успокоить.

— Эта память называется эпизодической: события, ощущения, мысли, которые мы постоянно накапливаем. — Врач печально покачал головой. — Этой-то памяти вы и лишились.

Сердце, казалось, вот-вот выскочит из грудной клетки.

— Лишилась?..

— Могло быть хуже, — утешил ее Клигман. — У вас, скажем, сохранилось обоняние.

— Это-то тут при чем? — раздраженно спросил Грег.

— Видите ли, память и обоняние находятся в одном и том же отделе мозга, — терпеливо объяснил доктор Хамалаэ. — Когда пропадает обоняние, это дурной признак: значит, у человека сохранилась только так называемая короткая память. Он помнит происходящее не дольше десяти-пятнадцати минут.

— Боже мой!

Лаки окончательно растерялась. От заверений, что могло быть и хуже, она не чувствовала себя счастливицей, а только еще больше пугалась. Ей казалось, что ее бросили в бездонную пучину и предупредили, что до берега ей не доплыть.

— Не переживайте, — снова подбодрил ее улыбчивый доктор Йорген. — Родные расскажут вам о прошлом. Вам покажут фотографии, возможно, даже семейные видеофильмы. Наш мозг — причудливый механизм. При наличии информации он способен творить чудеса.

Лаки поняла, что Йорген просто пытается ее утешить. Но она не хотела беспочвенных утешений. Ведь он не знает, каково это — натолкнуться на черную пустоту, задав себе простейший вопрос, кто ты такая...

— Если вас послушать, так я навсегда рассталась со своим прошлым? — Лаки услышала в своем голосе гнев и сделала паузу, чтобы взять себя в руки. — Значит, мне придется рассчитывать на рассказы других. Я не буду знать, что чувствовала раньше...

Лаки надеялась, что ей возразят, но все три доктора молчали. Она не знала, что ей делать — горько рыдать или рвать на себе волосы, — и боялась, что, начав буйствовать, не сможет остановиться. Грег легонько сжал ей плечо, но даже это не принесло облегчения.

— Давайте расставим точки над «i», — предложил Грег. — Она вспомнит, как управлять машиной, но не будет знать содержание книги, которую когда-то читала?

— Совершенно верно, — кивнул доктор Клигман — он явно заскучал.

— Что означает для вас «Унесенные ветром»? — вкрадчиво поинтересовался доктор Йорген.

Лаки догадалась, что вопрос со смыслом: ей полагается знать это словосочетание.

— Боюсь, что ничего особенного. Просто когда-то ветер что-то сдул...

— А ведь это знаменитая книга, по которой снят еще более знаменитый фильм. Вы не могли ее не читать и фильм уж наверняка смотрели. — Глаза Йоргена были полны сочувствия: в отличие от своего коллеги, он жалел ее. — Что ж, у вас появляется блестящая возможность многое пережить снова. Будете заново знакомиться с «Унесенными ветром» и многим другим.

Лаки хотелось кричать от отчаяния. Как они могут так спокойно говорить ей подобные вещи?! Она прикусила губу, сказав себе, что эти люди пренебрегли важной конференцией, чтобы разобраться в ее состоянии, и винить их в чем-либо — непростительное ребячество. Тем не менее в ней пылала злость, и все силы уходили на то, чтобы не давать ей выхода.

— Никогда не слышал о синдроме Хойта — Мелленберга, — пробурчал Грег.

— Это чрезвычайно редкое явление, — объяснил Клигман. — Обычно разрушается весь банк памяти целиком, и человеку приходится всем овладевать заново.

Врачи повели между собой разговор, полный специальных терминов: «височная доля», «полушария».. Лаки окончательно перестала их понимать. Ей было ясно одно; она осталась одна в целом свете, да еще в ужаснейшем состоянии. Она потерялась! И даже когда родные удосудятся ее отыскать, жизнь не вернется в прежнюю колею.

«Помни, я тебя люблю». Эти слова, снова и снова звучавшие у нее в ушах, приобрели теперь горький оттенок. Если кто-то ее и любит, ей этого человека все равно не вспомнить. Он навсегда останется чужим, подобно ее собственному отражению в зеркале.

Она пыталась убедить себя, что выжить — уже огромное везение. Недаром ее прозвали «Лаки» -«везучая». Но как ни повторяли это словечко вокруг нее на все лады, она не чувствовала себя

счастливицей. Скорее наоборот — ведь ее жизнь потерпела крах. Лаки казалось, что она сама «Унесенная ветром»! Интересно, о чем рассказывается в этой знаменитой книге, ставшей фильмом, — уж не о товарищах ли по несчастью, лишившихся памяти? Очень может быть...

Она почти не прореагировала на уход врачей. Доктор Хамалаэ пообещал заглянуть к ней утром, доктор Йорген сказал, что готов вернуться и показать ей результаты тестов. Лаки бормотала слова благодарности, изображая искреннюю признательность, но ровно ничего не чувствовала.

Грег сел к ней на койку. Его синие глаза смотрели по обыкновению пристально, но сейчас она заметила в них сострадание — или, не дай Бог, жалость? Лаки поняла, что это было бы ей неприятно. Ведь Грег Бракстон — единственный человек на свете, которого она на данный момент более или менее знает. Ей бы хотелось, чтобы он испытывал к ней симпатию, а никак не жалость.

— Вам повезло, что вы остались в живых, — проговорил Грег, и Лаки догадалась, что он с трудом подбирает слова.

— Вы же сами дали мне кличку «Лаки»! — Сарказм не входил в ее намерения: ведь Грег был ее единственным другом. Он рисковал собственной жизнью ради спасения ее жизни — вернее, того небольшого, что от этой жизни осталось. — Я все понимаю: мне грозила смерть или превращение в безмозглое растение. А я все-таки способна мыслить и что-то осознавать.

Она дотронулась до его руки, и Грег впился взглядом в ее пальцы. Откуда такое внимание к ее рукам? И почему он всякий раз вздрагивает, стоит ей дотронуться до него? Наверное, виноват этот ужасный лак для ногтей.

— Не хочу, чтобы вы думали, будто я не испытываю благодарности к вам за спасение моей жизни. Еще как испытываю! Просто для меня это сильное потрясение...

Грег молча кивнул, но Лаки не могла понять, что он думает в действительности.

— Через несколько минут мне придется уйти, — сообщил он. — Мы с Доджером улетаем в Сан-Франциско...

Грег сделал паузу, и Лаки решила, что он сомневается, знает ли она, что такое Сан-Франциско.

— Сан-Франциско — город на севере Калифорнии. Залив, мост «Золотые ворота», трамваи... — После этого механического перечисления ей потребовалось передохнуть, чтобы отдышаться. Тем не менее она открыла для себя, что кое-какие вещи, слава Богу, помнит. — Если что-то будет мне непонятно, я спрошу. Теперь уже нет смысла скрывать изъяны своей памяти.

Грег посмотрел на часы.

— Все, убегаю, иначе не успею на последний рейс. Доджер записан на сертификационные экзамены, после которых он получит квалификацию «собака-спасатель». Это, конечно, полезно, но вовсе не обязательно. Если хотите, я останусь.

Лаки чуть не бросилась ему на шею. Что бы она делала без этого человека? Она пропадала уже три дня. Где ее друзья, где родные? Наверное, тоже унесены ветром. У нее был теперь один Грег Бракстон, и при мысли, что он улетит, у нее на глазах выступили слезы. Конечно, ей хотелось, чтобы он остался, но она считала себя не вправе просить его об этом. Лаки погладила узкую собачью голову.

— Не надо. Экзамен Доджера — это очень важно. Ведь мы с вами знаем, какой он умница. А со мной все будет хорошо, не волнуйтесь...

— Вы уверены? — нахмурился Грег. — Могу вам обещать одно: мой брат не арестует вас без дополнительной проверки. Надеюсь, он выяснит, что кража автомобиля — не ваших рук дело.

Лаки открыла было рот, чтобы заверить его, что она не воровка, но внезапно припомнила кошмарную особу в зеркале. Кто знает, что такая могла натворить?

Коди засиделся на службе до полуночи и теперь ехал домой по залитой лунным светом дороге. Он выбрал для обитания довольно удаленное место в прохладном предгорье Халеакалы. На склонах спящего вулкана, гордости острова, раскинулись тучные пастбища. Если бы не мерцающий вдали океан, эту местность можно было бы принять за штат Теннесси.

Однако выбор Коди был обусловлен не луговым раздольем и не живописностью редких домиков за белыми заборами. Он переехал сюда, почти поставив под угрозу финансовое положение семьи, чтобы оказаться подальше от туристской зоны. Здесь его сыновья могли спокойно ездить верхом и играть в футбол, а Сара — разводить сад. Жизнь вблизи пляжа, в бетонном комплексе, означала тесноту и соседство с туристами, швыряющимися деньгами. Коди считал, что в такой обстановке детям было бы трудно вырасти достойными людьми.

Он остановил «Форд-Бронкс» перед скромным домиком, которому они с женой постепенно придавали новый облик. Здесь всегда дул более прохладный, чем на побережье, влажный ветерок. Шагая к дому, Коди вдыхал аромат цветов. Свет горел только в окне спальни: Сара по обыкновению ждала возвращения мужа. Он вошел через заднюю дверь, чтобы не шуметь и не разбудить малышку.

Сначала он заглянул в комнату близнецов, где всегда царил кавардак, как при забастовке персонала в магазине спортивного инвентаря. В свои одиннадцать лет его сыновья не видели для себя иного будущего, кроме спорта. Коди чуть не споткнулся о валяющуюся на полу бейсбольную битку и напомнил себе, что они с Греггом когда-то были такими же.

Он поцеловал обоих в щеку, с грустью думая, что они уже достигли того возраста, когда целовать их можно только спящих. Давать детям понять, что ты их любишь, — но при этом никаких телесных нежностей! Таков был теперь его принцип при общении с мальчишками.

Мысленно посетовав на беспорядок, он покинул детскую, вспоминая собственное детство. Единственным человеком, любившим его тогда, был старший брат. После гибели родителей их отправили на Гавайи, к тете Сис. Вот уж кому не приходило в голову их целовать! Старая калоша только и делала, что орала на них, постоянно уличая в непростительных проступках.

Впрочем, Грег старался принимать тетушкин гнев на себя, по возможности выгораживая младшего брата. Коди знал, что Грег в то время любил его так, как потом не любил никого — даже Джессику, свою жену.

Зато с другими Грег всегда оставался замкнутым — это не распространялось только на четвероногих. Он с детства любил возиться с животными, а в своем Институте морских исследований прославился чудесами, которые творил при дрессировке китов. Когда же дело доходило до людей, Грег становился суровым и необщительным. Джессика никогда не могла с этим смириться...

Прошлое не изменить, напоминал себе Коди, но напрасно: постылая тоска снова брала над ним

верх. Он так скучал по брату, что иногда испытывал настоящую физическую боль! Теперь лед тронулся: они снова стали разговаривать. И все же Коди сомневался, что Грег когда-нибудь сможет его простить.

Он заглянул в комнату Молли, стараясь не издать ни звука: если малышка проснется, будет стоить огромного труда снова ее уговорить. Она спала, свернувшись калачиком, обнимая пухлой ручонкой одноухого плюшевого слоника, с которым никогда не расставалась. Отец наклонился к ней и чмокнул в щеку. Теплое детское тельце, тихое сладкое дыхание, аромат талька... Что может быть прекраснее?

Сара сидела в кровати и читала книгу; густые черные волосы падали ей на плечи. При появлении мужа она положила книгу на тумбочку и обняла его. У Коди сразу стало легче на душе: ее любовь почти компенсировала ему Грега.

— Было много работы? — спросила она, подставив для поцелуя сначала одну, потом другую щеку.

— Ага. — Коди снял кобуру, спрятал револьвер в сейф и запер его от детей. — Представь себе, эта женщина совершенно околдовала Грега! Темные глаза Сары расширились.

— Та, что украла машину?

— Ну да! Грег называет ее Лаки. Врачи утверждают, что она должна помнить свое имя, но она упорно отказывается.

Коди сел на край кровати и разулся.

— А знаешь, что написано в «Таттлер»? Он отрицательно покачал головой. Выходящая раз в две недели газета «Мауи таттлер» печатала разные сплетни, обнаруживая удручающее сходство с материковыми таблоидами: бессмертный Элвис Пресли, инопланетяне со светящимися головами, летающие в «тарелках» над холмами и пляжами острова и похищающие туристов...

— Ее называют «призраком Пиэлы»! И в самом деле: эту женщину нашли на обочине, никто не знает, кто она такая... Очень романтично!

— Глупости. Обычная угонщица.

Когда Коди звонил с работы домой, чтобы предупредить о задержке, он ввел Сару в курс дела и теперь удивлялся, что она находит в этом романтику. Впрочем, его жена всегда обожала гавайские предания и могла пересказывать их снова и снова. Один из популярнейших туземных мифов гласил, что Пиэла, богиня вулкана, давшая жизнь этим островам, часто появляется на обочине дороги в обличье молодой женщины, нуждающейся в помощи. А потом призрак так же таинственно и внезапно исчезает.

— Мне бы не хотелось, чтобы Грег связывался с этой сумасшедшей блондинкой, — пробормотал Коли.

— Наверное, она напоминает тебе Джессику? — спросила Сара, не скрывая горечи.

Джессика! Слово повисло в воздухе, как ядовитое облако, которое невозможно прогнать за дверь. После похорон Джессики ее имя старались не упоминать. Встретившись с Сарой глазами, Коди еще раз удостоверился в ее любви к нему. Тем сильнее была боль, которую он ей

тогда причинил. Видит Бог, он не заслуживает такой жены...

— Признаться, мне показалось, что в них есть что-то общее. Я даже подумал сначала, что это сама Джессика в чужом облике.

— «Таттлер» это понравилось бы. Нашествие похитителей трупов!

Коди понимал, что Сара пытается шутить, хотя в этой теме не было ничего веселого. Погибшая жена Грега сознательно пыталась испортить всем им жизнь и почти добилась своего.

— Да уж, у Грега способность подбирать заблудших. А потом он не знает, что с ними делать.

Расстегивая рубашку, Коди ломал голову, как помочь брату.

— Джессике было невозможно спасти, — заметила Сара.

Святая правда! Джессика была обречена. А он был полным идиотом: надо же, завести роман с женой родного брата!

Перед его мысленным взором появился потрясенный Грег, прибывший в составе спасательной команды на место аварии. В ту ночь Джессика сообщила мужу, что улетает на материк, и он меньше всего ожидал обнаружить ее в обществе Коди. Для Сары все это тоже явилось полной неожиданностью. Если бы не беременность, она, наверное, бросила бы мужа. Новый ребенок и близнецы позволили ему получить второй шанс.

Зато Грегу второго шанса не досталось.

— Джессике никто бы не спас, — повторила Сара с той же горечью. — Это была пропадающая душа.

— Этой женщине тоже никто не поможет, — Коди решил переменить тему: свое предательство он все равно никогда не сумеет объяснить — ни брату, ни жене. — Помнишь, я сказал, что должен буду задержаться, потому что нашел кое-что среди одежды Лаки?

— Ты сказал, что у нее разные туфли.

— Совершенно верно. Так вот, та, что с красным шнурком, показалась мне знакомой. Я проверил нашу коллекцию улик и обнаружил пару к этой туфле — из еще одного уголовного дела.

Сара обхватила смуглыми руками колени и оперлась на них подбородком.

— Вот это да! Что за дело?

Коди невольно улыбнулся. Сара обожала загадки и постоянно читала детективные романы. Что ж, такие дела, как это, действительно попадались нечасто. Если бы тут не был замешан Грег, Коди, очевидно, обрадовался бы: полицейская рутина являлась для него синонимом смертельной скуки.

— Около года назад вблизи пика Иао упала с тропы и разбилась неизвестная туристка. К тому времени, когда тело нашли, оно успело изрядно разложиться. Версия о насильственной смерти не подтвердилась; единственное, что обращало на себя внимание, — на трупе была только одна туфля. Но мы тогда решили, что вторая туфля потерялась в зарослях, и не сочли нужным ее

искать.

— Ты не шутишь? — Сара восторженно расширила глаза. — И потерявшаяся туфля оказалась на вашей Лаки? Откуда же, по-твоему, у нее могла взяться обувь той погибшей?

5

Утреннее солнце ласково озаряло частный пляж на Золотом берегу, не позволяя разглядеть толпящиеся в отдалении высокие офисные здания. Сейчас бриз не тревожил водную гладь, но позже по ней побегут белые барашки. Завершая утреннюю пробежку, он думал о том, какое это чудесное время — утро. Других следов, кроме его собственных, на песке не было: он владел всей бухтой, а не только огромной виллой на пляже.

Подобно скупцу, прячущему от всех свой золотой слиток, он ценил одиночество. Пусть рядом не будет соседей, которые завидовали бы ему, сознавая, что живут неподалеку от одного из богатейших людей в мире. Оставаясь в тени, он получал от этого некое извращенное удовольствие. Он-то знал, что не только сказочно богат, но и обладает почти безграничной властью. Ему ничего не стоило выяснить всю подноготную человека и втайне повлиять на его жизнь — для этого у него имелись тысячи разных способов.

В свое время его прозвали Королем Орхидей, и неспроста: помимо всего прочего, он экспортировал орхидеи. Это был, разумеется, всего лишь фасад, скрывавший основную деятельность, но ему льстило такое укрытие.

Король Орхидей! Он перекачивал этот титул на языке, как французское вино. Что ж, в современном мире свои королевства, хотя церемониальная пышность

отошла в прошлое, и многие из них ему еще предстоит захватить. Методы, конечно, нынче уже не те: оружием современной войны стали компьютеры.

Как был, босиком, он пробежался по зеленому газону, поднялся по мраморным ступеням на террасу и одобрительно отметил, что служанка успела сменить цветы. Он терпеть не мог, когда его два дня подряд окружал один и тот же цветочный орнамент.

Партнер ждал его за столом на открытой террасе с видом на море, шурша газетой.

— Ты только взгляни! — воскликнул он, указав на заметку в нижнем углу. — Вот невезение!

Король Орхидей взял кувшин с ледяной водой, который всегда стоял на столе, налил себе стакан и только потом покосился на газету.

— Не может быть. Везение — один из моих почетных титулов, — усмехнулся он.

— Кажется, твоему везению крышка, — хмуро буркнул партнер.

Королевское сердце забилося учащенно. Обычно партнер — ближайший друг, почти брат — пребывал в отменном настроении. Значит, случилось что-то и впрямь неприятное. Он взял газету, опустился в кресло и внимательно прочел заметку под заголовком «Загадочная женщина выжила в катастрофе».

— Представляешь? Она жива! — пробормотал партнер, удрученно качая головой.

Король смотрел на фотографию и дышал, как марафонец, хотя бег тут был ни при чем. То, что

она выжила, неожиданно принесло громадное облегчение.

Слава Богу, жива! Ему бы разозлиться еще сильнее, чем партнеру, но в глубине души он радовался, что она не погибла в аварии. Сказать по правде, трудно было

себе представить, что она умерла: он никогда не встречал женщины, настолько переполненной жизнью...

— Чего же тут удивляться? — усмехнулся Король. — У нее девять жизней, как у кошки.

— Все шутишь!

Не обращая внимания на расстроенного партнера, Король рассматривал некачественную фотографию. С этой гривой завитых и обесцвеченных до белизны волос ее все равно никто не узнает. Он и сам ее с трудом узнавал. Откуда такой нефокусированный, безумный взгляд? Она была похожа на загнанного зверя. А ведь обычно ее зеленые глаза глядели из-под длинных коричневых ресниц так соблазнительно, что перед ней невозможно было устоять...

Но ее тело, разумеется, осталось при ней — тело, которым она пленила их обоих, особенно его партнера. Но им, впрочем, всегда было легко манипулировать.

— Здесь сказано, что у нее постоянная амнезия, — негромко сказал Король.

— Так я и поверил! — Партнер вскочил и подбежал к краю террасы. — Мне пора в Чайнатаун, на совещание. Проверь в мое отсутствие, что к чему. Держу пари, что эта стерва взялась за старые фокусы!

Королю было трудно с этим спорить. В свое время она явилась к ним буквально из киберпространства и была женщиной без прошлого — по крайней мере, по ее собственным утверждениям. Так или иначе, в ней действительно присутствовала какая-то тайна, которой она ни с кем не желала делиться. Кто знает, что она скрывает? Какими темными секретами испещрено ее прошлое?

Партнер еще раз взглянул на газету и раздраженно отшвырнул ее.

— Амнезия? Держи карман шире! Вранье! Король не знал в точности, когда он в нее влюбился. Скорее всего заочно, еще читая ее интригующие сообщения на компьютерном мониторе. Тогда это было игрой, но потом, когда она вошла в их жизнь и перестала быть просто тенью из киберпространства, он ее по-настоящему полюбил.

Собственно, против нее не устояли они оба, однако Король, несмотря ни на что, сохранил объективность — этим своим умением он всегда гордился. Он никогда не доверял ей, и вскоре она доказала, что не заслуживает доверия.

— Ее называют «призраком Пиэлы», — заметил он. — Вот умора!

— По-твоему, это смешно? Я тебе говорю...

— Меня беспокоит теннисная туфля, — перебил его Король, больше не настроенный шутить. — Вот тут мы действительно совершили промах, и это может навести на нас полицию.

Грег снял ногу с педали газа и свернул на стоянку перед полицейским участком.

— Что здесь происходит, черт возьми? Доджер, сидевший рядом, наклонил голову. На стоянке было такое количество машин, что Грег отыскивал себе местечко только на дальнем конце. Они пробыли на материке неделю. Доджер успешно сдал все экзамены. Грега постоянно подмывало позвонить на Мауи и узнать, как дела у Лаки, однако ему удалось уговорить себя, что разумнее держаться от нее подальше. Но, едва вернувшись, он не справился с нетерпением и помчался узнавать новости.

Его поразило выражение лица Лаки, когда врачи объявили, что она никогда не вспомнит свое прошлое. Стоило ему подумать об этом, сразу начинало ныть сердце. Ее выразительные зеленые глаза потемнели тогда от отчаяния и страха. Он мгновенно забыл о своих сомнениях и настолько проникся сочувствием, что даже вызвался остаться с ней... Хорошо, что она не согласилась.

А ведь он сначала не мог поверить, что травма может быть такой избирательной. Разве при уничтоженной эпизодической памяти реально вспомнить свое имя? Пока врачи объясняли Лаки особенности ее состояния, он внимательно наблюдал за ней и хорошо запомнил, как она задрожала. Чтобы так убедительно сыграть, надо быть актрисой мирового класса.

Грег вылез из машины и поманил за собой Доджера. Коди должен знать, как ее дела. Как ни противно ему было обращаться к брату, это все равно лучше, чем идти к Лаки: он питал к ней такую непростительную слабость, что был отвратителен сам себе. Да и где она теперь?

Грег вошел в помещение участка следом за Доджером и задохнулся от холодного кондиционированного воздуха.

— Шеф у себя?

— Уехал в Гонолулу, — ответил дежурный. — Вернется днем.

Тем лучше, подумал Грег. Он сможет все разузнать и без Коди.

— Что стало с женщиной, машина которой упала со скалы?

— Сидит в тюрьме, — безразлично пожал плечами дежурный.

Грег выбежал на улицу и бросился за угол, сопровождаемый Доджером.

— Чертов лгун! Он все-таки упрятал ее за решетку! Видимо, Лаки так никто и не опознал, никто не внес за нее залог, иначе все так не обернулось бы. А ведь после аварии минула уже неделя. Куда подевались ее родственники, ее мужчина, наконец? Конечно, с виду она была дешевкой, но Грег был готов ручаться, что в ее жизни имелся мужчина, а то и не один.

К маленькой каталажке выстроилась очередь в два ряда. Камер было всего четыре: две мужские и две женские. Помимо них, имелся еще карцер для пьянчуг. Откуда же столько посетителей?

— Что тут такое? — спросил он у последней в очереди, полной матроны в просторном гавайском балахоне.

— Хотим посмотреть на призрак Пиэлы, — был ответ.

—Что?!

В следующее мгновение до него дошло, в чем дело. Он вспомнил легенду о молодой женщине, найденной у дороги. Значит, они толпятся здесь, чтобы поглазеть на Лаки!

Грег ворвался внутрь, не обращая внимания на требования дождаться своей очереди. В приемной было шумно, пахло потными телами, долго томившимися на солнцепеке. Он протолкался сквозь толпу и оказался в комнате для допросов.

— Где охранник? — крикнул он.

— За дверью, принимает деньги, — ответил кто-то.

—Черт!

Грег знал, что остров кишит легендами и суевериями, как никакое другое место в мире, но все равно не мог поверить, что угодил в такой балаган. Пусть даже эти болваны верят, что призрак Пиэлы приносит счастье. Разве можно так поступать с живым человеком?

Он преодолел последнее препятствие и благодаря своему росту увидел поверх голов Лаки. Она явно была не в себе и шагала, как заведенная, по камере: три шага — поворот, три шага — поворот. Платиновая грива волос резко контрастировала с мешковатым тюремным комбинезоном.

Встретив ее остановившийся взгляд, Грег остолбенел. Даже на расстоянии ее глаза поражали ярким зеленым свечением. Она выглядела в точности так же, как той ночью у него в палатке. Десятки людей глазели на нее, как на ярмарочного уродца, она же, судя по всему, никого не замечала.

— С ума сойти! — воскликнула какая-то женщина рядом с Грегом.

Проклятый Коди! Как он такое допустил?! Зеваки потешались над Лаки, хохотали, как гиены над свежей добычей. Для них она была не совершенно одинокой несчастной женщиной, которой некому помочь, а всего лишь забавной диковиной.

— Видели бы вы ее ночью! — подхватил кто-то еще. — Она спит под кроватью!

Под тюремными нарами?! Ежится на холодном цементе, как животное, на которое приходят поглазеть, словно в зоопарк? Грег не мог этого вынести. Сжав кулаки, он бросился к негоднику, собирающему деньги за аттракцион, и лишь в последнее мгновение опомнился.

Но этого оказалось достаточно, чтобы толпа мигом стихла. Все поняли, что еще секунда — и он надавал бы тюремщику тумаков. Это напоминало затишье между вспышкой молнии и оглушительным ударом грома. Грег покосился на Лаки и обнаружил, что она опустила на колени, а выражение страдания на ее лице сменилось улыбкой. Улыбка была адресована Доджеру:

ему тоже удалось просочиться сквозь толпу и просунуть голову между железными прутьями. Грег с изумлением поймал себя на мысли, что никогда еще не видел такой счастливой женщины.

Доджер знай себе вилял хвостом со скоростью тысяча оборотов в минуту. Лаки гладила его по спине, а он лизал ей руку. Это тоже вызывало недоумение: ведь Доджеру самой природой было назначено носиться как угорелому, переносить любые тяготы и ни к кому не испытывать привязанности. В его прежней жизни гончей собаки наказанием за подобную вольность стал

бы электрический разряд. Грег старался его раскрепостить, но пес разве что тыкался ему в ладонь холодным носом; о том, чтобы лизаться в знак любви, раньше не было речи.

— Пиэла обожала живность, — сообщил кто-то. — Особенно акул.

Лаки снова подняла взгляд на толпу, прижимая к себе голову собаки. Улыбки на ее лице как не бывало. Интересно, о чем она думает?

Грег с ужасающей отчетливостью вспомнил то, чего долгие годы не желал вспоминать: себя семилетнего, в слезах, тоже прижимающего к себе голову пса. Родители погибли в автокатастрофе, и их с Коди отправляли к тетке. Маффин не мог ехать с ними: тетя Сис утверждала, что он по старости лет не переживет полугодовой карантин на Гавайях.

Грег категорически отказывался расставаться с собакой, подаренной ему отцом. Тетка твердила, что ее обязательно заберут к себе какие-нибудь добрые люди, но Грег чувствовал, когда ему лгут, — особенно если ложь исходила от тети Сис. Он уже тогда понимал, что людям подавай забавных щенков, а не дворовых уродов с седой мордой.

В тот момент ему больше всего на свете нужна была любимая собака. Конечно, ничто не смогло бы утолить боль от утраты родителей, но, если бы рядом был Маффин, если бы он спал рядом с его кроватью, ему, быть может, немного полегчало бы.

Грег стоял перед клеткой и молился. Боже, смилостивись, передай Маффина в хорошую семью, в которой есть мальчик, способный полюбить его так же, как он, — всем сердцем!

Даже теперь, по прошествии без малого тридцати лет, он не мог забыть морду Маффина, его черный нос между прутьев, проникновенный взгляд, словно говоривший: «Не бросай меня!» Маффин остался один и наверняка был усыплен. Очевидно, последняя его мысль была о предательстве Грега.

То же чувствовала сейчас эта женщина: заброшенность, безнадежность. Доджер поднял ей настроение, но ненадолго.

Перестав гладить Доджера, Лаки поднялась и окинула притихшую толпу таким уничтожающим взглядом, что люди не могли не устыдиться. У нее внезапно появилась царственная осанка, и эта молниеносная перемена застала врасплох всех, включая Грега. Но уже через несколько секунд он понял, что чувство собственного достоинства — единственное, что осталось у этой женщины.

Толпа пристыженно смотрела, как она, гордо откинув голову, подошла к своей койке и села, отвернувшись от всех. Волосы упали ей на лицо, заслонив глаза, зато обнажив выстриженный квадрат на затылке.

Грег не мог больше сдерживать негодование. Вцепившись тюремщику в глотку, он закричал:

— Прочь отсюда! Все вон!

Почему ее не оставляют в покое? У Лаки был ответ на этот вопрос: слишком велико всеобщее желание поглазеть, похихикать, поиздеваться над неполноценным существом. Расхаживая по камере, она старалась не обращать внимания на любопытных и упорно считала шаги.

Появление Доджера Лаки расценила как счастье. Наконец-то нашлось существо, пусть

четвероногое, которое радо встрече с ней. Потом она сообразила: где Доджер, там и Грег.

Его голос полоснул толпу, как острое бритвенное лезвие. Тюремное помещение заполнилось поспешным шарканьем подошв. Зеваки послушно ретировались, и она молила Бога, чтобы Грег тоже ушел. Он не должен видеть ее в таком состоянии!

Последние дни Лаки не давала покоя мысль, что она не заслужила спасения. Желающих ее опознать не нашлось. Вдобавок к остальным несчастьям, ей предъявил иск владелец автомобиля. Общественный защитник, назначенный ей судом, не сомневался в обвинительном приговоре.

Лаки и так считала, что опустилась на самое дно, а тут еще Коди Бракстон сообщил, что на ней была теннисная туфля некоей погибшей женщины. Напрасно она ломала голову, придумывая достоверное оправдание; от мрачных мыслей не хотелось жить. Она помнила, как надевала туфлю в палатке Грега, зная, что она чужая. Но откуда взялась эта чертова туфля?

Фантазия подсказывала различные сценарии, но из каждого вытекало, что она замешана в каком-то преступлении. А шеф полиции был в этом свято уверен. Недаром он возобновил следствие по делу о гибели туристки.

Неужели она воровка, а то и хуже?! Лаки ничего о себе не знала и люто себя ненавидела. Самую сильную ненависть вызывало у нее собственное отражение в зеркале. Как это гадко — не помнить собственного имени! И еще гаже — когда Грег Бракстон испытывает к ней жалость.

Лаки прижималась лбом к холодному бетону, наслаждаясь тишиной. Кажется, бездельники разошлись. Она закрыла глаза и приказала себе: отдыхай! От усталости у нее тряслись ноги и руки: по ночам она не могла сомкнуть глаз от рыданий. Впервые услышав эти рыдания. Лаки несколько минут прислушивалась, пытаясь определить, кто же плачет, и лишь потом поняла, что рыдания раздаются у нее в голове.

Но как реальны были эти всхлипы! И как безнадежны! Стоило ей попробовать уснуть — и пустые коридоры ее мозга оглашались плачем: сначала тихим, потом переходящим в тоскливый вой.

Лаки вздрогнула от лязга двери. Видимо, она все-таки задремала и пробыла в забытьи до обеда. Заключение в соседней камере называла кормежку «накачкой»: соя разбухала в желудке и застывала, как цементный монолит.

— Тебя выпускают, — сообщила надзирательница.

— Кто-то внес залог?

Лаки не помнила, как действует освобождение под залог, но защитник растолковал ей азы. Надзирательница кивнула, глядя на нее, как на закоренелого врага общества.

Казалось бы, свобода должна была породить надежду, но она все равно ни на что не надеялась. Раз родственники не соизволили вызволить ее за истекшие дни, значит, им нет до нее никакого дела. Кроме Грега Бракстона, внести за нее залог было некому. Лаки отвернулась от двери и уставилась в стену.

— Скажите ему, чтобы понапрасну не тратился. Я никуда не пойду.

— Как хочешь, — надзирательница пренебрежительно фыркнула и удалилась.

Неужели Грег не понимает, что она не заслуживает его сочувствия?

«Помни, я тебя люблю...»

— Хватит! — От отчаяния Лаки начала биться головой о стену, но потом вспомнила предостережение врача: любой удар по голове мржет еще сильнее повредить ее мозгам. — Почему мне так втемяшились в башку эти слова?!

Неделю назад они казались ей утешением. Но потом ее бросили за решетку. Она провела в заключении всего три дня, но ей казалось, что прошла вечность. Даже если кто-то когда-то ее любил, теперь этот кто-то махнул на нее рукой...

Внезапно в ее локоть ткнулось что-то холодное и влажное, заставив Лаки вздрогнуть от неожиданности. Перед ней стоял Доджер, глядя на нее умными глазами и махая хвостом. Она не могла не улыбнуться. Потом в распахнутой двери появилась могучая фигура Грега, отчего камера показалась еще теснее.

— Пошли!

Его голос звучал непреклонно, и у Лаки перехватило дыхание. Она чувствовала боль и одновременно какую-то странную невесомость. Никогда прежде она не испытывала ничего подобного: сочетание безумной радости и отчаяния, сладость пополам с горечью.

Стараясь подавить рыдание. Лаки закусил губу. Несмотря ни на что, ее уже распирала надежда! До этой минуты она не представляла себе степень своего одиночества. Теперь перед ней стоял единственный человек, с которым она была кое-как знакома. Человек, необъяснимым, пугающим образом превратившийся в неотъемлемую часть ее жизни...

Грег отказывался верить в происходящее. Что на него нашло? Он внес за Лаки в качестве залога свою единственную ценность — дом!

Зачем? Чтобы она ехала сейчас с ним рядом, отвернувшись к окну и отчаянно цепляясь за дверцу? С тех пор как он вывел ее из камеры, дал какой-то нелепый халат, которым его снабдили в полиции, и усадил к себе в машину, она еще не произнесла ни одного словечка.

— Может, наденешь бейсбольную кепку? — спросил он, останавливаясь, чтобы пропустить грузовик с сахарным тростником.

Грег не мог придумать, что бы еще сказать, и, взяв с заднего сиденья кепку, сунул ей.

Лаки, по-прежнему не глядя на него, нахлобучила кепку на голову и вытянула хвост волос в отверстие сзади. Видимо, ей было невдомек, чем он рисковал, спасая ее, иначе она не продемонстрировала бы ему этот хвост.

А чего он, собственно, ожидал? Благодарности? Напрасно. Джессика научила его, что женщины только берут и ничего не дают взамен. Или даже ненавидят мужчин, как ненавидела их тетя Сис. Похоже, встреча с Доджером доставила Лаки куда больше радости, чем его, Грега, появление. А он-то, как собака, готов выплясывать перед ней на задних лапах.

Он уставился на громоздящийся впереди Халеакал. Спящий вулкан, как водится, притягивал

к себе облака, закрывавшие верхушку. Там, на вершине, шел дождь, и тропы, ведущие к ней, таили сотни опасностей. Грег для порядка покосился на свой пейджер: спасательная служба находилась в круглосуточной готовности.

Внося за Лаки залог, он невольно подумал, что произойдет, если он будет вынужден оставить ее одну, отправившись по вызову. Можно ли ей доверять? Не скроется ли она? Откуда ему знать? Вообще-то Грегу не было свойственно пребывать в растерянности, но эта женщина любого поетавила бы в тупик. Он то верил ей, то утрачивал всякое доверие.

— Куда мы едем? — осведомилась Лаки, не глядя на него.

— В «Кей-март». Тебе нужна одежда. Немного помолчав, Лаки неожиданно произнесла, не поворачиваясь:

— «Внимание, посетители „Кей-март“! Внимание, посетители „Кей-март“! — Наконец-то она соизволила на него взглянуть, а от ее улыбки у любого потеплело бы на сердце. — Я была в „Кей-март“. Точно знаю, что была.

Ее детский энтузиазм заставил его усмехнуться. Это был самый крупный универмаг в городе, неудивительно, что ей приходилось там бывать. Но сколько же раз она слышала эти призывы, что они так запали ей в память? В любом случае не чаще, чем собственное имя. Почему же она не помнит его?

Уж не рискует ли он всем, что имеет, ради талантливой вруньи? Ради воровки? Ради женщины, способной, наподобие пресловутого призрака Пиэлы, неожиданно появляться и так же неожиданно исчезать?

6

Грег улыбался, а вернее — делал вид, что улыбается. Лаки чувствовала, что он считает ее обманщицей, и ей самой больше не хотелось улыбаться. Зачем было ее выкупать, если он ей не верит?

— Между прочим, я — кладезь сведений, — заявила она, не скрывая горечи. — Например, я знаю, что Юпитер — пятая планета от Солнца, что Хартум — столица Судана, что шотландский виски бывает двух типов — горный и островной. Я даже могу правильно написать слово «электрификация»! А вот собственное имя запомнила.

Грег устремил на нее свой пристальный, волнующий взгляд.

— Ничего, тебя осенит, когда ты меньше всего будешь к этому готова.

— Врачи говорили то же самое, — вздохнула она. — Кто-нибудь спросит, как меня зовут, и я, не думая, отвечу. Имя просто выскочит из какого-то закоулка, где раньше пряталось.

Грег промолчал, выискивая место на стоянке перед универмагом. Невозможно было понять, о чем он размышляет, у него имелась удручающая привычка внезапно замыкаться.

— Послушай, почему ты не оставил меня в тюрьме? Грег выключил двигатель, вынул ключ из зажигания и взялся обеими руками за руль, глядя прямо перед собой.

— Любой человек заслуживает справедливого обращения. А на тебя навалились всем скопом,

не давая шанса отбиться.

Значит, он просто пожалел ее... Что ж, это многое объясняло. Для нее он был самым лучшим человеком на свете, спасителем. Она же была для него только поводом отстаивать справедливость, обезличенной тенью. Чем-то вроде редкого вида животного, которому грозит уничтожение, или джунглей, за спасение которых борются все приличные люди.

Лаки закрыла глаза. В данный момент она не возражала бы превратиться в какого-нибудь обитателя джунглей. Прохладно, зелено, тихо... А главное — далеко-далеко!

Почувствовав, что ее обволакивает горячим воздухом, она открыла глаза и только сейчас сообразила, что долго сидела зажмурившись. Грег распахнул дверь и ждал, когда она вылезет из машины. Рядом с ним стоял Доджер.

Внутри универмага было прохладно, пахло новой одеждой и поп-корном. Повсюду со смехом бегали дети. Обстановка была успокаивающе знакомой. Да, в «Кей-марте» она уже бывала — в отличие от тюрьмы, куда явно угодила впервые...

— Но ка ой! Эй, ты только посмотри!

Две девчонки лет тринадцати показывали пальцами на ее обувь — пластмассовые тапочки с крупной аббревиатурой полиции Мауи. Грег снабдил ее халатом, способным сойти за платье, но не подумал о тюремной обуви.

— Вот это здорово! Наверное, теперь будет такая мода! — хохотали девчонки, пока Грег уводил ее прочь.

Лаки была рада, что ее, по крайней мере, не узнали, не назвали призраком Пиэлы. Очевидно, свою роль сыграла бейсбольная кепка, спрятавшая ее ужасные лохмы и заслонившая козырьком лицо.

Доджер, бежавший впереди, внезапно остановился, приподняв одну переднюю лапу. Его внимание почему-то привлекла реклама колготок на двух сдвинутых вплотную прилавках.

— В чем дело? — спросил Грег, подойдя. — Там кто-то есть?

Он поднял один палец, но Доджер не прореагировал. Тогда Грег показал два пальца, и Доджер гавкнул три раза.

— Тело «А»! — восторженно воскликнула Лаки. — Там кто-то живой! Скорее всего мелкая тварь, вроде крысы или мыши.

Доджер гавкнул еще трижды. Несколько покупателей остановились. Лаки прошиб пот, и она подошла вплотную к Грегу. После тюремных переживаний она твердо знала, что больше трех человек — критическая масса, способная превратить людей в толпу. Впрочем, покупатели интересовались не ею, а Доджером.

К ним протолкался мужчина с табличкой «Добро пожаловать в „Кей-март“!» на груди.

— Что происходит? Собакам вход в магазин запрещен!

Грег не обратил внимания на его угрожающий тон.

— У вас тут непорядок, — сказал он и раздвинул прилавки.

Взорам собравшихся предстал испуганный серый зверек с мохнатым хвостом. Судя по всему, зверек спал и был бесцеремонно разбужен. Лаки не могла понять, кто это. Не крыса, не белка...

Зверек быстро опомнился и с неожиданной прытью бросился наутек. Грег щелкнул пальцами, и Доджер устремился за ним. Следом поспешила толпа, возглавляемая Гретом.

Лаки замыкала шествие. В кладези знаний обнаружились прорехи: она не имела ни малейшего понятия, что за существо спугнул Доджер! Только что она наслаждалась пребыванием в знакомом месте, но это ощущение быстро улетучилось. Ей предстояло взвалить на себя огромный груз сведений, способный придавить ее своей тяжестью.

Доджер загнал зверька в угол перчаточного отдела. Там животное встало на задние лапы, оскалило зубы и выпустило когти. Оно существенно уступало Доджеру в росте, но все равно выглядело опасным. От одного удара его лапы Доджер мог лишиться глаза.

— Назад! — скомандовал Грег.

Люди послушно отступили. Грег нагнулся и схватил зверя за загривок. Как тот ни шипел и ни дергался, вырваться ему не удавалось. Грег понес его в вытянутой руке к выходу.

— Выведите собаку из магазина! — потребовал продавец, как только Грег скрылся из виду.

— Доджер не простая собака, — гордо заявила Лаки, повторяя то, что слышала от Грега. — Видите бляху на ошейнике? Это означает, что ему можно бывать всюду, как собаке-поводырю. Доджер — зарегистрированный спасатель.

Ей очень хотелось поставить на место зарвавшегося коротышку с табличкой на груди, но внезапно она поймала на себе пристальный взгляд незнакомой женщины и прикусила язык. Будь на этой худенькой брюнетке бикини вместо желтого платья с завязками на шее, ей было бы самое место на туристской рекламе гавайского пляжного рая. По выражению ее лица Лаки поняла, что женщина узнала в ней призрак Пиэлы. Стоит открыть рот — и вся эта толпа набросится на нее!

— Идем, Доджер.

В подражание Грегу она щелкнула пальцами, и Доджер затрусил за ней, оставив недоумевать красавицу брюнетку. В отделе дамской одежды она остановилась, уверенная, что Грег ее отыщет. По обе стороны от нее тянулись вешалки с платьями и юбками.

Доджер лизнул ей руку, и Лаки в ответ потрепала его по ушам, как это сделал Грег, когда пес нашел зловонный пузырек.

— Какой же ты молодец, Доджер! Настоящий собачий чемпион!

Она опустила рядом с ним на колени, заглянула в глаза и, не удержавшись, обняла. Для пса это оказалось неожиданностью — наверное, Грег нечасто прибегал к такой форме поощрения. Но прошло несколько секунд — и Доджер настолько привык к объятиям, что даже лизнул ее в щеку. Это мимолетное прикосновение шершавого языка сделало Лаки счастливой. Прижимая к себе собаку, она мечтала, чтобы кто-нибудь так же обнял ее.

Вернувшись в магазин, Грег не увидел Лаки и Доджера, но приказал себе не волноваться.

Доджер был слишком хорошо обучен, чтобы уйти с чужим человеком. Однако, обойдя все залы, Грег не обнаружил ни собаки, ни женщины в бейсбольной кепке с рассыпавшимися по спине обесцвеченными волосами.

Куда она могла подеваться? Черт побери, почему он не внял голосу рассудка?! Даже если Лаки не преступница, все равно она какая-то странная. Кто знает, что может взбрести в ее ушибленную голову? Издевательства, которые она претерпевала в тюрьме, так его разъярили, что он забыл обо всем на свете. А ведь столько раз говорил себе, что лучше не иметь с ней дела!

Внезапно Грег вспомнил хмурую физиономию тети Сис, услышал ее скрипучий голос: «Твое упрямство тебе же повредит! Смотри, навлечешь на себя беду!»

Как ни противно ему было с этим соглашаться, старая ворчунья оказалась права. Он всегда был неисправимым упрямым и только что по вине своего дурацкого характера лишился дома! Нужно было оставить Лаки в тюрьме. Одно дело — разогнать зевак, за это он себя не винил. Но рисковать ради нее всем, что у него было...

Грег поспешно зашагал в женскую секцию. Несколько покупательниц рылись в коробах с уцененным товаром, но и здесь не было ни Лаки, ни Доджера! Внезапно до его слуха донесся негромкий голос. Он устремился на него мимо водопадов тонкого дамского исподнего. Боже, кто все это покупает?! Отодвинув в сторону какие-то юбки, он увидел Лаки: она сидела на полу, крепко обняв Доджера. Грег, вздохнул с несказанным облегчением.

— Вы оба — молодцы, — говорила Лаки Доджеру. — Просто загляденье! Видел, как Грег схватил этого... ну, в общем, этого зверя?

Грег невольно улыбнулся. В конце концов мангуст вывернулся бы, но ему хватило нескольких секунд, чтобы выпустить его на газон у входа в магазин. Лаки потрепала Доджера по голове.

— С вами я в надежных руках. И не смей возражать! Конечно, для Грега я не женщина, а что-то вроде находящегося под угрозой белого носорога или ягуара... Но я не ропщу. Главное, он хочет мне помочь. Ведь, кроме него, у меня никого нет...

«Кроме него, у меня никого нет», — отдалось у него в голове. Каково это — полное одиночество? Ведь она действительно никого не знает в этом мире, кроме чужого человека, оказавшегося рядом по воле случая. Такое было страшно себе представить.

И все-таки, невзирая на свои сомнения и подозрения — а их у него был целый воз, — Грег чувствовал, что между ним и Лаки установилась некая странная связь. Той ночью, в палатке, дотронувшись до него, она посягнула на темную, не познанную им самим изнанку его подсознания. Пожалуй, подобные узы связывали его некогда с братом — много лет назад, когда после гибели родителей у них не осталось никого в целом свете. Теперь у Лаки не осталось никого, кроме него.

— Правда Грег — чудо? — спросила она у Доджера. Этого он не мог стерпеть и хотел отойти, но следующие ее слова заставили его замереть на месте. Лаки сказала:

— Почему я не ядерный физик, не знаменитая актриса, не какой-нибудь ценный специалист, достойный спасения?

Сказано это было тихо, только для собачьих ушей, но Грег услышал, и его охватило щемящее чувство, природу которого он не смог бы разъяснить. Вот черт! Он сам не знал, как очутился

на полу, рядом с ней.

—Лаки...

Она слегка вздрогнула, но продолжала смотреть на Доджера.

— Что это было за животное, Грег? Хорек? Какой из себя хорек? Я точно не помню.

Грег отдал должное ее желанию сохранить достоинство. Очевидно, Лаки надеялась, что он не подслушал ее откровенную беседу с собакой. Лучше всего было подыграть ей, сделать вид, что он ничего не слышал и не испытал небывалого волнения.

— Это был мангуст. Несколько лет назад их завезли на Гавайи, чтобы они ловили крыс, живущих на сахарных плантациях. — Такие подробности вряд ли были необходимы, просто он не знал, что еще сказать. — Никто не подумал, что мангусты охотятся днем, а крысы вылезают из нор по ночам. Так они с тех пор и живут среди тростника бок о бок. Я выпустил его в траву у входа.

Она поблагодарила его за исчерпывающий ответ слабой улыбкой, от которой у него только усилилось сердцебиение.

— Наверное, мангуст — не единственное, чего я никогда не смогу вспомнить.

Грег расслышал в ее голосе мольбу о сострадании, хотя она не осмеливалась поднять голову и взглянуть на него.

— Мне так хочется тебя отблагодарить, — сказала Лаки. — Ведь ты забрал меня из этой ужасной тюрьмы!

— Почему же ты на меня не смотришь? Она подняла на него большие зеленые глаза, в которых блестела какая-то подозрительная влага!..

— Я боюсь, что меня не стоило спасать... Если бы ты знал, как я не хочу быть преступницей!

Господи, неужели это слезы?! Против слез Грег всегда был бессилён. Джессика постоянно прибегала к этому безотказному оружию, добиваясь своего. У Лаки, конечно, было предостаточно причин для слез, к тому же она не знала о его слабости... И все-таки он не должен был ее обнимать, помня сцену в палатке!

Грег поспешно отдернул руку, но было поздно. Она прильнула к нему то ли со вздохом, то ли со всхлипом. У него не осталось выбора: он по необходимости обнял ее за плечи. Видит Бог, иных намерений у него не было. Он просто понимал, что для утешения ей маловато одной собаки.

Ладонь Лаки поползла вверх по его руке, и Грег замер. Он предпочел бы обойтись без ее прикосновений, но теперь это было невозможно. Ее мягкая грудь уже прижалась к его груди. При этом Лаки ничего не предпринимала сама, — она просто нуждалась в его утешении.

— Спасибо за все, что ты для меня сделал, — прошептала она, обдав его шею своим теплым дыханием.

Только этого не хватало! Грег чувствовал, что его уже бросило в жар, и не знал, сумеет ли справиться с собой. Лаки с отчаянным вздохом обняла его, как обнимала до того Доджера. Несколько секунд оба напряженно молчали, не шевелясь, но внезапно Лаки поцеловала его в

щеку.

Это было всего лишь мимолетное прикосновение губ, однако и его оказалось достаточно, чтобы Грег крепко прижал ее к себе. Предполагалось, что это будет короткое дружеское объятие, не более того, но где там! Он сам не заметил, как стал ее целовать, прижимая к себе все сильнее, упиваясь прикосновением ее груди.

В какой-то момент его охватил страх: вдруг она выкинет тот же фокус, который позволила себе в палатке? Но ее мягкие податливые губы лишь безвольно приоткрылись, словно она ожидала от него чего угодно, только не страстного поцелуя. Между тем язык Грега коснулся ее языка — и его охватило вожделение. Лаки сидела не шевелясь, шевелился только ее язык, принимая его ласку, но Грегу почему-то казалось, что она испытывает то же самое.

Он не ожидал от нее ни такой робости, ни такой нежности, и с ужасом чувствовал, что уже теряет самоконтроль. Эта женщина была способна свести его с ума, практически ничего для этого не делая!

Каждый мускул его тела напрягся от желания. Он уже не мог думать ни о чем, кроме того, как примется осыпать поцелуями ее лицо, шею, как доберется до груди. Грег представлял себе, как его язык будет дразнить ее сосок, как он втянет сосок в рот, как его рука заскользит по ее бедру, как он почувствует исходящий из нее манящий жар...

В следующую секунду рядом раздался какой-то шорох, и Грег мгновенно отстранился. Подняв глаза, он обнаружил, что за ними наблюдает женщина.

Черт! Он увидел себя со стороны: устроился между дамских юбок и целуется взапрос с посмешищем всего острова! И кто же застает его за этим увлекательным занятием? Золовка собственной персоной!

Впрочем, лично он явно не вызывал сейчас у Сары Бракстон интереса. Она с неприкрытым любопытством разглядывала Лаки.

7

Лаки смотрела из окна машины на бескрайний океан, золотящийся под лучами заходящего солнца. Оставив позади тонушие в пышной зелени отели и роскошные виллы Вайлеа, они катили по пустому шоссе вдоль Макена-Бич. Здесь было меньше растительности и больше застывшей лавы, чем в благодатной Вайлеа.

Лаки хотелось спросить, куда они направляются, но у нее не хватало духу: после встречи с Сарой Бракстон Грег сделался молчалив. Его красавица золовка была той самой женщиной, что разглядывала ее в отделе перчаток незадолго до этого. Впрочем, потом она вела себя безупречно и даже помогла Лаки выбрать одежду, которой должно было хватить до конца судебного процесса.

Грег дожидался их у кассы. Расплачиваясь, он довольно сухо поблагодарил Сару, »Лаки сочла, что та заслуживает большей признательности. Однако Сара не обратила внимания на его невежливость — возможно, давно привыкла. Лаки помнила слова Грега о том, что у него нет семьи, а теперь вдруг оказалось, что он имеет двух племянников и племянницу: помогая Лаки, Сара гордо рассказывала о своих детях. Очень странно... Может быть, они поссорились?

Лаки надеялась со временем понять, что происходит, а пока украдкой поглядывала на Грега.

Он следил за однорядной дорогой, все больше смахивающей на проселок. Здесь дома отстояли далеко друг от друга, разделенные пляжами из черной гальки. Лаки не знала, куда они едут, но полагала, что Грег везет ее к себе домой.

Почему он с ней не разговаривает? После появления Сары он не вымолвил и двух словечек. И зачем было набрасываться на нее с поцелуями? Ведь он явно этого не хотел, она сама сделала первый шаг, потому что ей требовалось утешение...

Лаки залилась краской стыда — как в тюрьме, когда поняла, что превратилась в местную диковину. То страшное воспоминание разъедало ее, как кислота. Она пыталась сохранить достоинство, но по ее самолюбию был нанесен удар, от которого она вряд ли сможет оправиться.

— Знаешь, что будет, если на следующей неделе ты не явишься в суд? — неожиданно спросил Грег.

Лаки облегченно вздохнула и обернулась. Наконец-то он соизволил к ней обратиться! Но куда он клонит? Лаки сознавала, что еще многое не понимает в этом человеке.

— Куда же я денусь? Благодаря помощи Сары у меня теперь есть во что одеться.

Грег смотрел прямо перед собой, объезжая колдобины.

— Если ты не явишься, я потеряю залог — свой дом. Только сейчас Лаки сообразила, в чем дело. Он просто-напросто боится, как бы она не сбежала! Сердце сжалось от боли. Какой все-таки странный человек! То он обращается с ней, как с желанной женщиной, то как с преступницей...

— Я не убегу! — сказала она, не скрывая негодования. — Явлюсь на суд, как миленькая. К тому времени твой братец, надеюсь, выяснит, кто я такая, а моя семья докажет, что я не крадя машину. Так что не беспокойся за свой залог, и расходы на мой гардероб тебе тоже компенсируют. — Она показала квитанцию. — Я прослежу, чтобы тебе возместили все до цента. Даю слово.

Грег склонил голову набок и задержал на ней взгляд, но ничего не сказал в ответ. А Лаки вдруг стало стыдно, что она так резко говорила с ним. Зачем превращать во врага единственного человека, оказавшего ей помощь? Ведь он рискнул собственным домом, чтобы выволить ее из тюрьмы! Разве можно осуждать его за то, что он тревожится?

— Ты очень много для меня сделал, — сказала она прочувствованно. — Спасибо за одежду и за залог. Ты так мне помог, что было бы просто подлостью подложить тебе свинью.

— Я не думал, что ты сбежишь. Просто хотел, чтобы ты знала ставки.

Его пристальный взгляд снова навел ее на мысль, что она чего-то не понимает.

— Мои ставки тоже высоки. Если я не докажу, что кража машины — не моих рук дело, то сяду в тюрьму. Мне светит минимум три года заключения. Но тебе я никогда не причиню вреда.

Грег кивнул, но ничего не сказал, и это не удивило Лаки: она давно поняла, что имеет дело с человеком, не привыкшим проявлять эмоции. А еще она успела заметить, что ему не нравится, когда до него дотрагиваются. Или это относится только к ней? Когда она обняла его в универмаге, Грег окаменел. Правда, хватило его ненадолго, но тут уже просто заговорило

мужское естество...

— Я раздобуду для тебя лучшего адвоката на Гавайях, — пообещал Грег.

— С меня хватит и защитника, назначенного судом. Он...

— Брось! — Он нетерпеливо махнул рукой. — Тони Трейлор контролирует весь остров. Он — глава местного совета, а это то же самое, что мэр какого-нибудь большого города. Тебя обвиняют в краже его собственности, и уж будь уверена: он надавит на прокурора, чтобы тебе предъявили максимальное обвинение. Тебе вкатят на полную катушку, если мы не напряжем все силы.

Лаки так растрогалась, что едва не расплакалась. Борясь со слезами, она отвернулась и уставилась на океанскую гладь. Пускай Грег колеблется, пускай то верит ей, то сомневается, но в беде он ее не оставит! Лаки вдруг поняла, что для него она не дурочка, не призрак Пиэлы, не мишень для унижительных насмешек, а личность, заслуживающая шанса выкарабкаться.

И когда-нибудь она оплатит ему сторицей!

Лаки владели непонятные ощущения. Она чувствовала невероятную близость к Грегу Бракстону, хотя совсем недавно была, видимо, в близких отношениях с кем-то другим. С мужем? С возлюбленным? Не живет ли где-то человек, который любит и ищет ее?

Лаки мучительно напрягала память, пытаясь припомнить других мужчин, но перед мысленным взором моментально появлялся Грег. Наверное, кто-то другой тоже обнимал и целовал ее, но она ничего не помнила! Мысль об этом рождала боль в том месте, где полагалось размещаться памяти, и Лаки приказала себе не думать. С прежней жизнью было покончено.

Поцелуй в универмаге «Кей-март» был первым в ее жизни поцелуем, Грег — первым мужчиной, который ее обнял! Лаки не могла поверить, что другой мужчина когда-либо вызывал у нее такие сильные чувства. Ей казалось, что важнейшая часть ее естества, об утрате которой она не подозревала, вдруг нашлась. Вернее сказать — обнаружилась. И называлась она потрясающим физическим наслаждением от поцелуя.

Лаки покосилась на Грега. Интересно, как относится к их поцелую он? Но на его невозмутимом лице ничего невозможно было прочесть. Скорее всего он подслушал, что она говорила Доджеру, и счел необходимым ее утешить. Для него-то этот поцелуй уж точно не первый, и он не усматривает в нем ничего особенного.

«Лучше приди в себя! — приказал внутренний голос. — Наберись сил; тебя ждут нелегкие испытания. Хватит изливать душу собаке и мечтать, чтобы Грег обнял тебя еще разок».

Грег сбавил ход и съехал на грунтовку, ведущую к океану. Лаки увидела мыс, окруженный черным вулканическим пляжем, и дом. Вполне современный дом, который довольно странно выглядел в этом безлюдном месте. Интересно, сколько отсюда до ближайшего жилья? Наверняка не меньше полумили.

— Тебя здесь вряд ли беспокоят соседи, — заметила она.

— У нас тут мораторий на строительство. Если он будет снят, живо повырастают отели, понаедут туристы, чтобы жариться на солнце, пить «Май Таис» и требовать снижения цен.

— Да, пожалуй, это бы действительно все испортило, — сказала она, озираясь.

В сгущающихся сумерках еще можно было разглядеть склоны, поднимающиеся от самого пляжа и устремляющиеся к вершине вулкана Халеакала. Вокруг дома торчали из вулканической почвы клочки дикой травы и имбиря, как-то разнообразившие безжизненное пространство. Выше начинались плантации ананаса и сахарного тростника, который тихо покачивался на ветру.

— Что это? — Лаки указала на подковообразную скалу, выступающую из океана неподалеку от берега.

— Кратер Молокини, жерло потухшего вулкана. Вроде Халеакала, только меньше. Теперь здесь обосновались ныряльщики.

Она хотела что-то сказать, но промолчала, увидев неподалеку от дома машину — белый вездеход «Бронко» с надписью «Полиция Мауи».

В наступившей тишине Лаки услышала, как отчаянно бьется ее сердце. Только не это! Неужели ее хотят снова арестовать? Впрочем, разве такое возможно? Ведь ее выпустили до суда под залог. А вдруг ей предъявят новое обвинение? Вдруг узнали что-то еще про погибшую туристку?

Спокойнее, приказала она себе. Без паники.

— Это мой брат. — Грег нажал кнопку, открывающую ворота гаража. — Забери Доджера. Я поставлю машину и поговорю с братом.

Коди ждал, опираясь на крыло машины, пока Грег покажется из гаража. Он вернулся на остров всего час назад, и на него сразу же обрушились малоприятные новости. Его встретила суматоха. В полиции ему сообщили, что Грег внес за Лаки залог, и через несколько минут позвонила Сара. Грег определенно свихнулся, иначе не стал бы целоваться с этой развратницей на полу в «Кей-март»!

Их остров невелик, а в этом универмаге всегда толчется масса народу. Вот еще тоже изнанка рая: чудесный климат, потрясающие виды и совершенно сумасшедшие цены в связи с наплывом туристов. Местное население вынуждено довольствоваться уцененными товарами в «Кей-март».

В общем, весть о безобразии в универмаге мигом облетит остров. Коди не слишком опасался сплетен теперь, когда остался позади связанный с ним самим громкий скандал. Просто ему не хотелось, чтобы у брата возникли неприятности из-за дурной бабы. Кто знает, что у этой Лаки на уме?

Надо же, раз в кои-то веки попало интересное расследование, и в него оказался замешан Грег.

Коди качал головой, глядя на одинокий домик. Здесь он всегда чувствовал себя отрезанным от остального мира. Как Грег выносит такую изоляцию? Как вообще может нравиться подобное одиночество? Коди никогда не понимал экстравагантности брата. Лично он предпочитал пологие холмы, луга с густой травой, ковбоев и фермеров по соседству. В общем — людей. Он никогда не согласился бы жить в такой глуши, под рокот волн, в отрыве от цивилизации.

Грег вышел из гаража с недовольным выражением лица, и Коди сразу засопел: ему не хотелось ссориться.

— Мне сказали, что ты внес за Лаки залог.

— Да, ну и что же?

Коди понял, что брат, как всегда, готов к бою.

— Ты все хорошо продумал?

— Твой надзиратель пустил пол-острова поглазеть на Лаки за пять баксов с носа!

— Уже слышал. Ничего. Я с ним разобрался.

— Лаки могла бы предъявить иск в связи с нарушением ее гражданских прав и обанкротить весь остров.

Коди вытер лоб. Тони Трейлор уже поднял крик: как же, братец Коди лишил островитян призрака Пиэлы! Для Трейлера, этой жирной свиньи, не существует морали, для него главное — голоса избирателей. Он скорее пожертвует Коди, чем лишится хотя бы одного голоса.

— Напрасно ты в это лезешь, Грег. Вот увидишь, она принесет тебе одни неприятности.

— У Лаки потеря памяти. Ей нужна помощь. Обращаться с ней как с преступницей — значит загонять ее в могилу.

— В поставленном ей диагнозе есть одна неясность. — Грег приподнял бровь, и Коди воодушевился. — У нее не отшибло обоняние!

— При чем тут это?

— Я только что из Гонолулу. Тамошняя полиция разослала результаты ее тестов в разные университетские больницы и получила противоречивые ответы. Одни согласны с нейрохирургами, обследовавшими Лаки здесь, другие не усматривают у нее признаков синдрома Хойта — Мелленберга. Эти специалисты утверждают, что при настоящей потере памяти должно пропасть и обоняние, а Лаки по-прежнему различает запахи.

За этим сообщением последовала тишина, нарушаемая только шумом прибора. Коди с тревогой смотрел на брата. Грег всегда был одиноким волком, замкнутым и нелюдимым, но теперь с ним произошла перемена. Только пока что Коди не мог разобраться, какая именно.

— Этим соображением можно было бы пренебречь, — оговорился он, когда молчание стало невыносимым. — В конце концов, амнезия Хойта — Мелленберга — редкая болезнь, в каждом случае могут быть свои особенности. Но вот туфля...

— Какая еще туфля?!

Значит, Грег не знает о туристке? Наверное, он улетел с Доджером в Сан-Франциско еще до того, как вскрылось это дело. Коди рассказал Грегу о погибшей туристке и о появлении год спустя ее туфли. К этому времени стало совсем темно, над океаном поднималась луна. Темнота мешала разобрать, как Грег относится к его рассказу.

— Наверняка существует какое-то разумное объяснение, — нахмурился Грег, дослушав. — Ты ведь, кажется, решил тогда, что это несчастный случай. Как бы то ни было, я уверен, что Лаки тут ни при чем.

— Ты так считаешь? — Коди призвал себя к спокойствию и быстро сосчитал до трех. — Эта туристка сорвалась в пропасть вблизи пика Иао. Не могла же она туда забраться в одной теннисной туфле! К тому же в волосах у нее нашли каких-то странных жуков.

— Жуков?!

— Да,дохлых жуков. Здесь никто таких прежде не видал. — Коди покачал головой. — Знаешь, что я думаю? Кто-то завез ее повыше, немного протащил волоком и сбросил вниз. Это должно было выглядеть, как несчастный случай.

— У Лаки не хватило бы сил, чтобы затащить тело на гору! — возразил Грег со свойственным ему упрямством.

— Я и не говорю, что это сделала она. Просто я уверен, что она что-то знает, но помалкивает. Я отправил ее отпечатки в ФБР. Посмотрим, какой будет ответ. — Коди открыл дверь своей машины и бросил через плечо: — Учти, я передал фотографию Лаки в аэропорт и портовой администрации. Она не сможет покинуть остров.

— У нее все равно нет денег на билет, — ответил Грег уже без прежней уверенности в голосе. Коди включил зажигание.

— Надеюсь, ты помнишь, что у твоей Лаки не все в порядке с головой. Только свистни — и мы снова упрячем ее за решетку.

— И не подумаю! — решительно заявил Грег.

— Ладно, мое дело — предупредить. В любом случае, спрячь от нее оружие. Мне ни к чему новый труп! — Коди спохватился: последняя его реплика прозвучала не очень-то по-братски. — Seriously, я за тебя беспокоюсь. Грег, я знаю, что ты по-прежнему считаешь меня виновным в гибели Джессики. Прошое я изменить не в силах. Я совершил ошибку, которую мне никогда не исправить. Но я не хочу, чтобы теперь пострадал ты!

Коди уехал, а его прочувствованная тирада все еще звучала у Грега в ушах. Простить Коди? Нет, это невозможно. Бывают раны, которые никогда не затягиваются. Воспоминания о той странной ночи, когда он застал свою жену с братом, были так же болезненны, как если бы это случилось вчера. Поэтому он старался им не предаваться.

— Как насчет спагетти? — спросила Лаки, когда Грег спустя несколько минут заглянул в кухню.

— Пожалуй, — ответил он, с удивлением рассматривая ее.

Она порхала по кухне Джессики, чувствуя себя совсем как дома. Пусть Коди и не мог рассчитывать на его прощение, было бы идиотизмом не прислушаться к предостережению брата. Любому тупице было ясно, что случившееся с Лаки — не просто дорожная авария. Эта женщина находилась в центре гораздо более серьезных событий.

— А что ест Доджер? — спросила она. Грег пожал плечами.

— Я сам накормлю его.

Он зашел в чулан и насыпал в миску Доджера четыре мерных чашки сухого корма. Пес

дисциплинированно сидел рядом, дожидаясь команды «Ешь!». Грег щелкнул пальцами, указал на миску, и Доджер с жадностью набросился на еду.

— Какой воспитанный! — восхитилась Лаки. Грег вздрогнул от неожиданности. Оказалось, что она наблюдает за ними из двери, а он и не слышал ее шагов.

— Да, это собачка что надо. — Грег потрепал Доджера по спине. — Пойдем, я покажу тебе комнату для гостей.

Он пересек кухню и вышел в коридор. Джессика в свое время постаралась сделать комнату для гостей уютной, твердя, что к ним будут часто наведываться ее родители. Разумеется, надежды оказались тщетными. Грег видел их всего два раза: на свадьбе и на похоронах Джессики.

Просторное ложе на возвышении было покрыто бежевой шелковой накидкой — цвет, который Джессика упорно называла «кофе с молоком». Черная лакированная спинка в виде раскинутых лебединых крыльев, черная отделка... Но эта комната давно уже выглядела нежилой — даже на аскетический вкус Грега.

Однако Лаки, кажется, здесь понравилось.

— Вот это да! — воскликнула она, дотронувшись до его руки.

Грег резко отстранился. После их поцелуя в универмаге он меньше всего хотел, чтобы она прикасалась к нему, потому что боялся лишиться тормозов.

— Здесь шкаф. — Он открыл дверцу в стене. Шкаф был достаточно вместительным, и в нем хватало вешалок для одежды, купленной Лаки.

Грег ушел просматривать почту, чтобы дать ей возможность разобрать вещи. Когда она прошла мимо него в кухню помешать закипавшие спагетти, он заставил себя не повернуть головы. Стоит заглянуть в ее зеленые глаза, отдать должное соблазнительным изгибам фигуры — и в голове обязательно появится непрошенная картина: она лежит на спине, подставляя ему груди, обхватив его длинными ногами, помогая ему овладеть ею...

Черт! Как он проведет ночь под одной крышей с этой женщиной?! Если бы не тот поцелуй, он бы не знал, какова она на ощупь, до какого состояния способна его довести... Грег разбирал письма, гоня от себя подобные мысли.

— Тебе не нравится? — разочарованно спросила Лаки за ужином, видя, что он почти не притрагивается к спагетти.

— Наоборот! — честно ответил Грег.

Соус получился восхитительным. Оставалось гадать, как она умудрилась так быстро приготовить это лакомство. Джессика торчала в кухне часами, использовала всю наличную посуду, сверялась с дорогими кулинарными книгами, а соус обычно получался так себе.

Впрочем, ее интерес к гастрономии в основном сводился к приобретению новейшего кухонного инвентаря и собиранию красочных кулинарных справочников.

— Просто я слишком устал. Я ведь все еще живу по материковому времени, для меня сейчас уже середина ночи.

— Тогда иди спать. Я приберусь и выключу свет.

— Хорошо. — Грег поднялся, жестом приказав псу остаться. — Доджер побудет с тобой. Прежде чем лечь спать, выпусти его из дому.

Лаки улыбнулась Доджеру, и Грег успокоился: если она вздумает сбежать, Доджер его разбудит.

Он разделся до трусов и улегся. В раздвинутое окно от пола до потолка проникал запах океана и убаюкивающий шум прибоя. Спальню заливал свет луны, под потолком негромко жужжал вентилятор.

Грег любил это место — суровый океан, омывающий мыс и уходящий за горизонт, шум ветра, пенный прибой у прибрежных скал, неторопливо вылепливающий из них нечто по своему непостижимому усмотрению. Мудрое спокойствие природы всегда манило Грега. Здесь его беды казались незначительными, превращались в мелкие эпизоды на фоне нехватки бытия.

Домашний, уютный звон посуды в кухне помешал ему сразу уснуть. Только сейчас он понял, какая тишина царит в его доме на протяжении двух последних лет. Когда Джессики не стало, дом словно умер вместе с ней. Однако этим вечером он ожил — благодаря Лаки. Он слышал ее голос и догадывался, что она беседует с Доджером.

Внезапно Грега пронзило желание, и он снова разгневался на самого себя. Однако желанию было наплевать на его гнев. Что с ним происходит, в конце концов? Разве женщины для него недоступны? Чтобы утолить желание, достаточно было наведаться в бар любого отеля — там кишели красотки на любой вкус. Заезжие дамочки с удовольствием прыгали с ним в постель. Грега в них больше всего привлекало то, что они быстро улетали с острова.

Но Лаки — другое дело. После смерти Джессики он ни разу не привозил женщин к себе домой. Мимолетный секс в гостиничных номерах устраивал его гораздо больше: ему не нужны были осложнения, каковыми чревата длительная связь. Однако в этот раз он перешагнул некий рубеж, не поняв вовремя, что вводит Лаки не просто в свой дом, а в свою жизнь.

Грегу припомнилось, каким серьезным стало лицо Коди, когда он заговорил о Лаки. Грег и сам прекрасно знал, что психопатки часто бывают очаровательными, еще чаще — сексуальными. Однако представить себе Лаки опасной не мог, как ни старался.

Тем не менее надо было соблюсти хотя бы минимальные меры предосторожности. Грег встал с кровати, вытащил ключи от машины из кармана брюк и спрятал их под матрас. Потом, повернувшись к стене, постарался выбросить Лаки из головы и сосредоточиться на неразберихе, которая воцарилась в институте за неделю, что он отсутствовал. Кто-то приволок раненую акулу, хотя никто не знал, как ее лечить...

Институт специализировался на китах-горбачах и тюленях-монахах. Даже на проекты, связанные с этими видами, денег было в обрез, но попробуй объясни это добровольным помощникам, из которых по большей части состоял персонал! Они обожали океан и все живые существа, населяющие его глубины. Увы, Грег давно уже усвоил, что на спасение всех морских обитателей надежды нет.

Иногда сил хватало только на то, чтобы спастись самому...

Его мысли утратили отчетливость, и он закрыл глаза, слушая прибой и тихий голосок Лаки.

Внезапно перед ним возник тропический лес и Коди с винтовкой. Кажется, они тогда охотились на диких свиней, кишмя кишаших в округе. Это было очень давно, еще при жизни Джессики...

Тишину разорвал детский плач. Грег испуганно встrepенулся и сел на постели. Видимо, он уснул. Судя по духоте в темной комнате, опять отказал вентилятор. В доме было тихо, на циферблате часов горели цифры 2:14. Выходит, он проспал не один час!

Никаких детей в комнате, конечно, не было — скорее всего похожий на плач звук издал вентилятор, прежде чем предательски замереть. Тем не менее этот плач не выходил у него из головы. Он казался очень реальным, как иногда бывает со снами.

Почесав щетинистый подбородок, Грег снова откинулся на подушку и приказал себе спать. Скрип двери заставил его снова открыть глаза и напрячь зрение. Он оставил дверь приоткрытой, чтобы в случае исчезновения Лаки у Доджера была возможность сообщить об этом хозяину. А вдруг это пришла она? Грег ждал, боясь и одновременно желая появления на пороге высокой стройной фигуры, однако в спальню вбежал Доджер. Грег мгновенно вскочил: это могло означать одно — бегство Лаки.

8

Грег помчался по дому, проклиная Лаки за коварство. Заглянув в комнату для гостей, он удостоверился, что на кровати спали, причем, судя по состоянию простыней, крайне беспокойно. На тумбочке лежала раскрытая книга, но самой Лаки в комнате не было.

— Господи!

Грег не помнил, когда его в последний раз охватывало такое отчаяние. А еще обещала не доставлять ему неприятностей... Паршивка! Она лгала ему в глаза, прикидывалась невинной подстреленной ланью, чтобы полностью его обезоружить!

Грег щелкнул выключателем, но свет не загорелся. Великолепно! То ли очередное обесточивание на линии, то ли проделки той же Лаки.

— Зачем ей это понадобилось? — бормотал он, выбегая из комнаты.

Действительно, какой толк в крошечной тьме? Он натянул только шорты, даже не вспомнив о рубашке, нашел под матрасом ключи от машины и выскочил из комнаты.

— Скорее, Доджер! Она не могла уйти далеко. Грег почти достиг выхода, когда спохватился, что Доджер не бежит за ним. Последний раз он видел его в комнате для гостей. Он снова позвал, на сей раз громче:

— Доджер, Доджер!

Но Доджер не отозвался. Грег метнулся на кухню, напряженно прислушиваясь. Шестое чувство подсказывало ему, что Лаки, возможно, где-то в доме. Его взгляд упал на выдвинутый ящик для ножей, лезвия блестели в лунном свете. Грег сразу определил, что самый большой нож отсутствует.

— Дьявол, что она задумала?!

В памяти всплыли слова Коди: «Мне ни к чему новый труп». Немедленно найти ее, отнять нож и снова запереть в тюрьме! Никогда больше не соваться не в свое дело! Погрузиться в работу, забыть прошлое — и Лаки. В конце концов, сколько можно с ней возиться?

Грег пересек гостиную. Луна давала достаточно света, чтобы убедиться, что Лаки нет и здесь. Доджера тоже нигде не было видно. Грег не представлял себе, какие планы бродят в ушибленной голове Лаки, но клялся себе, что, найдя ее, не клюнет больше на эту наживку. Пускай дожидается суда в тюрьме!

Казалось, в доме никогда еще не было так тихо — слышался только монотонный шум прибоа. Но через секунду тишину нарушил жалобный вой.

Доджер! Что она с ним сделала? Грег ринулся на звук, готовый запустить в чертовку первым попавшимся под руку предметом, и с порога гостевой комнаты увидел Доджера. Нет, он решительно перестал понимать поведение своей собаки.

Пес застыл в стойке у двери стенового шкафа. Это означало, что Лаки спряталась в шкафу, но почему Доджер не лает? Условным сигналом был лай, а не скулеж! Или он почувал опасность и таким образом предостерегает хозяина?

Он жестом приказал Доджеру отойти от шкафа, и пес затрусил к двери. Грег прикинул, что подготовка, полученная в спасательной команде, обеспечит ему победу над женщиной, пусть и вооруженной огромным ножом. Но на всякий случай он прижался спиной к стене и лишь тогда рванул дверную ручку. Дверца распахнулась. Грег ждал, напрягшись всем телом. По голой спине между лопатками сбежал пот. Но никакого движения не последовало, и он осторожно заглянул внутрь.

Луч луны осветил ноги Лаки, ногти, покрытые кричащим лаком. Грег отшатнулся, но в следующее мгновение сообразил, что, судя по положению ног, она вряд ли собирается полоснуть его ножом.

Лаки спала в шкафу, свернувшись калачиком и подложив под голову подушку с кровати! Зловещее лезвие ножа отражало лунный свет. На ее щеках остались следы слез, ресницы были влажными.

Только сейчас до Грега дошло, что разбудивший его плач был не детским: это плакала Лаки. Он вспомнил рассказы зевак о том, что в тюрьме Лаки спала под койкой. Значит, спряталась она не для того, чтобы неожиданно наброситься на него, а чтобы уснуть! Вот и подушку притащила с собой...

Но чего она так боится? Как ни противно ему было соглашаться с братом, от правды не уйти: Лаки знала больше, чем хотела признать. Иначе зачем было брать с собой в шкаф нож?

Внезапно Лаки пошевелилась, потянулась, выпрямила ноги. Сорочка задралась. Очевидно, она вымыла голову — мокрые волосы рассыпались по плечам. Она что-то пролепетала во сне, и этот тревожный звук, напомнил Грегу разбудивший его плач.

Он опустился на колени и дотронулся до ее щеки.

— Лаки, проснись!

Она распахнула глаза и уставилась на него. У нее был совершенно растерянный, дикий взгляд, и Грег поневоле вспомнил ночь в палатке. Он покосился на нож, не зная, чего от нее ожидать.

— Грег? — прошептала она и всхлипнула. — Ты меня нашел...

Выходит, она пряталась от него? В это было настолько трудно поверить, что он моментально забыл про нож.

— Зачем ты пришел? Я не хочу, чтобы ты видел меня такой! — Она села, не замечая, что сорочка спустилась с плеча, почти обнажив грудь. — Не хочу, чтобы ты считал меня сумасшедшей.

Может быть, она и не хотела этого, но было поздно. Теперь Грег уже не сомневался, что перед ним — самая что ни на есть клиническая помешанная. Однако это, как назло, не лишало ее привлекательности! Лаки казалась несчастной и потерянной, но это почему-то лишь подчеркивало ее чувственность. Собственная неспособность реагировать на нее спокойно страшно раздражала его.

— Что тебе понадобилось в шкафу? — спросил Грег резче, чем собирался.

— Я испугалась... Когда я засыпаю, мне всякий раз начинает слышаться детский плач.

— Детей здесь нет на много миль вокруг.

— Знаю. — У нее был умоляющий, страдальческий взгляд. — Плач раздается вот здесь, у меня в голове. Мне начинает казаться, что со мной вот-вот случится что-то ужасное!

Он не знал, как на это ответить. Значит, она слышит голоса, не понимая, что сама производит пугающие ее звуки? Что с ней творится? И как ей помочь?

— Меня охватывает неодолимое желание забиться под кровать — как там, в тюрьме. Но под эту кровать не залезть... А я не могу уснуть, пока не спрячусь.

Боже! Она действительно сумасшедшая!

— Тебе мои слова кажутся бессмыслицей, правда, Грег?

«Еще какой!» — хотелось ответить ему. Но мешало воспоминание о пронзительном плаче, в котором звучало детское бездонное отчаяние. Это была мольба о помощи. Лаки только казалось, что плач раздается у нее в голове, на самом же деле...

— Постарайся меня понять! — взмолилась она, не скрывая боли; тонкие пальцы теребили край сорочки. — Я совершенно измотана. Мне необходимо хоть немного поспать. После больницы я толком не спала, потому что мне перестали давать снотворное. Закрой шкаф и уходи. Все будет хорошо, обещаю.

Что тут ответить? О том, чтобы оставить ее на полу в стенном шкафу, не могло быть речи. У него не оставалось выбора. Он встал и заставил подняться Лаки.

— Ложись в постель. Я посижу с тобой, пока ты не уснешь.

— Мне не хочется тебя затруднять... Грег решительно повел ее к постели, поддерживая за талию.

— Все в порядке. Мы с Доджером приглядим за тобой. А ты давай, спи.

Он заставил себя отвернуться, чтобы Лаки могла спокойно улечься и натянуть простыню до

подбородка, после чего уселся с ней рядом, опершись спиной о резную спинку кровати и вытянув ноги. Доджер подошел ближе и лизнул Лаки руку.

— Теперь я в безопасности, — сообщила она собаке и закрыла глаза. — Больше не надо прятаться...

Грег ждал, когда она уснет, глядя в окно. Это окно выходило на Халеакала, который казался в полнолуние загадочным фантомом на фоне звездного неба. В призрачном свете бесшумно скользили летучие мыши, отбрасывая причудливые тени: наступило их время, и они покинули дневные убежища на верхушках деревьев. Обычно мать-природа оказывала на Грега умиротворяющее действие, но только не в эту ночь...

Этой ночью весь его мир перевернулся с ног на голову! Он чувствовал себя игрушкой в руках разгулявшейся стихии эмоций — чужих и своих собственных. Грег с нетерпением ждал рассвета как решения всех проблем. Прислушавшись, он различил мерное дыхание Лаки и облегченно перевел дух. Еще через несколько минут он разрешил своим глазам закрыться.

...Грег очнулся от дрожи, сотрясающей кровать, и не сразу понял, где находится. Потом в памяти возникли недавние события — причем с такой ясностью, словно он снова переживал все это: стенной шкаф, кухонный нож... Лаки дрожала, как в лихорадке, и он машинально обнял ее за плечи.

— Я здесь. Лаки! Тебе ничто не угрожает. С ее губ слетало неразборчивое бормотание, руки отчаянно комкали простыню. Грег прижал ее к себе покрепче и поймал рукой оба запястья.

— Лаки! — произнес он громче, решив, что надо ее разбудить. — Я здесь, с тобой.

Он повторял слова утешения до тех пор, пока она не успокоилась. Ее голова перестала колотиться о подушку, тело расслабилось, она выпустила измятый край простыни. Грег перестал держать ее за руки: она не двигалась, и только сердце колотилось так, что ему были слышны эти удары.

Потом Лаки повернула голову и взглянула на него. Только сейчас Грег осознал, что лежит рядом с ней в постели, изо всех сил прижимая ее к себе.

— О, Грег! Я так испугалась!

Он отодвинулся, стараясь соблюдать дистанцию, ибо его мужское естество автоматически реагировало на ее близость.

— Чего ты боишься?

— Сама не знаю... Мне что-то снилось, но это было очень похоже на явь. Знаешь, как бывает во сне? Будто я прячусь в стенном шкафу, и кто-то хочет меня оттуда достать.

— Кто?

— Не знаю. Правда, не знаю! — Она пошевелилась, ненароком коснулась грудью его руки. — Где нож?!

— Остался в шкафу.

— Мне было бы лучше, если бы он был при мне.

— Нож тебе ни к чему, — твердо сказал Грег. — Ты в полной безопасности.

Она прижалась к нему, все еще дрожа; было совершенно ясно, что ей по-прежнему страшно. Его окатило теплом ее тела, ее губы, словно созданные для поцелуев, оказались в опасной близости от его губ.

«Ради всего святого, встань, уйди!» — твердил себе Грег.

Но его руки уже гладили ее плечи, мышцы живота напряглись, собственный ускоренный пульс отдавался в ушах. Она была так близко, что казалось, ее сердце колотится в его грудной клетке.

Боже, что она с ним сделала?! Грег напомнил себе, что, судя по всему, имеет дело с обычной потаскухой, если не хуже. Когда-то женщина, очень похожая на эту, сломала ему жизнь. Но его телу не было ни малейшего дела до доводов рассудка!

— Лаки... — пробормотал он и увидел ее глаза — почти черные в лунном свете, лишь с легкой примесью зелени: глаза, горящие вожделением.

Она первой сделала шаг навстречу: с поразившей его робостью дотронулась губами до его губ, и Грег не смог больше сдерживаться. Он прижал ее к себе и стал страстно целовать, давая языку возможность совершать то, что стремилось совершить его тело. В этом поцелуе не было ни малейшей нежности, а только недвусмысленное плотское желание.

И желанию понадобились считанные секунды, чтобы затмить его разум! Мгновение — и он заставил Лаки принять положение, в котором столько раз ее представлял: опрокинул на спину и лег сверху, так что его бедра оказались у нее между ног. Тело Лаки мгновенно выгнулось ему навстречу, готовое принять его в себя, губы приоткрылись, и язык Грега глубоко погрузился в ее рот.

Он желал ее так сильно, что вполне мог опозориться, как сопливый мальчишка на заднем сиденье старого «Шевроле». Он не помнил, когца в последний раз испытывал такое непосильное возбуждение. Может быть, вообще никогда? Грег из последних сил старался обрести контроль над собой. Он чуть отстранился, сделал глубокий вдох, чтобы немного успокоиться, и с изумлением увидел на ее лице выражение, близкое к благоговению. Можно подумать, что она в него по уши влюблена! Но это, конечно, было невозможно.

— Не останавливайся, — прошептала Лаки.

— И не подумаю!

Страсть, которую Грег пытался сдерживать, победила, и он рванул дурацкий бантик, удерживавший вместе полы ее сорочки. Наконец-то он увидел во всей красе ее грудь, большие напрягшиеся соски, алчущие поцелуев. Грег раздвинул края сорочки и взял в ладони ее груди, прикоснувшись большими пальцами к кончикам обоих сосков.

— О, Грег! Я не знала...

Он спрятал лицо в манящей ложбинке, вдохнул исходящий от Лаки головокружительный аромат, а потом осыпал ее грудь поцелуями. Втягивая сосок в рот, он мысленно сравнивал его с цветочным бутонem и не отпускал до тех пор, пока она не изогнулась, уперевшись в кровать затылком и пятками.

Ее руки скользили по спине Грега, короткие ногти вонзались в кожу, только усиливая его возбуждение. Натешившись с одной грудью, он принялся за другую, понимая, что долго это не продлится: «молния» на его шортах разойдется от напора восставшей плоти, и тогда...

Но в последний момент в голове словно зазвонил колокольчик — он вспомнил о предохранении. Только этого не хватало! Грег держал свои презервативы в бардачке машины, ибо никогда не возил женщин к себе, а всегда сам ездил к ним. Но не бежать же за ними сейчас!

Как бы то ни было, эта простая мысль отрезвила мозг, пошедший было на поводу у желания. Ясно, что Лаки стремится с ним переспать, чтобы еще больше привязать его к себе. Она рассчитывает, что он не сможет перед ней устоять...

Надо признаться, пока ей сопутствовал успех. Его тянуло к ней, как магнитом. Но Грег понимал, что, единожды овладев ею, не успокоится и превратится в послушную игрушку в ее руках. Эта женщина оказывала на него какое-то колдовское действие. Он и глазом не успеет моргнуть, как она схватит его за причинное место и поведет в нужном ей направлении.

«Не поддаваться! — приказал себе Грег. — Не уступать!» Конечно, после этого его «рабочий инструмент», устоявший против соблазна, неделю будет отливать синевой... Зато его гордость будет удовлетворена тем, что он не позволил манипулировать им еще одной женщине!

Грег прочертил языком дорожку у нее на животе. Ее сладкий запах стал еще более соблазнительным, когда он добрался до темных курчавых завитков; все его силы уходили сейчас на борьбу со своим желанием.

Грег запустил пальцы в заросли, заставив ее застонать.

— Какая ты влажная! — проговорил он, удивляясь сочетанию готовности и тесноты. — И такая сладкая!

— Что ты делаешь? — пролепетала Лаки.

— Мою золото, — отозвался он.

Собственная глупая шутка могла бы вызвать у него смех, но напряжение было слишком велико. Она сводила его с ума, но он дал себе слово не признаваться ей в этом.

Прошло гораздо меньше времени, чем он предполагал, всего несколько секунд — и внутри у нее произошел взрыв, разбежавшийся волнами по всему телу.

— О! — вскрикнула Лаки. — Помоги!.. Грег опрокинулся на спину, пыхтя, как загнанный конь. Ему казалось, что в шортах у него подожженная динамитная шашка, рядом лежала женщина, которую он сам довел до неистовства. Соблазн накинуться на нее, ворваться, погрузиться до отказа был слишком велик, почти непреодолим. Но он твердил про себя:

«Ничего, переживешь!»

Впрочем, неизвестно, чем все это кончилось бы, но внезапно Грег услышал ровное дыхание Лаки. Ее мерно вздымающаяся и опадающая грудь ясно свидетельствовала, что она уже спит! Ему осталось только пожирать глазами ее роскошное тело и гадать, усвоила ли она урок... А состоял урок в том, что он больше не позволит женщинам ездить на нем верхом!

— Человек по имени Грег Бракстон внес за нее залог, — сообщил Король Орхидей своему партнеру.

— Нам что-нибудь о нем известно?

Партнер делал вид, что очень увлечен цифрами поставок орхидей из Сингапура на компьютерном мониторе. Его голос почти не выдавал тревоги, но Король полагался на свое чутье. Партнера явно расстроило, что она нашла себе другого, и его можно было понять. Когда у нее появлялся помощник-мужчина, она делалась опасной. Оставалось надеяться, что она ничего не вспомнит.

— Это тот самый, который ее подобрал, — продолжил Король. — Доброволец из местной спасательной команды, директор Института морских исследований.

Партнер обернулся.

— Этот Бракстон женат?

— Нет. Его жена погибла в автокатастрофе два с лишним года назад.

— Значит, мисс Девять Жизней взяла его в оборот?

— Похоже на то, — согласился Король. — Интересно, что она затевает на этот раз? Может, у нее все-таки и в самом деле отшибло память?

— Дудки! Сплошное кривляние. Она до сих пор не выдала нас по единственной причине: знает, что у меня на руках козырной туз.

Король нахмурился. Грег Бракстон был практически неизвестной величиной. Уже судя по одному имени — крепкий орешек. И явно неглупый. Банки данных, к которым у Короля был доступ — то есть почти все существующие, — содержали о нем прискорбно мало информации. Стипендиат Массачусетского технологического института, параллельно с учебой — работа; после окончания получил грант на научные исследования в морской секции Вудс-Хоул, по завершении которых вернулся на Гавайи.

Королю не нравилась эта скудость сведений. Большинство людей оставляют следы, по которым можно легко пройти в Интернете, сохраняя анонимность. Бракстон оказался исключением из этого правила.

Хуже всего было то, что Король уже представлял любимую женщину в объятиях этого Бракстона! И это порождало у него нестерпимое желание прикончить обоих.

Лаки смотрела в окно кухни. Солнце отражалось в воде, и казалось, что в океан свалились с неба тысячи звезд. Как хорошо жить! Как красив, как полон надежд этот мир с утра! Полная противоположность ночи, когда она забилась в стеной шкаф.

Она пекла оладьи с орехами, гадая, какими глазами посмотрит на Грега, когда он проснется. Вспоминая, что он сделал с ней ночью, она жмурилась от удовольствия и в то же время недоумевала. Еще вчера Лаки не могла предположить, что у Грега существуют какие-то проблемы. Он казался ей настоящим мужчиной, способным заняться с ней любовью. Но он почему-то предпочел воздержание...

В чем же дело? Она чувствовала, что Грег готов овладеть ею, однако в последний момент он не

пожелал этого сделать. Что с ним? Может, ей полагалось бы знать, но знание вылетело у нее из головы — как с тем же мангустом?

Почувствовав, как ей в бедро ткнулся холодный нос Доджера, Лаки поняла, что Грег встал. Нагнувшись, чтобы приласкать пса, она услышала его шаги.

— Давно проснулась? — спросил он. Лаки с улыбкой выпрямилась.

— Пару часов назад. Успела сварить кофе и принялась за оладьи.

Грег подошел к плите и налил себе кофе. Он остался в тех же шортах, которые она видела на нем ночью. Со всклокоченными волосами и несколько смущенным, растерянным выражением лица он неожиданно показался ей похожим на мальчишку. Сейчас не составляло труда представить, каким он был в детстве.

Но вот Грег обернулся, посмотрел на нее, прихлебывая кофе, и она снова почувствовала унижение — в последнее время это случалось с ней все чаще.

— Прости меня за то, что случилось ночью. Я имею в виду шкаф.

Грег лишь небрежно пожал плечами. По его лицу невозможно было понять, как он настроен.

— Сегодня мне гораздо лучше, — сказала Лаки, стараясь снять напряжение беспечным тоном. — Поразительно, какое облегчение приносят несколько часов сна!

Грег молча сел за стол, а она боялась молчания и поэтому чувствовала себя обязанной говорить.

— Я тут размышляла... — Лаки поспешно отвернулась, не выдержав его пристального взгляда.

На самом деле она не только размышляла. Отправив в духовку очередную порцию оладий, Лаки, не удержавшись, позвонила в полицию. Результат оказался отрицательным: ее так никто и не опознал... Но она не могла навязываться Грегу и дальше! Теперь от нее требовались самостоятельные действия.

— Я тут размышляла, — повторила она, снова повернувшись к нему. — С медицинской точки зрения, мне ничто не мешает вспомнить свое имя. Тем не менее у меня не получается, честное слово! Как ты думаешь, что если подействовать на меня гипнозом? Вдруг имя само сорвется с языка?

Грег смотрел на нее абсолютно бесстрастно, но Лаки чувствовала, что он не верит в успех. А ей-то казалось, что она нашла такой удачный выход из положения!

— Наверное, Коди мог бы найти психиатра, практикующего гипнотерапию, — помолчав, сказал Грег.

— Спасибо! Я так надеюсь, что...

Лаки не договорила; в следующую секунду до них донесся хруст застывшей лавы под колесами машины. К дому подъехал уже знакомый полицейский «Бронко». Господи, ну почему полиция не может оставить ее в покое?!

Войдя и увидев Грега живым и здоровым, Коди облегченно перевел дух. Он обрадовался бы еще больше, если бы брат не был, по своему обыкновению, так хмур.

— Каким ветром тебя сюда занесло? — осведомился Грег ледяным тоном.

Вместо того чтобы признаться в своих тревогах, Коди уселся и принялся сочинять:

— Я подумал, тебе будет любопытно узнать, что ответило ФБР, изучив отпечатки пальцев. — Ничего подобного, — неожиданно вмешалась Лаки, подав Грегу тарелку с оладьями, от аппетитного вида которых у Коди заурчало в животе. — Вы просто боялись, что я убью Грега!

Коди не выдержал ее свирепого взгляда и повернулся к брату. Грег молчал, но было очевидно, что он ждет объяснений: зачем мчаться в такую даль, когда достаточно снять телефонную трубку. Коди обреченно вздохнул.

— Я был в полицейском участке, когда позвонила Лаки. Она спрашивала, не опознали ли ее. Дежурный соединил ее со мной, и я сказал, что в компьютере ФБР данные на нее отсутствуют. Потом я попросил передать трубку тебе, но она не...

— Грегу нужно было выспаться, — перебила его Лаки и поставила перед ним чашку кофе. — Я не хотела его будить.

— Зачем тебе понадобилось в участок в воскресенье утром? — поинтересовался Грег.

— Дела. — Коди небрежно пожал плечами: ему не хотелось рассказывать Грегу про настойчивость Тони Трейлера, который явно стремился засудить Лаки. Как глава местного Совета, он поднял такой шум, что позавидовали бы даже политики с материка. — Туристка погибла больше года назад, но теперь ее останки будут эксгумированы и отправлены в лабораторию ФБР для изучения.

Коди не уточнил, что на этом настоял Трейдер. Коди сопротивлялся, сколько мог: полицейские не любят, когда фэбээровцы лезут в их дела и подсказывают, как поступать.

— Наверное, у тебя уже есть своя гипотеза? — предположил Грег.

— Ну, не то чтобы гипотеза... Просто я подумал, что она может быть жительницей небольшого штата, куда еще не дошла компьютеризация.

— Это все отговорки! Признавайтесь, что у вас на уме! — потребовала Лаки.

Коди отдал должное ее пронизательности. Сначала он надеялся на быстрое опознание, но надежды не сбылись. Тогда у него и в самом деле появилась гипотеза.

— Думаю, вы приехали сюда с женатым мужчиной. У вас произошла ссора, и поэтому вы отправились куда-то на машине одна. А когда вы попали в больницу, он не мог там показаться, потому что не хотел, чтобы выплыла наружу внебрачная связь.

— То есть я, по-вашему, чья-то любовница... Лаки медленно опустилась в кресло, не скрывая огорчения.

— А как ты объяснишь, что на ней теннисная туфля погибшей? — спросил Грег.

— Моя теория не дает ответы на все вопросы, — пожал плечами Коди и отхлебнул кофе. — Ясно одно: кто-то знает Лаки, и у этих людей есть основания не показываться.

— Что же нам делать? — усмехнулся Грег.

— Я разошлю ее отпечатки по небольшим штатам. Это потребует времени, но может принести результаты.

— Нечего зря транжирить деньги налогоплательщиков! — Лаки встала и подошла к нему поближе. — Лучше отведите меня к гипнотизеру. Под гипнозом я живо вспомню, как меня зовут.

— Отличная мысль! Почему я сам до этого не додумался?!

— Вот уж не знаю! — саркастически бросил Грег.

— Я загляну в нашу картотеку. У нас тут богатый выбор довольно известных психотерапевтов.

Когда пил кофе, чувствуя, как вокруг него сгущается напряжение. Сначала он думал, что это у Грега в душе тикает часовая бомба — отсчет времени начался со дня смерти Джессики, и теперь приближается взрыв. Но потом сообразил, что его появление тут ни при чем; напряженность существовала между Гретом и Лаки. Она явно старалась его ублажить, подкладывала ему свои восхитительные оладьи, доливала кофе, а он не достаивал ее прямым взглядом и косился в ее сторону, только когда она отворачивалась. Не требовалось большой догадливости, чтобы понять: его братец втюрился!

Впрочем, Коди его не осуждал. Лаки была весьма сексуальна: стройная фигура, хорошенькое личико с необыкновенными зелеными глазами. В этих коротких шортах, с заплетенными во французскую косу волосами она выглядела как фотомоделль. А ведь Коди запомнил ее на носилках, в дешевом узком платье, растрепанной... Такое преображение не могло не вызывать подозрений.

При всем том Коди готов был признать, что Лаки очень умна. Она быстро оценивала ситуацию и способна была отыскать вполне разумный выход из положения — как с тем же гипнозом. Она умела за себя постоять и видела людей насквозь.

И все-таки Коди поставил бы на кон годовую получку, что Лаки не вспомнит свое имя даже под гипнозом! Все это просто уловки, с помощью которых она надеется вызвать у Грега доверие. У Лаки наверняка есть собственные причины не хотеть опознания.

Грег молча проводил Коди к машине. Там, в кухне, ему на какое-то мгновение почудилось, что вернулись старые времена: Коди заглянул на огонек и не возражает против третьей чашечки кофе...

Увы, все давно изменилось. Грегу очень хотелось спросить у Коди, как поживают его сыновья и малышка дочь, которую он еще ни разу не видел. Но он, разумеется, промолчал. Все, что угодно, только не повторение пройденного! Только не вовлечение в жизнь брата...

— Так ты найдешь для нее гипнотизера?

— Прямо сейчас этим займусь, — пообещал Коди, открывая дверцу. — А как тебе моя гипотеза? Насчет того, что Лаки — чья-то любовница и приехала сюда не одна?

Грег пожал плечами, вспоминая, как выглядела Лаки, когда он впервые ее увидел. «Любовница» — слишком громко сказано. Дешевая уличная потаскуха — вот какое определение подходило тогда для нее больше всего.

Коди оперся о дверцу.

— Послушай, Грег, по-моему, Лаки — еще один экземпляр Джессики. Неужели ты сам этого не видишь?

Грег упорно смотрел мимо брата на беспокойный океан, пытаясь сохранить самообладание. Стоило Коди произнести имя Джессики — и у него начинали чесаться кулаки. И все же он знал, что Коди прав. Неужели ему на роду написано нарываться на потаскух?!

— Вчера ночью Лаки боялась уснуть, — хмуро произнес Грег. — Она спряталась в стенном шкафу, вооружившись ножом. Думаю, ее кто-то преследует, хотя сама она ничего не помнит.

Коди пожал плечами.

— Ладно, я допускаю, что дело не в женатом мужчине. Возможно, она крупно влипла: какая-нибудь провалившаяся сделка с наркотиками... Ведь она попала в аварию на дальнем краю острова, недалеко от места, где ФБР засекло в прошлом году подводную лодку гавайской мафии.

Грегу нечего было возразить. Федеральные агенты действительно перехватили маленькую подводную лодку, обычно катавшую туристов вокруг коралловых рифов. На борту обнаружили ценный груз — препарат «мауи вауи», который готовят из марихуаны, выращиваемой в джунглях.

Версия о наркотиках не исключалась, однако у Грега оставались сомнения. Он не мог забыть плач среди ночи и выражение лица Лаки, когда он ее разбудил. Чтобы решить задачу, недоставало ключевого элемента. Грег не представлял себе, что это может быть.

Коди уселся за руль, с грохотом захлопнул дверцу и высунулся в окно.

— Будь осторожен, Грег. Боюсь, что она уже крепко держит тебя в коготках, а если еще нет, то все равно попытается этого добиться. Женщины часто прибегают к сексу для достижения своих целей.

«Бронко» сорвался с места, обдав Грега черной вулканической пылью. И очень вовремя: Грегу стоило большого труда не наброситься на Коди с кулаками. Проводив машину взглядом, он медленно обошел дом и вышел на каменистый пляж. Обычно море действовало на него успокаивающе, снимало напряжение, помогало забыть прошлое. Он долго смотрел на накатывающиеся волны, но желаемого эффекта так и не дождался.

Гнев, который он так долго подавлял в себе, готов был вырваться наружу. Грег понял, что только притворялся перед собой, будто прошлое похоронено. Появление Лаки все перевернуло. Из-за нее он был вынужден восстановить отношения с Коди, и это не прошло безнаказанно: клокочущий в его душе гнев снова поднял голову.

Больше всего Грега бесило то, что Коди был прав. Да, Джессика действительно добивалась желаемого с помощью секса. Когда он не обращал на нее достаточно внимания, она начинала путаться с кем-нибудь на стороне. Потом она плакала, клялась ему в любви, уверяла, что интрижка была несерьезной...

В первый раз он ее простил, но уже во второй предложил развестись. И тогда Джессика попыталась покончить с собой. Грег сразу сменил гнев на милость, искренне поверил в ее раскаяние. Он понял, что Джессика ведет непрекращающийся бой с депрессией, которая и

толкает ее в объятия других мужчин. На какое-то время все успокоилось, но потом он догадался, что у нее новый роман. Однако ему и в голову не могло прийти, что теперь она избрала жертвой его родного брата...

— Хватит об этом думать! — приказал он себе вслух.

Прошлое не изменить. Другое дело — не позволить Лаки вертеть им, как это делала Джессика. Чем быстрее ее опознают, чем быстрее она уберется из его жизни, тем он будет счастливее.

Конечно, после ночного подвига он неделю будет морщиться от боли в паху, но дело того стоило: по крайней мере, он показал ей, что владеет ситуацией. Если хочет, пускай и дальше спит в своем шкафу! Он не собирается тащить ее к себе в постель и предоставлять ей новую возможность его соблазнять.

— Что он там делает, как ты думаешь? — спросила Лаки у Доджера. Она уже четверть часа наблюдала за Гретом из кухонного окна. Он неподвижно сидел на огромном куске лавы, глядя в океан. — Идем, Доджер! Посмотрим, вдруг ему нужно общество?

Небо было таким голубым и ясным, что Лаки неожиданно захотелось запрыгать от восторга. Они с Доджером пересекли лужайку и подошли к влажной полосе песка между черными вулканическими валунами и мерцающей водой. Нескончаемые вереницы волн, увенчанных белыми шапками, выбрасывали на берег буро-зеленые водоросли. При появлении Лаки Грег не обернулся, хотя наверняка слышал, как она приближается.

— Грег! — Она тронула его за плечо.

Он был такой теплый, мощный, надежный, что у нее перехватило дыхание. Но Грег резко передернул плечами, сбрасывая ее руку.

— Что-то не так? — растерянно спросила Лаки.

— Сядь! — приказал он, не глядя на нее. Она села на небольшой камень, готовясь к очередной порции дурных новостей. Доджер улегся у ног хозяина, потеряв к Лаки всякий интерес. Грег молчал и старался на нее не смотреть, но она уже привыкла за утро к этой его манере. Лаки смотрела на океан — бескрайнее синее пространство, уходящее на горизонт. Его пустота только усугубляла чувство одиночества.

— Нам надо поговорить, — произнес наконец Грег, оборачиваясь к ней.

Его синие глаза смотрели так пристально, что Лаки стало не по себе. А ведь ей уже начинало казаться, что Грег ей поверил, что он привязался к ней... Неужели она принимает желаемое за действительное? Нужно взглянуть правде в глаза. Чем дольше она будет лелеять иллюзии, тем труднее будет свыкнуться с истиной: Грег относится к ней совсем не так, как ей хотелось бы.

— О чем же ты хочешь поговорить?

— Тебя кто-то преследует. Потому ты и спряталась в шкаф. Почему ты это от меня скрываешь?

Вот он и перестал ходить вокруг да около. Он ей не верит! Собственно, в глубине души она это чувствовала всегда. Непонятно только, почему ей так важно вызвать у Грега доверие, почему она готова вывернуться наизнанку, чтобы этого добиться.

— Ты же знаешь, что я не помню прошлое. Врачи называют это синдромом Хойта —

Мелленберга...

— Называть-то называют, но, кажется, наличие обоняния должно указывать на сохранение части памяти.

— Да, они мне говорили. Но это означает только то, что со временем мне удастся кое-что вспомнить.

Грег пожал плечами и отвернулся, как будто чайки, затеявшие в полосе прибоя ссору из-за рыбешки, были для него важнее, чем она. Такое отношение вызвало у Лаки приступ негодования — да такой сильный, что это стало для нее самой сюрпризом. Только сейчас она поняла, что, оказывается, очень вспыльчива.

— Я рассказал полицейским далеко не все, — продолжил Грег, и мрачное выражение его лица было сигналом, что сейчас последуют неприятные подробности. — Когда я нашел тебя в разбившейся машине, на тебе была тонна косметики. Короткая юбочка, грудь, почти что выставленная напоказ... Все это навело меня на мысль, что ты... ну, в общем, женщина легкого поведения.

Лаки догадалась, что ой чего-то недоговаривает, и, внутренне содрогаясь, сказала:

— Продолжай! Я хочу знать все.

— Когда я притащил тебя в палатку ты была вроде как в трансе. — Грег казался смущенным, но взгляд его оставался пристальным. — Твои руки потянулись ко мне. Не прошло и двух секунд, как ты расстегнула мне «молнию» на ширинке...

— Не может быть! — Лаки вскочила на ноги. — Неправда!

«Зачем ты на него кричишь? — услышала она негромкий внутренний голос. — Грег — честный, достойный человек. Он спас тебе жизнь. Возьми себя в руки!»

— Я вела себя как проститутка? — тихо спросила она — и Грег кивнул.

Боже, только не это! Но Лаки помнила уродливый лак на своих ногтях, дикое отражение в зеркале... Еще лучше она помнила прошедшую ночь. Она не смогла побороть соблазн и первая полезла к нему с поцелуями...

Боже всемогущий, неужели та ужасная женщина в зеркале — ив самом деле она?!

10

Грег ехал по прибрежному шоссе в Кихей-Марина, где находился его Институт морских исследований. Лаки сидела рядом, Доджер — на заднем сиденье. После беседы на пляже Лаки держалась тихо и отвечала односложно. Ее ярость несколько не удивила Грега. Пусть спорит сколько влезет, все равно она знает гораздо больше, чем говорит!

— Институт открыт круглосуточно, — объяснил Грег. — Тюленей надо кормить и по воскресеньям, а тут еще кто-то притащил акулу...

Лаки не ответила, и Грег покосился на нее. Ее волосы были старательно заплетены в толстую косу, но из-за мелкой завивки такую неаккуратную, что казалось, на спину свисает узловатая ветка. Он не был экспертом по части женских причесок, однако умел отличить дешевое обесцвечивание и домашнюю завивку от профессиональной работы. Непонятно, как женщина может добровольно придать себе такой дикий вид!

На Лаки были длинные бежевые шорты и лавандовая блузка без рукавов, делавшая ее глаза еще зеленее. Она не купила себе никакой косметики и совершенно не походила на женщину, извлеченную им из разбитой машины. Но даже так, без косметики, она была невыносимо привлекательна! Грег не сомневался, что весь персонал института, сбежит на нее поглазеть.

Он заехал на институтскую стоянку.

— Добровольцами у нас распоряжается Номо. Надеюсь, он найдет для тебя занятие. Будешь кормить тюленей-монахов или готовить для них еду.

Лаки молча вышла из машины и зашагала с ним рядом, упрямо щурясь. Грег прекрасно понимал, почему она так злится: ведь он не клюнул на ее удочку!

Институт представлял собой бетонную постройку на берегу океана. На нижнем этаже размещалась лаборатория с самым современным оборудованием, какое только можно было приобрести, исходя из их скудного бюджета. Окна верхнего этажа, где располагался кабинет Грега, выходили на два бассейна — для раненых и больных животных. Под пальмами стоял бамбуковый сарай с инвентарем для ныряльщиков, используемый добровольцами как раздевалка.

Бассейны закрывали от солнца финиковые пальмы. От пляжа их отгораживала низкая стенка из красноватого вулканического туфа. На стенке сидели чайки. Их товарки совершали облет полосы прибой, ныряя в волны и взмывая в небо с добычей. На песке с противоположной стороны стенки прибой выложил недолговечную полосу из ракушек. У берега покачивались два водолазных катера с эмблемой института на борту — хвостовым плавником кита.

— Аикане! Кого я вижу! — завопил Номо. Этот приземистый человек с седеющими черными волосами и белозубой улыбкой руководил добровольцами уже лет тридцать. Грег встретился с ним впервые, когда подростком угнал смеха ради новую машину директора школы и был отправлен на перевоспитание в институт. С тех пор здесь многое изменилось, за исключением Номо, любившего гавайские словечки, вроде «аикане» — «приятель».

Грег дружески похлопал его по спине.

— Познакомься, это Лаки. Найдешь, что ей поручить?

Номо ослепил Лаки улыбкой и по привычке так сильно стиснул ей руку, что хрустнули кости.

— Не смей меня! Разве такой что-нибудь поручишь?

Лаки улыбнулась, доказывая, что обаяние Номо безотказно действует на любого.

— Вы объясните мне, что такое тюлень-монах? — спросила она.

По дороге в институт Грег упомянул гавайских тюленей, но она так сердилась на него, что не стала ни о чем спрашивать. Впрочем, он это только приветствовал: чем меньше они будут разговаривать, тем лучше.

— Это особый вид тюленей, обитающий только в водах наших островов, — объяснил Номо, подводя их к большому бассейну. — У нас тут полдюжины стариков, которым не выжить самостоятельно, и три щенка, лишившиеся матерей. — Он повернулся к Грегу. — Знаешь про новенькую — тигровую акулу?

Номо остановился перед бассейном с морской водой и указал на аквалангиста, ковылявшего по дну с молодой тигровой акулой под мышкой.

— Зачем он ее носит?!

Необычное зрелище так удивило Лаки что она забыла, что не разговаривает с Гретом.

— Акулы должны все время двигаться, чтобы через их жабры проходила вода, иначе смерть. Когда они хворают, приходится вот так таскать их все двадцать четыре часа в сутки, иного выхода нет. — Грег взглянул на Номо. — Ты ведь знаешь, нас все равно не хватит средств, чтобы спасти ее. По-моему, лучше отпустить.

— Она умрет, аикане.

Лаки присела на корточки, чтобы лучше разглядеть акулу.

— Что с ней?

— Какой-то рыбак хотел отрезать ей плавники и продать на суп, — ответил Номо. — Но, как видите, он оказался растяпой: рубил-рубил своим мачете, но не отрубил до конца. Акула каким-то образом вырвалась. Один из водолазных катеров наткнулся на нее, возвращаясь от кратера Молокини, и привез сюда.

— Суп из акульих плавников? Вы шутите! — Лаки до того огорчилась, что Грегу внезапно захотелось ее обнять.

— Какие там шутки! — махнул рукой Номо. — Японский деликатес! Вся беда в том, что у акулы обрубают плавники, а саму ее бросают умирать.

— Какая жестокость! — воскликнула Лаки.

— Мы не в силах ее спасти, — повторил Грег. — Нельзя же снова приделывать ей плавники! Это напрасная трата времени.

— Нет, надо попытаться! — взмолилась Лаки так жалобно, что Грегу стало стыдно.

— Ребята из летнего контингента считают так же, — поддакнул Номо. — Лучше пускай умрет здесь, чтобы все знали, что мы старались ее спасти.

Грег понял, что Номо прав. Речь шла о детях богачей, которые болтались летом на Гавайях и от нечего делать нанимались поработать в институт. Потом, возвращаясь домой, они уговаривали родителей жертвовать на него деньги. Если бы не эти взносы, институт не потянул бы программы по тюленям-монахам и китам-горбачам.

— Что ж, продолжайте ее выгуливать, — распорядился Грег, заслужив благодарную улыбку Лаки.

Оставив ее в обществе Номо и Доджера, он поднялся наверх, заранее страшась горы бумаг, выросшей в его отсутствие на письменном столе. В кабинете он застал Рейчел Конвей, которая

наблюдала за Лаки и Номо. Рейчел была автором диссертации по морской биологии и ведущим экспертом по китам-горбачам; она проводила на Гавайях все зимы. Последние три года они с Грегом совместно работали над проектом расшифровки звуков, издаваемых китами под водой.

— Призрак Пиэлы? По-моему, ей здесь не место. От нее будут только неприятности.

В негромком низком голосе Рейчел слышалась горечь. Грег прекрасно знал, что она к нему равнодушна — чтобы не замечать этого, надо было быть слепо-глухонемым. Но он никогда не поощрял ее, стараясь сохранять с ней чисто профессиональные отношения.

— Ее зовут Лаки. Она вызвалась поработать с тюленями, — Грег несколько искажил реальное положение вещей: он притащил Лаки сюда, чтобы за ней приглядывать. Прошлой ночью она не сбежала, но кто знает, что она способна выкинуть? — Номо найдет ей занятие.

— Я поработала со звуками высокой частоты, — сказала Рейчел, отходя от окна. — Результаты у тебя на столе.

Если бы там было только это! Грег едва не утонул в нераспечатанных конвертах, счетах, бумагах, требовавших его подписи. Трудно было поверить, что ему еще удастся оставаться ученым: больше половины времени уходило на бухгалтерию. Будь у него финансовое образование, он справлялся бы со всем этим гораздо лучше. Минет не один день, прежде чем у него дойдут руки до статистического анализа издаваемых китами высокочастотных сигналов, записанных зимой в открытом море.

От первого же письма его оторвал телефонный звонок. Институт находился в слишком стесненных финансовых условиях, чтобы нанять секретаря, поэтому Грег снял трубку сам. В трубке раздался голос Коди:

— Грег? Я все устроил. Пришлось несколько раз звонить в Гонолулу и оставлять сообщения, но потом мне перезвонила доктор Форенски. Завтра она прилетит сюда и займется Лаки. Встреча назначена на четыре часа.

— Прекрасно. Думаю, ее сможет отвезти Номо.

— Нет, Грег, я хочу, чтобы с ней приехал ты сам. Если узнаете, как ее зовут, немедленно звони мне. Кстати, несколько минут назад от меня ушел репортер «Стар инвестигейтор».

— Я слышал об этой газетенке. Что-то вроде «Мауи таттлер», только хуже?

— Да, все та же помоечная журналистика. Нелюди! Чем такое читать, лучше ослепнуть. Они опубликовали материалчик про призрак Пиэлы. Их главный редактор, Фентон Бьюли, узнал, что ты внес залог. Тут я был бессилён: такие вещи мы не можем от них скрывать. Зато я утаил, где она находится. Но боюсь, он все равно вас разыщет, так что будь настороже. Ему за пятьдесят, лысый, с большими черными усами.

В Греге немедленно ожил инстинкт самосохранения. Конечно, надо как можно быстрее избавиться от Лаки — для своего же спокойствия. Однако унижать ее он никому не позволит! Вспомнив сцену в тюрьме, он чуть не выронил трубку.

— Спасибо, Коди, за мной не заржавеет. Грег швырнул трубку. «За мной не заржавеет Раньше они с братом говорили друг другу подобные фразы по десять раз на день. Но за последние два года он ни разу не слышал от Коди этих слов и сам их не произносил.

Грег долго смотрел на фотографию Джессики, стоявшую у него на столе в качестве напоминания о предательской женской сущности. Смотрел — и удивлялся. Куда делась испепеляющая ярость, охватывавшая его прежде всякий раз, стоило вспомнить, как он застал жену в объятиях Коди? Он все еще испытывал боль, но уже не такую острую, как прежде.

«За мной не заржавеет»... Прошел целый час, а Коди все еще улыбался. Сколько же воды утекло с тех пор, как он слышал это обещание в последний раз? Он безумно скучал по брату, и новые встречи с ним только усугубляли это чувство.

— Шеф! — заглянул к нему в кабинет один из подчиненных. — К вам Тони Трейлор.

— Опять?!

Коди не поверил своим ушам. Они уже встречались сегодня с утра по инициативе Тони. И это в воскресенье! Единственной целью беседы было в очередной раз нажать на него. Что же еще понадобилось Тони?

Коди взглянул на часы. О том, чтобы поспеть на приходский пикник, теперь нечего было мечтать. Он позвонил домой и оставил сообщение на автоответчике, чтобы Сара не волновалась.

— Арестуй призрака Пиэлы за присвоение украденного имущества! — потребовал Тони Трейлор без предисловий, вваливаясь в кабинет Коди в сопровождении двух «моки» — крутых островитян.

Их грозный вид не испугал Коди: он знал, что «моки» трагически недостает мозгов. А Трейлор, как всегда, раздавал приказания, ожидая, что ему будут беспрекословно повиноваться.

Жирный, потный, покрасневшийся, Трейлор был одет в свою фирменную рубашку ft клетку — аляповатый гавайский стиль, вышедший из моды еще в шестидесятые годы. Он уставился акульими глазками на Коди, который остался сидеть, готовясь принять бой.

— Я посоветовался со своим адвокатом. Он говорит, что мы можем упечь эту стерву в тюрьму за присвоение украденного имущества, даже если не удастся доказать кражу. — Тони плюхнулся в кресло напротив Коди. «Моки» встали у него за спиной.

— Не советую тебе лишний раз досаждать Лаки, — твердо сказал Коди, недоумевая, почему это так важно для Тони. — У нас и без того возникли неприятности. Твой кузен — ну, ты помнишь, тот самый, которого я нанял в тюремщики по твоему настоянию, — пускал желающих поглазеть на нее за пять долларов! Теперь она собирается предъявить иск за нарушение ее гражданских прав и разорить наш штат.

Эта новость явилась для Тони освежающим душем, он утер тыльной стороной ладони пот со лба.

— Кто ее адвокат, черт возьми?! погоди, я до него доберусь!

— Кажется, какой-то умник с материка, — придумал на ходу Коди.

Трейлор заколебался: на материк его влияние не распространялось.

— Где она живет? И живо приведу ее в чувство!

— Слушай, Тони, речь всего лишь о машине. Чего ты так расшумелся? Она все равно скоро предстанет перед судом.

Трейлор поерзал, скрипя креслом, и Коди испугался, что пружины не выдержат его веса. Где полиции раздобыть денег на покупку нового?

— Эта стерва пользовалась моей машиной больше года. Если она не будет наказана, всем захочется отщипнуть от меня по кусочку!

Коди подумал, что от Тони не убудет, но постарался сохранить серьезность.

— Позволь мне самому довести ее дело до конца. Это моя работа.

Тони с крихтением встал и покинул кабинет, не прощаясь. «Моки» послушно потянулись за ним. Коди остался качаться в кресле, гадая, по каким еще причинам Трейдеру так хочется упрятать Лаки за решетку. Неужели все исчерпывается уязвленным самолюбием?

В это Коди не мог поверить. Он давно подозревал, что Тони как-то связан с производством «мауи вауи». Высоко в горах, покрытых неприступными джунглями, островитяне выращивали высококачественную марихуану, изготавливали этот наркотик и отправляли его на материк. Дважды в год ФБР устраивало облавы с применением вертолетов и выкорчевывало плантации. Однако к следующему появлению агентов все опять было в прежнем состоянии.

Тони был в курсе всех событий на островах, и Коди в который раз задавался вопросом, не состоит ли он в гавайской мафии. Эта мафия прославилась своей суровостью и кодексом молчания. Даже если Трейлор в ней не состоял, Коди был готов поручиться, что он прекрасно осведомлен о многих ее действиях. Может, тут и кроется разгадка того, что он не желал оставить Лаки в покое?

За три часа Грег расчистил большую часть стола и отложил в сторону наименее срочную почту. У него появилось желание прогуляться по территории и взглянуть, что произошло в институте за время его отсутствия. Он с удовольствием подумал, что за эти три часа вспомнил про Лаки всего раз, от силы два. Ладно, зачем себя обманывать? Больше, гораздо больше! Грег вновь попытался проанализировать свою реакцию на нее, но так и не понял, чем эта загадочная женщина берет его за живое.

Стоило ему покинуть кабинет с кондиционированным воздухом, как на него дохнуло дневной жарой и на лбу сразу выступил пот. На солнце пахло всей тропической растительностью, вместе взятой. Он не видел Лаки, но знал, что она находится где-то поблизости — недаром Доджер прохаживался подле бассейна с раненой акулой.

— Номо! — позвал Грег и в ту же минуту заметил Лаки.

Она разгуливала по дну бассейна с аквалангом за спиной и акулой под мышкой! Доджер казался крайне озабоченным и не сводил с Лаки глаз. И не он один:

рядом стояла кучка ребят-подростков из летнего интерната.

— Что, босс? — откликнулся Номо, спеша Грегу навстречу.

— Зачем Лаки туда залезла?!

— Решила помочь акуле, — пожал плечами Номо и посмотрел на часы. — Ей уже пора вылезать.

Он нагнулся и постучал ладонью по бортику бассейна, привлекая внимание Лаки, после чего жестом приказал одному из добровольцев сменить ее.

— Интересно! Умеет нырять, но не помнит собственного имени? — раздался рядом голос Рейчел.

Грег не заметил, как она подошла, настолько увлекся Лаки. Сквозь воду было трудно различить, что, собственно, происходит на дне бассейна. Но Лаки все не выныривала, и Грег уже представлял себе, как прыщавый юнец вместо того, чтобы забрать у нее акулу, ощупывает ее саму с ног до головы...

Он сделал над собой усилие и повернулся к Рейчел.

— Запоминание подобных навыков регулируется другим механизмом — тем же, с помощью которого человек учит иностранный язык. Эта память у Лаки сохранилась. Отсутствует так называемая эпизодическая память — о конкретных событиях в прошлом.

Рейчел не сводила с него своих карих глаз, полных глубокого чувства.

— Я сегодня поплыву на «Атлантисе», — тихо сообщила она.

«Атлантисом» называлось судно со стеклянным днищем, позволявшим туристам любоваться роскошными коралловыми рифами и снующими над ними рыбками. Раз в неделю кто-нибудь из сотрудников института читал на «Атлантисе» лекцию туристам. Чаще других в роли лектора выступала Рейчел. Это было одним из способов заработать для института денег.

Грег смотрел ей вслед, удивляясь, почему его не увлекает эта славная женщина, разделяющая его интересы. Что поделать, сердцу не прикажешь!

Он обернулся и обнаружил, что Лаки уже вылезает из бассейна. Вот черт! Стандартный черный костюм ныряльщика, который прекрасно подходил аквалангистам из добровольцев, оказался ей мал и неприлично обтягивал все тело, особенно грудь и соски. Это зрелище вызвало оторопь у парней из интерната; было видно, что все они сгорают от желания помочь ей переодеться.

Даже Номо оказался тут как тут с полотенцем для Лаки. Грег двумя прыжками настиг его и выхватил полотенце. Не успела она отдать акваланг и маску самому шустрому подростку, как он обернул ее полотенцем.

А Лаки, казалось, искренне не замечала возникшего вокруг нее ажиотажа. Она смотрела на одного Грега своими необыкновенными зелеными глазами.

— Акуленка зовут Руди, — сообщила она с самой пленительной улыбкой, какую ему только приходилось видеть. — Оказывается, он плыл вдоль рифа с матерью, и тут его поймали...

Это сообщение было встречено потрясенным молчанием подростков. Боже, эта женщина — страшная угроза для общества! Теперь эти сопливые балбесы еще больше проникнутся жалостью к акуле, забыв, что перед ними всего лишь машина по поглощению живой плоти.

Грег затолкал Лаки в бамбуковый сарай, исполнявший функции раздевалки. Она отдала ему

полотенце, включила воду и, не дожидаясь, пока он выйдет, забралась под душ.

Этого ему только не хватало! Он честно старался на нее не смотреть, но не мог не вспоминать прошлую ночь, ее роскошное тело, трепетавшее от желания...

— Знаешь, Руди в полном отчаянии, — заявила Лаки из-под тугих струй. — По-моему, он уже перестал надеяться на встречу со своей семьей.

— Вот как? — выдавал Грег.

Возможно, молокососы у бассейна и нашли ее неотразимой, но он не ожидал Ът этой женщины ничего, кроме беды. Свидетельством было то, как бесстыдно она подставляет лицо под сильные струи, как приподнимаются, грозя продырявить купальник, ее груди...

— Довольно! — Он сердито закрутил воду.

— Как скажешь...

Грег заметил на ее лице озорную улыбку и заподозрил, что ей хорошо известно о переживаемых им муках неутоленной плоти. Лаки вылезла из душа, перекинула косу через плечо и отжала ее.

— У меня есть идея, — сообщила она. У него тоже родилась идея, но вряд ли они с ней думали об одном и том же. В этом облачении Лаки была все равно что голой. Интересно, за кого она его принимает — за Римского Папу?

— Ты не хочешь узнать, что я придумала? Грег засунул руки поглубже в карманы и для пущей верности стиснул кулаки, чтобы не зажать ее в угол темного сарая и не овладеть ею прямо так, стоя.

— Когда оденешься, зайди ко мне в кабинет. Мне надо с тобой поговорить.

На лестнице его остановил Номо. Вид у него был непривычно серьезный.

— Послушай, что я тебе скажу. Похоже, эта Лаки — и вправду призрак Пиэлы. Та всегда жалела живность, особенно акул.

— И ты туда же?!

Грег махнул рукой. Пиэла была богиней огня, сотворившей Гавайские острова. Легенда гласила, что ее брат имел акулий облик. Слова Номо заставили его вспомнить жену Коди, Сару. Оба, как уроженцы Гавайев, обожали мифологию островов и могли часами плести туземные небылицы. Какая чушь!

— В общем, держись от нее подальше! — заключил Номо. — Ты же видишь, как здорово Лаки обращается с акулами — совсем как Пиэла!

— Глупости все это, — пробормотал Грег. Впрочем, в душе он был согласен с Номо: чем быстрее он сбегрит Лаки какому-нибудь другому доброхоту, тем лучше будет не только для его благополучия, но и для окружающих.

— Эй, Номо, тут какой-то репортер спрашивает про Лаки, — сообщил один из институтских добровольцев.

— Я сам с ним разберусь, — решил Грег. — А ты проводи Лаки в мой кабинет. Туда этот ублюдок не сунется.

Коди так живо описал Фентона Бьюли, что Грег сразу его узнал и с ходу возненавидел. Бьюли прохаживался вокруг клумбы с китайскими розами и пожевывал зубочистку.

— Вы — Грег Бракстон? — спросил Фентон, не вынимая изо рта зубочистку. Грег кивнул. — Вы, часом, не родственник шефа полиции?

— Кому какое дело?

Бьюли пропустил его резкость мимо ушей и вынул из бумажника мятую визитную карточку. Грег придирчиво ее изучил.

— Я слышал, что вы внесли залог за призрак Пиэлы. Не знаете, где ее можно найти?

— Через неделю, на суде.

Глазки Бьюли сузились, зубочистка заскользила из одного угла рта в другой под жесткими, как щетка, усами.

— Сколько это будет стоить?

Вот она, желтая журналистика! Грег терпеть не мог эту братию, но хорошо знал про назойливость таблоидов.

— Вам все равно не хватит денег. И запомните: если еще раз окажетесь на территории института, я выдворю вас с полицией.

— Все равно я ее найду, — ухмыльнулся Бьюли. — От меня не скроешься.

Грег в этом нисколько не сомневался. Остров так мал, что тут все про всех всё знают. Но ему меньше всего хотелось, чтобы фотография Лаки появилась в паскудной газетенке рядом с изображением очередного инопланетянина, насилующего своим инопланетным способом какую-то трудноразличимую землянку.

Лаки ждала его в кабинете. Она успела натянуть шорты — спасибо и на этом. Даже в консервативном одеянии ее фигура выглядела излишне соблазнительно, но все же не до такой степени, как в вызывающем бикини.

— Так рассказать тебе, что я придумала? — спросила она, прежде чем Грег успел предупредить ее о происках Бьюли.

— Всю жизнь мечтал услышать! — Он уселся за письменный стол и стал перебирать уже просмотренные бумаги: здравый смысл подсказывал, что наилучшая тактика — стараться на нее не смотреть. — Ладно, выкладывай.

— Твой институт не занимается акулами. Но ведь где-то на свете ими интересуются? Там должны знать, как помочь бедняжке Руди. Надо просто войти в Интернет и спросить.

— Это видимость простоты. С Интернетом надо уметь обращаться. Нажмешь не на ту кнопку —

и могут возникнуть необратимые последствия.

— Позволь мне попытаться!

Услышав в ее голосе неподдельный энтузиазм, Грег все-таки поднял глаза и обнаружил, что она уже сидит за компьютером Рейчел.

— Не смей ничего трогать! Господи! Одно неосторожное движение — и ты сотрешь данные, на сбор которых ушли месяцы.

Лаки устремила на него обезоруживающий взгляд.

— Я аккуратно, Грег! Ты обязан дать мне шанс. Руди на меня рассчитывает.

Да по ней просто плачет смирительная рубашка! Ему еще не доводилось сталкиваться с такими безумцами, и он очень надеялся, что эта встреча окажется последней.

— Думаешь, я сумасшедшая? Похвальная догадливость!

— Если честно, то да.

Его сарказм был потрачен зря.

— Интернет для меня — семечки, вот увидишь! Если не хочешь, чтобы я трогала компьютер Рейчел, пусти меня за свой. — Прежде чем Грег успел предупредить ее, чтобы она не смела к нему приближаться, Лаки пересекла кабинет и пододвинула свободное кресло к его столу. — Какой пароль?

Грег махнул рукой. Ладно, в конце концов, можно хотя бы проверить, действительно ли она понимает, на что замахивается.

— «Ханом» — это «монах» задом наперед. Мы ведь изучаем тюлений-монахов.

Оказалось, что «понимает» — это еще мягко сказано. Не прошло и нескольких минут, и Лаки вместо того, чтобы запутаться в «паутине», как муха, заскользила по киберпространству, словно умелая серфингистка. Сам Грег пользовался Интернетом крайне редко — и то только при помощи специальной программы для «чайников». Лаки явно была выше его на несколько голов.

— Ничего себе! — повторял он, наблюдая за ней уголком глаза и безропотно давая разрешение на ее запросы, сознавая, что институт никогда не сможет за все это расплатиться.

Доджер положил узкую голову Грегу на колено и замороженно следил за Лаки, которая лупила по клавишам с такой скоростью, словно за клавиатурой прошла добрая половина ее жизни.

Одно из двух: либо в проституции нынче используются последние достижения компьютеризации, либо он проявил поспешность, навешивая на Лаки унижительный ярлык. Скорее всего она не профессиональная потаскуха, а просто, как говорится, «вольная душа». Грег вспомнил, что однажды слышал такое о Джессике... И все-таки однозначное поведение Лаки в первую ночь в палатке, по его мнению, раз и навсегда поставило на ней клеймо жрицы любви.

— Теперь у нас есть глаза и уши, — сообщил Король Орхидей партнеру, сидевшему рядом с ним в кабинете. — Все ее планы будут у нас как на ладони.

— Ты отправил своего человека на Мауи?

— Да. Деньги творят чудеса! Я нанял лучшего специалиста, какого только можно найти. Больше нам не придется беспокоиться.

— Я бы предпочел просто выследить ее по компьютеру.

Король Орхидей нахмурился.

— По компьютеру даже я не могу узнать всего, что нам необходимо. Ты не одобряешь, что я послал на Мауи человека? Может, считаешь, что мы сами должны были поехать туда?

Шутка не нашла понимания. В последнее время Король не мог выжать из своего партнера даже тени улыбки. Разве до юмора, когда представляешь любимую женщину в лапах Грега Бракстона? Король не сомневался, что партнер испытывает те же чувства.

— По-моему, пора начать складировать орхидеи прямо здесь, — заявил партнер, резко меняя тему. — Я нашел несколько подходящих помещений. Все они в Чайнатауне, вблизи пристани. Давай съездим туда вместе. Ты посмотришь и сам все решишь.

— Мне не хочется, чтобы орхидеи хранились так близко от дома. Это слишком рискованно.

— Я все хорошо продумал, этот план не должен дать осечки. Если мы хотим развиваться, придется решиться. Или ты хочешь, чтобы на нашей территории орудовали банды из Гонконга?

— Пожалуй, ты прав. Действуй! — Король изображал энтузиазм, но в действительности продолжал сомневаться. Он вышел вместе с партнером из кабинета и спустился по лестнице. — Послушай, а что мы будем делать, если выяснится, что она действительно ни черта не помнит?

— Тогда пускай и дальше сидит на шее у этого Бракстона. Посмотрим, сумеет ли он с ней справиться!

— Так не годится. Ты сам это отлично понимаешь.

— Значит, придется пойти с козырного туза...

Следующим утром, сидя в своем кабинете, Грег кожей чувствовал разлившееся в воздухе напряжение. Лаки сидела с ним рядом за компьютером, изучая ответы на свои запросы, пришедшие от специалистов по акулам со всего мира. Рейчел занималась своими высокочастотными сигналами, оскорбленно выпрямив спину и не оборачиваясь.

Сказать, что Рейчел просто не понравилось, что на ее территорию вторглась Лаки, было бы равносильно заявлению, что Римского Папу устраивает делить кафедру с сатаной. Рейчел была взбешена, и Грег ожидал от нее всего, чего угодно. То, что она до сих пор не положила ему на стол заявление об увольнении, он считал чудом. Со своим научным авторитетом она могла бы получить работу в дюжине аналогичных учреждений, да еще с гораздо более высокой зарплатой. Грег всегда считал, что причина ее приверженности институту — увлеченность проблемами китов. Теперь же он заподозрил, что Рейчел руководствовалась иными соображениями.

В любом случае, чем скорее он избавится от Лаки, тем лучше. Сколько раз он твердил про себя

это заклинание? Грег уже потерял счет. Он был горд тем, что прошлой ночью сумел проигнорировать Лаки: ушел после ужина к себе в спальню и запер дверь. Уснуть было нелегко, но зато на сей раз его ничто не разбудило: ночь прошла без плача.

Оставалось догадываться, где ночевала Лаки... Но, по крайней мере, вид у не был отдохнувший, глаза ясные. Она увлеченно просматривала послания родственных институтов, имеющих больше опыта в обращении с акулами. Если кто-то и выглядел в этой комнате помятым, то скорее он сам, беспокойно проворочавшийся добрую половину ночи.

— Готово! — воскликнула Лаки. — Один австралийский ученый придумал, как решить проблему Руди!

Не обращая внимания на презрительное фырканье Рейчел, Грег наклонился к Лаки.

— Ладно, сдаюсь. Так как нам нужно поступить с этим твоим... Руди?

Она обернулась. В ее зеленых глазах горел такой детский энтузиазм, что ему потребовалось приложить титаническое усилие, чтобы тоже не зажечься.

— Мы прикрепим ему плавники специальным приспособлением, которым хирурги накладывают швы. Постепенно ткани срастутся, и Руди сможет плавать самостоятельно.

— Это просто смешно! — Рейчел вскочила. Если бы взгляды могли убивать, от Лаки осталось бы мокрое место. — Акуля кожа — сплошной хрящ. Хрящ заживает не так легко, как обыкновенный кожный покров.

Лаки задумчиво кивнула, не обратив внимания на презрительность тона.

— Это понятно. Но акулий хрящ может прореагировать как-то по-своему...

Рейчел закатила глаза, потом повернулась к Грегу.

— Хрящ есть хрящ! Он не регенерирует, как кожа!

— Мы многого не знаем об акулах, — возразила Лаки. — До сих пор загадка, почему, например, у акул не бывает рака, как у остальных живых существ.

На какое-то время в комнате повисла тишина. Единственными звуками, раздававшимися здесь, оставались шум кондиционера и позвякивание ошейника Доджера, тыкавшегося носом в ладонь Лаки.

— Ты почерпнула это из Интернета? — наконец вкрадчиво поинтересовался Грег.

Рак был одним из новейших направлений в морской биологии, на которое выделялись завидные суммы.

— Нет. Я сама это знала. Не пойму, откуда... А разве это так важно?

— Не очень.

На самом деле это было важно, и еще как! Лаки слишком многое знала, слишком многое помнила. У Грега появилось неприятное чувство, что Коди снова окажется прав и даже на сеансе у гипнотизера она не пожелает вспомнить свое имя. Так ей, наверное, удобнее. Боже,

неужели ему от нее никогда не избавиться?! Грег опасался, что больше не сможет спокойно уснуть, зная, что совсем рядом лежит она...

— Может, все-таки попытаемся?

Выражение ее лица было таким бесхитростным, что перед ней трудно было устоять. Рейчел пулей вылетела из кабинета, и это привело Грега в чувство.

— Пойми, Лаки, Руди — тигровая акула. Нельзя обольщаться его послушным видом: он способен перекусить тебя пополам и в удобный момент с удовольствием это сделает. — Он выдержал паузу, но, видя, что ее не удастся переубедить, был вынужден продолжить: — Одно дело — таскать его под мышкой по бассейну, и совсем другое — держать, прилаживая плавник. Стоит ему рассердиться — и кто-нибудь останется без руки. Это в лучшем случае.

— Меня Руди не тронет.

— Не дури! Акулы — не люди, у них свои резоны. Он же не знает, что ты хочешь ему помочь. — Грег встал и отвернулся от компьютера. — Нам пора ехать. На дорогу до клиники уйдет двадцать минут. Доктор Форенски прилетела сюда специально ради тебя. Нехорошо заставлять ее ждать.

Лаки не обращала внимания на живописную местность вокруг. Ведь не исключено, что уже через час она будет знать свое имя! Может быть, тогда она сумеет доказать Грегу, что не обманывает его? Пока что собственное прошлое было для нее расплывчатым миражом, трепещущим в недостижимой дали.

«Помни, я тебя люблю»... Эти слова снова и снова раздавались в темных закоулках ее сознания, но она по-прежнему не знала, кому они принадлежали. Был ли у нее до Грега другой мужчина? Любящий ее человек? Лаки не могла больше терпеть невыносимую боль, именуемую одиночеством, и с радостью променяла бы ее на любое физическое страдание.

Доджер, сидевший сзади, положил умную морду ей на плечо. Она благодарно почесала его за ушами и покосилась на Грега. Тот, не отрываясь, смотрел на дорогу, высунув локоть в открытое окно и небрежно держась за руль. При виде грузовика с сахарным тростником, пересекающего дорогу, Грег сбавил ход.

— Здесь сельская местность, — сообщил он, не глядя на Лаки. — Сюда редко забредают туристы.

— Очень красиво! — искренне восхитилась она.

Вокруг расстились плантации сахарного тростника, верхушки стеблей покачивались на пассатном ветру. На красноземных склонах, иссеченных террасами, виднелись молодые зеленые растения — ананасы. Вдоль шоссе трепетал на ветру дикий имбирь, похожий на грациозных балерин.

По мере подъема по склону Халеакалы тростник и ананасы сменялись изумрудными пастбищами, окруженными белыми изгородями. В густой траве паслись коровы и лошади. Вдали виднелся залитый солнцем океан. Иногда пастбища скрывались за зарослями папоротников. Над всем этим громоздился Халеакала с закрытой облаками вершиной.

Потом они въехали в городок с дощатыми тротуарами, коновязями, сточными канавами вдоль

улицы, проехали мимо «Конюшен Хибнера» и «Универмага Ямагучи», пропустили троих всадников, со смехом помахавших им ковбойскими шляпами.

Что-то тут было не так...

— Снова мангуст! — воскликнула Лаки, растерянно оглядываясь.

— Что? — встрепенулся Грег.

— Ничего не понимаю! Место как будто знакомое, но на Гавайи совершенно не похоже...

— Макавао облюбовали местные ковбои. Сильно смахивает на Техас, верно?

Лаки понимала, что он пытается ее подловить, и окончательно растерялась. Это место действительно не походило на остальные уголки острова, но вспомнить, как выглядит Техас, она не сумела бы даже под страхом смерти.

В напряженном молчании они подъехали к клинике, напоминающей горный коттедж где-нибудь в Швейцарии, и вышли из машины. Администраторша проводила их в кабинет.

Доктор Форенски уже ждала их. Маленькая, щуплая, с короткими седыми влосами и морщинистым загорелым лицом, она поднялась из-за стола и пожала Лаки руку.

— Представляю, что вы пережили! — сказала она, предложив обоим сесть.

Об искреннем сочувствии свидетельствовал не только ее тон, но и взгляд. Лаки она сразу понравилась. В последнее время люди слишком часто смотрели на нее с подозрением, совершенно не думая о том, как она страдает...

— Мистер Бракстон рассказал мне, что с вами произошло, — продолжила доктор Форенски. — Кроме того, я читала про вас в газетах, хотя им, конечно, нельзя доверять, и получила результаты обследований. Тем не менее хотелось бы услышать от вас обоих подробный рассказ.

Первым взял слово Грег, поведавший, как Доджер нашел машину. Потом Лаки рассказала, как очнулась в палатке, ничего не помня о прошлом и не представляя, где находится и как туда попала. Доктор Форенски слушала их молча, согласно кивая. Чувствовалось, что она хочет как можно больше расположить Лаки к себе.

— Значит, вы не узнали себя в зеркале и расстроились? — спросила она. — А теперь вы себя узнаете? Лаки пожала плечами.

— Вроде бы. А может быть, я просто привыкла? По крайней мере, сейчас мне видится в зеркале что-то знакомое — когда волосы вокруг лица не похожи на... — она поискала подходящее словечко, — на репейник.

— Любопытно! Вы не узнаете собственного лица, не помните своего имени. А ведь должны бы: вы тысячи раз видели себя в зеркале и постоянно произносили собственное имя. То и другое должно было запечатлеться в вашей памяти, в отличие от мелочей, которые осели там как эпизоды. — Врач внимательно рассматривала Лаки, но, судя по всему, верила ей и просто искала объяснение. — Очень необычный случай.

— Может ли это быть как-то связано с тем, что у Лаки сохранилось обоняние? — спросил Грег.

— Не исключено, — подтвердила доктор Форенски. — Просмотрев результаты обследования, я

сразу позвонила коллеге моего покойного мужа, который работает в Гарвардском медицинском институте. Доктор Робинсон специально занимался синдромом Хойта — Мелленберга. Встречается эта болезнь редко, данных по ней немного, но он вспомнил похожий случай, когда у пострадавшего тоже сохранилось обоняние.

— Разве это так важно? — нетерпеливо спросила Лаки. — Я просто хочу подвергнуться гипнозу и вспомнить свое имя!

Форенски снисходительно улыбнулась.

— Важно. Дело в том, что за обоняние и эпизодическую память отвечает практически один и тот же участок головного мозга. Вот почему самые яркие воспоминания, как правило, сопровождаются у нас запахами. Стоит унюхать свежеспеченный яблочный пирог — и пожалуйста! — Она щелкнула пальцами. — Мне снова шесть лет, и я сижу в бабушкиной кухне...

— Я бы все отдала, чтобы вспомнить свою бабушку! — воскликнула Лаки.

Доджер, словно почувствовав ее отчаяние, подбежал и лизнул ей руку, а доктор Форенски наклонилась и потрепала Лаки по плечу.

— Наш мозг обладает чудесной способностью к самовосстановлению. Существуют люди, у которых вообще функционирует только одна половинка мозга. Многие попадали в худшие передрыги, чем вы, и продолжали потом вести нормальную жизнь. Когда отыщется ваша семья, вам расскажут о прошлом, и ваш мозг так обработает эту информацию, что вы почти поверите, что все вспомнили самостоятельно.

Другие врачи говорили ей то же самое, но Лаки почему-то больше поверила этой женщине. Поразительно! Как ни презирает ее Коди Бракстон, он сумел найти человека, искренне желающего ей помочь!

— Вы готовы начать? — спросила доктор Форенски.

— Да, — решительно ответила Лаки. — А можно остаться Грегу и Доджеру?

— Если вам так хочется.

Лаки кивнула и посмотрела на Грега. Что бы они ни услышали, как бы это их ни ранило, она желала, чтобы Грег узнал правду из первых рук. Если его и удивила ее просьба, он этого не показал.

12

Грег наблюдал, как доктор Форенски усаживает Лаки в кресло, и боролся с желанием сбежать. Зачем Лаки попросила его остаться? Ему хотелось одного: узнать ее имя и избавиться от нее раз и навсегда. А для этого вовсе не обязательно присутствовать на сеансе гипноза.

— Вам совершенно нечего бояться, — сказала врач, придвигаясь к Лаки и жестом приглашая Грега сесть поближе. — Под гипнозом люди не делают ничего такого, чего бы они не сделали в нормальном состоянии.

Грег решил, что эта пожилая женщина ему, пожалуй, нравится. Она не жалела времени,

успокаивая Лаки. Интересно, у нее вызывают сочувствие все пациенты? Во всяком случае, этого нельзя было сказать о врачах, первыми поставивших Лаки диагноз.

— Смотрите на часы на стене, — приказала доктор Форенски. — Сосредоточьтесь на них и медленно считайте, начав от ста: девяносто девять, девяносто восемь и так далее.

— Сто, девяносто девять, девяносто восемь, девяносто семь, девяносто шесть...

Пока Лаки считала, Грег внимательно наблюдал за ней. Сейчас она казалась такой беспомощной, что он был готов ей поверить.

— Вам удобно, вы расслабились, да? Лаки кивнула.

— Семьдесят, шестьдесят девять, шестьдесят восемь...

— Теперь закройте глаза и расслабьтесь полностью. Лаки вздохнула, ее веки медленно опустились.

— Шестьдесят семь, шестьдесят шесть...

— Теперь вы чувствуете усталость, вам хочется спать, не так ли?

Лаки снова кивнула. Грег пристально смотрел на нее, выискивая признаки притворства, но ничего подозрительного не обнаруживал. Ее грудь под бледно-голубой футболкой мерно вздымалась и опадала.

— Когда совсем уснете, можете перестать считать, — сказала врач.

Лаки пробормотала «сорок семь» и умолкла.

— Откуда вы знаете, что она уже под гипнозом? — поинтересовался Грег.

Он никак не мог справиться со своим скепсисом, вспоминая поведение Лаки в генном шкафу. Он так и не решил тогда, говорит она правду или актерствует.

— А вы сомневаетесь? — отозвалась доктор Форенски.

Грегу стало не по себе: он подозревал в ней способность видеть насквозь и его, и любого другого.

— Если честно, я не очень-то верю в гипноз, — сознался он.

— Лаки, вы меня слышите? — спросила Форенски.

— Да, — тихо, словно издали ответила Лаки.

— Откройте глаза и встаньте.

Лаки поднялась с кресла. Ее зеленые, опущенные длинными ресницами глаза и приоткрытые губы, как всегда, казались Грегу воплощением сексуальности. Неужели все это — только игра? Если да, то что она пытается доказать?

— Пожалуйста, встаньте на одну ногу, а другую вытяните назад.

Лаки послушалась и осталась стоять на одной ноге.

— Теперь перенесите всю тяжесть на носок и раскиньте руки.

Это уже походило на балетную позицию: Лаки балансировала на носке одной ноги, раскинув руки, как крылья.

— Отлично, — сказала Форенски. — Так и стойте. Не шевелитесь.

Доджер, сидевший рядом с Грегом, вскочил и уставился на Лаки. Она не шевелилась, словно превратилась из живого человека в статую. Грег все больше недоумевал, как это у нее получается.

— Вы знаете, что мы здесь, не правда ли. Лаки?

— Да. Я вижу, что вы, Грег и Доджер смотрите на меня. — Ее губы шевелились, но тело оставалось неподвижным.

— Долго оставаться такой позиции может только тренированная танцовщица, — заметила врач. — Однако под гипнозом на это способен любой: человеческий мозг ничто не отвлекает от поставленной задачи. Под гипнозом человек полностью контролирует свое тело.

— Но у нее стеклянный взгляд! Таким же он был в ту ночь, когда я ее нашел, но тогда она не реагировала на мои слова — только что-то лепетала и вела себя... странно. Я к ней обращался, но она меня как будто не слышала.

— Видите ли, под гипнозом человек контролирует не только свое тело, но и мозг. А в тот момент она скорее всего продолжала переживать события, предшествовавшие катастрофе. Самая обычная реакция.

Грег вспомнил, как Лаки в ту ночь решительно и бесстыдно расстегнула «молнию» на его шортах. Если она переживала недавние события, значит, была перед этим с любовником! Подумав так, он испытал неприятное чувство, которое ему не хотелось называть ревностью. Он не услышал, как врач приказала Лаки вернуться в кресло и закрыть глаза.

— Вы меня слышите? — снова спросила она, и Лаки ответила утвердительно. — Хорошо. Теперь назовите нам свое имя.

— Лаки Бракстон, — без колебания ответила она, и Грег в изумлении вскочил.

«Лаки Бракстон». Как ни странно, это имя ей очень подходит... Боже, что за чушь лезет ему в голову?

— Это ваше настоящее имя? — спросила врач, и Лаки отрицательно помотала головой. — Почему же вы так себя называете?.

— Грег прозвал меня Лаки, потому что мне повезло: я не погибла в смертельной аварии. А фамилию Бракстон я прибавила потому, что не иметь фамилии очень страшно. И вообще, без Грега я никуда: это он меня нашел, он спас меня от тюрьмы... Сейчас я с ним.

Грег почувствовал, что в горле у него встал ком, и судорожно глотнул. Оказывается, Лаки по-настоящему ценила его заботу! Он был тронут до глубины души, хотя ни за что не сумел бы передать это словами.

— Понимаю. Но свое настоящее имя вы знаете?

— Нет. Как бы мне хотелось его вспомнить! Но я не помню.

Грег машинально погладил Доджера, облегченно переводя дух. Не помнит! Слова Лаки наполнили его ликованием. Лаки, вне всякого сомнения, находилась сейчас под гипнозом: если бы она помнила свое имя, то непременно назвала бы его. Значит, все это время она ему не врала!

— Хорошо. Давайте вернемся назад во времени. Восстановите в памяти день, когда произошла авария. Скажите мне, что вы видите.

— Что вижу? Ничего, кроме... колеблющегося света, словно меня окружает густой туман. Нет, не туман, скорее вода.

— Может быть, дождь?

Лаки замаялась, и Грег решил, что ей запомнился ливень, поливавший побережье в ту ночь, когда он нашел ее.

— Нет, просто вода. Словно я нахожусь в океане, под водой... Вижу только колеблющиеся полосы света, проникающего откуда-то сверху, где светит солнце.

Форенски наклонилась к Грегу и тихо сказала:

— Все пациенты с амнезией сходным образом описывают прошлое, которого не помнят. Они, как правило, не видят ничего, кроме мглы. Некоторые говорят про какой-то свет, но все равно ничего не различают, и немудрено: ведь их память пуста.

Грег не мог отвести глаз от Лаки. Она прикусила нижнюю губу, как часто делала, сосредоточенно уставясь на компьютерный монитор. Было ясно, что она изо всех сил старается увидеть прошлое, но тщетно. Грег сочувствовал ей всей душой, совсем как в тот день, когда нашел ее в тюрьме, превращенную в посмешище для зевак.

— Давайте уйдем еще дальше в прошлое, Лаки. Скажем, в лето тысяча девятьсот девяностого года. Можете нам сказать, где вы находитесь?

После недолгого молчания прозвучал ответ:

— Не могу. Вижу свет, но рассеянный, словно пропущенный сквозь призму. Я не знаю, где нахожусь.

Слушая ее, Грег все больше убеждался, что она говорит правду. Врач вводила ее дальше и дальше в прошлое, но Лаки по-прежнему не видела ничего, кроме тусклого света.

Наконец Форенски повернулась к нему и сказала:

— Мне совершенно ясно, что у нее полностью стерта память. Это соответствует описанию синдрома Хойта — Мелленберга, но не объясняет, почему она не помнит собственного имени.

— Может быть, попробовать еще что-нибудь? — Грегу не хотелось расставаться с надеждой. Ведь если гипноз ничего не даст, ему снова придется выслушивать скептические замечания брата и, главное, опять ночевать под одной крышей с женщиной, убежденной, что она принадлежит ему!

Доктор Форенски не спешила с ответом. Наконец, помассировав виски, она сказала:

— Можно попробовать вернуть ее в детство, в период, когда ей еще не исполнилось четырех лет. Большинство людей не помнят, что с ними происходило в этом возрасте: за разные массивы памяти отвечают разные участки мозга. Людям только кажется, что у них сохранилась память о себе в такие годы: исследования показали, что это сведения, почерпнутые ими из других источников. Но вдруг Лаки принадлежит к тем немногим, кто помнит самые первые годы своей жизни? Впрочем, даже если это так, маленькие дети обычно не знают свою фамилию, а если и знают, то не могут назвать ее по буквам, особенно когда она сложная.

— Все равно, давайте попробуем.

В ушах Грега все еще раздавалось признание Лаки, что она не мыслит себя без него. Если она так ничего и не вспомнит, даже своего раннего детства, то ему придется покровительствовать ей и впредь — хотя бы до тех пор, пока не объявятся ее родные или близкие. Как ни странно, эта мысль наполнила его неожиданным ликованием.

— А теперь, Лаки, вернемся далеко-далеко, в самое раннее детство. Ты еще совсем маленькая, ты еще мало ходила, мало говорила. Вспомни себя ребенком, только начавшим ходить.

Лаки уже не прикусывала нижнюю губу, она склонила голову набок, словно прислушиваясь. Доджер встал, и Грег почувствовал, что пес дрожит всем телом. Лаки менялась у них на глазах, и чутье подсказывало Грегу, что это не игра.

— Скажи нам, что ты видишь. Лаки.

— Тимно, — ответил детский голосок. У Грега волосы зашевелились на голове. Доджер вытянулся в струну.

— Повтори.

— Тимно. Тимно.

— Ты в темноте? — Врач покосилась на Грега. — Ты видишь какой-нибудь свет?

— Пададвелью.

— Свет проникает из-под двери? — подсказал Грег, видя, что врач недоуменно молчит.

— Угу.

Детским был не только голос, но и что-то в поведении. Сначала Грег не мог понять, что именно, но потом его осенило: Лаки втянула голову в плечи, лицо ее жалобно сморщилось — как перед рыданиями или сразу после. Ничего себе! Что же у нее было за детство?

— Ты знаешь, где ты?

Лаки отвернулась от них и вжалась в кресло. Грег успел заметить, как из-под ее сжатых век просачиваются слезы.

— В шкафу.

— В шкафу?! — воскликнул Грег, сразу вспомнив разбудивший его среди ночи детский плач.

Вот черт! Не может быть! Впрочем, теперь он знал, что очень даже может.

Доктор форенски прижала к губам палец, призывая его к молчанию.

— Ты в шкафу? — переспросила она. Лаки кивнула и обернулась. По ее щекам уже всю катились слезы. — Что ты делаешь в шкафу?

— Плячусь.

Лаки по-детски всхлипнула, а потом раздалась настоящие горькие рыдания. Грег боролся с желанием обнять и успокоить ее, словно несмышленное дитя. Как посмели причинить ребенку такое горе?! Большого труда ему стоило вернуться в реальный мир и напомнить себе, что он ничем не может ей помочь: Лаки переживала какое-то печальное событие из своего далекого прошлого.

Доктор Форенски недоуменно хмурилась, и Грег сообразил, что ничего не сказал ей о том, как Лаки спряталась в шкафу, прихватив с собой кухонный нож.

— От кого ты прячешься?

Лаки открыла рот, попыталась ответить, но не смогла. Потом, тяжело дыша и запинаясь, она все-таки пролепетала:

— От ма-мы.

Грега пронзили жалость и боль: он вспомнил собственное горькое детство. Впрочем, он сражался с тетей Сис и постоянно от нее прятался, будучи гораздо старше. Он уже был способен за себя постоять.

— Почему твоя мама сердится на тебя? — спросила доктор Форенски.

«Вы что, не понимаете?!» Грегу показалось, что он выкрикнул эти слова, но они прозвучали только у него в голове. В следующее мгновение он сообразил, что врач все понимает, просто хочет вытянуть правду из Лаки, сжавшейся в кресле, как обиженный ребенок.

Лаки по-детски потерла глаза кулаком, и от этого зрелища у Грега перехватило дыхание. Доджер, очевидно, испытывал то же самое, что его хозяин: он заскулил и умоляюще оглянулся на него, словно желая сказать: «Прекрати это!»

— Я была плохая. Отень-отень плохая. Грег напрягал все силы, чтобы не заорать на врача, подвергавшую несчастную женщину пытке. С каждым словом лицо Лаки все больше морщилось, пока не стало очевидно, что ей больно. Самого его столько раз подвергали побоям, что он знал на собственной шкуре, каково это.

— Что ты сделала плохого?

— Выпила все молочко.

Черт! Грег вспомнил, как они с Коди целую неделю питались макаронами с сыром, так как в доме тети Сис не было больше ничего съестного. Тетка просаживала в «бинго» все, до последнего цента, не особенно заботясь об их прокорме. Но Лаки пришлось похуже, чем им: она была гораздо младше, и мучил ее самый близкий человек — мать.

— Что случится, когда мама тебя найдет? — спросила врач.

Грег спрятал руки за спину, потому что иначе схватил бы ее за плечи и хорошенько встряхнул. Разве она не знает, что бывает с детьми сумасшедших родителей?

— Жжется...

— Повтори!

— Мать жгла ее спичками! — прошипел Грег врачу на ухо.

Что за бесчувственное создание?!

— Она тебя обожжет? — нахмурившись, переспросила Форенски.

— Угу, — подтвердила Лаки.

Она подтянула колени к подбородку и обхватила их руками, приняв позу зародыша — ту самую, в которой он нашел ее в стенном шкафу. Как же она провела последнюю ночь? Грег тогда изнывал от желания и не мог себе позволить к ней заглянуть, поскольку совершенно себе не доверял. Как ей удалось проспать всю ночь, не издав ни звука?

— Как тебя зовут? — спросила Форенски, очевидно, уже не осмеливаясь продолжать расспросы о ее несчастном детстве. — Ты можешь ответить?

— Ткнись.

— Как-как, детка? Повтори еще разок.

— Ткнись.

Форенски посмотрела на Грега расширенными глазами. На сей раз она все поняла сама.

— «Заткнись»... Это и есть твое имя? — спросила врач.

Грег не удивился, когда снова услышал детское «угу». Лаки сжалась на кресле в плотный комочек, словно стремясь окончательно отгородиться от окружающего мира.

— А свою фамилию ты знаешь?

— Что такое «фамилие»?

— Где ты живешь?

— В шкафу.

Грег не сломался и не зарыдал, даже когда его жена погибла в автокатастрофе. Но сейчас он чувствовал себя раздавленным. Он догадывался, что пришлось пережить Лаки, — ведь и его самого с детства преследовали похожие демоны. Только он был постарше, посильнее духом. А Лаки приняла мучения совсем малышкой. К тому же, рядом с ней не оказалось тогда ни одной близкой души...

— Скажи, а папа у тебя есть? Лаки покачала головой.

— Может быть, ты знаешь, как зовут маминих друзей? — спросила врач.

Грег понимал, что ей не хочется опускать руки, хотя ее усилия явно кончились провалом. Маленькая Лаки не помнила ничего, что могло бы помочь ее опознанию.

— Не знаю, — всхлипнула она.

— Хватит! — Грег вскочил. — Разве вы не видите, что все это превратилось в бесполезную попытку?!

Форенски сокрушенно покачала головой и приказала Лаки уснуть на несколько минут, а Грег все никак не мог прийти в себя. Как хорошо он представлял ее мучения! Его детство тоже нельзя назвать безоблачным, но у него, по крайней мере, был Коди. Лаки же поджаривалась на этой адской сковороде в одиночку.

Доктор Форенски встала и пригласила его выйти с ней из комнаты, чтобы дать Лаки поспать. Грег щелкнул пальцами, но Доджер не шелохнулся.

— Ладно, можешь побыть с ней. В коридоре Форенски сказала:

— Кажется, я знаю, почему Лаки не в состоянии вспомнить свое имя. Не вызывает сомнений, что она подвергалась в детстве жестокому обращению, от которого страдало не только тело, но и рассудок.

— Это еще мягко сказано! Мамаша так часто орала ей: «Заткнись!», что она решила, будто это и есть ее имя. — Грег вошел следом за врачом в кабинетик с окнами на стоянку. — Неудивительно, что теперь эна не может уснуть, если не спрячется в шкаф.

— Неужели? — Форенски присела за стол. — Расскажите поподробнее.

Грег описал, как нашел Лаки в стенном шкафу.

— Ей было страшно, но она сама не знала, чего боится. О матери она не говорила, поэтому я решил, что опасность грозит ей в настоящем.

— Это тоже не исключено: она ведь и в самом деле не осознает, что конкретно вызывает у нее страх. Когда человек спит, в его мозгу происходит бессознательное перетасовывание воспоминаний, накопленного опыта. А что тасовать мозгу Лаки? Неудивительно, что ее подсознание сосредоточено на перенесенной в детстве психической травме, раз у мозга отсутствует иная пища. Постепенно эти сны станут посещать ее реже и реже. Появятся новые переживания, и мозг сосредоточится на них.

— Могу ли я чем-то ей помочь?

— Конечно. Если кто-то и может, то только вы. Пока Лаки не найдет родных — если они у нее есть, — вы останетесь самым важным человеком в ее жизни. По-моему, кроме всего прочего, она в вас влюблена.

Грег вскочил, подошел к окну и уставился на автомобильную стоянку.

— Но я не хочу, чтобы она меня любила!

— Неужели?

Грег не ответил. Сказать по правде, он теперь не знал, как относиться к Лаки. Перед сеансом гипноза он убеждал себя, что единственная его цель — избавиться от нее. Но потом он

взглянул на Лаки другими глазами и так растрогался, что уже ничего не мог понять. Ведь он-то воображал, что давно окаменел!

Форенски продолжила, тактично обходя щекотливую тему чувств:

— Так вот насчет имени... Дети, подвергавшиеся жестокому обращению в семье, часто убегают из дому. Уличная жизнь сурова, но это все же лучше, чем прежние мучения. Чтобы выжить, многие беглецы вынужденно обращаются к наркотикам или проституции. Кажется, вы говорили, что Лаки была одета, как проститутка?

— Да. — Грег обернулся и хмуро взглянул на нее. — Она походила на проститутку не только видом, но и повадками.

— Если наша гипотеза верна, это многое объясняет. Видите ли, такие женщины часто меняют имя. Возможно, Лаки меняла его неоднократно и в своем теперешнем состоянии просто не способна вспомнить имя, данное ей при рождении.

Грегу стало совсем худо, но он нашел в себе силы холодно кивнуть, словно происходящее не вызывало у него особого интереса. На самом деле он был оглушен. Лаки являла собой причудливый сплав невинности и сексуальности. Здравый смысл с самого начала подсказывал, что у нее были мужчины, и немало. Но ему так не хотелось, чтобы это оказалось правдой.

— Не отчаивайтесь, — сказала врач напоследок. — Как говорится, что ни делается, все к лучшему. Травмы головы часто коренным образом меняют личность

пострадавшего. Учитывая, какой могла быть прежняя жизнь Лаки, случившееся дает ей прекрасный шанс все начать с чистого листа.

13

Лаки опасливо покосилась на Грега. Несколько минут назад они покинули клинику, закончив длинный разговор с доктором Форенски. Грег хранил непонятное молчание, и по его лицу, как всегда, ничего нельзя было понять. «Ему бы стать профессиональным шулером, — подумала Лаки. — Никто не догадался бы сейчас, что за карты у него на руках».

Она отвернулась к окну, твердя про себя, что ей нет дела до его настроения. Инстинкт самосохранения подсказывал ей, что отныне следует полагаться только на саму себя.

Сеанс гипноза утомил и разочаровал Лаки. Она так и не узнала своего имени, зато открыла,

что родная мать не любила ее, более того — судя по всему, едва не угробила...

В душе разверзлась неопишуемая пустота, и она не знала, чем ее заполнить. Словно заклинание, Лаки повторяла про себя неизвестно чьи слова: «Помни, я тебя люблю». Кто же ее любит? И почему этого любящего человека нет рядом, когда она так отчаянно в нем нуждается?

Лучше забыть все это, не оглядываться назад и думать только о будущем.

— Итак, доктор Форенски считает, что в детстве я подвергалась жестокому обращению, сбежала из дому и стала то ли наркоманкой, то ли... еще кем-то?

Лаки не могла назвать саму себя проституткой, не могла думать о себе так дурно. И все-таки она прекрасно понимала, что это может оказаться правдой. Судя по рассказу Грега о ее поведении в ту ночь, когда он ее нашел, это объяснение было наиболее вероятным. И, уж во всяком случае, он-то наверняка думает о ней именно так...

Грег пожал плечами.

— По крайней мере, она дала более достоверное объяснение, чем кто-либо до нее. Ты не можешь назвать свое имя, потому что их у тебя было много.

Не потому ли ей захотелось назваться фамилией «Бракстон», принадлежать ему? Но неужели она не чувствовала, что он мечтает от нее отделаться? Кроме того, даже находясь под гипнозом, Лаки осознавала, где находится, и видела рядом с собой Грега. Значит, у нее просто не было сил скрывать потаенные мысли?

Грега вдруг охватила непонятная усталость. Он съехал на обочину и, выйдя из машины, поманил Лаки за собой на край скалы, с которой открывался вид на остров. С такой высоты мир казался словно поделенным на две части. С одной стороны раскинулся голубой океан, с другой — все оттенки зеленого спектра: салатные сахарные плантации, ярко-зеленые посадки ананасов, изумрудные заросли дикого папоротника. Надо всем этим высился буро-зеленый вулкан Халеакала, заслонивший половину лазурного небосвода.

Грег долго молчал, любясь величественной панорамой, потом негромко произнес:

— Этой ночью я не слышал, чтобы ты плакала. Тебе удалось уснуть на кровати?

Лаки хотела было соврать, но, вспомнив советы врача, решила на правду. Кем бы она ни была, чем бы ни занималась до аварии, это больше не имело значения. Ей представился шанс начать жить заново, и она собиралась использовать его достойно. А хорошие люди не лгут, тем более своим спасителям.

— Нет, я опять спала в шкафу. — Заглянув ему в глаза, она увидела выражение, которое, как ни печально, можно было назвать только жалостью. — Но после сеанса это не должно повториться! Теперь я точно знаю, чем вызваны мои страхи. Все это осталось в прошлом, в детстве. Мне больше нечего бояться и незачем прятаться.

— Раз ты опять залезла в шкаф, значит, ты снова плакала?

Лаки поспешно отвернулась. Зачем он ее мучает?! Неужели для того, чтобы не оказаться лгуньей, обязательно выкладывать все-все? Кое-что недоговаривать — далеко не то же самое, что врать... Но Грег поймал ее за руку и заставил обернуться.

— Значит, все-таки плавала? — Лаки молча кивнула. — Почему же я не слышал? Ведь я почти не спал.

Она посмотрела на его сильную руку и вспомнила, как стискивала ее тогда, в больнице.

— Перед тем как лечь, я завязала себе рот майкой, чтобы тебя не беспокоить...

— Господи, только не это!

Грег обнял ее и ласково привлек к своей груди. Лаки ощутила легкий аромат, который помнила с той ночи, которую провела с ним, и задрожала от его близости.

— Прости меня! Надо было к тебе заглянуть, проверить, как ты там, — прошептал Грег, обдав теплым дыханием ее щеку.

— Мне не хотелось быть тебе в тягость... Лаки поспешно сказала себе, что это вполне невинная ложь. В действительности ей безумно хотелось, чтобы Грег снова пришел к ней в постель, но, зная, что он этого не хочет, она завязала себе рот — а что еще ей оставалось?

Грег озабоченно заглянул ей в глаза.

— Обещай мне, что больше этого не сделаешь! А если опять чего-то испугаешься — приходи ко мне.

— Значит, ты мне веришь?! — Лаки смотрела на него во все глаза. — Ты понимаешь, что я ничего не выдумываю?

— Да, понимаю. С того самого момента, когда увидел тебя в тюрьме. Но я даже себе отказывался признаться в этом...

Лаки прижалась лицом к его груди. Как объяснить, что она и сама себя не понимает? Неужели Грег готов простить ей ее прошлое, каким бы оно ни было?

— Я так благодарна тебе...

— Не надо. Лучше забудем это.

Его голос изменился, стал хриплым. Лаки не поднимала глаз, чтобы не нарушить очарование. Она чувствовала, что он хочет ее успокоить, но по привычке соблюдает безопасную дистанцию. Как ни велико было ее желание поцеловать его в губы, сокрушить возведенный им барьер, Лаки не могла на это решиться. Раньше она всегда сама делала первый шаг, но пусть все будет так, как хочет он.

Грег провел пальцами по ее щеке, и она задрожала. Когда их губы разделяло всего несколько дюймов, она осмелилась поднять на него глаза и поняла, что их желания совпадают.

Грег наклонил голову, нашел губами ее губы и поцеловал — медленно и глубоко. С чувством несказанного облегчения Лаки отдала этому поцелую всю себя. Она приоткрыла рот и прильнула к Грегу всем телом.

Его горячий и настойчивый язык встретился с ее языком — нежным и одновременно дерзким.

Поцелуй, казалось, не прервется никогда. Его ладони гладили ее спину, спускаясь все ниже, пока не скользнули по бедрам и не легли на ягодицы. Когда он крепко прижал ее к себе. Лаки застонала, позволяя ему как можно глубже проникать языком к ней в рот, предвосхищая настоящее любовное соитие.

Она уже знала, как это будет! Грег потребует, чтобы на этот раз она отдалась ему без остатка. Он больше не будет сдерживаться, не будет контролировать каждое свое движение...

Внезапно он отпрянул, как будто его ударило молнией.

— Вот это подгадали! Посмотри, меня вызывает Служба спасения.

Грег сорвал с пояса пейджер, с которым никогда не расставался, и поднес к глазам. Лаки так и подмывало взмолиться: не обращай внимания, лучше целуй меня! Увы, она знала, что это

бесполезно — Грег обладал обостренным чувством долга.

— Семь-тринадцать, — пробормотал он. — 7 означает, что им требуется собака, 13 — парк «Долина Иао». Наверное, у пика Иао снова пропал какой-нибудь турист.

— Это там, где нашли мертвую женщину без одной туфли? — спросила Лаки, торопясь вместе с ним к машине. — Что вообще такое этот пик Иао?

— Базальтовая скала больше двух тысяч футов высотой. В старину гавайские вожди хоронили в тамошних пещерах своих мертвецов. Можешь себе представить, сколько здесь бытует легенд о призраках! Люди обожают все эти вымыслы, поэтому туда тянутся даже те, кто обычно не занимается скалолазанием. Недели не проходит, чтобы кто-нибудь не потерял тропу и не заблудился.

Грег распахнул дверцу машины. Доджер первым запрыгнул на заднее сиденье, Лаки уселась рядом с Грегом.

— Мне надо немедленно ехать на сборный пункт. Через пару часов стемнеет, а в темноте потерявшихся охватывает паника. Они забираются еще дальше в джунгли, и их становится труднее найти. Запомни: если когда-нибудь потеряешься, сиди на одном месте.

Как ни велико было ее разочарование. Лаки не могла не гордиться Грегом. На него можно было положиться в любой передрыге. Те, кто потерялся в этот раз, еще не знали, насколько компетентен и надежен их спасатель. А вернее — спаситель...

— Наверное, придется заскочить к Коди: это совсем рядом. Оттуда я позвоню в Службу спасения и скажу, что еду. Будем надеяться, что Сара уже дома.

«Дома»! Только человек, которому заказано возвращение домой и воссоединение с семьей, способен понять весь смысл этого короткого слова. Чтобы по-настоящему осознать его значение, надо всего лишиться...

Лаки постаралась отбросить тяжелые мысли: прощаясь с доктором Форенски, она твердо решила не жалеть себя.

— Плохо, что у тебя нет телефона в машине.

— Им все равно нельзя бы было воспользоваться. Единственная станция на островах, которая обслуживает мобильные телефоны, находится в Гонолулу.

«Откуда мне известно про телефоны в машинах?» — спохватилась Лаки. Она не помнила, чтобы когда-нибудь видела такие собственными глазами, однако само понятие каким-то загадочным образом всплыло в памяти. Ее мозг вел себя странно: то проявлял неожиданную осведомленность, помогая ей скользить по киберпространству на автопилоте, то оказывался неспособным подсказать простейшее словечко...

Они ехали по узкой дороге вдоль высоких папоротников и орхидей с крохотными цветками. Здесь, на возвышенности, было прохладнее, чем на побережье, свежий ветерок доносил запахи луговых трав, в небе носились птичьи стаи, отбрасывая мимолетные тени.

Жилище Коди представляло собой просторное ранчо с домом на сваях, утонувшим в тени высоких эвкалиптов. С одной стороны от дома раскинулся сад, с другой — луг, где паслись две лошади и явно недавно появившийся на свет длинноногий жеребенок. На заднем дворике

разгуливала, звеня колокольчиком, коза, у двери надрывались от лая две собачонки, оскорбленные появлением автомобиля.

Сара вышла на крыльцо, ведя за руку крохотную девочку, еще нетвердо державшуюся на ножках. Появление Грега и Лаки явилось для нее неожиданностью, но она приветливо улыбнулась и помахала им рукой. Лаки не ожидала, что эта встреча так обрадует ее. Мало кто был к ней так добр и внимателен, как Сара.

— Видишь малютку? Наверное, это Молли, — заметил Грег. — Очень похожа на Сару...

— Ты ни разу не видел племянницу? — недоверчиво спросила Лаки.

Судя по его недовольному выражению, она задела болезненное место. Опять проклятый мангуст! Из всего происходящего вокруг она понимала далеко не все. В лучшем случае половину. Снова странности мозга: то он подсказывает ей разные мелочи, вроде телефона в машине, то она не может понять тонкости отношений в семье Бракстон.

— Можно от тебя позвонить? — крикнул Грег в окно машины, притормаживая. — Меня срочно вызывает Служба спасения.

— Конечно! — отозвалась Сара. Грег выскочил из машины и исчез в доме, а Сара подошла к Лаки.

— Как ваши дела? — приветливо спросила она.

— Спасибо, хорошо.

Лаки внезапно захотелось все ей выложить. Наверное, с Сарой любого тянуло на откровенность. Она принадлежала к редкой породе людей, умеющих внушать симпатию: хорошенькая, кареглазая, с длинными шелковистыми волосами гораздо темнее ее глаз. Но главное — ей были присущи жизнерадостность и открытость, мгновенно расположившие к ней Лаки.

— Ма-ма, ма-ма! — залепетала малышка у нее на руках.

— Молли, — обратилась к ней Сара, — это Лаки. Ну-ка, скажи: Ла-ки.

— Я-ки, Я-ки, — проговорила малышка, вызвав у обеих женщин смех.

— Отлично! Как меня только не называют! Сара внезапно перестала улыбаться.

— Это вы о статейке в «Таттлер»? Не обращайтесь внимания! Подумаешь, дешёвый таблоид...

Лаки сразу напряглась, предчувствуя неприятности. Как ни странно, печальные обстоятельства ее далекого прошлого, которые открылись на сеансе гипноза, прибавили ей уверенности в себе. Но теперь тревога вернулась.

— Что там понаписали?

Сара отвела глаза.

— Всякую ерунду. Напечатали вашу фотографию в больнице и другую, на которой вы возитесь с акуленком.

— Как будто ничего страшного, — осторожно проговорила Лаки, но, увидев на Сарином лице виноватое выражение, поняла, что рано успокоилась.

— Яки, Яки! — кричала Молли, протягивая к ней пухлые ручонки.

И Лаки не выдержала: поспешно выйдя из машины, она потянулась к ребенку. Молли широко улыбнулась, очевидно, унаследовав от матери природное дружелюбие, и без всякого опасения позволила чужой женщине взять ее на руки.

— Я не понимаю, что происходит, Сара, — призналась Лаки, пока Молли играла с ее косой.

— Зайдите, я покажу вам газету.

Не спуская Молли с рук, Лаки вошла в дом. Гостиная была обставлена бамбукбвой мебелью, дощатый пол покрывал ковер из сизаля. На стене висело старое гавайское покрывало с блестками, расшитое ярко-желтыми ананасами. Лаки оценила практичность недорогой обстановки, а покрывало, повешенное так, чтобы до него не могли дотянуться дети, очевидно, являло собой какую-то ценную реликвию.

Из кухни доносился сердитый голос Грега:

— А я тебе говорю, Коди, она не притворяется! Скорее всего Лаки вообще никогда не сможет вспомнить свое настоящее имя!

— Когда они из-за меня ссорятся, я просто не знаю, куда деваться, — призналась она Саре.

— Теперь они по крайней мере разговаривают... — начала Сара и, услышав, как Грег швырнул трубку, шепотом добавила: — Потом объясню.

Грег вышел из кухни и остолбенел, увидев Лаки с Молли на руках. Лаки указала на Грега и сказала девочке:

— Это твой дядя Грег. Скажи: «Грег». Ребенок долго таращил на Грега глазенки, потом широко улыбнулся и протянул к нему пухлые ручки.

— Гек...

— А это Молли, — сказала Лаки и, воспользовавшись возможностью, дала Грегу подержать племянницу.

Грег отпрянул было, но Молли настойчиво повторила:

—Гек!

Он не мог не улыбнуться в ответ и, подхватив девочку, слегка подбросил, заставив ее взвизгнуть от удовольствия. Грег обращался с ребенком с такой естественностью, что Лаки поняла: то ли у него есть опыт общения с детьми, то ли он находит с ними общий язык так же легко, как с четвероногими.

— Я могу отвезти Лаки, — предложила Сара. — Тебе ведь некогда.

— Хорошая мысль! — согласился Грег, отдавая Молли матери. Вытащив из кармана бумажник, он отсчитал несколько купюр. — Будь добра, завези ее по дороге в «Кей-март». Купите там купальник — закрытый и... приличный.

Лаки открыла было рот, чтобы возразить, что она способна самостоятельно подобрать себе купальник, но Грег уже выскочил из двери. Она сдержала негодование, недоумевая, откуда берутся эти вспышки враждебности. Ведь он же, кажется, старается ей помочь! Обернувшись, она увидела на лице Сары улыбку золотоискателя, наткнувшегося на жилу.

— Вот здорово! По-моему, Грег наконец-то выбросил из головы эту су... — Сара запнулась. — Ой, малыши так быстро подхватывают плохие слова!

Лаки догадалась, какое слово чуть было не сорвалось с очаровательных уст Сары. Неужели она имела в виду Джессику Бракстон? Как это понять?

— У Грега на столе по-прежнему стоит ее фотография.

Сара поставила Молли на пол, и малышка двинулась через гостиную, шатаясь из стороны в сторону, как подвыпивший морячок.

— На столе, говорите? Ничего странного. Он слишком упрям, чтобы признать свою ошибку. Пойдемте на кухню, вы наверняка хотите пить.

Она жестом предложила Лаки присесть у массивного стола. Лаки оглядела кухню. Из окна открывался вид на покатые холмы, спускающиеся к серебрящемуся на горизонте океану. Стены были увешаны всевозможными спортивными грамотами, на полках стояли трофеи, мерцающие в лучах заходящего солнца. На холодильнике с помощью магнитов удерживалось футбольное расписание, рядом красовалась яркая мазня — рисунок Молли, окунавшей пальчики в краски.

Сара подала Лаки стакан лимонада и, придирчиво взглянув на нее, заявила:

— Вы Грегу подходите!

— Почему вы так решили? С тех пор, как он меня нашел, я доставляю ему одни неприятности. Сами слышите, как из-за меня они бранятся с Коди.

Сара оглянулась на дочку, пытавшуюся вытащить из буфета коробку с разноцветными пластмассовыми кубиками.

— Просто Грег никак не может привыкнуть к тому, что они снова разговаривают. Если он перестанет злиться, то, возможно, прислушается к голосу рассудка.

— А из-за чего они поссорились? — спросила Лаки: ее обуревало желание узнать о Грее как можно больше.

Отхлебывая лимонад, она с возрастающей тревогой и недоумением слушала рассказ Сары об аварии, в которой погибла Джессика и чудом остался в живых Коди. Глубоко вздохнув, Сара сообщила, что именно тогда открылась их связь. Лаки поразило, что после этого несчастья Грег объявил бойкот всей семье брата. Как он мог жить без близких людей? Лаки готова была бы простить любого, даже издевавшуюся над ней мать, лишь бы иметь семью, которую она вправе называть своей.

Сара наклонилась над столом.

— Стоило мне в первый раз увидеть Джессику, я сразу поняла: жди беды. Знаете, есть люди, ориентированные на кризис, все вокруг себя разрушающие. Вот и она была такой: из всего

создавала проблему. Она жаждала внимания и считала, что Грег уделяет его ей недостаточно. Но вы же сами видите, какой он; везет на себе целый институт и при этом остается самым опытным членом команды спасателей. Ему надо было жениться на более независимой женщине. А Джессика к тому же была не из тех, кто молча страдает. Она пыталась завоевать его внимание самым банальным способом: начала заводить интрижки на стороне. А когда это перестало действовать, она положила глаз на Коди...

— Не могу себе представить, чтобы Грег с этим мирился!

Сара пожала плечами.

— Наверное, он ее все-таки любил — во всяком случае, сначала. Кроме того, она страдала депрессией и грозилась покончить с собой, если он с ней разведется.

Лаки тяжело вздохнула и подумала, что среди множества других сведений ей предстоит заново открыть для себя, на что способны люди. День ото дня ей становилось все яснее, как плохо она разбирается в жизни.

— Но ведь угроза наложить на себя руки — это эмоциональный шантаж, то есть тот же обман!

Сара снова пожала плечами и взглянула на Молли, которая теперь лупила деревянной ложкой по пластмассовой банке.

— Наверное, вы очень сильная, если сумели простить Коди, — заметила Лаки.

— А что мне оставалось? Приходится признать, что мужчины — слабые создания и думают не головой, а тем, что у них между ног. Но я люблю Коди. Если бы я его не простила, то причинила бы зло и себе, и детям. С тех пор прошло два года. И я знаю, что поступила правильно.

— А вот Грег еще не простил Коди... Думаете, он когда-нибудь его простит?

— Возможно — благодаря вам.

— Мне?! При чем тут я?

— Вы явно интересуете Грега как женщина. И надеюсь, под вашим влиянием он пересмотрит свои чувства — к вам, к Коди, ко многому другому. Кажется, уже начал...

— А по-моему, он просто ощущает ответственность за меня, потому что...

— Протрите глаза! Как вы думаете, почему Грег хочет, чтобы вы носили купальник, полностью скрывающий вашу соблазнительную фигуру? Чтобы на вас не пялились другие мужчины! Уж поверьте мне, если бы вы были ему безразличны, его не интересовали бы ваши купальники. — Сара показала ей газету. — Представляю, как он взбеленится, когда увидит вот это!

Лаки взяла газету, и взгляд ее сразу наткнулся на страшное существо, которое она увидела в зеркале в ночь аварии и не сумела признать в нем себя. Заголовок гласил: «Призрак Пиэлы находит братца». Статья занимала почти всю первую страницу и была снабжена еще одной фотографией — не очень отчетливой, сделанной, как видно, при помощи мощной оптики. На ней Лаки стояла возле бассейна в купальнике, действительно придававшем ей вид дешевой потаскухи.

— Господи! Неудивительно, что Грег хочет меня переодеть. Ну и вид! — Она пробежала глазами статью. — Кому пришла в голову такая глупость?! Назвать Руди моим братом... — Она с омерзением отшвырнула газету.

— Вы просто не знаете гавайских легенд. Одна из них гласит, что Пиэла, богиня огня, создала эти острова. Получается, что главное местное божество — женщина. — Сара усмехнулась и подмигнула. — Эта часть легенды мне по душе. Ну а брат Пиэлы, Кухаимоана, следующий по могуществу бог, был акулой. Поэтому в статье и говорится, что вы при первой же возможности кинулись в воду и стали беседовать с акулой.

— Но это же смешно! Просто Руди живет в институтском бассейне...

Лаки умолкла, сообразив, что действительно разговаривала с акуленком. Он ей, разумеется, не отвечал, но откуда тогда она взяла его имя?!

— Еще в легенде говорится, что Пиэла часто появляется на обочине дорог в сопровождении собаки. С вами собаки не было, но нашел-то вас Доджер! Жители острова очень любят такие байки: считается, что они укрепляют их связи с родной историей.

— Что ж, пожалуй, лучше быть призраком, чем похитительницей автомобилей, — попробовала пошутить Лаки, но шутка получилась горькой.

— Да не расстраивайтесь вы так! Для «Таттлер» это просто способ зашибить деньгу. — Сара открыла холодильник и нашла там пакет с морковью. — Пора кормить лошадей. Вы не могли бы последить за Молли, пока я задам им сена?

Они спустились по склону на луг, где паслись две лошади и жеребенок. Женщины шли медленно, позволяя Молли бежать впереди. В отдалении, среди диких виноградных лоз, свисающих с ветвей деревьев, сновали крикливые птицы.

Пока Сара ловко орудовала вилами, накладывая в кормушку сено, Лаки помогала Молли кормить морковкой лошадок. Жеребенок испуганно моргал, но, поощряемый взрослыми лошадьми, тоже тянулся бархатной мордой к детским пальчикам, совавшим ему морковь.

Наполнив кормушку, Сара со звоном распахнула ворота. Услышав сигнал, лошади заспешили к загону. Теперь Молли могла беспрепятственно побегать по лугу. Лаки поставила ее на траву, девочка тут же схватила прутик и погналась за бабочкой.

— Вы только на нее посмотрите! — умилилась Сара. — Все время в движении! Впрочем, близнецы в этом возрасте были еще хуже. Мальчишки — это всегда двойная головная боль.

Женщины присели на плоский валун, наблюдая за лошадьми, помахивающими хвостами в тщетных попытках отогнать слетевшихся мух. Одновременно они присматривали за Молли, исследовавшей луг, по которому гулял легкий ветерок, приминавший траву. Лаки блаженствовала — ей еще никогда не было так хорошо. Если что и мешало расслабиться окончательно, то мысленный вопрос: приходилось ли ей в прежней жизни наслаждаться красотой матушки-природы.

Может быть, когда-нибудь она сидела вот так же на лугу в обществе человека, которого ей никак не удавалось вспомнить?..

Издали донесся птичий крик, и Лаки неожиданно вспомнила, что эта птица обычно кричит к дождю.

— Молли, ты слышала? — Сара вскочила и подбежала к возившейся неподалеку малышке. — Послушай еще раз!

Она приложила ладонь к уху, и маленькая Молли, подражая матери, сосредоточенно наклонила голову.

— О-о-о! — крикнула птица еще громче. Глазенки Молли расширились, и она повторила за невидимой крикуньей:

— О-о-о!

— Это птица о-о, — объяснила Сара дочери и Лаки. — Она всю жизнь живет с одним партнером. Если они потеряют друг друга, то перекликаются, пока снова не воссоединятся. Когда я была ребенком, они водились повсюду, а теперь почти исчезли.

— Чели... — пролепетала Молли, пытаясь повторить незнакомое слово.

— Исчезли. Это значит, что их осталось совсем мало. Скоро, наверное, не останется совсем.

Они долго слушали, как птица о-о призывает спутника жизни вернуться. На Лаки внезапно накатила печаль. Ведь она тоже потерялась! Почему же никто не хватился ее?

Птица умолкла, теперь до слуха доносился только скрип ветвей, колеблемых ветром. Воздух стал тяжелым, предвещая тропический ливень. Молли отвлеклась на кошку, шмыгнувшую в высокую траву, высоко задрав желтый хвост.

Лаки неожиданно подумала, что ей тоже хотелось бы иметь ребенка. От Грега... Но она быстро отогнала непрошеную мысль. Пока не выяснится, кто она такая, пока она снова не найдет себе места в жизни, об этом нельзя даже мечтать.

Вернувшись к валуну, на котором сидела Лаки, Сара попросила:

— Расскажи о сеансе у психиатра.

Лаки с удивлением поймала себя на том, что разговаривает с Сарой, как со старой знакомой, хотя видит ее всего во второй раз. Она без колебаний поведала ей, как врач превратила ее в маленькую девочку лишь немногим старше Молли, как она пряталась в шкафу. Сара молча слушала, хмурясь и не сводя глаз с дочери. Лаки понимала, что у нее не укладывается в голове, как можно мучить ребенка: ведь Сара была образцовой матерью, сохранившей семью в тяжелый кризисный момент.

— Теперь я чувствую себя лучше, — заключила Лаки. — Честное слово, лучше! Раньше я не понимала, почему меня так тянет в этот проклятый шкаф, а теперь понимаю. Доктор Форенски сказала, что это пройдет. Ее слова принесли мне облегчение.

— Значит, она считает, что подростком ты сбежала из дому, а потом стала вести жизнь пр... в общем, оказалась на улице?

— Не стесняйся, Сара, можешь договаривать. Не исключено, что я действительно торговала наркотиками... — Заглянув в дружеские карие глаза собеседницы, Лаки закончила: — Но скорее всего я была проституткой.

— Нет, не верю! Не может быть! Почему ты так решила?

Пришлось рассказать ей, как она приставала к Грегу в первую ночь в палатке. Сара явно услышала об этом впервые, и Лаки поняла, что Грег ничего не говорил Коди. Она была благодарна ему, хотя это мало что меняло. Глубоко вздохнув, Лаки добавила:

— Как бы то ни было, Грег принимает меня за бывшую шлюху.

— Теперь понятно, почему он так переживает! Ведь Джессика тоже вела себя, как... — Сара перебросила волосы через плечо, пытаясь подобрать не самые обидные слова, но у нее ничего не получилось. — Конечно, было бы гораздо лучше, если бы ты просто жила по соседству, росла на его глазах... В этом случае Грег не стал бы противиться своему влечению к тебе.

— Наверное, не стал бы, — согласилась Лаки. — Но доктор Форенски утверждает, что даже Несильная травма головы способна полностью изменить личность. Очень может быть, что между мной теперешней и женщиной, ехавшей в машине над океаном, не осталось буквально ничего общего. Врач советует мне начать жить сначала, стать такой, какой мне хочется.

— И какой же тебе хочется стать?

— Уж, во всяком случае, не шлюхой. Я хочу заслужить уважение Грега. Хочу сделать что-нибудь достойное — например, спасти бедняжку Руди... Но, боюсь, у меня не будет такой возможности. Через неделю состоится суд. Если не случится чуда и не найдется чело

век, способный объяснить, как я оказалась в украденной машине, меня посадят в тюрьму.

Лаки глубоко вздохнула, пытаясь прогнать страшные воспоминания о пребывании за решеткой.

— Сара, у меня появилась идея. Если ты мне поможешь...

14

— Шеф, к вам посетитель.

Дежурный закатил глаза, и Коди решил, что его ждет очередная встреча с Тони Трейлером. Утром этот зануда уже успел позвонить, выпытывая, есть ли новости про Лаки. Но на сей раз пожаловал не Трейлер. У посетителя были седые волосы, расчесанные на пробор, как у британского принца крови, одет он был в костюм со строгим галстуком. На Гавайских островах живые мужчины так не одевались — только мертвецы в гробу.

— Доктор Карлтон Саммервилл, — представился мужчина, протягивая руку с золотыми часами на запястье стоимостью в годовую зарплату Коди.

Коди пожал ему руку. Он почему-то был готов ручаться, что речь опять пойдет о Лаки. Неужели этот щеголь приехал, чтобы опознать их беспокойную подопечную? После телефонной ссоры с Грегом Коди считал бы за высшее счастье наконец-то от нее отделаться. Ведь все получилось именно так, как он опасался: ей удалось внушить Грегу, что она действительно ничего не помнит.

— Предмет моего профессионального интереса — синдром Хойта — Мелленберга, — начал Саммервилл торжественным тоном, словно находился в двух шагах от решения проблемы рака. — Мне хотелось бы побеседовать с Джейн Доу, которую вы задержали.

— Она выпущена под залог. Я не знаю, где она сейчас.

Строго говоря, Коди не лгал. Он знал, что Грег и Доджер находятся где-то в районе пика Иао. Но Лаки не должна была сопровождать спасательный отряд.

— Насколько я понимаю, залог внесен вашим братом, — заметил посетитель.

Памятуя, что лучшая защита — это нападение, Коди пошел в атаку:

— Совершенно верно. А какой университет вы представляете?

— Никакой. Мои исследования финансируются частной организацией «Фонд Уэйкфилд». Она покровительствует сразу нескольким исследовательским проектам, по большей части связанным с черепными травмами.

К ответу трудно было придаться: Саммервилл употреблял нарочито простую терминологию — такую, что вопросов не возникло бы даже у умственно отсталого. Тем не менее шестое чувство Коди забило тревогу. Что этому человеку надо в действительности?

— Я — ведущий эксперт по синдрому Хайта — Мелленберга. В его лечении я часто прибегаю к гипнозу.

— Вот как?

Коди обсуждал проблему Лаки со специалистами в Гонолулу. Они нашли странным, что Лаки не может вспомнить собственное имя, но никто из них не предлагал применить гипноз. Эта идея пришла на ум самой Лаки, и ему пришлось попотеть, чтобы найти врача-гипнотизера. Он уже встречался с доктором Форенски, обсудил с ней состояние Лаки и выяснил, что сеанс гипноза практически ничего не дал.

— Почему же именно гипноз? — насторожился Коди.

— Это в двух словах не объяснить, — ответил Саммервилл, намекая, что не ждет от полицейского большого ума. — Если мне дадут возможность встретиться с этой особой, я оценю возможность ее использования для моих исследований.

— На следующей неделе она предстанет перед судом. Это все, что я могу вам сказать.

— Я мог бы вам посодействовать... — Посетитель полез за бумажником.

— Бесполезно!

Провожая его взглядом и слушая, как цокают каблуки его модных ботинок, Коди гадал, почему никто не приезжает опознавать Лаки, зато уже двое людей изъявили готовность раскошелиться, чтобы ее повидать.

— Окано! — позвал он единственного детектива, имевшегося в его распоряжении. — Надо проверить двух человек. Начни с Фентона Бьюли, информационная служба «Юнайтед пресс». Потом обратись в Американскую медицинскую ассоциацию и выясни, кто такой доктор Карлтон Саммервилл. О результатах немедленно

доложи мне.

На столе зазвонил телефон. Это оказалась Сара, хотя у нее не было привычки звонить мужу на службу. Коди сразу напрягся: не иначе, неприятности с кем-нибудь из детей! В последний раз Сара звонила ему, чтобы сообщить, что Джейсон сломал руку. Сара действительно была взволнована, но, как выяснилось, совсем по другой причине.

— Я сказала Лаки, что она вправе попросить отсрочки суда на несколько недель. Я не ошиблась?

— Все правильно, — ответил Коли: адвокат мог отказаться от ускоренного проведения заседания, чтобы перенести суд на более позднюю дату. — Значит, Лаки у тебя?

Он с растущим раздражением выслушал объяснение Сары насчет того, что Лаки потребуется дополнительное время, чтобы вспомнить свое имя. Мало того, что с этой сумасшедшей связался его брат, так теперь она переманила на свою сторону его жену! А если уж Сара что-то вобьет себе в голову, то ее не разубедить никакими силами. Собственно, за это он ее и любил. В ситуации, когда любая другая на ее месте хлопнула бы дверью, она осталась с ним...

— Только должен тебя предупредить: Тони Трей-лор наверняка окажет на судью давление, чтобы требование Лаки не было удовлетворено, — Коди все-таки надеялся повлиять на Сару.

— Я свяжусь с Гартом Бредфордом в Гонолулу, — ответила она. — Уверена, он согласится помочь.

— Возможно...

Бредфорд считался лучшим адвокатом по уголовным делам на Гавайских островах. В молодости он был красивым бездельником, но после автокатастрофы его парализовало, и он оказался прикован к инвалидному креслу. Тогда-то Бредфорд и занялся адвокатской практикой — причем очень успешно. С богатых клиентов он драл втридорога, но при этом не гнушался защищать бедолаг, вообще не способных оплатить его услуги.

— Бредфорду достаточно одного взгляда, чтобы превратить свирепого питбуля в мирную болонку. Он способен вчинить нам столько исков, что остров пойдет ко дну под их тяжестью. Перед ним не устоит ни один здешний судья.

— Вот именно! Особенно после того, как «Таттлер» превратил призрак Пиэлы в сенсацию островного масштаба. — Сара засмеялась, и Коди тоже не удержался от улыбки. Не прошло и минуты, чтобы он не вспомнил, как сильно ее любит. — У меня появилась отличная идея, как помочь Лаки.

Коди опять нахмурился, но ничего не возразил, а приготовился слушать.

— Вчера она вошла в Интернет, — сообщил партнеру Король Орхидей. — Нашла сайт «Морская биология» и спросила, как пришить плавники акуле.

— Выходит, она знает, кто она такая?

— Не обязательно. Я ознакомился со всеми доступными сведениями о синдроме Хойта — Мелленберга. Если у нее действительно травма этого типа, то она напрочь утратила способность вспомнить свое прошлое. Но действия, которые она в свое время постоянно проделывала, вроде выхода в Интернет, сохранились у нее в мозгу. Это называется «процедурной памятью».

Они прохаживались по пляжу, наблюдая за малиновым солнцем, садящимся в море и раскрашивающим небеса в разные оттенки алой гаммы. Отлив украсил пляж водорослями, как праздничными гирляндами, на которых поблескивали ракушки. Вдали, на фоне темнеющего неба, зловеще торчали небоскребы города.

— Ты что-нибудь узнал от нашего человека на Мауи? — спросил Король.

Партнер, пристально рассматривавший редкую раковину каури, вынесенную на берег, поднял голову.

— Мы установили подслушивающее устройство в кабинете начальника полиции.

— Отлично! Теперь мы будем узнавать все новости одновременно с полицией.

Партнер пнул носком ботинка раковину, и она, пролетев над мокрым песком, упала в полосу прибоя.

— Они хотят сообщить о Лаки в программе «Пропали и разыскиваются».

— Невероятно! Это проклятое шоу бьет все рекорды популярности. Если ее мордашка появится на всех телеэкранах Америки, кто-нибудь наверняка ее узнает. Мы не можем этого допустить.

— Почему? Ты же сказал, что прошелся по всем банкам данных и уничтожил все следы ее существования.

— Это так, — подтвердил Король. — Но как быть с ее прошлым? Неужели ты считаешь, что раньше, до того, как она появилась здесь, у нее не было ни родных, ни друзей? Ведь она где-то скрывалась.

Партнер небрежно передернул плечами.

— Боишься, что вскроются какие-нибудь семейные секреты? Но какой от этого вред, раз никто никогда не сумеет связать ее и нас?

Король смотрел на это иначе, но не торопился уведомлять партнера о своих тревогах. Он знал, что не имеет права любить эту женщину, но забыть ее оказалось выше его сил.

— Она что-то замышляет, я чувствую.

— Что она наговорила психиатру?

— Еще не знаю. Но на следующей неделе она предстанет перед судом. Возможно, ее упрячут в тюрьму, и тогда мы вздохнем свободно.

Такой вариант устраивал Короля больше, чем появление ее родственников или превращение какого-то Бракстона в спутника ее жизни.

— Они обратились к Гарту Бредфорду, — заметил партнер, — и он будет настаивать на откладывании процесса.

— Бредфорд? Черт! — Особенно сильная волна, захлестнув добрую половину пляжа, едва не добралась до гуляющих и обдала голые ноги Короля пеной, еще больше его рассердив. — Это же самый лучший адвокат. С таким ее, чего доброго, оправдают.

— Забудь ее, — посоветовал партнер. — Забудь, как это делал я.

Король умел распознавать ложь и прекрасно понимал состояние своего партнера. Тот любил эту женщину так же сильно, как он сам, если не сильнее.

— У нас и без того слишком много дел, — продолжил партнер. — Лучше сосредоточься на складе, набитом редкими орхидеями.

Они арендовали складское помещение на краю Чайнатауна, вблизи порта. Первая партия орхидей из «Золотого Треугольника» ожидалась в конце недели. Королю доставляло огромное удовольствие то обстоятельство, что многие орхидеи были по-настоящему редкими. Коллекционеры были готовы отвалить за одно такое растение несколько тысяч долларов. Китай больше не запирался от Запада, и туда устремились алчные люди, готовые вырвать у джунглей все их сокровища. Вырвать и преподнести ему!

— О чем ты думаешь? — спросил партнер.

— Об орхидеях, разумеется. О том, как собрать в джунглях Мауи последние орхидеи «фаленописис» и при этом не попасться.

Теперь лгал сам Король: на самом деле он не мог прогнать из головы женщину, сравнимую с самой драгоценной из орхидей...

Когда Грег подкатил наконец к своему дому, часы показывали десять. Доджер спрыгнул с заднего сиденья. В доме горел свет. Впервые за два с лишним года он вернулся в освещенный дом и был поражен тому, какое удовольствие ему доставил льющийся из всех окон свет. Грег все еще корил себя за то, что совсем недавно так дурно думал о ней. Все, что он узнал за этот день от Лаки, полностью противоречило его прежним представлениям.

Итог сеанса гипноза сильно его огорчил. Она действительно не помнила своего прошлого и, похоже, так ничего и не вспомнит. Ему и прежде было трудно назвать ее лгуньей — как-то не поворачивался язык. Теперь же оказалось, что у них гораздо больше общего, чем он мог заподозрить.

Грег еще не забыл, как горит все тело от ремня, которым его потчевала тетя Сис. Но ремень — мелочь по сравнению с горящей спичкой, поднесенной к нежной детской ладошке. Неудивительно, что это травмировало ее так сильно, что она не может вспомнить, как ее зовут. «Ткнись»... Вот чертовщина! Откуда берется в людях такая жестокость?

Как ни странно, погружение в собственное тяжелое прошлое, судя по всему, нисколько не удручило Лаки. Наоборот, она радовалась, что узнала правду. Кажется, ее больше всего заботило, верит ли ей Грег.

Раньше Грега бы разозлило такое внимание к его чувствам, теперь же он находил это невероятно трогательным.

— Что же мне ей сказать? — обратился он к Доджеру.

Вообще-то сейчас ему меньше всего хотелось с ней разговаривать. Целовать ее, обладать ею — вот к чему сводилось его желание! Иных способов утешить Лаки Грег не знал. В отношениях с женщинами ему вообще были мало доступны какие-либо способы самовыражения, кроме постельного.

Он въехал в гараж, заглушил двигатель и, проведя рукой по лбу, собрал целый фунт пыли. Все тело было потным и грязным после лазанья по кустам.

— Все, Доджер, первым делом — в душ. Войдя в дом, Грег остановился как вкопанный: из кухни так вкусно пахло, что у него заурчало в животе. Она приготовила к его приезду что-то особенное и ждет! Как он мечтал когда-то, чтобы Джессика поступила так хотя бы один раз... Но от нее нельзя было дожидаться ничего похожего. Если он опаздывал к ужину, то вынужден был разогреть еду самостоятельно и поглощать ее в одиночестве, потому что Джессика дулась и не показывалась на глаза.

— Это мы! — крикнул он.

— Отлично! — отозвалась Лаки из кухни. — Нашли своих заблудших?

— Ага. Это мальчишка забрел в джунгли и... — Грег заглянул в кухню и замер. — Лаки!

Знакомыми были только ее глаза — огромные, зеленые, с густыми темными ресницами. Впрочем, соблазнительная фигура тоже, даже слишком. Но...

— Что с твоими волосами?

— Нравится? — неуверенно спросила она. Господи! Она совершенно преобразилась. Прежние обесцвеченные и завитые волосы сменились каштановыми, коротко подстриженными, окружившими лицо волнистыми прядями.

Молчание напоминало затишье перед тропическим штормом. Детское желание Лаки заслужить его одобрение растрогало Грега до глубины души, а ее новый облик полностью лишил сил к сопротивлению. Но скоро в огромных зеленых глазах появилось выражение грусти и одиночества.

— Значит, не нравится? — спросила она, не скрывая разочарования.

Только сейчас Грег сообразил, что стоит, как столб, не в силах вымолвить ни словечка.

— Не нравится?! Да я в полном восторге! — Он улыбнулся и был вознагражден ее ослепительной улыбкой. — Тебе очень идет.

— Я попросила Сару постричь меня и покрасить волосы. — Лаки осторожно прикоснулась к своему затылку. — Приходится прыскать лаком, чтобы не был замечен выбритый кусок, но так все равно лучше, чем прежняя мелкая завивка.

— Теперь ты себя узнаешь? Она покачала головой.

— Все равно нет. Это не я. Но мне нравится. — Она взяла со стола пакет и извлекла на свет черный закрытый купальник. — Посмотри! Теперь такой, какой нужно?

Грег кивнул, боясь проговориться, что на самом деле чувствует. Она была так хороша, зеленые глаза смотрели так призывно, а фигура была настолько соблазнительной, что он снова не доверял себе.

— Чудесный... — промямлил он. — Я пошел в душ.

Но душ мало помог. Как ни хлестали по телу сильные ледяные струи, его не покидало возбуждение.

Как давно у него не было женщины? Собственно, не очень: он еще помнил рыженькую туристку из Невады, отдохнувшую в прошлом месяце в «Четырех сезонах», а также длинноногую особу из Техаса, проживавшую в «Хайятте». Значит, месяц — это много?

Схватив флакон с «Аводермом», Грег наклонился и стал намыливать Доджера. Собака стояла по стойке смирно, пока Грег боролся с запутавшимися в шерсти репейниками и пытался хотя бы на несколько минут прогнать из головы Лаки. Все тщетно! Можно было подумать, что Лаки залезла к нему под душ. Стоило ему мельком о ней подумать — и его снова охватывало непрошеное возбуждение.

Он выключил воду и накинул на Доджера полотенце, чтобы пес не успел отряхнуться и забрызгать зеркала. Позволив хозяину вытереть его, Доджер поспешил в кухню, уверенный, что Лаки его накормит. Удивительно, как быстро она вошла в их жизнь!

Грег начал вытирать голову, но потом посмотрел на себя в зеркало и забыл про мокрые волосы: на щеках топорщилась щетина. Может быть, побриться? Но ему стало жалко тратить ни это время. Найдя в ворохе одежды более или менее приемлемые, то есть достаточно широкие шорты, он торопливо влез в них. Застегивание «молнии» грозило кастрацией, но Грег кое-как справился с этой задачей. Надев футболку, он не стал ее заправлять, чтобы не демонстрировать свое состояние.

Лаки возилась в кухне, напевая себе под нос.

— Бефстроганов и крем-брюле! — объявила она. Грег был слишком занят борьбой со своим вождением и забыл, что имеет дело с отменным поваром. Удивительно, но, оглядев кухню, он не заметил ни одной открытой кулинарной книги. Гастроном, великолепно владеющий Интернетом! Не очень-то похоже на заурядную потаскуху... Грег снова терялся в догадках, с кем, собственно, имеет дело.

Странно, но сейчас ему почему-то казалось, что он знает эту девушку тысячу лет. Грег уже устал задавать себе вопрос, почему так упорно от нее отбивается, и решил, что с этим надо кончать. Он хорошо помнил, как занимался с ней любовью, как она отвечала на его ласки, и жаждал повторения. Сегодня же!

— Кушать подано!

Не успел он сесть, как Лаки поставила перед ним полную тарелку и ласково улыбнулась ему через стол. Трудно было поверить, что она и есть та крутая девица, которая в палатке полезла к нему в штаны. Правда, если она повторит этот маневр сейчас, он, пожалуй, не захочет, да и не сможет сопротивляться...

— Вкусотища! — одобрил Грег, набив полный рот. Конечно, сейчас ему было не до еды, но она так старалась...

— Расскажи, как прошла спасательная операция. Лаки села напротив, олицетворяя живейший интерес. Он даже перестал жевать, вспомнив, что Джессика никогда не проявляла такого интереса к его делам. Когда он возвращался домой после утомительного рабочего дня, она вываливала на него собственные проблемы, хотя они обычно не стоили выеденного яйца. Лаки являлась ее полной противоположностью: проблем у нее было хоть отбавляй, но она не собиралась ему навязываться.

— Все вышло очень просто, — ответил Грег. — Я приказал Доджеру искать — помнишь, я показывал, как это у нас с ним происходит? Он побежал и нашел паренька.

— Какой же ты умница, Доджер! — Лаки нагнулась, чтобы погладить собаку, и Грег только сейчас заметил, что Доджер сидит с ней рядом. Неужели переметнулся? — Как он это делает? Идет по следу?

— Это было бы гораздо проще. Но обычно у нас нет одежды пропавшего, которую он мог бы понюхать, чтобы взять след. Доджер просто рыщет на определенном участке, пока не учует человека.

— Разве мы так отличаемся запахом от зверей?

— Кардинально! Людей ничего не стоит отличить по запаху от остальных млекопитающих. — Этот ответ так ее заинтриговал, что Грег не удержался от улыбки. — Откровенно говоря, это настоящая вонь. А уж когда пометим, тут...

— Интересно, а если человек умер всего секунду назад? — спросила Лаки.

Грег предпочел бы, чтобы они поскорее закончили ужин. Вообще-то он с удовольствием рассказал бы ей про свою работу, но в данный момент у него было совсем другое на уме.

— Человеческий нос может уловить трупный запах только спустя несколько часов, зато собачий — сразу.

— А может Доджер, например, отыскать знакомого человека в толпе?

— Помнишь, как мы пожаловали к тебе в каталажку? Он нашел тебя за считанные секунды.

— Ну и нюх у тебя, Доджер! — Лаки еще раз потрепала пса по голове, и Доджер благодарно лизнул ей руку.

Грег смотрел на них с непривычным для него самого умилением. Его дом, его собака... Он приказал себя остановиться на этом, но мысли не послушались приказания. Его женщина.

Чувства, которые Лаки у него вызывала, с трудом поддавались анализу. С первой ночи она стала ему дорога, как ни одна женщина до нее. Но Лаки была слишком похожа на ртуть: в тот самый момент, когда ему казалось, что он нашел для нее определение, она снова менялась.

Он наблюдал, как аккуратно она ест, как называет ласковыми именами Доджера, радостно прыгающего рядом. Желание стало таким могучим, что ему было трудно усидеть. Сердце билось уже где-то в горле.

А Лаки, казалось, ничего не замечала. Как ни в чем не бывало, она встала, отнесла посуду в раковину и неожиданно предложила:

— Пойдем искупаемся! Я хочу примерить новый купальник.

— Искупаемся? — растерянно повторил Грег, словно услышал иностранное слово.

— Конечно. У самых твоих дверей плещется океан. Как можно быть к этому равнодушным?

У нее был такой счастливый вид, она была так переполнена жизнью, что он не мог ответить отказом. В ушах у него раздавался детский голосок: «Ткнись!»

— Ладно, встретимся на пляже. Догоняй! — сказал он с деланным энтузиазмом, снял футболку, предусмотрительно отвернувшись, и бросил ее на табурет.

— А плавки? — спросила Лаки.

— Обойдусь. Давай быстрее!

Грег не собирался заниматься сексом на пляже — вернее, среди камней: они усеивали берег, оставляя у самой воды лишь узкую полоску песка. Окунуться — и скорее обратно. Зато ночь они проведут в его постели.

Грег скинул кроссовки и вошел прямо в шортах в теплую воду, вдыхая запах океана. Вода в бухте, отгороженной от океана огромной вулканической скалой, была почти неподвижна. Пологие волны не могли бы сбить с ног даже младенца и только увеличивали его томление. Остроконечный полумесяц отбрасывал на темную воду серебристые блики.

Наконец он заметил Лаки, которая петляла по тропинке, сопровождаемая Доджером. Ее тело светилось в лунном свете, а купальник казался еще более темным. Грудь была прикрыта полностью, но от этого словно делалась еще более крупной; на тонкой талии купальник сужался, подчеркивая бедра. Просто, консервативно, но в то же время сногшибательно!

Когда она повернулась, чтобы сбросить шлепанцы, Грег сжал кулаки. У проклятого купальника не оказалось спины! Только узкая полоска, еле прикрывающая ягодицы.

— Иди сюда! — позвал он.

Он хотел выйти ей навстречу, но постеснялся и остался по пояс в воде.

15

Каким бы пленительным ни было тело Лаки, погружающееся в теплую воду, наибольшей притягательной силой обладали ее глаза. Она была наделена могучим, почти осязаемым магнетизмом. Грег представлял себе, как занимается с ней любовью прямо в воде, на виду у бесчисленных звезд.

Лаки подошла ближе и остановилась. Ее зеленые глаза стали при свете луны серебристыми, зрачки расширились, губы приоткрылись. Грег не мог без трепета вспомнить, как эти губы скользили по его телу...

Ему достаточно было поднять руку, чтобы дотронуться до нее. Желание, владевшее им, было первобытным и требовательным. Но, когда он потянулся к ней, на лице Лаки неожиданно появилась шаловливая улыбка, она кинулась в воду, оставив за собой сияющий след, и грациозно поплыла, ритмично работая руками и ногами. Причем поплыла не как-нибудь, а баттерфляем — самым красивым и сложным стилем.

У изумленного Грега не осталось иного выхода, кроме как плыть за ней. Наверное, в прежней жизни Лаки занималась спортивным плаванием. Баттерфляем, полной противоположностью наиболее распространенному «собачьему» стилю, овладевают разве что профессиональные спортсмены. Впрочем, Грег тоже был отменным пловцом, к тому же по роду работы целые часы проводил под водой с тяжелым аквалангом. Ему хватило нескольких гребков, чтобы нагнать ее.

— Поразительно! — выдохнула Лаки, переворачиваясь на спину. — Преподношу себе сюрприз за сюрпризом! Мозг сам приказал: «Баттерфляй!» — и я поплыла. Интересно, какими еще незаурядными навыками я владею?

Грег мог бы предложить ей немало заманчивых вариантов, но не посмел назвать их вслух.

— Чему тут удивляться? Помнишь, как ты надела акваланг и прыгнула в бассейн к зубастой акуле?

— Это совсем другое дело. Там уметь нечего, а это... — Она снова пленительно улыбнулась. — Какие еще таланты я в себе открою?

Лаки взмахнула руками и быстро заскользила на спине к берегу, где бегал взад-вперед взволнованный Доджер. На мелком месте она встала на ноги, выпрямилась и откинула назад короткие волосы. Мелкие капельки заискрились в лунном свете.

Стрижка не только омолодила Лаки, но словно превратила ее в другого человека. Между ней и женщиной, которую он нашел в машине, не осталось ничего общего. Грег подплыл к ней сзади и встал на дно, пытаясь обуздать желание. Попытки оказались тщетными. Ему было уже не до веселья: его мужское естество рвалось в бой.

— Лаки, — проговорил он.

Одной рукой Грег взял ее за локоть, другую положил на талию, чтобы ее, чего доброго, не унесло течением.

— Не надо... — прошептала она, но он и не подумал ее отпустить.

— Ты о чем?

Грегу вдруг захотелось подразнить ее. Она была так хороша, так горда своей новой прической, с таким энтузиазмом смотрела в будущее, пренебрегая прошлым!

— По-моему, ты уже примериваешься, как бы меня поцеловать.

Он усмехнулся.

— Поверь, детка, я примериваюсь совсем не к этому. Но для начала можно и поцеловаться.

Ее глаза расширились, взгляд растерянно скользнул по его широкой груди и, словно невзначай, задержался на поясе — будто мог пронзить водную толщу, скрывавшую его возбуждение. Грег тоже рассматривал ее лицо с огромными выразительными глазами, нежными щеками, манящей нижней губой. Потом наступила очередь плеч, груди, обтянутой черным купальником. Ничто так не подчеркивает соски, как мокрая ткань!

Но, когда он снова заглянул в ее глаза, у него возникло ощущение, что она вовсе не настроена заниматься любовью. Что ж, ее можно понять: столько пережить за один день! Грег запустил пальцы в ее мокрые волосы. Ему хотелось подбодрить ее, но он не находил слов.

— О, Грег!

Она повернула голову и прикоснулась губами к его руке. Это был не поцелуй, а только намек на него — мягкий, теплый, как ночной воздух, неожиданно нежный.

Его пальцы нащупали выбритый квадратик у нее на затылке. Там уже начали отрастать жесткие волосы. Он провел кончиком пальца по шву и привлек ее к себе.

— Грег, подожди! Я должна кое-что тебе объяснить...

— Хватит разговоров, милая.

Она подняла голову, ее полуоткрытые губы словно молили о поцелуе. Грег не заставил просить дважды, а поспешно впился губами в ее горячий рот. Пока его язык бесновался у нее во рту, руки все сильнее стискивали плечи. Желание уже не помещалось в нем и выплескивалось наружу.

Вода была теплой, тропическая ночь и того теплее, ее тело источало жар. Грег плавился от этого жара, чувствуя, как сполохи пламени, опалив ему ноги и живот, лижут грудь. Он сгорал от желания стащить с нее купальник, исследовать дюйм за дюймом ее грудь ненасытным ртом.

Но пока что Грег довольствовался тем, что гладил ладонями ее голую спину. Ладони опускались все ниже, он прикоснулся к полосе ткани и без задержки про

ник рукой под нее. Ее чуткая нижняя губа задрожала, из горла вырвался сдавленный стон.

Но она не отпрянула, напротив: ее ноги переплелись с его ногами, и он оторвал ее от песчаного дна, покачиваясь вместе с ней и распаяясь еще больше. Кровь клокотала у него в жилах, дыхание становилось все более прерывистым. Лаки дрожала и впивалась ногтями в его плечи. Грег заставлял ее изгибаться, прижимал к своей вздыбленной плоти, одно это доставляло ему такое острое удовольствие, что он громко застонал. Он уже забыл, когда последний раз так желал женщину!

Грег с усилием просунул руку между их слившимися телами. Ее грудь словно специально была создана для того, чтобы лежать в его ладони — нежная, пульсирующая, желанная. Твердый сосок, казалось, вот-вот прожжет в его ладони дымящуюся дыру. Раньше он не знал, что его сердце способна совершать по нескольку ударов в секунду, не выпрыгивая при этом из грудной клетки. Боже, что делает с ним эта женщина, даже как будто ничего и не делая?

Блаженно жмурясь от тяжести ее груди, Грег потеревил подушечкой большого пальца упругий сосок.

— Ты все еще хочешь говорить? — хрипло прошептал он.

Ответом ему был ее сладострастный вздох, и он преисполнился мужской гордости. Теперь она полностью в его власти! Он повторит все снова — вернее, сделает то, от чего один раз воздержался. Она почувствует его раскаленное желание всем своим нутром и будет умолять его, чтобы он побыл в ней еще! А он уж постарается не подкачать.

Они застыли, покачиваясь на ленивых волнах, перемещаясь вместе с ними. Грег все сильнее прижимал ее к себе, упиваясь волшебством безветренной ночи и готовой отдаться женщиной.

Но внезапно что-то переменилось. Тело Лаки напряглось, ее ноги перестали обвивать его, а руки уперлись ему в грудь. Пытаясь вырваться из объятий, она пролепетала:

— Я не могу... Пойми, Грег, я уже не та, я родилась заново.

— Это еще что такое, черт побери?

Грег нехотя отстранился. В ее взгляде, все еще затуманенном от желания, неожиданно проступила непоколебимая воля.

— Кем бы я ни была в прошлом, теперь это не важно. У меня появился шанс начать жить снова.

И я больше не буду шлюхой!

Грег стал мысленно считать, чтобы справиться с разочарованием, и это немного помогло. По крайней мере, он не набросился на нее и не овладел силой.

— Я бы не назвал это поведением шлюхи.

— А как бы ты это назвал?

Грег оказался в замешательстве. Что тут ответить? Он был зол и на нее, и на самого себя, но мысленно признавал ее правоту. Он ведь и впрямь считал ее легкодоступной, хотел овладеть ей, как тогда, подмять ее под себя...

— Ты хочешь меня, я — тебя. Все просто. Зачем придумывать лишние сложности?

— Все совсем не просто. — Она сделала шаг назад. — Как жаль, что ты не можешь меня понять! Грег, я хочу стать лучше...

— Неужели? — усмехнулся он и указал на ее грудь, на натянувшие мокрую ткань соски. — А это что такое? Стоит тебе оказаться рядом со мной, как твое собственное тело начинает подавать сигналы. Разве не так?

Лаки упрямо стиснула зубы и тряхнула головой. От этого ее груди задорно подпрыгнули, и Грег разозлился еще больше.

— Я могу быть сильной. Возвращаться к старому совсем не обязательно. И потом, у тебя свои проблемы...

— Что?!

Он шагнул к ней, полный решимости сгрести ее в охапку и целовать до тех пор, пока она не сдастся. Лаки попятилась, переступила через белую полосу ленивого прибой, и Доджер кинулся ей навстречу.

— Ну, помнишь, той ночью...

— Что-то я не слышал от тебя жалоб! — прорычал Грег, поняв наконец, что она имеет в виду.

— Верно, — согласилась Лаки. — Но ведь сам ты не... Это было не по-настоящему.

Грег наступал на нее, шумно разбрызгивая воду.

— Так тебе хочется по-настоящему? — Он поймал ее руку и заставил дотронуться до его топорщащихся шортов. — Что это, по-твоему, муляж?

— Ну и ну!

Лаки ахнула, а Грег почувствовал, что сдерживается из последних сил. Конфуз, угрожавший ему сейчас, случался с ним разве что на заре юношества. Из его горла вырвалось глухое клокотание. Еще немного — и он бы громко застонал.

Но Лаки вовремя отдернула руку.

— Немногим дается в жизни второй шанс. Было бы безумием его не использовать!

С этими словами она отвернулась и побежала вверх по тропинке. Доджер бросился за ней.

Коди сидел в институтском кабинете Грега. Накануне Сара уговорила его связаться с продюсерами популярной телепрограммы «Пропали и разыскиваются». Ему совсем не нравилось, что Лаки завоевала полное доверие его жены, но противиться Саре он не мог. Она вступилась за Лаки так же ревностно, как несколько лет назад защищала Нене — представительницу вымирающего вида гавайских гусей. Когда Сара что-то вбивала себе в голову, ее было невозможно переубедить.

Впрочем, Коди послушался ее не только из желания сделать ей приятное и продвинуться еще на шаг в деле искупления своей прошлой вины. Он усмотрел в этом повод еще раз повидаться с братом. Блондиночка разыграла на сеансе гипноза очередную комедию и явно произвела на Грега впечатление. Теперь он верил ей безоговорочно. Коди клял себя за то, что прислал к ним психиатра. Ведь он с самого начала догадывался, что Лаки не назовет своего настоящего имени!

— А где Лаки? — спросил Коди, оглядев кабинет и увидев только Рейчел, прилипшую, как обычно, к своему компьютеру.

— В бассейне, с акулой, — ответил Грег на удивление любезно; Коди обратил внимание на его изнуренный вид.

— Акуленок Руди? Я читал об этом в «Таттлер».

— Не надо верить всему, что читаешь, — усмехнулся Грег, откинувшись в кресле. Коди хотелось ответить ему как-нибудь похлеще, но он не нашел подходящих слов. — Ну, и как ты собираешься опознавать Лаки теперь? — осведомился Грег.

Коди понял, что Лаки не раскрыла ему планов Сары, и стал излагать их во всех подробностях, чтобы

пробыть с Грегом как можно больше. Среди прочего был упомянут адвокат Гарт Бредфорд и телепрограмма.

— Гарт Бредфорд согласен защищать Лаки? — удивленно поднял брови Грег.

— Да. Сам знаешь, как Сара умеет убеждать. Она уломала его за минуту. В четверг Бредфорд обратится к судье Нагате с требованием отложить процесс. Так что, боюсь, Лаки задержится у тебя еще на месяц, а то и больше. Ты сможешь с ней справиться, или мне что-нибудь придумать?

Грег пожал плечами, что означало: «Как-нибудь разберусь», но Коди справедливо заподозрил, что брат относится к ситуации далеко не безразлично.

— Справлюсь, — бросил Грег.

— Я лично побеседовал с продюсером «Пропали и разыскиваются». Надо сказать, он сразу заинтересовался. Я отправил ему полицейский рапорт и фотографию Лаки, которую сделал, когда ее привезли в больницу. Держу пари, что они клюнут! Женщина в состоянии амнезии, на ней туфля, принадлежавшая другой, таинственно погибшей годом раньше... А чего стоит история с призраком Пиэлы! Редкая сенсация!

— Лаки не может ехать на съемки. Это нарушило бы условия освобождения под залог.

— Ты хоть раз смотрел эту программу? — спросил Коди, и Грег отрицательно покачал

головой. — То-то и оно! От самой Лаки ровно ничего не требуется. Происшествие воссоздают актеры. Голливуд, да и только! В конце передачи зрителям показывают фотографию разыскиваемого и телефонный номер, по которому можно позвонить бесплатно. У них на счету уже сотни найденных людей.

— Понимаю, — вяло отозвался Грег, словно речь шла о погоде.

Чем усерднее Грег изображал безразличие, тем больше Коди убеждался, что это розыгрыш. Очень жаль! Значит, Грег все-таки втюрился в эту чертовку. Неужели он никогда ничему не научится?

Грег погрузился в неприязненное молчание, словно умудрился прочесть мысли брата. Коди хорошо понимал его состояние. Грег все еще не мог простить ему предательства. Испытывая боль, он яростно огрызался и был беспощаден.

— Я разослал отпечатки пальцев Лаки по штатам, еще не перешедшим на компьютерный учет. Это займет некоторое время, но мы что-то узнаем даже в случае, если на телепередачу не откликнется ни одна живая душа.

— Ты видел Лаки после того, как Сара ее постригла? Вопрос Грега застал Коди врасплох. Он ожидал какого-нибудь презрительного замечания, а тут... Может быть, он знает брата не настолько хорошо, как воображает?

— Нет, я сразу поднялся наверх. Но Сара рассказала мне про ее новую прическу. Грег встал из-за стола.

— Идем, посмотришь. Она кормит тюленей. Коди спустился следом за братом вниз, они пересекли институтский двор и миновали бассейн, где помощник-доброволец ходил по дну с акулой, которой Лаки дала имя Руди. Дальше, за живой изгородью из олеандров, находилась территория тюленей-сирот. Номо заметил Бракстонов и помахал им с противоположной стороны бассейна. Рядом с ним стояла на коленях женщина в скромном черном купальнике. Увидев Коди, она застыла со скумбрией в руках и нахмурилась.

— Надо же! Я бы ее ни за что не узнал.

— Это еще что! — подхватил Грег. — Она и ведет себя совсем не как та женщина, которую я спас.

Коди наблюдал, как Лаки кормит неугомонных тюленят, а Грег тем временем рассказывал ему о том, как хорошо Лаки владеет компьютером и как замечательно плавает.

— В общем, все это странно. Она совершенно не похожа на дешевую потаскуху.

Коди был вынужден с ним согласиться. У Лаки был совершенно естественный вид: она сидела теперь на краю бассейна, свесив длинные ноги в воду, и кормила самого дружелюбного из молодых тюленей. Пожалуй, было бы удивительно, если бы брат в нее не влюбился.

— Я все еще придерживаюсь своей версии насчет наркотиков, — упрямо заявил Коди. — Ты нашел ее в самом подозрительном углу острова, вблизи Ханы. Кто знает, что там творится?

— Ну, положим, кто-нибудь знает. Тони Трейлор, например.

Коди глубоко вздохнул. У него снова не нашлось возражений...

Ближе к концу рабочего дня Лаки завершила очередной сеанс выгуливания Руди и передала его в другие руки. Акуленок вел себя еще пассивнее, чем в первый день, и она понимала, что он теряет волю к жизни. Впрочем, к ней он по-прежнему проявлял дружелюбие: терся об нее, даже позволял совать руку ему в пасть. Кстати, Лаки при этом обнаружила, что несколько его зубов шатаются, а один острый клык даже остался у нее в руке.

Акулий клык представлял собой треугольник длиной в два дюйма с зазубринами по обоим краям; он обломился у самого основания. Лаки не могла понять, как Руди — совсем юный акуленок с темными тигровыми полосами, которым предстояло посветлеть по мере его взросления, — умудрился лишиться зуба и расшатать еще несколько.

Покинув бассейн, она решила спросить мнение Грега, хотя и не хотелось лишний раз беспокоить его. После ночного происшествия на пляже Грег был с ней вежлив, но общался только при необходимости. Привезя Лаки в институт, он сразу передал ее Номо.

Она приняла душ в бамбуковом сарайчике и переоделась в длинные шорты и закрытую спортивную футболку. Твердо решив следить за своей одеждой и поведением, Лаки очень гордилась тем, как накануне вечером не поддавалась соблазну. Было бы проще — и куда приятнее! — отдаться Грегу. Но для нее было гораздо важнее показать ему, что она не потаскуха. Ей хотелось заслужить уважение! Отчаяние, с которым Лаки стремилась доказать Грегу, что она достойная личность, удивляло ее саму.

Войдя вместе с Доджером в кабинет Грега, она не застала его на месте. Рейчел собирала вещи, торопясь на «Атлантис», читать очередную лекцию туристам. Проигнорировав ее убийственный взгляд, Лаки под села к компьютеру Грега.

К ее изумлению, перед тем как уйти, Рейчел подошла ближе и остановилась у нее за спиной. Лаки напряглась и поспешно пригладила мокрые волосы, не желая продемонстрировать выбритый квадратик на затылке. Рейчел взяла со стола фотографию Джессики.

— Грег был от нее без ума, — задумчиво проговорила она. — По-настоящему без ума! Он любит Джессику до сих пор. Потому и держит на своем столе эту фотографию. Ее место не занять никому и никогда!

Она вернула фотографию на место, стукнув рамкой о стол, и ушла. Лаки поняла намек. Что ж, она и не собирается заменить ему погибшую жену.

— Я не займу место Джессики, — сказала она Доджеру. — Я хочу быть лучше ее!

Ей потребовались считанные минуты, чтобы загрузить компьютер и прочесть послания в электронной почте. Уже знакомый ей австралийский ученый советовал сунуть руку Руди в пасть, чтобы проверить, не будет ли он дергаться, когда она подступится к нему с хирургическим прибором. Лаки сообщила ему, что проверка проведена успешно, и поведала о выпавшем зубе — на случай, если у Грега не окажется внятного объяснения.

Через некоторое время появился сам Грег и уселся за письменный стол рядом с Лаки, не сказав ей ни слова. Она находилась от него в каком-то футе и видела капельки пота у него на

лбу. Но отчуждение было так велико, словно они находились на разных планетах. Выйдя из Интернета и выключив компьютер. Лаки нарушила молчание.

— Знаешь, Грег, я...

— Почему ты не сказала мне о Гарте Бредфорде? — резко перебил он.

Гневное выражение продержалось на его лице всего мгновение, сменившись обычной непроницаемостью. Однако Лаки чувствовала, что злость кипит в его душе и ищет случая выплеснуться наружу. Ему явно стоило больших усилий не учинить скандал.

— Я хотела, но... Ты куда-то уплыл сразу после... после купания. Куда ты подевался? Я так волновалась!

— Как-нибудь обойдусь без твоих волнений! — Его взгляд красноречиво давал понять, что ей предлагается заниматься своими делами. — Я только обогнул мыс и вернулся. Кстати, все окна в доме уже были погашены. Наверное, ты волновалась не очень сильно.

Лаки не стала говорить, что не спала, пока не услышала, как он возвращается, чтобы не вызвать у него еще большего презрения. Вместо этого она коротко рассказала, что предприняла вместе с Сарой. Грег воспринял ее сообщение без особого восторга: видимо, у нее была одна возможность заслужить его расположение — заняться с ним сексом. А чувства юмора он, видимо, был лишен начисто. Стоило ей пошутить там, в воде, насчет его проблем, как он взбеленился и все испортил!

— Если в «Пропали и разыскиваются» покажут мою фотографию, кто-нибудь меня узнает, правда?

— Возможно, — проворчал он. — Но мне казалось, что ты хочешь стать другим человеком.

— Хочу... Но я все равно должна узнать, есть ли у меня семья! — Лаки не стала говорить, что никогда не отвернется от близких, как это сделал Грег. — Я — как Руди, ищущий свою мать.

— Знаешь, как это называется? Проекция. Это термин из психологии, а значит он вот что: ты берешь свои чувства и страхи и проецируешь их на кого-то еще. В данном случае — на Руди. Поверь мне, матушке Руди на него наплевать, так же как и ему на нее. Акулы — не киты. Это киты живут стаями и заботятся друг о друге.

Лаки была уверена, что он ошибается насчет Руди, но решила, что лучше дать ему выговориться, иначе не избежать ссоры.

— Акула ведет одинокий образ жизни. Это всего лишь жрущий механизм! А самые страшные из акул — именно тигровые. Они принадлежат к немногим видам, поедающим других акул. Не исключено, что твой Руди сожрал собственную мать.

— Это просто смешно! — не выдержала Лаки. — Руди никогда бы этого не сделал! Вчера Номо видел в заливе акулу. Я уверена, что это мать Руди.

— Не забывай, что ты на Гавайях. Половина здешних легенд посвящена акулам — и все потому, что их здесь пропасть. Та, что рыщет по заливу, вряд ли приходится Руди матерью.

— Возможно, ты прав, — уступила Лаки: ей не хотелось, чтобы Грег заподозрил ее в помешательстве. Он не поверит, если она признается, что чувствует, как Руди рассказывает ей

о себе... — Я хочу узнать, кто я такая, как бы ужасно ни прозвучала правда. Я должна найти своих родных. Наверное, поэтому я верю, что Руди стремится к тому же.

Поскольку она больше с ним не спорила, его взгляд как будто смягчился. Кивнув, Грег хотел приступить к работе, но Лаки снова его отвлекла.

— Взгляни! — Она разжала ладонь, и Грег увидел зуб Руди, поблескивающий, как отполированная слоновая кость. — Я сунула руку Руди в пасть и обнаружила, что у него шатаются зубы. Этот вообще выпал.

— Как тебя угораздило засунуть руку в акулю пасть?!

— Мне посоветовал тот австралийский ученый. Он сказал, что только так я смогу понять, есть ли надежда прикрепить Руди плавники.

— Я рисковал жизнью, спасая тебя, а ты настолько собой не дорожишь, что запросто суешь руку в пасть акулы?!

Его негодованию не было границ; Лаки даже пожалела, что показала ему зуб.

— Неблагодарность тут ни при чем. Просто я решила подготовить Руди к процедуре прикрепления плавников.

— Какая еще процедура?! Один укол — и акула распахнется! Придется вылавливать твои остатки из бассейна сепью — если от тебя вообще что-то останется.

— Между прочим, Руди даже не шелохнулся, когда я ощупывала ему остальные зубы!

Грег поморщился, словно ему самому залезли в рот.

— Ты проверила все зубы?

— Да! — Лаки гордилась доверием Руди, согласившегося на столь интимный осмотр. — Надо сказать, это не зубы, а бритвы.

— Это чтобы было легче тебя скушать! Лаки промолчала. Грег был взбешен, и она не знала, как с ним быть.

— Ты что, не знаешь этой фразы? — нетерпеливо спросил он.

Она покачала головой, понимая, что опять напоролась на мангуста. Было страшно осознавать всю глубину своей неосведомленности.

— Так говорит волк в «Красной Шапочке», самой известной детской сказке.

— «Красная Шапочка»?.. Я представляю себе маленький автомобиль с красной откидной крышей, мчащийся вдоль хлопкового поля. Угадала?

Грег невольно улыбнулся, и она улыбнулась ему в ответ. Лаки знала, что ей еще только предстояло познать мир со всеми его сказками. Если Грег проявит терпение, то она с радостью примет его на роль наставника.

— Почему у Руди шатаются зубы? Это какая-то болезнь?

Грег тяжело вздохнул и закатил глаза. Очевидно, он занялся мысленным перечислением своих удач, чтобы не поддаваться дурному настроению. Встреча с ней среди удач определенно не фигурировала...

— Руди повезло, что он выжил, — наконец пробормотал Грег, явно не собираясь посвящать ее в свои выводы. Откуда вдруг такая деликатность? Или он просто хочет, чтобы она поскорее отстала от него?

— То же самое твердят обо мне, даже имя дали — Лаки. «Везучая»... Надоело др тошноты. — Как она ни боролась с собой, ей не удалось избежать сарказма. Злость вырывалась иногда из неведомых глубин: тогда она начинала ворчать и вообще вести себя, как неблагодарная свинья... — Лучше объясни, что происходит с Руди.

— Рыбаки всегда берут с собой в лодки бейсбольные биты, — неохотно произнес Грег. — Они лупят пойманных рыб, пока те не перестанут биться, чтобы потом спокойно отрезать плавники.

Лаки не смогла сдержать слез и уставилась на сломанный зуб, чтобы избежать раздраженного взгляда Грега. Ей казалось, что она чувствует боль, которую испытывал акуленок Руди. Очевидно, где-то в глубине ее подсознания навсегда засела память о смертельной угрозе... Когда же Лаки решилась поднять глаза на Грега, она увидела в его взгляде то, чего меньше всего ожидала: нежность и сострадание.

— Сохрани зуб Руди на счастье, ангел. Ее сердце так затрепетало, что вместе с ним дрогнул голос.

— Разве страдание может принести счастье? Он крепко сжал ей руку, и Лаки вспомнила, что его сила уже помогала ей преодолевать кризисные моменты.

— В старину на Гавайях не знали металла. Из акульих зубов делали наконечники копий и ножи. Такое оружие до сих пор зовется «леиомано», то есть «сделанное из акульих зубов». — Грег сплел ее пальцы со своими. — Неудивительно, что зуб считается талисманом, как заячья лапа.

Лаки вскрикнула, представив себе окровавленную лапку.

— Заячья лапа приносит удачу? Грег улыбнулся, сверкнув белыми зубами, и она напомнила себе, что ей уже повезло: у нее есть он.

— Не волнуйся. У Руди вырастет новый зуб, как это бывает у детей.

Лаки не хотелось сознаваться, что она не знала такой простой вещи: оказывается, у ребенка на месте утраченного зуба вырастает новый. В который раз она внутренне содрогнулась, ужаснувшись глубине своего невежества.

— Если я не помогу Руди, он погибнет, — заявила она, приказав себе не думать о собственных бедах.

— Ты сама не понимаешь, что говоришь! Наш институт изучает тюленей-монахов, которые так редки, что в штате Гавайи для их охраны создан специальный заказник. А тигровые акулы, как твой Руди, — их главные враги!

Лаки казалось, что Грег зачитывает обвинительный приговор.

— Но он ранен и заслуживает шанса выжить. Вот увидишь, я прикреплю ему плавники. Я говорила с доктором Гималаэ: у него есть швигатель с нержавеющей скобами. Даже если у Руди не восстановится хрящ, плавники останутся на месте.

— Пойми, тигровые акулы — подлые убийцы! Такое количество человеческих жизней на счету только разве что еще у большой белой акулы. Если ты попробуешь выстрелить из своего швигателя под водой — акула сожрет тебя живьем. Мы просто не успеем тебя спасти.

— Но...

— Ты этого не сделаешь, и точка!

Лаки уставилась на зуб у себя на ладони. В голове вертелись бейсбольные биты, заячьи лапы и еще что-то — темное и уродливое. Очевидно, так выглядит невезение...

16

— Поймите же, тем самым вы послужите человечеству! — втолковывал Лаки доктор Карлтон Саммер-вилл, стоя рядом с ней на следующий день около бассейна с акулой. — Чем больше мы узнаем о синдроме Хойта — Мелленберга, тем проще будет помогать таким больным, как вы.

Лаки не представляла, как доктору удалось проникнуть на территорию института, куда ввиду назойливости Фентона Бьюли было теперь вообще запрещено пускать посторонних. Уж не Рейчел ли его впустила?

Доктор производил странное впечатление. Стоило ему представиться — и Лаки сразу его невзлюбила. Она уже навидалась докторов — если у нее и накопился какой-то опыт, то по этой части.

— Уверена, доктор Форенски предоставит вам свои записи.

— Я пытался с ней связаться, но в справочнике нет ее номера.

— Обратитесь к Коди Бракстону. Он знает, как найти доктора Форенски. Это он ее привез.

— Я собирался, но подумал...

— Есть еще врачи больницы. Их было целых трое. Разве этого вам мало?

Лаки нетерпеливо подошла к краю бассейна. Этот доктор появился чрезвычайно не вовремя! Именно сегодня она решила нырнуть в бассейн к Руди и совершить операцию по прикреплению плавников. Грег с утра куда-то уехал, и она хотела все закончить до его возвращения.

— Это эгоизм! — крикнул доктор. — Вспомните о других людях с черепными травмами. Из-за вас они будут обречены на бессмысленные страдания!

Она остановилась и оглянулась.

— Уговорили! Я с вами побеседую, но только не сейчас. Оставьте, пожалуйста, свой телефон. Я вам позвоню.

Лаки поспешила в сарай-раздевалку, проклиная на бегу собственную уступчивость. Впрочем,

как ни неприятен ей был этот человек, судя по всему, он занимается благородным делом. Если она действительно способна помочь, то сделает все, чтобы избавить хоть Кого-то от этого кошмара.

Надев черный купальник и акваланг, Лаки подошла к бассейну с поднятой на лоб маской. В сумочке у нее на поясе лежал сшиватель, на руку было надето специальное приспособление для удержания акуленка на плаву — ее собственная разработка. Номо и Доджер ждали ее у мелкого края бассейна.

— Вы тщательно вымылись? — спросил Номо. Лаки кивнула, растроганная его отеческой заботой. Номо неоднократно напоминал ей о чуткости акул к запахам: акула может агрессивно прореагировать на запах духов или шампуня.

Кроме того, Лаки знала, что акулы чувствуют страх. Австралийский ученый предупредил, что в бассейне не должно быть никого, кто бы боялся Руди. Тело испугавшегося источает особый запах, и акулы сразу его улавливают, потому что две трети акульею мозга только и делают, что анализируют запахи.

— Вам помочь? — спросил лаборант из Центра морских исследований в Вудс-Хвул.

Если бы ей требовался помощник, Лаки бы выбрала именно его, но сейчас она не имела права рисковать чужой жизнью. Придется полагаться только на себя.

— Нет, спасибо. Пожелайте мне удачи.

Лаки потрепала по спине Доджера, зная, что он будет, как всегда, расхаживать по периметру бассейна, пока она не вынырнет. Помахав рукой добровольцам, собравшимся на опасное представление, Лаки опустила маску и вошла в воду.

Главное — не бояться! Она убеждала себя, что Руди ни за что не причинит ей вреда, но все-таки ее не покидали сомнения. Вдруг она всего лишь проецирует на акулу собственные переживания и жалеет ее, потому что сама страдает?

Может, лучше вернуться, забыть эту безумную затею? Нет, невозможно! Лаки продолжала погружение. Ее тащила вниз сила, которой она не Могла воспротивиться: стремление помочь Руди.

Доброволец, находившийся на дне с Руди, помог Лаки поместить акуленка в люльку из синтетических строп. Благодаря ей у Лаки будут свободны обе руки. Выполнив свою задачу, доброволец поспешно ретировался, а Лаки заскользила с Руди по дну, привычно разговаривая с ним.

— Если ты позволишь мне прикрепить плавники, я выпущу тебя отсюда.

Она указала на решетку, отделяющую бассейн от океана. Через эту решетку сюда проникала свежая вода, принося мелких рыбешек, но прутья были чересчур частыми, чтобы Руди мог между ними протиснуться. Лаки вспомнила, как сидела в тюрьме. Возможно, это тоже всего лишь проекция, но она уже знала, чем закончит операцию: сама отодвинет засов, открыв Руди путь на волю!

Лаки размеренно дышала, помня, что нельзя будоражить Руди собственной нервозностью. К поверхности поднимался столбик пузырьков. На груди у нее висел зуб Руди — талисман на счастье. Прежде чем приступить к делу, она дотронулась до него. Ее купальник не очень-то

подходил для ныряния, но ей нравилось, как она в нем выглядит. Лаки неожиданно вспомнила выражение лица Грега, обнаружившего, что у купальника нет спины...

«Думай о деле!» — приказала она себе и достала из сумочки на поясе бирку — флуоресцентный оранжевый кружок размером с монету в двадцать пять центов, с названием института и номером 1475. Легкий нажим — и бирка оказалась на плавнике. Руди резко дернулся, продемонстрировав, что сил у него еще достаточно много.

Лаки спохватилась, что слишком громко и часто дышит, и заставила себя расслабиться. Нужно следить за тем, чтобы к поверхности уходили пузырьки одинакового размера. «Спокойно! — мысленно прикрикнула она. — Не показывай страха. Говори с ним как обычно».

— В общем, Руди, теперь у тебя нет имени, есть только номер. Зато если тебя опять поймают, тебе больше не будет грозить опасность. Ты теперь охраняемое животное.

Она умолчала о том, что если Руди найдут мертвым, то доставят в институт для исследования.

Лаки остановилась и достала пистолет-сшиватель. Руди покачивался рядом с ней в люльке из строп.

— Это не больно. Это сохранит тебе жизнь. Руди глянул на нее одним глазом — другой она видеть не могла, — и Лаки вздрогнула. Это был непроницаемо-черный глаз безжалостного хищника! Она двигалась медленно, продуманно, чтобы, не слишком тревожа акулу, вернуть плавнику естественное положение. Внезапно заболела грудь, и Лаки сообразила, что от напряжения и сосредоточенности совсем перестала дышать. Она заставила себя втянуть воздух.

— Готово. Ну, теперь держись!

С отчаянно бьющимся сердцем она взяла обеими руками сшиватель, прицелилась и сдавила прибор обеими руками. Скоба, вонзаясь в акулюю кожу, издала такой громкий звук, что Лаки снова вздрогнула. Руди повернул голову и продемонстрировал свой злобный оскал с недостающим зубом.

— Видишь? Совсем не больно, — сказала она, но Руди, похоже, не был согласен с ней.

Сейчас ему ничего не стоило отхватить ей руку. Остаток разума надрывался: «Немедленно прочь! Скорее!» Но она не могла бросить Руди, не могла дезертировать — особенно теперь, когда сделана уже половина дела и спасение акуленка так близко.

Неожиданно ее покинул страх, и она поняла, что связана с этим опасным существом самой судьбой. Оба они были обречены на гибель, у обоих был один шанс из тысячи, чтобы выжить, и оба пока еще дышали.

Чутье подсказывало Лаки, что худшее в ее жизни еще впереди, что момент самого черного отчаяния еще настанет. Но Руди будет просто лишен завтрашнего дня, если она не спасет его уже сегодня. Все остальные, включая Грега, махнули на него рукой, считая кровожадной акулой, не заслуживающей снисхождения. А для нее это была родственная душа, пострадавшая от человеческой злобы.

Ведь Руди не виноват, что родился акулой, как она не виновата, что является такой, а не другой. Иногда судьба не предоставляет никакой альтернативы. Разве за это нужно карать отрубанием плавников и выбрасыванием за борт, где ждет неминуемая смерть от потери крови

и сил?

Сама Лаки тоже ощущала себя выброшенной за борт. У нее не было ровно ничего, что принадлежало бы ей. Одежду купил Грег, сделав ее своей должницей. Зубную щетку — и ту она не могла назвать своей собственностью. Все, что у нее было, чем она пользовалась, принадлежало другим людям, приобреталось на их средства.

У нее не было даже имени! Если она чем-то и могла поделиться с Руди, то только шансом на выживание.

— Спокойно, Руди, позволь мне тебе помочь. — Лаки снова подняла сшиватель, стараясь не замечать оскаленные кинжалоподобные зубы Руди, которые отделил от ее руки какой-то дюйм. — Воспользуйся шансом на удачу.

Первое, на что обратил внимание Грег, подходя к бассейнам, — необыкновенная тишина. Даже шумливые тюлени почему-то воздерживались от привычного лая. Потом он заметил толпу вокруг бассейна с акулой и Коди, который старался держаться в стороне, но возвышался над остальными на целую голову. Грег кинулся к бассейну — и его худшие опасения подтвердились.

— Дьявольщина!

Лаки залезла в бассейн к проклятой акуле с каким-то предметом, который было трудно опознать сквозь толщу воды. Но Грег сразу догадался. Хирургический пистолет-сшиватель — что же еще? А ведь он запретил ей делать это! Как она посмела не послушаться?!

— Немедленно вытащите ее оттуда, пока акула на нее не набросилась! — крикнул он Номо.

— Не беспокойся за Лаки, — отозвался НОМО. — Один плавник она уже присобачила.

— Если ты ей помешаешь, она тебе этого никогда не простит, — негромко предупредил Коди.

— Акула в любую секунду может ее растерзать! — огрызнулся Грег.

Впрочем, он больше не настаивал, чтобы Номо извлек Лаки из воды, но был вне себя от гнева. Ему вдруг захотелось ударить кого-нибудь, начать крушить все вокруг. Как он ни приучал себя к спокойствию, оно оказалось лишь тонкой оболочкой, из-под которой проглянула его подлинная необузданная натура. Впрочем, чему удивляться? Последние два года гнев полыхал у него внутри, просясь наружу.

Как можно быть такой неблагодарной?! Он спас ее от смерти, внес за нее залог, а она? Обратилась за помощью к Саре, пригласила выскочку-адвоката, лезет на телеэкран! А ведь он обещал ей помочь, предлагал подобрать адвоката на материке, но она отвергла все его предложения.

Для нее главное — поиздеваться над ним! Соблазнить, подвести к опасному краю, а потом объявить, что она теперь «другой человек» и собирается начать новую жизнь. Ладно, он и с этим смирился, поверил, что она заслуживает нового старта, пожалел ее, посочувствовав ее детским страданиям.

А она опять облапошила его, дурня, с этим проклятым зубом! Он решил, что Лаки поняла, как опасен ее замысел, она же пренебрегла его предостережениями и все устроила по-своему у

него за спиной! Если бы дела задержали его хотя бы еще чуть-чуть, он вообще пропустил бы представление...

— Если хочешь знать, Фентон Бьюли показывает всем липовые журналистские удостоверения, — прервал его раздумья Коди, и Грег бросил на него удивленный взгляд. — Такому ничтожеству, как он, не нашлось места даже в «Нейшнл аутрейдж». Он — всего-навсего свободный репортер, пробавляющийся разовыми заметками. Кстати это он распустил слухи про призрак Пиэлы, за которые уцепился «Таттлер».

— Ему за это заплатили?

— Немного. По-моему, таких басен недостойн даже Бьюли, но он все никак не успокоится. Из толпы донеслась радостные крики.

— Получилось! — завопил кто-то. Другой голос крикнул; — Плавники на месте!

Энтузиазм зрителей был искренним. Грег не мог не признать, что представление, устроенное Лаки, способно поправить финансовое положение института гораздо успешнее, чем его лекции по морской биологии. Но деньги интересовали его сейчас меньше всего. Ведь она бросила ему вызов, подвергнув угрозе свою жизнь, которую он уже один раз спас!

— Что она делает сейчас? — поинтересовался Коди. «Почем я знаю? — сердито подумал Грег. — Она держит меня в полном неведении!» Но сказать это брату вслух у него не хватило духу.

— Она присобачила эти чертовы плавники! — радостно оповестил их подбежавший Номо. — Теперь она снимает с акуленка стропы, чтобы он мог поплыть сам.

— Не знал, что существуют специальные акульи стропы, — заметил Коди.

Номо ослабилась, показав большие кривые зубы.

— Этого никто не знал. Лаки сама их смастерила!

Грег по-прежнему сердился на Лаки, но одновременно его переполняла гордость за нее. А уж то, что Руди ее не слопал, доставило ему ни с чем не сравнимое облегчение.

Приспособление из строп всплыло на поверхность, Лаки взяла акулу под мышку. Обилие пузырьков указывало на то, что она проводит со своим устрашающим пациентом заключительную беседу. Толпа молча ждала, пока она описывала с ним последние круги по дну.

Наконец Лаки выпустила Руди и отступила, чтобы посмотреть, как он поплывет. Акула немного повисела, смещаясь вместе с течением поступающей в бассейн воды, а потом опустилась на дно, как свинцовое грузило.

Над бассейном пронесся вздох разочарования.

— Нет! — выкрикнул Грег помимо воли. Лаки так старалась, так все предусмотрела! Провал был бы страшной несправедливостью... Вообще-то Грег почти не верил, что она спасет акулу, зная, в каком состоянии находятся плавники. Но глупая тварь могла хотя бы попробовать поплавать сама, чтобы сделать Лаки приятное!

Однако Лаки отказывалась сдаваться. К поверхности поднималось так много пузырьков, что становилось ясно: она закатила малодушному пациенту целую лекцию. Потом, взяв рыбину на руки, она понесла ее к мелкому краю бассейна, не переставая увещевать. Когда Лаки снова выпустила акулу, она осталась на плаву.

— Ура!!! — дружно завопила толпа.

Руди набрал скорость. Толпа продолжала радоваться, но Грегу стало страшно. Акула двигалась стремительно, хищными рывками, словно на ее плавники никто никогда не покушался. Это было типичное агрессивное поведение, предшествующее нападению. Ну, давай же. Лаки! Вон из бассейна, пока тебя не перекусили пополам!

Лаки вынырнула в тот момент, когда Грег уже добежал до бассейна и собирался прыгать. Одно движение — и он выхватил ее из воды, не позволив акуле отпраздновать выздоровление. Пока Номо помогал ей снимать акваланг, Грег терпеливо ждал. Что лучше — задушить ее или радостно обнять? Вода лилась с Лаки в три ручья; с забранными назад волосами она казалась очень глазастой, а ее улыбка до ушей могла бы растопить полярный лед.

Присутствующие наперебой поздравляли Лаки, восхищались ее отвагой и находчивостью. Но она не обращала внимания ни на кого — даже на Доджера, усердно лизавшего ей руку. Ее взгляд был устремлен на Грега, улыбка предназначалась ему одному. Было ясно, что она страшно довольна собой и переполнена детским энтузиазмом, которого сам Грег лишился так давно, что уже сомневался, обладал ли когда-нибудь этим качеством.

— Получилось! Плавает! — Лаки кинулась ему на шею, сияя от восторга.

Теперь рубашку Грега можно было выжимать, но он не обращал на это внимания. Грег Алан Бракстон, заслуженно прозванный бессердечным остолопом, испытывал сейчас такое волнение, что от его хваленого самоконтроля не осталось даже воспоминания! Он тоже ее обнял, мгновенно перестав сердиться и полностью разделяя ее триумф, — раз уж ей так хотелось, чтобы он его разделил.

— Я хочу отодвинуть заслонку и выпустить Руди на волю, — заявила Лаки.

— Лучше понаблюдаем за ним несколько дней, посмотрим, как он выздоравливает...

— Нельзя!

Он прижимал Лаки к себе, ее лицо находилось так близко, что ему были видны пучки ресниц, склеенные водой. Грег уже собирался ее поцеловать, но в последний момент застеснялся свидетелей.

— Я обещала Руди, что, если он сможет плавать сам, мы откроем заслонку и отпустим его к маме.

Боже, снова безумные речи! Акулы, тем более тигровые, не знают родственной привязанности. Но сейчас было не до лекций о психологическом проецировании. Видимо, травмированная натура Лаки все еще переживала кошмар материнской нелюбви — единственное доступное ей воспоминание из прошлого.

— Хорошо, — смягчился Грег. — Но давай сначала снимем с тебя ласты.

Пока он стаскивал с ее ног ласты, Лаки, упершись руками ему в плечи, обрушила на

окружающих пулеметную очередь слов, доказывая, что Руди не терпит найти мать. Слушая ее страстную речь, Грег морщился и мысленно твердил, что не может позволить себе роскоши испытывать по отношению к Лаки сентиментальные чувства. В эту психологическую баскетбольную корзину ему не забросить мяча!

Сняв с нее ласты, он впервые обратил внимание на ее ступни. На них виднелись мелкие, старые на вид шрамы. Как он не заметил этих царапин сразу, еще в палатке? Впрочем, ему тогда не пришло в голову изучать ее ступни.

«Мама меня жгла». Господи! Это чудовище прижигало ей сигаретами ноги! Почувствовав, что у него дергается щека, Грег некоторое время сидел на корточках, не смея взглянуть на Лаки. В детстве на ее долю выпали страдания, не укладывающиеся в голове нормального человека. Ее мучили, пытали... Знала ли она вообще, что такое любовь?

Из них двоих ему повезло гораздо больше. Коди его любил, даже обожал. При всей жестокости тети Сис у него был Коди, а у Коди — он. В детстве, нуждаясь в любви, Грег получал ее от брата. Последние два года, раздираемый противоречивыми чувствами, он твердил себе, что ненавидит Коди, но это было, конечно,

неправдой.

Коди стоял за спиной у Номо, наблюдая, как Грег снимает с Лаки ласты, и удивлялся. Он не думал, что доживет до времени, когда его брат окажется у ног женщины. Но с каким странным выражением Грег рассматривает ее ноги! Это какое-то безумие...

Внезапно Грег поднял глаза, и его взгляд так смутил Коди, что он отвернулся. Было ясно, что брат пребывает в полной растерянности, на его лице отражались сейчас все страдания, пережитые им за последние годы. Коди снова посмотрел на брата. Тот глядел на него как близкий человек, это был взгляд из прошлого, восстанавливающий их былую связь... У Коди защемило сердце. Он не верил своим глазам. Губы Грега прошептали:

— Я навсегда твой должник...

Коди не осмеливался ответить, боясь, что он что-то напутал. Или в непробиваемой броне, которую Грег носил со дня смерти Джесики, действительно появилась брешь? Но почему? Что произошло?

— Между прочим, — обратился к нему Номо, — у берега держится акула. Вчера нырляшки ее как следует рассмотрели. Это тигровая акула, без крючка.

— Неужели?

Даже не будучи морским биологом, Коди достаточно слышал об акулах, чтобы знать, что «крючком» называют акулий пенис. Значит, речь идет о самке.

Грег бережно обнял Лаки за плечи и повел ее к рычагу для подъема заслонки, отделявшей бассейн от акватории. Лаки налегла на рычаг и услышала душераздирающий скрип.

Руди устремился к открывшемуся окну. Люди закричали:

— Давай, Руди, вперед! Алоха, алоха!

Акула вырвалась в залив и сверкнула полосатой спиной в прозрачной воде.

— Алоха, Руд и! — скандировали болельщики. — Алоха!

— Глядите! — воскликнул кто-то. — Руди поджидает другая акула!

И действительно, к Руди приближался, взрезая волны, огромный спинной плавник. Потом плавник стал описывать вокруг акуленка сужающиеся круги. Все присутствующие знали: так поступает любая акула, прежде чем прикончить жертву.

Внезапно оба плавника пропали среди волн. Ветер продолжал срывать с волн пену, но акулы окончательно исчезли из виду.

Толпа смолкла. Коди шагнул вперед, чтобы видеть Грега. Тот по-прежнему обнимал Лаки, но на его лице застыла гримаса разочарования. Потом он нежно привлек Лаки к себе и что-то зашептал ей на ухо.

— Похоже, Руди съели на обед, — заметил Номо.

— Вы считаете? — откликнулся Коди, все еще вспоминая заветные слова: «Я твой должник».

— Смотрите, вон они! — крикнул один из добровольцев, указывая в сторону черного волнореза, отделяющего бухту от открытого океана.

— Провалиться мне на этом месте! — проворчал Номо. — Руди уплывает с взрослой акулой!

17

— Ты только взгляни! Глазам своим не верю! — Партнер Короля Орхидей помахал только что полученным факсом. — Что она вытворяет?!

Они сидели в офисе, недавно открытом в складском помещении на окраине Чайнатауна. Король Орхидей взял факс и ознакомился со статьей из «Мауи Таттлер».

— «Призрак Пиэлы выпускает на свободу брата», — прочел он вслух заголовок, а саму статью просмотрел молча, чувствуя на себе вопросительный взгляд партнера. — Акула — это забавно. Ты так не считаешь?

— Не считаю, черт побери! — Партнер вскочил. — Если ты находишь это смешным, значит, у тебя какое-то извращенное чувство юмора.

— Меня смешит, что столько людей верят этим мифам. — Король откинулся в кресле, старательно скрывая истинные чувства от человека, который знал его как облупленного. — Пиэла — богиня огня и вулканов. Вот и ответь: не странно ли, что ее братом считается акула?

Партнер злобно сверкнул глазами.

— Дело вовсе не в этом. Если отбросить газетные бредни, разве мыслимо, чтобы она — она! — залезла в бассейн с поганой акулой и приделала ей плавники, рискуя жизнью?

— Похоже, что теперь, живя с Бракстоном, она превратилась в другого человека... — задумчиво произнес Король.

— Могу себе представить, что она с ним вытворяет в постельке!

Король не ожидал от своего партнера такого гнева. Сам он держал себя в руках и очень гордился этим.

— Хочешь, рассмешу? — предложил партнер похоронным тоном. — Братцы Бракстоны в свое время здорово полаялись: Грег Бракстон узнал, что братишка спит с его женой.

— Ну и что? Думаешь, история повторится?

— Думаю! Ты же знаешь, какая она...

В том-то и дело, что Король толком этого не знал. Он только воображал, что знает. Как потом выяснилось — ошибочно. Они помогли ей, а она отплатила им самой черной неблагодарностью!

— Читай! — Партнер сунул ему отчет о сеансе у гипнотизера.

Король потратил на чтение несколько минут.

— Ну что ж, судя по всему, она действительно не знает, кто она такая, и не помнит своего прошлого.

— А не слишком ли это удобно?

В голосе партнера звучал неприкрытый скепсис, но Король не разделял его чувств. Он хорошо помнил девочку, которую мучила не любившая ее мамаша. Это многое объясняло в ее характере и всегда вызывало у него грусть.

— Нет, похоже на то, что прошлого она не помнит. Теперь нам не надо волноваться, что она нас выдаст. Мы в безопасности, если только программа «Пропали и разыскиваются» чего-нибудь не раскопает.

Король всегда знал, что она что-то скрывает, что лжет о своем прошлом. Однако он не говорил ей о своих сомнениях и останавливал партнера, когда тот собирался вывести ее на чистую воду. Он был слишком увлечен ею, чтобы жаждать истины.

— По-моему, пора выложить козырного туза, — заявил партнер.

— Нет, еще рано открывать карты. Чего ради всем рисковать? Пускай покрасуется в «Пропавших». Посмотрим, найдутся ли желающие ее опознать.

— И тогда мы бросим туза?

Король неожиданно засмеялся — от души, впервые с тех пор, как она обвела его вокруг пальца.

— Да. Выигрыш все равно будет за нами.

— Вам удобно? — спросил доктор Карлтон Саммервилл.

— Да, спасибо. — Лаки помешивала соломинкой из сахарного тростника лед в холодном напитке и разглядывала безлюдный пляж с обращенными к морю пляжными креслами. Посетить роскошное жилище доктора она согласилась без всякой охоты. — Может быть,

начнем? Скажите наконец, чем я могу помочь другим больным с синдромом Хойта — Мелленберга.

Реплика была грубоватой, но Саммервилл не обратил внимания на ее тон.

— Я изучил вашу историю болезни и ознакомился с выводами специалистов. Но мне хочется прийти к самостоятельному заключению.

— Я больше не собираюсь подвергаться гипнозу. Можете воспользоваться данными доктора Форенски. Лаки не хотела заново переживать этот ужас.

— Ее заключение я еще не получил. Не могли бы вы ознакомить меня с подробностями?

Лаки рассказала о сеансе гипноза, стараясь, чтобы голос ее звучал бесстрастно. История со стенным шкафом осталась в далеком прошлом — в жизни, которую она уже не помнила. Так что у нее было полное право считать, что этого не происходило вовсе. Если бы только не просыпаться по ночам со слезами на глазах...

«Помни, я тебя люблю»... Где этот человек, кто он? Ясно, что не мать — сеанс гипноза исчерпывающе это доказал. Но Лаки очень хотелось вспомнить, кто произнес эти обнадеживающие слова. Слишком уж часто ее обуревала острая жажда любить и быть любимой.

— Вам тяжело от сознания, что родная мать жестоко с вами обращалась?

— Да, — призналась она и отвернулась от щеголеватого доктора, переключив внимание на серфингиста, с поразительным проворством скользившего по гребню волны.

Ей меньше всего хотелось говорить на эту тему.

— Постгипнотические состояния длятся недолго, — обнадежил ее Саммервилл. — Иначе гипнотизеры могли бы с легкостью излечивать хронических обжор и заядлых курильщиков.

Лаки передернула плечами. Она сомневалась, что причиной ее ночных пробуждений являлось тяжелое прошлое. Какая нормальная женщина могла бы спать спокойно, когда дверь ее комнаты открыта, а неподалеку коротает ночь такой неотразимый мужчина, как Грег Бракстон? От одной мысли об его объятиях сон снимало как рукой.

— Я ни на что не жалуясь, — заявила Лаки, нахмурившись. И когда она наконец отучится думать о Грее? — Лучше скажите, что вы хотели бы узнать.

Саммервилл извлек из сияющего, словно только что с магазинной полки, портфеля дорогой блокнот. Все на нем было новенькое, с иголки: и начищенные до блеска башмаки, и платочек, высовывающийся из нагрудного кармана.

Лаки набралась терпения и подтвердила, что действительно сохранила обоняние, что не смогла узнать себя в зеркале и не помнит собственного имени, а также множество других фактов, давно ей наскучивших.

Саммервилл закрыл блокнот и достал пачку фотографий.

— А теперь назовите мне этих людей. Если вы не будете знать имени, но лицо покажется знакомым, так и скажите. — Он помолчал. — Знаете, что такое плацебо?

Плацебо, плацебо... Лаки судорожно напрягала свою никчемную память, и ответ вдруг выскочил из потемок, как пробка из бутылки.

— Кажется, это муляж таблетки. Если после его приема больному становится лучше, значит, болезнь — игра его воображения.

Врач широко улыбнулся.

— Совершенно верно. Видимо, вы получили хорошее образование. Обычно такие тонкости знают только те, кто посещал колледж.

Колледж! Эта мысль очень ей польстила. Лаки знала, что Грег — обладатель докторской степени, и не хотела совсем уж от него отставать. Она и так слишком часто путалась, терялась и ощущала себя умственно отсталой.

— Так вот, некоторые из этих фотографий — те же плацебо. Людей на них вы просто не можете знать. Мы прибегаем к ним, чтобы сделать тест максимально достоверным. — Он разложил фотографии на столике. — Не торопитесь. Рассмотрите их как следует. Знаете кого-нибудь из них?

Лаки тут же ткнула пальцем в одну из фотографий.

— Это доктор Хималаэ. Он осматривал меня в здешней клинике. Очень приятный человек.

— А остальные?

Она взяла фотографию интересной молодой дамы со светло-голубыми глазами и темно-русыми волосами.

— Очень знакомое лицо, но имени я не помню. Оно вертится на языке, но... — Лаки запнулась. — Так со мной уже бывало. Я уверена, что знаю эту женщину, но назвать вам ее имя не смогу.

— Почему?

— Потому же, почему не помню собственное. Оно сидит где-то в голове, но, как я ни стараюсь, отказывается всплывать.

— Пусть это вас не тревожит. Подобные симптомы типичны для синдрома Хойта — Мелленберга.

— Неужели? — Впервые Лаки почувствовала к нему симпатию. — Значит, я не одна такая?

— Разумеется, нет. Многие больные узнают лица, но не могут вспомнить, как этих людей зовут. А на фотографии — Диана, принцесса Уэльская, — подсказал врач.

— Знаю-знаю! Она замужем за Верзилой Чаком, сыном британской королевы. Или они уже в разводе?

— Верзила Чак? — Саммервилл усмехнулся. — Это что-то новенькое! Но вы правы.

— Как объяснить, что я знаю прозвище ее мужа, а саму Диану узнать не могу?

— Если вы часто произносили кличку Верзила Чак, то должны были ее запомнить, как таблицу

умножения. Тут главное — частота повтора.

— Почему же тогда я не могу вспомнить собственное имя?

Этот вопрос не давал Лаки покоя, повергал в отчаяние и ярость. День ото дня у нее оставалось все меньше терпения. И она боялась, что ярость в конце концов вырвется наружу.

— То, что вы не помните собственного имени, — уникальное явление. Для этого у меня пока объяснения нет.

Лаки мысленно поблагодарила его за то, что он не выдвигает версий о проститутке, запутавшейся в своих многочисленных именах, или о преступнице, еженедельно менявшей кличку.

Она снова взялась за фотографии и узнала Грега и Номо, зато не сумела опознать несколько знаменитостей, в том числе президента США и Элвиса Пресли.

— Как странно! Когда я слышу от вас имена, я знаю, кто такие эти люди. Почему же я не узнаю их лица?

— Не волнуйтесь. Это еще одна особенность синдрома Хойта — Мелленберга. Не исключено, что вы и родную мать не узнаете.

Лаки сомневалась, что ей захотелось бы знакомиться с родной матерью, но не стала говорить об этом вслух.

— Видите ли, наш мозг хранит информацию в разных местах. То, что мы слышали, — в одном, то, что читали, — совсем в другом. Вы смотрите на изображения, не располагая словесным ключом к их расшифровке. При синдроме Хойта — Мелленберга одного визуального стимула недостаточно.

Этот врач с каждой мимолетной улыбкой нравился Лаки все больше. Ведь он объяснял, почему столько всего вокруг кажется ей знакомым, но она не в состоянии все это опознать. К тому же у нее отлегло от сердца, когда она узнала, что не одна такая. Ей не хотелось быть уродом; гораздо предпочтительнее походить на других.

— Должен сказать, что вам еще повезло: у вас сохранилась хоть какая-то способность сопереживать визуальный ряд с имеющейся в мозгу информацией.

— То есть как?

— Разве вам не говорили о том, что больные с синдромом Хойта — Мелленберга часто не могут вспомнить ни одного лица, как если бы все окружающие надели маски? Скажем, при каждой нашей встрече мне пришлось бы заново вам представляться. Вы бы меня не узнавали. Вы бы забывали все, что я о себе скажу, но не могли бы увязать то, что видите, с полученной информацией.

Лаки согласилась, что ей несказанно повезло. Хороша бы она была, если бы не узнавала Грега и заставляла его всякий раз рассказывать, кто он такой! Худшего унижения нельзя было себе представить. В новой жизни Лаки хватало дурного, и если что-то удерживало ее на плаву, то только чувство собственного достоинства. Теперь же выяснилось, что она имеет основания благодарить судьбу.

Ей хотелось как можно быстрее обучиться всему снова, чтобы Грег мог ею гордиться.

— Как быстро я смогу запомнить облик людей, которых мне следует знать? Например, американских президентов...

— Темпы обучения зависят от двух факторов: ваших способностей и вашего интереса. — Он ободряюще улыбнулся. — Мужчина часто может перечислить имена всех игроков спортивной команды, а женщина — точно вспомнить, в каком платье бегала на свидание десять лет тому назад.

— То есть человек запоминает то, что для него важно.

— Совершенно верно. Ну а насчет способностей... По-моему, вы умная женщина. Вам будет достаточно увидеть лицо два, максимум три раза — и оно займет место в вашем банке памяти.

Лаки посмотрела на него с благодарностью и надеждой.

— Вы не представляете, чего бы я только не отдала, лишь бы узнать собственное имя! Меня посадят в тюрьму за кражу автомобиля, если я не отвечу судьям, кто я такая и как оказалась в чужой машине.

Коди ждал на стоянке перед полицейским участком агента ФБР по имени Скотт Хелмер. Хелмер прилетел на остров инкогнито накануне вечером и сам назначил время и место встречи. Коди не особенно верил, что из этого что-нибудь выйдет, но согласился на предложенную игру. По крайней мере, будет что рассказать подрастающим сыновьям...

— Мистер Бракстон?

Коди обернулся и увидел перед собой молодого панка. Темные волосы, коротко подстриженные вокруг ушей, стояли на макушке дыбом, в мочках болтались серьги в виде черепов со скрещенными костями, на подбородке и щеках топорщилась трехдневная щетина, как у рок-звезды, бравирующей употреблением наркотиков.

Коди уже был готов перечислить обормоту его права, но панк вовремя извлек из бумажника удостоверение агента ФБР. Господи, на что только транжируются его налоги?!

— Скотт Хелмер, ФБР, — представился парень. — Давайте немного отойдем. Вы переслали в нашу службу в Квонтико эксгумированные останки неопознанной белой женщины. Мы провели опознание.

— Неужели? — Сообщение произвело на Коди впечатление. Надо же! Считанные дни — и готово! А он-то месяцами переписывался с управлениями полиции по всей стране, и все без толку. — Кто же она?

Хелмер остановился под пальмами, отбрасывавшими на асфальт подобие тени.

— Сведения конфиденциальные, понятно? Как ни противно ему было выслушивать поучения от зазнавшегося молокососа, Коди был вынужден сдержаться. Из головы у него не выходил брат, стоявший в обнимку с Лаки и провожавший взглядом получившую свободу тигровую акулу. Коди был готов на все, чтобы как можно быстрее положить конец всей этой истории и избавиться от Лаки, пока не поздно. Иначе Грегу опять не сдобровать.

— Никто ничего не узнает, не сомневайтесь, — пробурчал он.

— Хорошо. — Хелмер кивнул. — Будем встречаться здесь, пока я не очищу ваш кабинет от «жучков».

— Вы шутите?

Хелмер смерил его таким взглядом, что Коди смекнул: несмотря на молодость, этот субъект навидался такого, чего ему и не снилось.

— Дело серьезное. Погибшая — Тельма Оверхолт, сотрудник «Америкэн экспресс». Расследовала случаи подделки кредитных карточек. Использование поддельных карточек обходится компаниям в многомиллионные суммы. А одна шайка мошенников достигла невероятного совершенства. Они получили доступ в банковские компьютеры и сами штампуют карточки, в том числе труднопроизводимые, с голограммами и фотографиями владельцев. Банк теряет миллионы; мошенники вовремя узнают, когда грозит разоблачение, и заматают следы. Они действуют с поразительной скоростью и способны за одну ночь наводнить своими подделками весь мир. Пока что никто не догадался, как это у них получается.

Коди слышал об этой проблеме, принявшей на материке масштабы бедствия, но еще не столь заметной на Гавайях.

— Значит, они дотянулись и до нас? Разговаривая с ним, Хелмер осматривал стоянку, тратя по секунде-другой на каждую машину и не пропуская ни одной. Коди не мог не почувствовать уважения: паренек был моложе его лет на двенадцать, но при этом отличался безусловным профессионализмом.

— Нет, здесь пока все тихо. Поэтому Тельму и не опознали. Она ведь пропала на другом конце света — в Сингапуре. Надо сказать, Сингапур — настоящая Мекка подобного бизнеса. Раньше на первом месте там стояли фальшивые драгоценности и часы, а теперь — кредитные карточки и компьютерные микросхемы.

— Как же Тельма оказалась здесь? Она увлекалась туризмом?

— Ее родственники утверждают, что туристкой она не была. А главное — Тельма исчезла в Сингапуре, не оставив следов; авиабилет не приобретался, пересечения границы не зафиксировано.

— Может быть, подкупленная полиция?

— Исключено. Сингапурское правительство держит страну в ежовых рукавицах. Помню, там одного паренька приговорили к наказанию палками за рисунок на стене. У них комар носу не подточит. Но если пограничники не видели ее паспорта, то как она покинула страну?

— Ума не приложу, — пожал плечами Коди. — Ну а как насчет причины смерти? Несчастный случай?

Коди сам стыдился того, что предпочел бы услышать отрицательный ответ. Тогда появится возможность связать Лаки с убийством. Иного способа разлучить ее с братом он не видел.

— Судмедэксперты еще не установили причину смерти, но я готов спорить, что это умышленное убийство. Полагаю, отгадка кроется в вашей Джейн Доу. На ней ведь была туфля убитой.

Коди помолчал, присматриваясь к Хелмеру.

— У меня есть версия, — решил он наконец, и Хелмер бросил на него пристальный взгляд.

— Выкладывайте!

— Лаки — так мы прозвали эту Джейн Доу — нашли в малопосещаемой части острова в разгар самого страшного шторма за последние десятилетия. Это был настоящий ураган, и, думаю, он застал ее в одной из хижин в тамошнем захолустье. Лаки поругалась со своим приятелем, поспешно оделась и не заметила, что на ней разные туфли. Поехала куда-то, не разбирая дороги, и свалилась со скалы.

— Не исключено, — согласился Хелмер.

— Полагаю, ее приятель — член гавайской мафии. Слыхали о такой? Вполне может быть, что они имеют отношение к тем, кто подделывает карточки.

Версия Коди не вызвала у Хелмера возражений.

— Можно предположить, что они похитили сотрудницу «Америкэн экспресс», перевезли сюда из Сингапура каким-то нелегальным путем и спрятали в заброшенном месте, о котором вы говорите, чтобы что-то у нее выпытать. Потом они ее убили и подбросили тело в заросли под скалой.

Коди поразмыслил:

— К тому месту, где ее нашли, пришлось бы долго карабкаться. Одному человеку было бы невозможно ее туда затащить.

— Очевидно, их было несколько. Они могли проделать все это ночью, когда вокруг нет туристов. Ну а что вы думаете насчет туфли?

— Скорее всего туфля свалилась еще там, где они ее сначала держали, — ответил Коди. — Вернувшись, они могли решить, что туфля принадлежит Лаки, и просто сунуть ее в шкаф.

Хелмер скептически покачал головой, отчего его злое серые блеснули на солнце.

— Тельма Оверхолт погибла больше года назад. Неужели вы считаете, что туфля могла столько времени незаметно проваляться в шкафу у этой вашей Лаки?

— Запросто! В этих лесных хижинах даже нет водопровода, воду привозят в цистернах. Условия самые первобытные. Кроме горстки художников и писателей, там никто не живет круглый год.

— Наверное, там также прячутся контрабандисты, ворующие экзотических попугаев, и наркоторговцы?

— Бывает. Сами понимаете, быт у них абсолютно безалаберный. Кое-какая запасная одежда, консервы... Лаки не замечала чужую туфлю, пока не надела ее в спешке перед аварией.

— Возможно, вы и правы, — проворчал Хелмер. Коди самодовольно ухмыльнулся. Он уже не сомневался, что нашел ответ на вопрос, как у Лаки на ноге оказалась теннисная туфля, принадлежавшая женщине, погибшей годом раньше.

— Держу пари, Лаки путалась с кем-то из местной мафии! Понятно, почему дружок не решил ее опознать: пришлось бы объяснять, что он забыл в джунглях.

— Тоже возможно, — согласился Хелмер. — Придется нам вплотную заняться местной мафией. Я знаю, что одного из главарей зовут Тони Трейлор.

— Так я и знал! — Коди хлопнул себя ладонью по лбу. — То-то он так интересуется этим делом! Готов спорить: он и есть дружок Лаки.

18

— Вот ты и добилась желаемого!

Саркастическое замечание Рейчел было услышано всеми, кто находился у бассейна, в том числе добровольцами, ухаживавшими за тюленями-сиротами. Все уставились на нее. Лаки вопросительно взглянула на Номо, который только что привез доктора Саммервилла. Было ясно, что Рейчел припасла какую-то неприятную новость, и Лаки стало жаль расставаться со своим прекрасным настроением. До этого момента она чувствовала себя окрыленной, поскольку сумела наконец-то разобраться в своем состоянии.

— Обнаружен номер 1475, — объяснила Рейчел.

— Руди жив? Но это же чудесно! Рейчел прожгла ее взглядом, и Лаки лишний раз поняла, что соперница питает к ней лютую ненависть.

— Не вижу ничего чудесного! Он прогрыз сеть Таканаги и нажрался рыбы.

— У Таканаги рыбная ферма, — пояснил Номо. Рыбная ферма? Лаки видела поля кукурузы и сахарного тростника, но как можно возделывать рыбу? Надо будет потом расспросить Номо получше.

— Я рада за Руди. Наверное, ему полегчало, если он снова охотится. У нас он отказывался от еды.

— Ты не понимаешь, в чем проблема! — фыркнула Рейчел с презрительным видом. — Наш институт полностью зависит от доброй воли фермеров: они бесплатно снабжают нас рыбой. Теперь они взбешены: мы выловили кровожадную акулу, которая теперь разоряет их садки.

— Руди всего лишь следует инстинкту, — возразила Лаки. — К тому же акулы могут принести большую пользу. Они еще просто недостаточно изучены. У акул потрясающая иммунная система, они не болеют раком. Ученые надеются найти с их помощью средство против СПИДа. Я читала об этом в Интернете.

Рейчел не нашла, что возразить, и гордо удалилась. Лаки проводила ее взглядом. После удаче с Руди Рейчел проявляла к ней такую подчеркнутую враждебность, что она старалась лишний раз не появляться в кабинете Грега.

— Я не хотела никому причинить вреда, — вздохнула Лаки, обернувшись к Номо.

Он был преданным другом, всегда готовым помочь; с ним, даже не зная чего-то, она никогда не чувствовала себя душой.

Номо повел ее к боковому входу, где стояли грузовики, доставившие дневную норму свежей рыбы.

— Ты тут ни при чем. Проблема существовала всегда, просто Рейчел отказывалась это

признавать.

— Какая проблема?

Серьезный взгляд был большой редкостью для улыбчивого Номо.

— Грег ее никогда не полюбит. После смерти Джессики Рейчел решила, что может на что-то надеяться — и тут появилась ты. Она наблюдала со стороны, как ты возишься с Руди. Наблюдала за Грегом и тобой...

— Чего там было наблюдать?

Лаки почувствовала: в тот день, когда она освободила Руди, с Грегом что-то произошло. Только она еще не разобралась, что именно. Он стал с ней ласковей, предупредительнее, но ни разу не пытался обнять, ни разу не дотронулся до нее...

Номо теперь казался удивленным.

— Неужели ты считаешь, что люди ничего не видят? Или просто стесняешься говорить на эту тему? Что ж, не хочешь — не надо.

Лаки понимала, почему Номо пользуется такой популярностью среди добровольцев. Этот мудрый человек умел вникать в чужие трудности, ему хотелось довериться.

— У меня к Грегу совсем особенное отношение. Не могу даже передать, насколько особенное! Все, наверное, воображают, что у нас с ним... — она поискала подходящее слово, — роман. Ведь я живу в его доме. Но это не так.

Если Номо и удивило это признание, он не подал виду, а спокойно ждал продолжения.

— Я не хочу быть ни дешевой шлюхой, ни дурацким призраком Пиэлы! Мне нужно его уважение. Уважает же он Рейчел Конвой! Если у него появится ко мне уважение, то...

— Что тогда?

— Тогда он меня... Он будет ко мне безразличен. Лаки не смогла произнести слово «полюбит», хотя догадывалась, что Номо понимает, о чем речь.

— Он и так к тебе безразличен, — тихо сказал Номо. — Обычно Грег в это время года не вылезает из кабинета; дописывает отчеты по китам и готовится к их возвращению на зиму. Тюленей он полностью передает на попечение добровольцев. Но теперь он постоянно крутится у бассейнов — и все из-за тебя. — Номо обезоруживающе улыбнулся. — Тюлени тут ни при чем.

— Хотелось бы в это верить! — вздохнула Лаки.

— Не сомневайся, — заверил ее Номо. — А вообще-то я тебя понимаю: ты не веришь в счастье. Так бывает, когда люди теряют свой дух — Локахи. Тебе снова нужно соединиться со своим духом. На это уйдет время.

Они приблизились к тюленьему бассейну. Утром ныряльщики привезли новорожденного тюленя, и Номо собирался проверить его самочувствие.

— Каким был Грег, когда вы с ним познакомились? — спросила Лаки. Ей рассказывали, что Номо трудился в институте с незапамятных времен, еще задолго до появления здесь Грега.

— Тогда он на всех огрызался — и немудрено; его тетка была настоящая лоло — сумасшедшая. Такой мегере ни за что нельзя было доверять воспитание детей. Она была помешана на азартных играх и ничего другого знать не хотела. Стоило братьям открыть рот — м она набрасывалась на них с кулаками.

— Почему же за них никто не вступился?

— Их пытались у нее забрать, но она уперлась. — Номо развел руками. — Никто так и не понял, почему. Она даже не старалась сделать вид, что они ей дороги. Говорю же, лоло!

— Все равно из них выросли славные люди. Ведь они оба...

— Они оба не в себе! — перебил ее Номо. — Да-да, именно так! Когда в детстве человек недополучает любви, он вырастает неполноценным. Обычно такие люди не способны любить и принимать любовь. Коди повезло больше: ему досталась Сара. А Грегу не хватило ума — и он выбрал Джессику.

— Чем она была так плоха? — спросила Лаки, вспомнив, что Сара называла Джессику стервой. Номо пожал плечами.

— Говорили, что у нее хроническая депрессия, а мне она просто казалась психованной. Вечно ее все расстраивало, из любой мелочи она раздувала проблему. Она ревновала Грега буквально к каждому столбу и, уж конечно, — к институту и к службе спасения. Даже его родной брат казался ей угрозой.

Лаки удивилась. Почему Джессике было страшно делить Грега даже с его братом? Сама Лаки сочла бы за счастье войти в семью Сары, обрести заботливую родню.

Номо остановился и очень серьезно посмотрел на нее.

— Ты нужна Грегу, Лаки. Ты способна изменить его жизнь.

Прежде чем Лаки успела ответить, она увидела Грега. Он бежал через площадку перед бассейном, очевидно, торопясь на чей-то зов. Не раздумывая, она кинулась за ним следом. У бассейна стояла сотрудница института из числа добровольцев, на руках у нее был крохотный новорожденный тюлененок.

— Отказывается сосать! — Девушка снова поднесла бутылочку с соской ко рту малышки, но та отвернулась. — Всю смену только этим и занимаюсь, но она так и не прикоснулась к бутылке.

— Девочка совсем плоха, — определил Грег. — Если не станет есть, то погибнет.

— Дайте ее мне, — попросила Лаки, и девушка охотно отдала ей теплое тельце.

Тюлененок был размером с футбольный мяч и весил примерно столько же. Лаки ни разу не держала в руке такой мягкий живой комочек. Желтая шерстка тюлененка была бархатной на ощупь. На мордочке выделялась черная пуговица носа и кошачьи усики.

Огромные немигающие глаза цвета расплавленного шоколада смотрели с таким отчаянием, что у Лаки защемило сердце. Крохотное тельце дрожало мелкой дрожью. Видимо, новорожденной было страшно, что ее трогает еще одно незнакомое существо. Потеряв мать, она только и видела, что сменяющие друг друга человеческие лица, и вдыхала чуждые запахи.

Сейчас она заскулила, словно жалуясь: «Ты тоже не моя мама!»

— Как ты ее назовешь? — спросил Грег.

— Абигейл, — ответила Лаки без малейшего колебания, улыбаясь тюлененку и покачивая его на руках, как ребенка. — Ну что, малышка? Слишком громкое имя для тебя? Но ты обязательно вырастешь.

— Только если она станет есть.

— А куда девалась ее мать?

Грег сердито свел на переносице черные брови.

— Ее сожрала акула. Сразу после родов тюленихи очень слабы и не могут оказать акулам сопротивления. Обычно акулы пожирают и молодняк, но в этот раз ныряльщики спасли твою Абби.

У Лаки в горле встал комок при воспоминании об острых, как бритвы, зубах Руди. И все-таки она не могла себе представить, чтобы ее Руди набросился на тюленя.

— Это был не Руди! Это была какая-то другая, кровожадная акула.

Грег погладил Лаки по плечу и печально покачал головой.

— Это все работа матери-природы. Акулы — главные хищницы океана. Тюлени-монахи, к которым принадлежит Абби, — вымирающий вид, а акулы — его основные враги. Тут мы ничего не можем поделать.

Лаки с состраданием посмотрела на тюленью мордочку. Скорбный взгляд малышки молил: «Верните мне маму!» Лаки с радостью исполнила бы ее мольбу, но это было не в ее власти. Она могла одно — почесывать ей мягкий розовый животик вокруг еще не зажившего пупка. Малышка издала печальный вздох и опустила веки.

— Может быть, ее не устраивает резиновая соска? — шепотом спросила Лаки у Грега.

— Мы уже предлагали ей облизывать сахарную тростинку — все без толку, — подал голос Номо.

— А палец? — Лаки показала ему мизинец.

— Попробуй, — сказал Грег без всякого энтузиазма. Лаки присела за стол с Абби на руках, Грег перелил содержимое бутылки в кастрюльку. Лаки обмакнула палец в теплую жижу и легонько смочила рот малышке, но Абби отвернулась, словно говоря: «Оставь это, ты мне не мать».

— Если не будешь сосать, не вырастешь в большого тюленя и не сможешь играть с Гарпо!

Грег взглянул на нее, как на умалишенную, но потом усмехнулся. Гарпо был огромным взрослым тюленем; Грег и Лаки представили себе, как он держит Абби в лапах, и расхохотались. Смех заставил Абби оглянуться и разинуть ротик. Лаки воспользовалась моментом и сунула ей в рот мизинец.

Абби испуганно уставилась на нее и опасливо мазнула по пальцу язычком, потом еще и еще.

Лаки умилилась — при виде этого очаровательного создания можно было расчувствоваться до слез.

— Вот и умница! Попробуй пососать.

Она еще раз обмакнула палец в жидкую смесь, и Абби принялась усердно сосать. Лаки прижимала ее к себе, делясь с ней своим теплом. Как же ей хотелось вернуть малютке мать!

— У некоторых врожденный талант возиться со зверями, верно, Грег? — сказал Номо с широкой улыбкой.

Лаки осмелилась заглянуть в синие глаза Грега, и тот нежно дотронулся до ее руки.

— Да, есть люди, обладающие особым даром. Как у тебя, Лаки.

Она улыбнулась, обрадованная его похвалой. Ей очень хотелось гордиться собой, но еще больше — чтобы ею гордился Грег.

— Мне действительно нравится работать со зверями. Лаки не стала признаваться, что была бы счастлива заниматься чем угодно, если бы этим занимался Грег. Грег наклонился к ней.

— На следующей неделе мы поплывем на их лежбище. Если хочешь, присоединяйся. Увидишь место, где родилась Абби.

— С радостью!

Мысленно она добавила: «Хочу быть там, где ты, хочу стать частью твоей жизни!»

Лаки не заметила, как к ним подошла Рейчел.

— Грег, мне нужно с тобой поговорить.

Это было сказано голосом, способным умертвить все живое. В ее взгляде, обращенном на Лаки, читалось презрение. Грег спокойно поднялся, нисколько не задетый ее тоном, и молча пошел за Рейчел к зданию института. Номо выразительно закатил глаза.

У Лаки ушло больше двух часов на то, чтобы убедить упрямыцу Абигейл, что бутылка ничуть не хуже ее мизинца. В конце концов малышка сдалась, выпила всю бутылку и неожиданно издала какой-то странный блеющий звук, вызвавший смех у Номо. А Лаки расслышала в младенческом голоске намек на будущий гортанный лай взрослого тюленя.

Уже во второй раз после аварии Лаки испытала радостное чувство гордости собой. Она ликовала, когда Руди смог самостоятельно покинуть бассейн, но сейчас торжествовала не меньше. Ведь она спасла ребенка, маленькое, беспомощное существо, к которому потянулась всей душой.

Один из добровольцев окликнул Лаки и сказал, что ее зовет Грег. Она запротестовала: как же можно покинуть Абби, которую скоро надо будет снова кормить?

— Я найду тебе замену, — сказал Номо, забирая у нее Абби. — Тебе все равно пора передохнуть. Кроме того, я не хочу, чтобы животное привязалось к тебе одной и отказалось есть из других рук. Тут нужен глаз да глаз, не то возникнут проблемы.

Лаки поднялась по лестнице. От ее юбки пахло козьим молоком: она не сразу сообразила

подложить под Абби полотенце. Вид у нее был не ахти, но она по-прежнему гордилась собой.

После аварии Лаки долго не знала, о чем молить судьбу, в какую сторону метнуться. Каждый новый день открывал что-то неведомое в ее прошлом, преподносил неприятные сюрпризы, снова сбивал с ног. Лишь вернув свободу Руди, она окрепла духом. Будущее все еще было неопределенным, но у нее появилась воля, чтобы смело смотреть ему в лицо.

Стоило Лаки войти в кабинет Грега, она сразу почувствовала необычность обстановки. Прошло несколько секунд, прежде чем она догадалась, в чем дело. Дипломы и грамоты, висевшие прежде над столом Рейчел, исчезли, сам стол был девственно чист. Грег смотрел на нее довольно мрачно, и, глядя подбежавшего к ней Доджера, она гадала, что натворила на этот раз.

— Мне потребуется твоя помощь, — объявил Грег.

— Что случилось? Где Рейчел?

— Нашла себе более заманчивое место на материке.

— Неужели она просто взяла и сбежала? Не попрощавшись с Номо и остальными?

— По-моему, она здесь ни с кем особенно не дружила.

«Ни с кем, кроме тебя, — подумала Лаки. — Это я ее прогнала. А ведь ее квалифицированная помощь требовалась тебе больше всего». У нее снова стало тяжело на душе. Всего минуту назад она восторгалась силой собственного характера, а теперь корила себя за неприятности, которые доставляет Грегу.

Грег видел, что отъезд Рейчел удручает Лаки, но сам он относился к этому довольно спокойно. В последнее время Рейчел сделалась страшно колючей и дулась по любому поводу. С ней стало невозможно ладить. Лаки была полной ее противоположностью. Несмотря на все, что с ней стряслось, она была полна жизни, тепла, искреннего веселья. Ему казалось, что рядом с ней он обретает новую жизнь.

— Просмотри и заполни вот эти бланки, — распорядился Грег, указывая на черную папку.

— Почему они не в компьютере?

— Я еще не успел загрузить их в компьютер. Лаки улыбнулась — самодовольно и очаровательно. Она знала, что Грег не в ладах с компьютером.

— Сейчас все сделаю.

Он запротестовал было, что это займет слишком много времени, но потом вспомнил, что Лаки управляет с компьютером гораздо лучше его, и решил не возражать. Он уже перестал удивляться ее мастерству. С помощью Интернета она могла составить для института самую удобную программу.

— Сперва кое-что проверим, — сказала Лаки, включая компьютер и закусывая нижнюю губу, как делала всегда, когда требовалось сосредоточиться. Внезапно Грегу захотелось наброситься на нее с поцелуями, и он с трудом подавил в себе это желание, которое с каждым днем становилось все сильнее. В ней было больше соблазна, чем в Еве, разгуливающей по райскому

саду! Сначала Грег отказывался признаваться самому себе, что увлечен ею, но потом привык. Он перестал противиться зову чувства и сосредоточился на том, чтобы не выдавать его.

Теперь это было не чисто сексуальное влечение, а нечто гораздо более мощное. История с акулой, которую она назвала Руди, на многое открыла Грегу глаза.

Он появился в институте тринадцатилетним мальчишкой. Судья, имевший все основания приговорить его к исправительным работам на сахарной плантации, сжалился и направил туда, где требовалась не только сила, но и мозги. В институте он познакомился с Номо и с морскими животными, которые нуждались в нем. В его жизни впервые появился некий смысл.

Сейчас ему хотелось, чтобы что-то подобное произошло с Лаки. Он понимал, что, затащив ее в ураган на отвесную скалу, сделал всего лишь первый шаг. Ей требовалось направление, цель. Впрочем, кажется, она уже обрела то и другое, почти не пользуясь его помощью.

Грег даже завидовал ее самостоятельности и огорчился, что не может стать для нее единственной опорой. Его раздражало, когда добровольцы мужского пола слишком рьяно торопились ей на помощь. Надо сказать, желание помогать, проявленное Сарой, злило его не меньше; хуже того, даже отеческое участие Номо выводило из равновесия! Грег сознавал, что это недопустимо, что нужно взять себя в руки.

Как же он поступил? Очень просто: стоило Рейчел объявить об уходе, он тут же переместил Лаки к себе в кабинет...

Грег попробовал сосредоточиться на биологических свойствах кита-горбача, сведения о которых Рейчел оставила в полном беспорядке. На классификацию данных, подлежащих дальнейшему изучению, ушло около часа. Потом зазвонил телефон. Лаки увлеклась работой, Доджер дремал у ее ног, и Грег сам снял трубку.

— Я узнал кое-что любопытное, — сказал Коди. Как ни странно, на этот раз его голос не вызвал у Грега приступа бешенства. После того как он увидел шрамы на ступнях Лаки, в их отношениях с братом многое изменилось. Грег не мог больше испытывать враждебность, отравлявшую ему жизнь уже два года.

— Выкладывай.

Грег вдруг почувствовал себя счастливым. Ощущение было вдвойне приятным, потому что он успел от него отвыкнуть.

Коди молчал, и Грег подозревал, что брат пребывает в смятении. Услышав его шепот; «Я твой должник», Коди явно не знал, что подумать. А после этого у братьев еще не было возможности поговорить.

— Карлтон Саммервилл — настоящий врач, — наконец сказал Коди. — Только не из института «Уэйкфилд».

19

Помогая Лаки выйти из машины у ресторана «Ка-релли», Грег испытывал странное чувство. Он всего лишь предложил ей провести вечер в обществе его старых друзей, приехавших на Мауи в отпуск, а казалось, будто пригласил на свидание. Настоящих свиданий у него не было уже много лет. Подцепить туристку и уложить ее в койку — разве это свидание?..

— Тебе здесь понравится, — сказал он Лаки у входа в небольшой прибрежный ресторанчик. — Отличная итальянская кормежка и сногшибательный вид на океан.

Лаки ничего не ответила, но ее глаза расширились, радостно засветились, еще больше позеленели. На ней было довольно строгое платье цвета лаванды, которое они с Сарой купили специально для суда. Платье было скроено так, чтобы скрывать соблазнительные изгибы ее фигуры, а не выставлять их напоказ, однако в нем от Лаки трудно было оторвать взгляд.

Она не воспользовалась косметикой и не надела никаких украшений. Любую женщину это сделало бы простушкой, но только не Лаки! Она успела потемнеть от загара, ей шла новая прическа, движениям была присуща природная грация. Она походила на теннисистку или опытную наездницу. Глядя на нее, Грег всякий раз убеждался, что эта женщина буквально создана для него.

Помещение ресторана имело клинообразную форму: оно расширялось от узкого входа в обе стороны, и от каждого столика открывался великолепный вид на океан. Томный ветерок тропиков, проникавший сюда через открытые окна, шевелил занавески, скатерти и папоротники на стене; из спрятанных динамиков лилась тихая музыка. Грег взял Лаки за руку и повел по многолюдному залу.

Несмотря на ранний час, почти все столики уже были заняты: люди собрались полюбоваться закатом.

Лаки сопровождал приглушенный ропот. Женщины настороженно щурились ей вслед, мужчины оглядывались с явным восхищением. Но Лаки, судя по всему, не замечала произведенного ею фурора; она смотрела на Грега с выражением трогательной признательности.

Заметив их, Алан Данбар, рослый мужчина с редящими медными волосами, привстал с места и помахал рукой. Грег представил Лаки Алану и его жене Кэрол, невысокой блондинке со слегка облупившимся носом. Данбары пили уже третий коктейль «Май Тай», поэтому не обратили внимания на то, что Грег назвал только имя своей спутницы. Грег поторопился заказать напитки.

— Что за закат! — всплеснула руками Кэрол. — В Техасе никогда такого не увидишь!

Синее небо сливалось с еще более синим океаном. Краснолапая олуша с позолоченными опускающимся солнцем кончиками крыльев сидела на камне посреди белого пляжа и чистила перья. Даже Грег, чуждый сантиментов, был вынужден признать, что, когда любишься закатом в обществе небезразличной тебе женщины, это довольно романтично.

Солнце — раскаленный ацтекский диск в алом обрамлении — утонуло в глади океана, ставшей вдруг фиолетовой. Лаки, перестав дышать, замороженно следила за этим грандиозным явлением природы. Потом она обернулась к Грегу и заглянула ему в глаза с такой проникновенностью, что он почувствовал, как по телу пробежала сладостная дрожь. Он отдал бы сейчас все, лишь бы остаться с ней наедине.

— Поэтому мы и проводим здесь каждый отпуск, — обратилась Кэрол к Лаки, нарушив благоговейное молчание. — Здесь несравненные закаты!

— Не верь своим ушам, — сказал Алан, подмигивая Грегу. — Отпуск здесь — результат компромисса. Кэ рол любит читать на пляже, а я — бродить по джунглям.

Грег потихоньку наблюдал за Лаки, пока она внимательно слушала рассказ Алана о своем хобби. Ей было явно интересно узнать, что Гавайи населяют сотни животных, которые не встречаются больше нигде в мире. Кроме того, на архипелаге можно найти треть из списка вымирающих птиц и растений. Алан был способен часами рассказывать о каждом из этих видов.

Небо постепенно стало темно-сливовым, официант принес напитки. Внезапно Грег заметил Тони Трейлора, с нескрываемым интересом разглядывавшего Лаки. Грег ненавидел этого жирного мерзавца всей душой. Будучи главой местного Совета, Трейлер делал вид, будто интересуется жизнью трудящихся и сохранением Гавайев для гавайцев, но поверить в его искренность не смог бы самый последний тупица.

В действительности Трейлера волновал исключительно собственный карман. Грегу не раз приходилось конфликтовать с ним из-за неочищенных стоков сахарных плантаций, загрязняющих прибрежные рифы. Трейлер всегда выступал на стороне владельцев плантаций, и загрязнение становилось еще сильнее.

— Сегодня мы наблюдали за апапане — красной гавайской «цветочницей» с кривым клювом, — рассказывал Алан. — Она пила нектар из цветка.

— Правда? — заметил Грег, наблюдая краем глаза за Трейлером. — Эти птицы теперь наперечет.

— Как птица о-о? — спросила Лаки.

— Вот-вот! — Алан пришел в восторг, видя, что Лаки разделяет его интересы. — А вы видели о-о?

Лаки покачала головой.

— Нет, но очень хотела бы. Я слышала ее пение. Вы не могли бы немного рассказать о ней?

Алан сразу воодушевился, а Кэрол закатила глаза, как бы говоря Грегу: «Пошло-поехало!»

Грег знал Данбаров еще с колледжа. Они влюбились друг в друга на первом курсе, поженились сразу после выпуска, и любовь не покидала их до сих пор, даже несмотря на отсутствие общих интересов. Наблюдая этот удачный брак, Грег решил, что у них с Джессикой может получиться то же самое. Как же сильно он заблуждался!..

Пока Алан читал лекцию о дикой флоре Гавайев, которой грозит истребление, Грег старался не упустить из виду Тони Трейлора. Мерзкий тип сидел в окружении устрашающих охранников «мокес». Рядом с ним находилась длинноволосая блондинка с противоестественным бюстом, явно слепленным целой бригадой пластических хирургов. Сам Грег предпочитал искусственным построениям природные данные. Он невольно посмотрел на грудь Лаки, а когда поднял глаза, обнаружил, что Трейлер снова на нее тарашится.

Грег уговаривал себя, что нет мужчины, который не удостоил бы Лаки вниманием, но внимание Трейлера выводило его из себя. Тони не пытался скрыть свой интерес, и это не был просто интерес к красивой женщине. Кроме него, никто во всем зале не узнал в Лаки призрак Пиэлы: с подстриженными и покрашенными волосами она выглядела совсем другой. Но наглый взгляд Трейлора навел Грега на мысль, что кто-то мог ему сообщить о новом облике Лаки.

Через некоторое время Трейлор оперся лапищами о стол, с усилием оторвал массивное тело от стула и вразвалку двинулся по переполненному ресторану в их сторону.

— Я сейчас, — бросил Грег своей компании, увлеченно внимавшей повествованию о волнующих подробностях спаривания птиц, вьющих гнезда на земле.

— Ты чего, Бракстон? — прорычал Трейлор, когда Грег преградил ему путь.

— Не хочу, чтобы ты беспокоил моих гостей. Для пущей внятности он схватил Тони за толстую руку.

— Пусти, козел! Я должен поговорить с этой стервой. Она угробила мою машину!

Грег вцепился в его руку еще сильнее.

— Только попробуй к ней приблизиться — я из тебя дух вышибу!

— В гробу я тебя видал! — прошипел Трейлор, морща усеянную оспинами физиономию. — Да мои ребята...

До подлой физиономии было так близко, что у Грега чесались кулаки.

— Я сверну тебе челюсть и натяну нос на затылок, прежде чем твои громы оторвутся от пива и сообразят, что тебе нужна помощь.

Трейлор сначала побледнел, потом побагровел и вытаращил глаза. Обычно он сам угрожал каждому, кто вставал на его пути, и не привык к чужим угрозам. Вырвав руку, он прорычал,

— Берегись, Бракстон! Ты пожалеешь, что вывел меня из себя!

Если говорить честно, Грег уже начал об этом жалеть. Трейлор не уступал мстительностью религиозному фанатику, только его религией были деньги. Однако по крайней мере на этот вечер Лаки была от него избавлена.

Грег вернулся к столику, сел и пригубил коктейль, прислушиваясь к беседе. Речь шла теперь о несносных мангустах, разоряющих птичьи гнездовья и грозящих уничтожением целым видам. Лаки, судя по всему, была счастлива. От нее за милю веяло сексуальностью.

— Так вы... — она хотела назвать профессию Алана, но не находила подходящего слова.

— Энтомолог.

Грег почувствовал у себя на колене руку Лаки и догадался, что она понятия не имеет о значении этого мудреного словечка. Он открыл было рот, чтобы прийти ей на помощь, но его опередила Кэрл.

— Насекомые! — заявила она со смехом. — Алан изучает насекомых. Прекрасная профессия! Разве вы не знаете, что на комарах можно заработать миллионы, а на смертоносных жука — миллиарды?

— На комарах и жуках? — не поверила Лаки.

— Алан работает в техасском исследовательском институте, — объяснил Грег. — Он разрабатывает безопасные для окружающей среды препараты для борьбы с комарами и прочей

нечистью.

Лаки восторженно расширила глаза, и Алан не стал скрывать, как он доволен ее реакцией. Ему редко доводилось встречать людей, уважавших его профессию; даже Грег находил насекомых чрезвычайно скучным объектом для исследований. Впрочем, Алан отвечал ему взаимностью и был способен захрапеть при первом упоминании о китах.

Грег хотел переплести пальцы с пальцами Лаки, но обнаружилось, что она сжимает в кулаке акулий зуб. Зачем? Неужели ощущает с проклятой акулой мистическую связь? Он поднял глаза и увидел, что Трейдер опять поглядывает на Лаки.

— Алану безумно хочется самому открыть новый вид насекомого, — поведала Кэрол. Было заметно, что она немного захмелела. — Не зря же он целыми днями слоняется по зарослям, строит глазки птичкам и спотыкается о папоротники!

— Я не совсем понимаю... — призналась Лаки. Было видно, что ее удручает собственное невежество.

— Если Алан откроет насекомое, которого еще нет в специальных справочниках, то этот вид будет назван в его честь, — объяснил Грег. — Так же бывает с болезнями. — Он заглянул Лаки в глаза, словно передавая безмолвное послание. — Если открытие делают двое, болезнь называют сразу двумя фамилиями.

Она поняла, что он имеет в виду пресловутый синдром Хойта — Мелленберга.

— «Таракан Данбара»! Звучит! — Кэрол засмеялась, и Алан расхохотался вслед за ней. Видимо, он давно привык к поддразниваниям жены.

— Слушай, Грег! — внезапно воскликнула Лаки. — Помнишь жуков, обнаруженных в волосах той туристки? Хорошо бы показать их Алану.

— Какие жуки? Какая туристка?

— Год назад поблизости от пика Иао упала в пропасть и разбилась неопознанная туристка. У нее в волосах нашли каких-то непонятных насекомых, — объяснил Алану Грег. — А поскольку наш коронер состоит в обществе охраны гавайской природы, он решил сохранить находку.

— Что за вид? Где они теперь? Как хранятся? — заинтересовался Алан.

— Мнения специалистов разошлись. Одни отнесли их к известной разновидности, другие не согласились.

— Может, их отправили в лабораторию ФБР вместе с волосами погибшей? — предположила Лаки.

Грег подумал, что Коди не напрасно посвятил их с Лаки в подробности дела.

— Нет. Они остались в помещении общества, в Лахаине. Там их можно исследовать.

Кэрол закатила глаза, но Алан с энтузиазмом ухватился за предложение.

— Прекрасная мысль!

Получив от официанта меню, они замолчали. Грег увидел, что Трейлер и его охрана покидают

ресторан. Тони перехватил взгляд Грегa и замешкался. Грег показал ему за спиной у Лаки средний палец — оскорбительный жест, известный как «итальянский салют».

— Что за «опакапака»? — спросила Лаки.

— Очень вкусное блюдо. Розовый люциан. Выражение ее лица подсказало Грегу, что она не имеет понятия о существовании рыбы люциана, тем более о ее вкусе.

— Я попробую. Очевидно, это любимое блюдо Руди, так что мне наверняка понравится! — со смехом сказала она.

Простившись с Данбарами, они решили пройтись по берегу. Лаки весь вечер не покидало хорошее настроение и ожидание чего-то приятного. Ей нравилось, что с ней рядом шагает Грег, нравилось прикосновение его бедра, когда он подстраивался, чтобы идти с ней в ногу, нравилась тяжесть его руки у нее на талии. Оставив обувь на ступеньках ресторана, они решили прогуляться по мокрому песку босиком.

Лаки глубоко дышала, радуясь, что судьба, лишив ее памяти, не посягнула на обоняние. Их окружала благоуханная тропическая ночь, воздух был напоен ароматами моря и сладким запахом плюмерии. Луна, спутница влюбленных, взошедшая еще во время ужина, достигла зенита и осыпала тихую водную гладь серебряными монетами. Темный купол неба был усеян бесчисленными звездами.

— Теперь я понимаю, почему в Италии нет вампиров, — неожиданно пробормотал Грег.

Вампиры? В связи с этим словом Лаки смогла вспомнить только черный плащ и кровавый оскал зубов.

— Что такое вампир? — отважилась спросить она. Весь вечер в ее голове теснились сотни вопросов, но она держала себя в узде, не желая показаться дурочкой в обществе его друзей. Впрочем, Грег знал ее лучше, чем кто-либо, и понимал, сколько всего ей предстоит узнать.

— Вампиры — это сказочные существа.

— Как та девочка в шапочке?

— Точно. Как Красная Шапочка. Здесь, на островах, рассказывают про низкорослых менехуне. Это то же самое, что ирландские лепреконы.

Лаки остановилась, наслаждаясь ласковыми прикосновениями волн к ее босым ногам.

— Я слышала об Ирландии. Кажется, это рядом с Англией? Ирландия и Англия постоянно ссорятся... Но ни этих менехуне, ни лепре конов я себе не представляю.

— Они очень маленькие.

На языке вертелось подходящее слово...

— Карлики?

— Еще меньше. Гномы. Но все это фантазии, Лаки. Они существуют только в людском воображении, хотя таких легенд очень много. — Грег указал на океан. — Видишь лунный свет

на воде? Легенда гласит: блеск воды означает, что менехуне устроили пляску на волнах.

— Какая прелесть! — воскликнула Лаки, но на душе у нее было беспокойно: ведь ей предстояло овладеть сведениями не только о реальном, но и о вымышленном мире. — Расскажи мне о вампирах. Почему ты вспомнил о них?

— Я просто неудачно пошутил. Вампиры — это люди с клыками. Они набрасываются на ничего не подозревающих женщин — обычно это происходит ночью, когда женщины видят десятый сон, — впиваются клыками им в шею и пьют кровь.

— Ужас! — Лаки попыталась представить себе, как клыки чудовища прокусывают ей шею. — Какая же связь между вампирами и Италией?

— Глупость, конечно. — Грег не мог оторвать взгляд от ее губ. — В Италии не родилось ни одной легенды о вампирах, потому что итальянцы едят много чеснока. Считается, что вампиры боятся чесночного духа. Сегодня в спагетти было столько чеснока, что теперь мы с тобой способны обратить в бегство целую стаю вампиров. Ну и черт с ними! Мы с тобой оба ели чеснок, поэтому мне не страшно тебя поцеловать.

Он нагнул голову. Лаки попыталась отстраниться, но было поздно: в тот момент, когда она уперлась ладонями ему в грудь, его губы нашли ее рот. Ей стало нестерпимо жарко. От кого исходил этот жар — от него, от нее, от обоих?

Лаки было уже все равно. Прижавшись к нему всем телом, она приоткрыла рот, чтобы дать возможность его языку проникнуть туда. Ее оглушали удары собственного сердца, она предвкушала, как вберет в себя его мужское естество.

— Представь, что я вампир, — прошептал Грег. Лаки с готовностью прыснула, но в следующее мгновение он нашел губами самое чувствительное место у нее на горле, и ей стало не до смеха. Такого наслаждения Лаки еще не приходилось испытывать. Он коснулся зубами кожи, и возбуждение пронзило ее с головы до ног, как разряд молнии.

— Кажется, не все рассказы про вампиров — вранье, — прошептала она.

Грег оторвался от ее горла и устремил на нее призывный взгляд. Лаки не смогла справиться с собой и начала расстегивать его рубашку. Они отошли довольно далеко от ресторана, единственным источником света была теперь луна, но и этого было достаточно, чтобы не замешкаться с пуговицами. Лаки хотелось осыпать его грудь поцелуями, почувствовать, как он сначала замирает, а потом приходит в восторг. Тяжело дыша, она провела ладонью по волосам у него на груди, прикоснулась к твердым соскам.

Вал желания, обрушившийся на обоих, мог сравниться только с самым сокрушительным прибором. Слишком долго они противились соблазну, призывая на помощь всю силу воли! Оба знали, что не смогут вечно сопротивляться неизбежному.

— Ангел, — проговорил Грег, перехватывая ее руку. — Ты хочешь меня! Зачем отрицать?

В глубине души Лаки была целиком согласна с ним, но ей не хотелось признаваться в своей слабости и доступности. Впрочем, сейчас она не смогла бы его оттолкнуть даже под страхом смерти. Рука Грега легла на ее грудь — такая же горячая и настойчивая, как огонь страсти в его глазах.

— Смотри, мы же не можем не прикасаться друг к другу! Зачем эта борьба?

Лаки не ответила, но не стала сбрасывать его руку, не отпрянула, когда его палец нащупал сквозь ткань платья напряженный сосок. Вожделение, охватившее ее, причиняло почти физическую боль; все тело молило о продолжении. Грег снова стал ее целовать, прижимая к себе все сильнее. Лаки поняла, что еще секунда — и они опустятся на песок, преодолевая последнюю преграду...

Взрыв смеха, внезапно раздавшийся неподалеку, привел ее в чувство. Что они себе позволяют в общественном месте, прямо на пляже?! Чутье подсказывало ей, что, не остановившись сейчас, она тем более не сможет остановиться потом. Лаки отстранилась и молча уставилась на него, тяжело дыша.

— Идем, ангел. Поедем домой. Нас ждет постель.

— Нет! — выдавила она, собрав остаток сил. — Я буду спать одна.

Грег мгновенно напрягся и взглянул на нее.

— Сколько раз будет повторяться одно и то же?!

— Постарайся меня понять! Я не хочу, чтобы ты относился ко мне, как...

Ей хотелось объяснить, что она чувствует, но на язык не шли нужные слова. Только сегодня, занимаясь малюткой Абигейл, Лаки впервые поняла, что может уважать себя. Но это было лишь робкое начало. Ей не хотелось возвращаться в прошлое, снова становиться женщиной, которая добивается желаемого исключительно с помощью секса.

— Я помню лицо, которое увидела тогда в зеркале. Не хочу больше быть крашеной шлюхой! Не хочу вести себя так, как тогда, в палатке!

Грег, не отвечая ей, медленно застегивал пуговицы на рубашке. Он был сердит на нее, и Лаки знала, что не имеет права его за это осуждать. Она сама была недовольна собой. Такой чудесный вечер, первое свидание, начало новой жизни — а что наделала она? Все испортила!

— Я прекрасно к тебе отношусь, — произнес наконец Грег. — Не знаю, что сделать, чтобы убедить тебя в этом.

— Надеюсь, что когда-нибудь я в это поверю. Мне сейчас уже гораздо лучше, чем было после аварии... — Лаки постеснялась добавить, что сегодня она впервые почувствовала себя реальным человеком, с собственной жизнью, а не ярмарочным уродцем.

Грег зашагал по пляжу, но не к ресторану, а в противоположную сторону. Лаки проклинала себя за глупость. Зачем она так упрямится? Неудивительно, что он сердится. Она молча шла с ним рядом, ломая голову, что бы такое сказать в свое оправдание.

— Как прошел прием у врача? Я так и не успел тебя об этом расспросить.

— Хорошо, — поспешно ответила Лаки, радуясь, что не слышит в его голосе злости, хотя счастливым его, конечно, нельзя было назвать. — Сначала он мне не понравился, но потом я изменила свое отношение.

— Почему?

— Он рассказал о синдроме Хойта — Мелленберга много такого, чего я раньше не понимала.

Они дошли до валунов, разделявших пляж на две части. Грег оперся о пористый вулканический камень.

Лаки подошла к другому валуну, стараясь держаться подальше от Грега, чтобы не повторять свою ошибку.

— Меня удивляло, что некоторые лица, которые я вижу, кажутся знакомыми, но я не могу вспомнить имена. Теперь я знаю, в чем причина. Некоторые пострадавшие вообще не способны запомнить ни одного лица. А мне придется заново узнавать людей, о которых имеет представление каждый ребенок — вроде принцессы Дианы или Элвиса Пресли.

Грег задумчиво кивал, но не делился с ней своими соображениями.

— Меня тревожит, что я столького не знаю. С каждым днем я кажусь себе все более невежественной! Такое впечатление, что сразу после аварии было даже лучше, чем сейчас.

— Дело в том, что тогда твой мирок был крошечным, размером с больничную палату, а потом — с тюремную камеру. Теперь диапазон расширился, и ты понимаешь, что должна овладеть огромным объемом знаний. — Он быстро, по-дружески чмокнул ее в лоб. — Не беспокойся, ангел, со временем все наладится.

Лаки хотелось разделять его уверенность, но это было выше ее сил. Ей внезапно пришло на ум какое-то смутное воспоминание. Это было похоже на скользнувшую в траве змею: прежде чем она спохватилась, воспоминание померкло. И все-таки она поняла, что определенно должна что-то припомнить...

— Мне надо с тобой поговорить, — сказал Грег таким тоном, что Лаки сразу почувствовала: новость будет не из приятных. — Очень многие захотят воспользоваться твоим состоянием. Прежде чем откровенничать с кем-то, всякий раз думай, не опасно ли это.

— Но вокруг столько прекрасных людей! Я знаю, что, например, Сара и Номо искренне хотят мне помочь.

— Да, но, кроме них, есть мерзавцы вроде Фентона Бьюли, мечтающие нажиться на твоей беде. Ты же читала его статейки в «Таттлер»?

— Читала и удивлялась, откуда он мог все это узнать. Я с ним не разговаривала. Наверное, он поймал кого-то в институте.

— Понятно. В общем, если он к тебе обратится, молчи. — Грег замаялся. — И больше не встречайся с Карлтоном Саммервиллом.

— Почему? — встревоженно спросила она. — Доктор Саммервилл очень мне помог. Благодаря ему я лучше поняла свое состояние.

— Знаю. Хорошо, что тебе полегчало, но этот человек обманул тебя. Он давно уже не практикует, не помогает людям, перенесшим психические травмы. Он пишет книгу. О тебе.

Лаки зажмурилась, не желая показывать, как она разочарована, как потрясена. Почему все пытаются ее использовать?! Лучше бы оставили в покое!

Коди поставил полицейский джип на стоянке перед гостиничной прачечной, круглосуточно выпускавшей в небо тугую струю пара. Рядом находился бар, популярный среди отбросов местного общества. В основном здесь околачивались гавайские мафиози — разновидность «ангелов ада» с поправкой на райские условия. Попадались среди клиентов бара и приличные парни, трудившиеся в прачечной, но таких было немного.

Скотт Хелмер выбрал для их встречи то еще местечко! Впрочем, чего еще ждать от агента ФБР в обличье панка? Коди предвидел неприятный разговор: придется рассказать этому Хелмеру о том, что Грег сообщил ему недавно по телефону.

Коди толкнул дверцу и оказался в темном помещении бара. Светилась только рекламная надпись над стойкой. Пол под квадратными деревянными столиками, покрытыми клеенкой в красную и белую клетку, был усеян арахисовой шелухой. Пробковая обшивка во многих местах отставала от стен. Коди бросилась в глаза кривая надпись, сделанная на пробке раскаленным железом: «Рожденного для виселицы не застрелить!» Вокруг этого откровения посетители повешали презервативов — новых и не очень, обычного размера и пригодных для быков-производителей, однотонных и разноцветных.

Для усугубления атмосферы в баре «Живая приманка» надрывался выдавший виды музыкальный автомат. Под потолком крутился вентилятор, перемешивая запахи прокисшего пива, магазинной пиццы и давно не мытых тел. Коди много бы отдал, чтобы развернуться и укатить домой, к Саре.

Привыкнув к потемкам, он обвел взглядом посетителей, заглянувших выпить пивка. Его форма ни у кого не вызвала интереса. Здесь, на островах, полиция не вселяла такого страха, как на материке, ибо старалась не распугивать туристов. Наверное, это можно было понять: в раю недопустим полицейский произвол. Но снисходительное отношение к туристам распространялось и на местных жителей. Порой Коди ощущал себя сиделкой в фартуке, а не грозным фараоном.

Хелмер любезничал с официанткой в вызывающе коротеньких обтягивающих шортах. Он ничем не выделялся из обычной клиентуры бара: типичный бездельник с материка, занимающийся серфингом и подрабатывающий на стройке, чтобы погасить долг за жилье.

Коди поздоровался с несколькими знакомыми и заказал пиво, хоть полагал, что для успокоения нервов потребуется кое-что покрепче: от Хелмера он ждал самых дурных вестей.

— Ваш офис прослушивается, — сообщил панк, не успел Коди сесть.

— Не может быть!

— Может, — заверил его Скотт. — Зато в доме и в полицейских машинах ничего нет.

— Вы побывали в моем доме? — Коди почувствовал себя жертвой кражи со взломом.

— Разумеется, — пожал плечами Хелмер и глотнул пива из горлышка. — У вашего брата тоже все чисто. Жучок был поставлен только в ваш кабинет, на край письменного стола.

— С противоположной стороны?

— Именно. Долго ли — зайти и приляпать? Коди вспомнил людей, навещавшихся к нему по поводу Лаки: Фентон Бьюли, доктор в дорогом костюме, Тони Трейлор, гипнотизерша. От подозрения не был застрахован ни один из них.

— Где же приемник? Раз есть подслушивающее устройство, значит, кто-то ведет запись? Хелмер глотнул еще.

— Черт его знает, где он. Система новейшей модели, радиус действия — полмили. Приемник может находиться в любом месте в Кахулуи, хоть здесь. Нам его не найти, но это не важно. Мы навяжем им те сведения, которые сочтем нужными.

Официантка с размаху поставила на стол заказанное Коди пиво, еще одну бутылку «Ред Дог» для Хелмера и вазочку с орешками и удалилась, виляя задом. Бандюги за соседним столиком оценили представление по достоинству.

— Вы никому не говорили, что туристка опознана? Коди покачал головой и выпил одним махом полбутылки. Он не знал, как рассказать агенту про свою оплошность.

— Будем держать эту информацию в тайне, пока не узнаем, кто тут у вас такой любопытный. — Хелмер обтер ладонями запотевшую бутылку. — Кстати, в передаче «Пропали и разыскиваются» пройдет сюжет про блондинку.

— Ну да? — оживился Коди. Главной его задачей было избавиться от Лаки.

— Мы побеседовали с ними и убедили дать сюжет. Поговорите о передаче в своем кабинете — для «жучка». Пусть получают для начала правдивую информацию. Программа выйдет в эфир через две недели.

— Так не скоро? — разочарованно протянул Коди. К тому времени Лаки станет лучшей подругой Сары и настолько влезет в жизнь брата, что потребуются ядерный взрыв, чтобы их разлучить.

— Это еженедельная передача. Чтобы подготовить постановку, требуется время.

Коди хотел попросить еще пива, но официантка в этот момент кокетничала с подручными Тони Трейлора.

— Как насчет Трейдера? — спросил Коди.

— Работаем, — сдержанно ответил Хелмер и недовольно поерзал.

Коди заключил, что агент знает о толстяке много компрометирующих сведений, но пока что не собирается ими делиться.

— Как по-вашему, могла Лаки быть одной из девчонок Трейлора?

— Не исключено. Ему по вкусу дешевые грудастые блондинки.

— Сегодня я узнал кое-что любопытное о погибшей туристке, — решился наконец Коди. — Осматривая Тельму Оверхолт, коронер нашел у нее в волосах двух необычных насекомых.

Хелмер отодвинул вторую опорожненную бутылку.

— Почему я не читал об этом в рапорте?

— Потому что в рапорт это не попало! — раздраженно ответил Коди. Паренек так удивился, как будто услышал, что в офисе коронера орудуют инопланетяне. — Учтите, в раю свои правила. Трусами у нас на острове занимаются по очереди три похоронные конторы. Если

случается что-то серьезное, мы отправляем тело в Гонолулу. Но то, что произошло с Тельмой, выглядело как обычный несчастный случай.

— Это не несчастный случай, — процедил сквозь зубы Хелмер. — Я получил заключение экспертов. Причина смерти — черепная травма, но это не удар головой о камень, а удар острым предметом по голове. Остальные подробности еще не выяснены. Полная картина появится позже.

— Убийство! Так я и знал...

Коди не сомневался, что во всем замешана Лаки. Что ж, неплохой шанс избавиться от нее Грега. Участие в убийстве — хороший повод надолго упереть ее за решетку.

— Об этом никому, ни одной живой душе, ясно? — Коди вяло согласился. — А теперь давайте про своих насекомых.

— Друг моего брата по имени Алан Домбар увидел их только сегодня утром. По его словам, это большая редкость. В мире есть всего одно место, где эта пакость...

— Момент! Выходит, вы не отправили их в Квонтико вместе с телом? Почему?

Парень был готов лопнуть от злости, и Коди не мог его осуждать. Действительно, непростительная оплошность!

— Насекомые не были приобщены к вещественным доказательствам. Коронер вынул их из волос потерпевшей и передал в общество охраны гавайской природы, считая, что это — обитатели джунглей, представляющие научный интерес.

— Хорошо, что вы вспомнили про них хотя бы теперь!

Коди не стал уточнять, что сказал о жуках Грегу только после появления Лаки, когда лихорадочно искал повод для разговора с братом.

— Родина этих жуков — Ян-Хонг в южном Китае, на реке Меконг, на самой границе с Лаосом.

— Что же получается? Что потерпевшая перелетела из Сингапура в Китай, а потом сюда, не имея авиабилета и ни разу не пройдя паспортный контроль? — Хелмер помахал официантке и показал два пальца. — Мне нужны эти жуки! У нас в Квонтико есть судмедэксперт-энтомолог. Надо, чтобы он на них взглянул.

— Вот это да! Свой энтомолог? Хелмер посмотрел на Коди, как на умственно отсталого.

— До того как нам урезали бюджет, у нас их было несколько. По насекомым можно установить время смерти и определить, связано ли убийство с наркотиками. Иногда наличие каких-нибудь клопов свидетельствует о том, перемещали ли тело.

— Конечно, жуков может исследовать и ваш специалист, но его заключение едва ли будет отличаться от заключения Данбара. Он — лучший энтомолог страны и заработал на этой нечисти целое состояние.

Как обычно, упоминание крупных сумм сыграли свою роль.

Панк взъерошил и без того торчащие дыбом волосы.

— Южный Китай, говорите? Что-то я не пойму... Коди положил локти на стол и наклонился к недоумевающему собеседнику, наслаждаясь производимым впечатлением.

— Сейчас вы услышите самое интересное. Таких козявок можно найти только на орхидеях особой разновидности.

Официантка подала пиво. Хелмер схватил свою бутылку и принялся ее подкидывать. Коди казалось, что сейчас он услышит скрежет — так отчаянно панк ворочал мозгами. Выждав немного, Коди сжалился и преподнес подсказку:

— Этот вид орхидей открыли всего несколько лет назад, когда китайские власти стали пускать путешественников с Запада в свои джунгли. Очень редкий, исчезающий вид.

— Значит, надо заняться теми, кто импортирует орхидеи... Кому еще известно о насекомых?

— Данбару, моему брату. Лаки. — Коди поразмыслил. — Еще, наверное, жене Данбара.

— Черт! Это все равно, что раструбить о насекомых в шестичасовых новостях!

— Я предупредил брата, чтобы он не...

— Я вручу всем вам специальное предписание ФБР с запретом на обсуждение с кем бы то ни было этой темы.

Коди не слышал о подобных предписаниях, но не усомнился в их существовании.

— Наверное, прежде чем прилететь к нам, эта дамочка из «Америкэн экспресс» побывала в Южном Китае, — предположил он.

— Исключено. За два дня до своей гибели Тельма встречалась с нашим агентом в Сингапуре. Она сказала, что напала на след тех, кто подделывает кредитные карточки. Они собирались еще раз встретиться следующим вечером, но она так и не появилась. Как видите, добраться до Китая она бы не успела. Наличие этих насекомых у нее в волосах должно иметь какое-то иное объяснение. Надо немедленно переправить их в Квонтико. Там во всем разберутся.

На следующее утро Лаки и Грег встретились в институте с сотрудником ФБР из Гонолулу довольно странного вида. Он вручил им предписание не комментировать ни в письменной, ни в устной форме любой вопрос о насекомых, живых или мертвых, в целях нанесения ущерба полицейскому расследованию.

— Что за абракадабра? — спросила Лаки у Грега после ухода агента.

— Очевидно, открытие Алана показалось им важным, и они не хотят утечек.

— Я не проговорюсь, — пообещала Лаки и отправилась к Абби, на этот раз она взяла с собой Доджера.

После объяснения на пляже Грег держался с ней отчужденно. Его нельзя было обвинить ни в холодности, ни в грубости, но он предпочитал находиться у себя в кабинете, редко заглядывал к Абби и вообще старался не оставаться с Лаки наедине.

По пути к бассейну для молодняка Лаки думала о том, что, в сущности, добилась желаемого. Разве она не хотела держать Грега на расстоянии? Правда, раньше ей казалось, что она сумеет побороть свою природу — нужно только быть готовой дать отпор, если Грег проявит

настойчивость. Вся штука была в том, что Грег проявил не столько настойчивость, сколько робость! Это совершенно обезоружило Лаки. Оставалось утешаться тем, что он покорен ею и ждет одного ее словечка.

Все было бы неплохо, если бы не приводило в замешательство собственное состояние. Откуда это непреодолимое желание внезапно завизжать? Что за беспричинная злость, при которой ей стоит огромного труда взять себя в руки? «Успокойся! — уговаривала она себя. — Все утрясется».

Лаки сунула руку в карман шорт и нащупала зуб Руди, свой талисман. Накануне звонил Коди с известием, что в программе «Пропали и разыскиваются» будет показан сюжет, посвященный ей. Чем черт не шутит, вдруг ее опознают, вдруг она услышит наконец свое имя?

Лаки потрепала Доджера по спине и сказала:

— У меня будет настоящее имя. Я перестану быть Джейн Доу и Лаки.

Доджер лизнул ей руку, глядя на нее влюбленными глазами. Она была почти счастлива и безмерно удивлялась этому. Пройдет совсем немного времени — и у нее появится собственное прошлое. Только бы прошлое было достойным! Только бы она не оказалась той женщиной в зеркале...

У Лаки существовал тайный план. Впрочем, назвать его абсолютной тайной было нельзя: она подолгу беседовала с животными, о ее замыслах знали Доджер, Руди, а теперь и Абби. Как бы то ни было. Лаки решила, что, если ее прошлое не окажется постыдным, она останется на Мауи.

Но жить заново она сможет только тогда, когда узнает о себе всю правду.

Абби встретила ее твяканьем и шлепаньем лапами — так она просилась на руки.

— Сейчас, сейчас! — Лаки нагнулась и подняла малютку. — Смотри-ка, какая тяжеленькая! В тебе уже фунтов семь.

Абби помигала грустными глазами и издала сосущий звук. Лаки достала из кармана бутылочку с козьим молоком.

— Умница! — Она погладила указательным пальцем черный нос тюлененка. — Сейчас я тебя накормлю.

Доджер терся об ее ноги, тоже требуя внимания, и Лаки опустилась на колени, не желая его обидеть.

— Знакомься. Это Абби.

Пес сначала попятился, потом вернулся, обнюхал Абби и лизнул ее головку своим большим языком. Абби заблеяла от удовольствия, и Доджер лизнул ее еще разок — уже более уверенно.

— Тяф-тяф! — поблагодарила его Абби.

— Вот вы и подружились! — сказала Лаки и погладила Доджера.

Она любила зверей и доверяла им больше, чем людям. А эти двое и вообще были ее семьей. Общение с бездушным компьютером удовлетворяло ее гораздо меньше, предпочтение она

отдавала уходу за животными. Если бы Грегу не требовалась ее помощь в офисе, она бы не отходила от своих питомцев весь день.

Лаки кормила Абби из бутылочки, напевала ей песенку и гладила Доджера, когда раздались шаги. Она подняла голову и увидела Сару и Молли.

— Юки, Юки! — крикнула Молли, бросившись к Лаки.

— Детка, Лаки занята. Не может же она держать на руках и тебя, и малышку тюленя!

— Привет! — обрадованно воскликнула Лаки. — Как вы здесь оказались?

— Решили проведать тебя. А еще я захотела посмотреть, как поживают Корни твоих волос. Я так и думала! Твои волосы еще темнее, чем эта краска. Они у тебя такого же цвета, как брови.

— Значит, придется краситься еще раз?

— Я думаю, можно оставить все как есть. Разница почти незаметна. Посмотри на тюленя, детка! — позвала Сара дочь, заинтересовавшуюся мусорной корзиной. — Ну-ка, скажи: «Тюлень».

Не обращая внимания на мать, Молли заковыляла к Доджеру.

— Песик, песик!

Она шумно чмокнула пса прямо в морду и обратилась к нему на одном ей понятном языке.

— Как поживаешь? — спросила Сара у Лаки. — Все в порядке?

— Лучше не бывает!

Лаки очень хотелось поделиться с ней новостью о жуках, но она помнила предписание.

— А мне кажется, что появились проблемы. Коди перестал рассказывать мне о твоём деле. Он твердит, что все в порядке и просто нет никаких новостей, но, по-моему, он что-то скрывает...

Глядя на Лаки, прижимающую к груди сонного тюлененка, Сара догадалась, что и она чем-то обеспокоена.

— Слыхала? Меня покажут в «Пропавших»!

— Да, Коди мне сказал. Я уверена, что кто-нибудь обязательно тебя узнает. — Сара положила руку Лаки на плечо и участливо на нее взглянула. — Если повезет, сразу после передачи прозвонит звонок...

Лаки хотела прикоснуться к зубу Руди, чтобы это предсказание сбылось, но где там: у нее на руках спала Абби.

Король Орхидей наблюдал за погрузкой последнего шестифутового деревянного ящика в самолет-рефрижератор, отправляющийся в Чикаго. Партнер оказался прав: склад в Чайнатауне очень пригодился. Исчезла необходимость зависеть от поставок с Востока, где организованная преступность грозила вторжением в созданный им бизнес. Королю давно надоело отбиваться от банд, не соблюдающих никаких правил.

— Читал последний номер «Таттлер»? — раздался за его спиной голос партнера.

Правильнее сказать, просматривал: он взял за правило знакомиться с ежедневными отчетами их человека перед утренней пробежкой, но сегодня было слишком много дел.

— Что там на этот раз?

— «Призрак Пиэлы и ее братец-акуленок любят опакапаку». Целая полоса посвящена тому, как спасенная ею акула проникла в садок рыбной фермы и полакомилась опакапакой. А она сама тем же вечером посетила со своим Бракстоном ресторан и заказала ту же рыбу.

— Можно было бы найти тему поинтереснее. Землетрясение, пожар, на худой конец, убийство...

— Ты не понял!

Король все отлично понял, просто не хотел обсуждать. Женщина, которую он любил, не только спала с Бракстоном, но и появлялась с ним на людях. Что это, как не попытка начать жить заново?

— Через две недели в «Пропавших» будет сюжет о ней. Впрочем, я знал, что это входит в их планы.

— Подождем две недели и посмотрим, что будет, — пожал плечами партнер.

Две недели казались двумя десятилетиями, но об этом Король умолчал. Вместо этого он взял двумя пальцами свежую экзотическую орхидею с фиолетовыми лепестками, темно-синими у основания.

— Полюбуйся!

Партнер не проявил интереса к цветку: он не разделял восторга Короля перед орхидеями.

— Только что доставлена из Амазонии. Этому виду орхидей угрожает исчезновение. — Король не удержался от улыбки. — Коллекционеры готовы отваливать по сто тысяч долларов за экземпляр.

Но партнер остался невозмутимым, поскольку не видел повода для восхищения. Они ежедневно зарабатывали больше. Орхидеи были побочным бизнесом, прикрытием для основных дел.

Внезапно король протянул руку и потушил свет во всем складском помещении.

— Какого черта?..

— А теперь?

Партнер присмотрелся и ахнул: в открытом ящике мягко светились орхидеи. Довольный произведенным впечатлением, Король снова включил лампы дневного света.

— Эти орхидеи не только светятся в темноте. Еще они — убийцы!

Король запустил руку в ящик, раздвинул бесценные растения и вытащил за хвост огромную крысу. Партнер с отвращением попятился, и Король усмехнулся. У его партнера никогда не

хватало духу на грязную работу. А ведь порой убийство — необходимость.

— Африканская крыса, случайно забралась в ящик. Что ее, по-твоему, убило? — Крысиный труп раскачивался у него в руке, как маятник. — Аромат цветов! Это прекраснейшие цветы на земле: редкие, бесценные и к тому же смертоносные

Партнер передернул плечами.

— Может, рядом с ними и дышать опасно?

— Не бойся. В таком просторном помещении пары рассеиваются, не причиняя вреда. — Он швырнул крысу в коробку с обертками. — Жду не дождусь, чтобы отправить кого-нибудь на небеса этим восхитительным способом. Подумать только: орхидеи как орудия убийства!

21

— Что ты сделала?! — Коди вытаращил глаза.

— Пригласила Лаки и Грега пообедать с нами в воскресенье после церкви, — повторила Сара.

Коди не знал, что сказать. Грег никогда не был прилежным прихожанином — потому, должно быть, что тетя Сис регулярно посещала службу и настаивала, чтобы мальчики ее сопровождали. Старая карга была . лицемеркой из лицемерок. Сначала она истово молилась, колотя для убедительности кулаком по Библии, а потом гнала племянников домой, где потчевала кулаками их.

— Ты уверена, что Грег согласился?

Вместо ответа Сара самодовольно улыбнулась. Не желая ликовать у нее на глазах, Коди чмокнул ее в щеку и поспешно вышел из кухни.

В тот день, когда была выпущена на свободу раненая акула, он не стал обсуждать с Гретом его слова, поскольку не был уверен, что не ослышался. Но даже сейчас, по прошествии нескольких дней, Коди лелеял воспоминание, переживал маленькое событие снова и снова, без усталости его анализировал, пока три коротких слова не перестали быть чудом.

«Я твой должник».

Раньше они пользовались этим выражением походя. Раньше, но не теперь. Коди никому не сумел бы этого объяснить, даже Саре, просто он знал, что в их отношениях с Греггом произошел долгожданный переворот.

Теперь это казалось Коди самым важным. Неожиданно он даже пожалел о том, что так близок к своей главной цели — избавиться от Лаки. Грег был гордецом; некоторые предпочитали бы называть его упрямым, но Коди больше нравился эпитет «гордец». Узнав, что Лаки была девчонкой Трейлера, он испытывает колоссальное унижение. Грег никого так не презирал, как Трейлера, виновника плачевного состояния, в котором оказались прибрежные рифы. Известие о том, что Лаки вместе с Трейлором оказалась замешанной в убийстве, наверняка отправит его в нокаут.

А в том, что она замешана в убийстве, Коди ни капельки не сомневался. Ведь недаром на ней была туфля женщины, убитой год назад!

— Дорогой! — позвала Сара, прервав его размышления. Заглянув в гостиную, она протянула ему бутылку вина. — Открой.

Коди огляделся, словно проснувшись, и только сейчас заметил на столе свечи.

— А где дети?

— По-моему, ты совсем заработался. Молли забрали мои родители, а мальчики в бойскаутском лагере на Большом пляже, неужели не помнишь? Мы заедем за ними утром. Ты позаботишься, чтобы они прибрались у себя в комнате перед воскресным визитом Грега и Лаки?

Коди радостно подбросив бутылку.

— Мы сегодня одни — вот здорово! Сара устремила на него глубокий взгляд своих чудесных карих глаз.

— Здорово будет в воскресенье после церкви, когда здесь снова соберется вся семья.

Коди пришлось откашляться: у него в горле встал ком. Видит Бог, Сара понимает и любит его, как никто в целом свете! Он не мог себя простить за горе, которое ей причинил. Поставив бутылку на стол, Коди обнял жену.

— У меня нет слов, чтобы выразить мою любовь, Сара. Подскажи, чем я могу это доказать.

— Помоги Лаки. — Она с невыразимой нежностью провела пальцами по его щеке. — Знаю, ты ее недолюбливаешь, но все равно, попытайся ей помочь.

— Я сделаю, что смогу, — ответил он уклончиво. — Многое будет зависеть от результатов телепередачи.

— А вдруг у нее есть муж и такие же дети, как наши? Коди покачал головой.

— Исключено. Семья давно заявила бы о ее исчезновении.

Он не стал распространяться на эту тему — и не только потому, что Хелмер запретил ему обсуждать дело с кем бы то ни было. У него просто не хватило бы духу признаться Саре, что он подозревает Лаки в связи с Тони Трейлером и в соучастии в убийстве...

Грег подвел Лаки ко второй скамье, на которой им занял места Коди. В последний раз он был в этой церкви, когда хоронили Джессику. Казалось, с тех пор прошла целая жизнь. Тогда его терзали обида и ярость, и казалось, что так будет всегда. Но где все это теперь? Люди сказали бы, что раны залечило время, однако ему было лучше знать. Всего несколько недель назад Грегу было немногим лучше, чем на похоронах.

Глядя на Лаки, он повторял про себя: это благодаря ей все преобразилось. Достаточно было одной ее улыбки-и Грег понимал, что она для него — одновременно дар свыше и проклятие. Лаки вернула его к жизни, но в ее силах было нанести ему рану, по сравнению с которой все, что натворила Джессика, выглядело бы пустяковыми царапинами.

Совсем недавно ему хотелось одного — поскорее избавиться от Лаки. Теперь он со страхом ждал эфира «Пропавших». Вдруг кто-то предъявит на нее права? Вдруг произойдет невероятное? Вдруг у него отберут Лаки?

— Доброе утро! — приветствовал их Коди. Сара уже заняла свое место среди хористов, детей отправили в воскресную школу, поэтому они оказались на скамье втроем. Лаки села между Коди и Гретом.

Грег знал, что Сара все это подстроила для того, чтобы помирить его с Коди. Если он и протестовал, то только символически. Появление Лаки продемонстрировало ему важность семейных уз. Только теперь он признался себе, что скучал по Саре, племянникам, даже по малютке-племяннице, с которой недавно познакомился. Но больше всего ему не хватало брата.

— Сегодня днем мальчишки играют в футбол, — сообщил Коди. — Они мечтают, чтобы вы пришли за них поболеть.

— Было бы неплохо, правда, Грег? — поспешно подхватила Лаки.

— Конечно, — пробурчал он, не глядя на брата. Грег понимал: таких неприятных моментов, когда он не будет знать, что ответить, не избежать.

Преподобный Тадаку начал службу с проповеди. Грег сидел склонив голову и изредка косился на Лаки. Она тоже опустила голову, ее глаза были закрыты. Грег подумал, что за последние дни она окрепла духом и могла по праву гордиться собой. Лаки не только оказалась незаменимой помощницей в институте, но и без жалоб принимала свое положение, стараясь как можно быстрее овладеть колоссальным объемом познаний.

— Бойтесь соблазна, грешники! — вещал проповедник громopodobным голосом, способным, казалось, поднимать усopших из могил. — Покайтесь, не то гореть вам в вечном пламени!

Пока звучала проповедь о способах избежать соблазна в этом мире, утратившем нравственный стержень, Грег чувствовал на себя взгляд Коди. В конце концов он не удержался от улыбки, и Коди тоже улыбнулся.

Сара, которая то и дело поглядывала на них, вздохнула с облегчением. Грег подмигнул ей, давая понять, что разгадал ее замысел.

Грег всегда симпатизировал Саре, даже когда она была всего-навсего надоедливой девчонкой, повсюду таскавшей за братьями, как привязчивый щенок. Правда, когда минуло несколько лет, все мальчишки школы опомнились и как по команде влюбились в Сару. Но для нее, ясное дело, существовал только Коди. Она преданно любила его с ранней юности и не теряла надежды, даже когда он ее высмеивал. А чего еще может требовать от женщины мужчина?

Преподобный Тадаку подал знак — хористы встали, паства тоже. Все дружно запели «Благодать Господня». Грег, не питая иллюзий насчет своего голоса, беззвучно разевал рот; когда он распевал под душем, Доджер в панике прятался под кровать.

Мощные звуки органа заполняли маленькую церковь и вырывались наружу. Лаки пела от души, чисто и звонко; она сама походила сейчас на луч света — один из тех, что проникали в витражное окно. Грег понимал, что ей самое место в хоре, наравне с лучшими сопрано.

— Душа моя заблудшая...

Лаки умела подолгу держать самые высокие ноты. Встретившись с ней взглядом, Грег понял, что она боится сфальшивить. Но, кроме этой боязни, он увидел в ее взгляде боль одиночества, так хорошо знакомую ему самому.

Она нащупала его руку и сильно сжала.

— Душа моя заблудшая, ты найдена опять... У Грега запершило в горле, когда он увидел, как трепещет синяя жилка у нее на шее. Слова гимна шли от самого сердца.

— ...Господня благодать, явившаяся свыше с колен меня поднять...

Лаки улыбнулась ему, радуясь, что ее чувства находят отклик в его сердце. Ее мелодичный голос вырывался из груди со сверхъестественной легкостью и взывал к самим небесам. Она не спускала глаз с Грега, и он

сразу не заметил, что все, кроме нее, уже смолкли. То было мгновение величайшего эмоционального напряжения, усиленного десятками восторженных глаз, устремленных на них. Казалось, для Лаки перестало существовать все вокруг.

Найдена! Это слово отдавалось в его мозгу, даже когда песня стихла и прихожане положили молитвенники на подставки. Грег по-прежнему сжимал руку Лаки, наслаждаясь общностью переживаний, рожденных гимном.

Он понимал, какое послание она пыталась до него донести. После аварии Лаки полностью преобразилась. Рассудок ее обновился, жизнь началась заново. День за днем, шаг за шагом она обретала себя. А еще Лаки хотела сказать, что доверяет ему и ждет от него помощи.

Прихожане снова сели. Глядя Грегу в глаза. Лаки прошептала:

— Спасибо тебе за все.

Только под конец службы Грег осознал: Лаки знает «Благодать Господню» наизусть. Видимо, она так часто пела этот гимн, что слова навсегда отпечатались в памяти... Странно! Помнить религиозный гимн — и не узнавать популярных песенок, которыми полон эфир.

Сколько же поразительных способностей соединяет в себе Лаки! Прекрасная кулинарка, обладательница ангельского голоса, знаток киберпространства... О дешевой потаскухе такое подумаешь в последнюю очередь. Наверняка всему этому существует какое-то объяснение. Грег понимал: стоит найти его — и станет ясно, почему она до сих пор не опознана. А еще он подумал, как радикально изменилась Лаки с той роковой ночи, когда он ее нашел и спас.

Грег знал, что мозговые травмы часто приводят к трансформации личности. В конце концов, так ли уж важно, какой она была прежде? Если после эфира «Пропавших» Лаки никто не опознает, она получит право начать жить заново и стать такой, какой ей хочется.

Закончив службу, преподобный Тадаку подошел к ним. Быстро пожав Грегу руку, он обратился к Лаки:

— Вы просто предназначены для нашего хора! Никогда не слышал такого голоса!

— Правда? — Лаки была удивлена и в то же время польщена.

— Они репетируют по средам, — подсказал Коди.

— Можешь брать мою машину, — разрешил Грег. — Я обойдусь мотоциклом. Лаки помотала головой.

— Нет, я не умею.

— Вы не умеете водить машину? — удивился священник.

К ним подошли еще несколько человек, чтобы похвалить голос Лаки, и Коди отвел Грега в сторону.

— Ее отпечатков нет ни в одной картотеке. Вчера я получил последние ответы из маленьких штатов. Нигде ничего! Теперь понятно, в чем дело: раз она не совершала преступлений и не обращалась за правами, значит, у нее ни разу не снимали отпечатков пальцев.

— Верно. Но при этом она прекрасно управляет с компьютером и отлично готовит. — Что-то тут не так. Очень уж не вяжутся навыки Лаки с ее первоначальным обликом. Ведь я был уверен, что спас в ту ночь обычную шлюху.

— Если бы еще знать, что она не врет... — Коли внезапно хлопнул себя по лбу. — Господи, за каких же дурней она нас принимает! Кто, как не она, съехал той ночью со скалы?!

Грег был слишком взволнован, чтобы продолжать этот разговор, и решил, что лучше расспросить саму Лаки.

Договорившись с Коди встретиться у их дома, Грег и Лаки пошли к машине. Доджер ждал хозяев под эвкалиптом и, заметив их, настиг в два прыжка.

По пути Грег мучился вопросом, почему она солгала. Коди прав: в ночь аварии она управляла машиной — хотя и с плачевным результатом...

— Как же ты оказалась одна в той машине, если не умеешь водить?

— Знаешь, мне кажется, что меня когда-то учили — только не на такой машине. — Она указала на рычаг переключения передач. — Я умею, когда у машины...

— Автоматическая трансмиссия?

— Вот-вот. Научиться переключать — это сложно?

— Проще не бывает! — Грег остановился на обочине, обрадованный, что нашлось такое простое объяснение. — Сядь на мое место. Я тебя научу.

Лаки овладела ступенчатой коробкой далеко не с первой попытки. Грег, наверное, уже оплакивал бы свою машину, если бы мог сердиться на Лаки. Но она этого не заслуживала. Она очень старалась и ничего не скрывала.

Кое-как вовремя меняя передачу, она все-таки сама подъехала к дому Коди. Хозяева приехали раньше их. Лаки со скрежетом включила задний ход, и, остановив машину, улыбнулась Грегу.

— Спасибо! Теперь я смогу ездить на репетиции хора.

Грег улыбнулся в ответ, хотя в глубине души не мог разделить ее радости. Лаки за рулем! Новый повод для страха...

Она дотронулась до его руки.

— Ты знаешь, я ведь действительно заблудилась, а теперь нашлась. Чувствую, что нашлась! Вот

увидишь, все будет хорошо.

Нашлась... А ведь в нем в ночь ее аварии тоже возродилась душа, о сне которой он не подозревал! В его жизни тоже произошла радикальная перемена.

По пути к дому Лаки тихонько напевала «Благодать Господню». Доджер следовал за ними по пятам. Грегу следовало бы радоваться ее оптимизму, но радости мешала смутная мысль, которую ему никак не удавалось додумать до конца. Разные мелкие события постоянно мешали ему сосредоточиться. Вот и сейчас, стоило ему подойти к двери, как на него налетели близнецы.

— Дядя Грег, дядя Грег!

Два года... Как это долго! Зачем было так упрячиться? Джейсон и Трейвор успели подрасти — и он при этом не присутствовал. Обнимая обоих, Грег клял себя за глупость.

— Иди сюда! — Трейвор потянул его за руку. — Посмотришь, какая у меня кетчерская перчатка.

Грег оглянулся и увидел, что Лаки уже отправилась на кухню, откуда доносились голоса Сары и Коди. Он последовал за мальчишками и удивился подозрительному порядку в их комнате. Впрочем, Грег не сомневался, что, открыв шкаф, спровоцирует селевой поток: он помнил все хитрости, используемые мальчишками в этом возрасте.

Восхищаясь вслух бейсбольной перчаткой, новенькой и наверняка безумно дорогой, он вспоминал их с Коди детство. У них была на двоих одна перчатка, найденная где-то их тренером: тетя Сис никогда ничего им не покупала. Перчатка была такой старой и рваной, что каждая хорошая подача отшибала ладонь.

— А как с отметками? — поинтересовался Грег, вспомнив, что он все-таки дядя.

— Больше четверок, — без колебаний ответил Трейвор. — Не без троек, конечно. Но ничего, играть мне разрешают!

— А я учусь хорошо, — похвастался Джейсон. Грег сразу понял, что Джейсон был отличником, как он сам в его возрасте, а Трейвор пошел в отца, всегда больше интересовавшегося спортом. Но Грег был готов пожертвовать всем на свете, лишь бы насолить тете Сис. Он так часто попадал в неприятные истории, что никогда не поступил бы в колледж, если бы судья не приговорил его к отработке очередной провинности в институте.

Мальчишки потащили его в загон, любоваться жеребенком. Опершись на изгородь, он наблюдал, как племянники надевают на пугливое создание уздечку.

Что ж, Коди постарался создать сыновьям такую жизнь, о какой всегда мечтали они с Грегом...

Поглаживая Доджера, Грег вспоминал, как они с Коди шептались в темноте, стараясь не разбудить тетку. Они фантазировали, пытались представить себе, какой стала бы их жизнь, если бы не гибель родителей. У них были бы новые бейсбольные перчатки и целая обувь, собака, а может, и кошка в придачу. Но уж лошади — это обязательно! Мама пекла бы им печенье и свой фирменный пирог с курицей, а отец не пропускал бы ни одного их матча и проклинал судьбу за штрафы...

Теперь Коди удалось претворить свои детские мечты в жизнь — пусть не для себя, а для

сыновей. У Бракс-тонов явно не водилось лишних денег: Грег обратил внимание на неважное состояние дома и прохудившуюся крышу амбара. Не беда, зато у детей было все необходимое. Главное — любовь!

— Не торопитесь, дайте Максусу к вам привыкнуть, — раздался голос Коди, пришедшего подсказать сыновьям, как взнуздать жеребенка.

— Славные ребята! — сказал Грег брату. Коди поставил ногу на нижнюю перекладину изгороди.

— Никому бы не пожелал лучших детей, лучшей семьи.

Грег всегда твердил себе, что прошлое осталось в прошлом, но оставался вопрос, который он не мог не задать.

— Коди, у тебя есть все, о чем только можно мечтать: прекрасные дети, потрясающая жена. Скажи мне, как ты мог всем этим рисковать?

Брат устремил на него взгляд синих глаз, так похожих на его собственные глаза, и нахмурил темные брови. Выражение его лица стало суровым. Сначала он молчал, слушая детский щебет, потом негромко проговорил:

— Мне тоже хотелось бы знать ответ... Хотя бы ради Сары: она заслуживает, чтобы ей все объяснили. Я тысячу раз спрашивал самого себя об этом и надумал только одно. Я ведь был с Сарой сколько себя помню. Наверное, если бы я в свое время больше встречался с другими девушками... Джессика всегда со мной заигрывала. И в конце концов я поддался соблазну.

В душе Грега вспыхнула старая злоба, его затопила былая горечь. Он уже открыл рот, чтобы сказать брату пару ласковых слов, как вдруг услышал детский голос:

— Папа! Получилось, папа!

Очевидно, им удалось накинуть на жеребенка уздечку.

— Прогуляйтесь с ним до края луга и обратно, — предложил Коди сыновьям, чтобы они не слышали перебранки.

Глядя на детей, Грег чувствовал, как его постепенно покидает ярость. Коди так много дал своим сыновьям, что...

— Я понимаю, что такое соблазн. Но жена родного брата!.. Чем я перед тобой провинился?

— Абсолютно ничем. Ты был самым лучшим братом на свете. Мне бы очень хотелось оправдаться перед тобой, Грег, да нечем... — Коди отвернулся и откашлялся. — Может быть, тебя утешит, если ты узнаешь, что это случилось один-единственный раз. Вечером перед аварией я сказал Джессике, что совершил ужасную ошибку и не собираюсь ее повторять.

— Думаешь, мне от этого легче?

— Прости, Грег. Мне меньше всего хотелось причинить боль Саре или тебе. Честное слово, я сам не знаю, почему это сделал! — В голосе Коди звучало отчаяние, ему нельзя было не поверить. — Прошлое не изменить. Но одно могу сказать: я искренне раскаиваюсь.

Никакое, даже самое искреннее раскаяние не могло удовлетворить Грега. Но он помнил, что в

былые времена они с Коди были больше чем просто братьями. Они были закадычными друзьями и дарили друг другу то, чего оказались лишены после гибели родителей, — любовь. И за это он готов был простить Коди все. Ошибки ошибками, но Грег чувствовал, что не может больше существовать без семьи. Он положил руку брату на плечо.

— Давай забудем прошлое.

Коди глядел на возвращающихся сыновей. Казалось, что он хочет что-то сказать, но не решается.

— Ты помнишь, что, когда произошла авария, за рулем была Джессика?

Разве он мог это забыть? Перед мысленным взором Грега то и дело появлялось ее прекрасное, но безжизненное тело. Коди выбросило из машины, потому он и остался в живых.

— Так вот, она намеренно направила машину под откос. Сказала, что не хочет больше жить, и нажала на газ.

У Грега перехватило дыхание. Он силился осознать услышанное — и не мог. Грег всегда считал, что его жена погибла в обыкновенной аварии. Однажды она пыталась покончить с собой, но ему и в голову не приходило, что наконец ей это удалось и что заодно она хотела угробить его брата.

Боже, он чуть не лишился Коди и знать ничего не знал! Смерть Джессики стала для него сокрушительным ударом, но если бы он потерял еще и Коди... Что бы тогда стало с ним самим?

— Джессика была совершенно безнадежна, — тихо сказал Коди. — Ты все равно не смог бы ее спасти.

Грег чувствовал в груди незнакомую тяжесть и долго не мог прийти в себя.

— Не знаю, что бы я делал, если бы ты погиб... Коди обнял его. Грег тоже обхватил брата руками и прижал к себе что было силы, чувствуя, что эти объятия излечивают его от злобы и от прошлого, которое он не мог изменить.

— Теперь все? — спросил Коди.

— Все. — Грегу хотелось рассказать ему о шрамах у Лаки на ступнях, о собственных ощущениях в тот день, когда они выпустили на свободу исцеленного Руди, но он боялся, что не выдержит, если начнет рассказывать. — Спасибо тебе. За то, что было в детстве... и теперь.

— Сделайте с Максом еще один круг, — сказал Коди сыновьям и обернулся к Грегу. — Если уж мы говорим начистоту... Меня беспокоит Лаки. По-моему, она такая же, как Джессика...

— Нет, Коди, она совсем другая. Лаки сейчас в растерянности, потому что не знает, кто она такая. Все-таки у нее необычное состояние...

— Так-то оно так, но тебе все-таки надо подготовиться к неприятностям. Вдруг она замешана в преступлении? В серьезном преступлении? Я не хочу, чтобы еще одна женщина встала между нами.

Коди смотрел через заставленный едой стол на Лаки, кормившую Молли с ложечки яблочным пюре. Он молил небо, чтобы Грег не сломался, когда узнает правду о ней.

Лаки и Сара приготовили роскошное пиршество. Было ясно, что они становятся настоящими подругами. Что и говорить, Лаки умела втираться в доверие. А ведь если выяснится, что она — девчонка Трейлера или того хуже, то обязанность посадить ее за решетку ляжет на него, Коди. Посадить и уведомить об этом Грега и Сару...

— В среду вечером, пока мы с Лаки будем на репетиции хора, вы с Грегом можете свозить детей в пиццерию, — сказала ему Сара.

— Обязательно.

Коди покосился на брата. За едой Грег помалкивал. Коди подозревал, что он потрясен известием о том, как на самом деле погибла его жена.

— Грег научил меня водить его машину, — сообщила Лаки. — Теперь я смогу ездить на репетиции самостоятельно.

— Научил за один урок? Поразительно! — усмехнулся Коди.

Сара упрекнула мужа взглядом за подозрительность, но тот остался при своем мнении. Несомненно, они имеют дело с бессовестной лгуньей: никто еще не овладевал вождением за один урок.

— Я не говорила, что совсем не умею водить машину. Просто я не знала, как переключать передачу, — беззаботно пояснила Лаки.

Коди отдавал ей должное: она не стеснялась смотреть ему в глаза. Оба не скрывали неприязни друг к другу.

Внезапно Грег вскочил, опрокинув стул, и посмотрел на Лаки так, словно она его укусила.

— В чем дело? — Коди поднял его стул.

— Поехали. — Грег поманил брата за собой. — Встретимся на матче, — сказал он женщинам.

— А десерт? — возмутилась Сара. — Я сделала хаупию — кокосовый пудинг, твое любимое блюдо!

— Спасибо, мы съедим свои порции позже, — бросил Грег через плечо.

— Что случилось? — спросил Коди уже за дверью. Грег, не отвечая, устремился к машине, и Коди ничего не оставалось, как броситься за ним. Рядом бежал Доджер. Они поспешно сели в машину. Грег так лихо сорвался с места, что Коди захлопнул свою дверцу уже на ходу.

— Да что происходит?! -Окрикнул он.

— Страдающие синдромом Хойта — Мелленберга помнят все, что специально изучали. Скажем, иностранные языки. Действия, совершавшиеся много раз, не забываются. Как, например...

— Слова «Благодати Господней»? — подсказал Коди.

— Совершенно верно. Лаки владеет Интернетом лучше самого Билла Гейтса. Наверняка она входила в сеть сотни, тысячи раз. — Грег резко затормозил, чтобы не раздавить мангуста, перебежавшего грунтовую дорогу. — Она умеет водить машину. Не особенно хорошо, но умеет.

Коди никак не мог понять, куда он клонит, почему несется в сторону Кихеи, прервав обед, который начался так хорошо. Ясно было одно: Грег, плененный этой женщиной, верил каждому ее слову. А ведь ее состояние — большая редкость, даже специалисты расходятся в диагнозе... Лично у него амнезия Лаки вызывала сомнения.

— Где теперь стоянка задержанных машин? Все еще за бензоколонкой Хохо? — спросил Грег.

— Где ж ей еще быть? Мы едем туда?

— У машины, в которой ехала Лаки, была самая обычная коробка передач. Я отлично это помню: когда я ее вытаскивал, у нее зацепилась за рычаг юбка. Она не могла вести такую машину сама: не умеет!

«Но это же прямое доказательство того, что Лаки лжет!» — подумал Коди, но вслух эту мысль не высказал. Грег определенно верил ей на сто процентов. Посмотрим, что будет дальше, решил Коди. Ему не хотелось ссориться с братом сразу после примирения.

— Но ведь ты говорил, что там больше никого не было. И зачем тебе смотреть на машину?

Грег пожал плечами и остановился позади автобуса с японскими туристами. Часть группы высыпала на обочину, обвешанная камерами, и рьяно фотографировала сахарную плантацию.

— За рулем сидела Лаки — во всяком случае, я застал ее на водительском сиденье. Но вел машину кто-то другой. Я сам не могу понять, куда он подевался. С того места, куда машина упала, на скалу способен вскарабкаться только тренированный верхолаз. Страшная крутизна!

— Думаешь, машину столкнули с обрыва? Быть этого не может! Ты бы сам это увидел или услышал.

— Необязательно. Помнишь тот ураган? Когда у нас на островах последний раз была настоящая гроза, с громом и молнией? В таком шуме я не мог слышать звуки падения.

Грег проехал бензоколонку и остановился перед площадкой с задержанными автомобилями.

— Есть и другая возможность. Вдруг машина уже была под скалой, когда появились мы с Доджером? Там расселина, которую сверху не видно. Если бы не Доджер, на Лаки наткнулись бы только через несколько дней.

Съеденный на радостях обед — не каждый же день происходит примирение с родным братом! — превратился у Коди в желудке в кусок цемента. Дело усложнялось на глазах. У него появилось отвратительное чувство, что он опять попал пальцем в небо.

— Сам я украденную машину не видел, — сознался он. — Сотрудники показали мне номерной знак, я знал, что «Тойота» угнана из одного из агентств Трейлора. Зачем мне было на нее смотреть? Ее и без меня проверили и ничего не нашли.

— Ты что же, даже не приказал снять отпечатки пальцев?

Коди хмуро взглянул на него, но ничего не сказал. Он вылез из машины, достал ключ от

стоянки и кивком головы предложил Грегу следовать за ним.

От асфальтовой площадки тянуло влажным жаром. Коди обливался потом, но палящее солнце тут было совершенно ни при чем. Он не хотел думать о том, что услышит от Скотта Хелмера. Почему он не осмотрел машину сам, зачем доверился своим обормотам?!

— Там должны были орудовать как минимум двое, — заметил Грег.

Коди вспомнил слова Скотта Хелмера о том, что тело погибшей год назад журналистки должны были нести несколько человек. Что, если тут орудовала одна и та же банда?..

Минуя брошенные рыдваны и туристские автобусы, Грег говорил:

— Один человек вырулил в машине с Лаки на край скалы и вылез. Потом они вдвоем столкнули машину вниз, сели в другую машину и уехали.

— Пожалуй, это единственное логичное объяснение, — согласился Коди. — Из-за штормового предупреждения никто бы не сунулся в такой глухой угол острова.

Он отпер дверь белой «Тойоты», обернув ладонь полотенцем, чтобы нечаянно не стереть отпечатки пальцев.

Грег оказался прав: между креслами торчал рычаг переключения передач. Коди заглянул под сиденье, уповая на то, что его люди не проглядели важных улик, но тут до его слуха донесся скулеж Доджера. Он резко выпрямился, ударившись головой о дверную раму. Пес забежал за машину и принял стойку. Сейчас он был похож на стрелку, указывающую на багажник.

— Открой багажник! — приказал Грег, заранее морщась.

У Коди уже и до этого было неприятное ощущение в животе, но теперь оно превратилось в настоящую боль. Он вставил ключ в замок багажника. Крышка откинулась, и Коди заставил себя заглянуть внутрь.

— Черт! — Грег подался вперед.

— Ничего не трогай! — предупредил Коди.

Король Орхидей смотрел на компьютерный дисплей, не видя строк, цифр и кодов. Пароли банков менялись беспрерывно, но обычно он без всякого труда отгадывал новые. Прежде он гордился своей способностью обвести вокруг пальца самую совершенную систему безопасности. Теперь же ничто не могло улучшить его настроения.

— Ты видел последний рапорт нашего человека на Мауи? — спросил партнер.

— Видел, — отрывисто ответил Король. Разве он мог такое забыть?

— Что скажешь?

Король развернул кресло и устался на партнера, сидевшего за соседним компьютером.

— То же, что и прежде. Она пытается жить новой жизнью. Ходит в церковь...

— Да я в это ни за что на свете не поверю! Раньше ее нельзя было заманить в церковь даже под

страхом смерти.

Король усмехнулся.

— Наверное, дело в этом чертовом синдроме. Человек, родившийся заново, вполне может стать верующим.

— Мне не до смеха. — Партнер встал и зашагал по тесному помещению. — Я чувствую, что мое терпение на исходе.

— До выхода в эфир «Пропавших» осталась неделя. Если после передачи ничего не произойдет, мы сделаем следующий ход.

— «Жучок» в кабинете начальника полиции записывает какую-то ерунду. Единственная ценная информация — то, что Лаки скоро покажут по телевизору. Это не вызывает у тебя подозрений? Полиция как будто должна расследовать дело, а не смотреть телевизор.

Король не уважал все правоохранительные органы скопом, от простого уличного копа до руководителя программы ФБР по борьбе с организованной преступностью. Где им его поймать! Они даже не догадываются, что совершено преступление.

— Они слишком ленивы, чтобы взяться за дело как следует. Ты же слышал, о чем они там болтают: пьяные и прочие нарушители общественного спокойствия — вот их потолок. Один рыбак обвиняет другого в краже улова... Мелкие преступники, мелкие преступления, мелкие умишки.

— Что-то случилось, но я никак не пойму, что именно, — сказала Лаки Номо на следующий день после обеда у Сары.

Они находились у бассейна для молодняка. Лаки кормила Абби из бутылочки, Доджер лежал у ее ног. Номо сидел рядом и, как всегда, внимательно слушал.

— Обед уже подходил к концу, как вдруг Грег вскочил и куда-то потащил Коди. Нам с Сарой пришлось самим повезти ребят на футбол. В середине матча приехал Грег и сказал, что Коди пришлось лететь в Гонолулу. — Лаки отняла у Абби пустую бутылочку. — После игры Грег угощал нас мороженым. Он был такой тихий, такой грустный...

Номо задумчиво кивнул.

— Он часто бывал таким, когда у него начинались нелады с Джессикой. Грегу трудно делиться с другими своими бедами. Собственные проблемы он старается решать сам.

Лаки нагнулась и подложила уснувшего тюлененка Доджеру под бок. Пес потыкал Абби носом и свернулся вокруг нее калачиком. Лаки погладила Доджера. Более умильное зрелище было трудно себе представить: огромный шоколадный пес и крохотный беленький тюлененок.

— Нани! Красота... — сказал Номо, указывая подбородком на Доджера и Абби. Потом он погладил Лаки по руке и ослепил ее своей белозубой улыбкой. — Ты правильно поступила, что помирила Коди и Грега.

— Это не я, а Сара. Номо покачал головой.

— Пока не появилась ты, ей не удавалось это сделать. А она пыталась не раз. Грег очень

упрямый и всегда был таким: я ведь знал его еще сопляком. Никто, кроме Коди, не знает Грегa так хорошо, как я. Он в тебя влюбился, хотя еще не готов себе в этом признаться. .

— Почему же тогда он держит на письменном столе фотографию жены? После всех несчастий, которые она ему принесла! Не понимаю...

Смуглая физиономия Номо оживилась.

— Я сам спрашивал его об этом примерно год назад. И знаешь, что он мне ответил? Что держит фотографию на виду как напоминание: больше не связывайся с женщинами! От них одна морока. Но теперь он, кажется, передумал.

Лаки все отдала бы — если бы у нее было, что отдавать, — лишь бы это оказалось правдой. Конечно, Грег, помогая ей, интересуется ее делами, но она хотела от него гораздо большего. Лаки не могла выразить свои чувства вслух, но Сара и Номо и так понимали: Лаки ждет от Грегa любви и мечтает быть достойной его чувства.

— Номо! — Молодой доброволец запыхался и сначала не мог выговорить ни слова. — Мы поймали одного типа с фотоаппаратом! Он прятался за олеандрами.

— Это наверняка Фентон Бьюли! Вот пройдоха! Очевидно, мечтает наснимать разной дряни для своей помоечной «Татглер».

— Мы вытолкали его в шею, — гордо доложил доброволец.

— Молодцы! — похвалила Лаки. Она была растрогана. Персонал института оберегал ее, как Доджер — Абби. Все они стали ее большой семьей. Лаки почувствовала, что на глаза навернулись слезы, рука машинально нащупала в кармане акулий зуб.

Весь вечер Грег хранил молчание. Порой Лаки казалось, что он как-то странно на нее поглядывает, но, как только она перехватывала его взгляд, он отворачивался.

— Давай прогуляемся с Доджером по берегу, — предложила она после ужина.

— Иди одна, — отозвался он. — Я жду звонка Коди.

— Он все еще в Гонолулу?

Днем Лаки говорила по телефону с Сарой. Оказалось, что Коди звонил жене, но не сообщил ни причины своего внезапного отъезда, ни времени возвращения.

— В Гонолулу.

Грег тоже ничего не стал объяснять. У него было такое неприветливое выражение лица, что Лаки воздержалась от дальнейших расспросов. Что ж, она прекрасно сможет искупаться одна.

Лаки отправилась в спальню переодеться. Снова выйдя в холл, она услышала телефонный звонок и остановилась. Если это Коди, то после разговора с ним Грег, возможно, сменит гнев на милость и составит ей компанию.

Грег говорил тихо, но Лаки расслышала фразу:

— Прямо не знаю, как ей об этом сказать... Напрасно Лаки пыталась унять охватившую ее

дрожь. Она не сомневалась, что речь идет об очень дурном известии. Скорее всего ей снова грозит тюрьма...

23

Лаки слышала, как Грег положил трубку. Набрав в легкие как можно больше воздуха, она призывала себя к спокойствию. Сейчас она сильнее, чем была сначала. Ее не сломит никакая беда. Жаль, конечно, института, где ей было на удивление хорошо. И отчаянно не хочется назад в тюрьму — особенно теперь, когда жизнь начала худо-бедно налаживаться...

— Лаки! — раскатился по притихшему дому голос Грега.

Она медленно побрела в гостиную. Какой смысл торопиться, чтобы услышать подобное известие? Оно все равно настигнет ее, где бы она ни была... Появившийся из темноты Доджер лизнул ей руку, словно догадываясь, какое испытание предстоит Лаки. Она благодарно погладила его узкую голову.

Грег покачивался на пятках, засунув кулаки в карманы шортов. У него был такой удрученный вид, что впору было броситься его утешать — словно он нуждался в этом больше, чем она.

— Присядь, Лаки. Мне надо с тобой поговорить. Только сейчас она спохватилась, что явилась к нему почти голая, в одном купальнике без спины. Конечно, от дурной вести не уберегла бы даже броня, но в таком виде Лаки чувствовала себя еще более уязвимой. Медленно опускаясь на диван, она готовилась к худшему. Доджер улегся у ее ног, Грег сел рядом, хмуря брови.

— Выкладывай! — потребовала Лаки, неумело разыгрывая браваду.

— Не знаю, с чего, собственно, начать... Она провела руками по бедрам, не отдавая себе отчета, что ищет карман с талисманом.

— Начни с начала.

Грег взял ее за руку, и этот ласковый, сочувственный жест только сильнее напугал Лаки. Напрасно она старалась унять сердцебиение.

— В угнанной машине, в которой я нашел тебя той ночью, ручное переключение передач.

Она не сразу сообразила, почему это важно.

— Ручное?.. Как же я тогда могла ей управлять? Все-таки поразительно: я владею таким количеством не очень-то нужных навыков, вроде плавания баттерфляем, зато понятия не имела, как переключаются передачи, пока ты меня не научил.

Грег не сводил с нее пристального взгляда своих синих глаз, и Лаки почувствовала, что он никак не может решиться на продолжение.

— В ту ночь ты не сидела за рулем машины.

— Значит, я была пассажиркой? Но ты же утверждал, что нашел в машине одну меня.

— Так и было. В какой-то момент ты осталась там одна.

Почему он так мрачен? Неужели дело совсем худо?

— Кого-то выбросило из машины? Зачем было столько тянуть? Так бы сразу и сказал! Или тело нашли только сейчас?

Он по-прежнему внимательно смотрел на нее, не торопясь с ответом. Тут таилась какая-то тайна, но Лаки не располагала ключом к разгадке. А ведь Грег лучше, чем кто-нибудь, понимает ее трудности, отдает себе отчет в том, что ей недостает информации. Зачем же он мучает ее?

Грег крепче сжал ее руку и подвинулся ближе.

— Нет, когда машина сорвалась со скалы, в ней, кроме тебя, никого не было.

Он обнял ее за голое плечо, и его поведение еще больше встревожило Лаки. Грег старался ее защитить, как Доджер — Абби, и этим окончательно повергал в панику.

— Получается, я была одна в машине, которой не могла управлять? — Ее уже пронзила страшная догадка, от которой она вся похолодела и покрылась мурашками. — Но ведь это бессмысленно!

Помолчав, Грег сказал:

— Мы с Коди полагаем, что кто-то привез тебя на место аварии. — Ему не хотелось ее пугать, но теперь пути назад не было. — Скорее всего их было несколько, как минимум — двое. Они включили передачу, нажали на газ и столкнули машину с обрыва.

— Нет! — выкрикнула Лаки. Увы, выражение глаз Грега и то, как он стискивал ей руку, свидетельствовали, что ему не до шуток. — Должно существовать другое объяснение. Зачем кому-то понадобилось... — язык отказывался произносить ужасные слова. — Зачем им было меня убивать?

Грег прижался губами к ее лбу и надолго замер в этой позе.

— Не знаю, — произнес он наконец. — Нам остается только гадать. Возможно, ты увидела или узнала нечто, представлявшее для кого-то опасность. Вот тебя и попытались убрать.

«Попытались убрать, попытались убрать, попытались убрать...» — отдавалось в голове кладбищенское эхо.

— Боже! Значит, если бы ты и Доджер не оказались рядом вовремя...

У нее не хватило сил закончить. Разумеется, с первого же утра после спасения Лаки понимала, что едва не погибла. Но одно дело — погибнуть по собственной оплошности, и совсем другое — стать жертвой убийства.

Она заглянула Грегу в глаза, но их выражение не согрело ее, а только усилило озноб. Лаки уже находилась на грани настоящей паники, но у нее нашлись силы, чтобы взмолиться шепотом:

— Расскажи мне все!

Грег смотрел в ее несравненные зеленые глаза, наполненные ужасом, и сознавал, что своим сообщением поверг Лаки в отчаяние. Может быть, он напрасно нанес ей такой сокрушительный удар? Ведь Лаки только-только начала обретать душевное равновесие...

Он притянул ее к своей груди, ладонь участливо заскользила по голой спине. Она прижалась лицом к его шее, уперлась лбом в подбородок. Так, превратившись в одно целое, они просидели несколько минут. Потом, когда дальше молчать уже стало невозможно. Лаки сказала:

— Я чувствую, что ты что-то от меня скрываешь. Как могло получиться, что полиции только сейчас стало обо всем известно?

Это были не горестные восклицания, а вопросы, требовавшие ответа. Она не оставляла ему выбора.

— Я понял, что за рулем сидела не ты, потому что сам учил тебя переключать передачи. Пока мы ехали к Коди, мне не давала покоя смутная догадка. Только под конец обеда меня осенило.

— Почему же ты сразу все не объяснил? Почему сбежал? Это имеет какое-то отношение к поездке Коди в Гонолулу?

— Мне надо было взглянуть на машину, чтобы удостовериться. Той ночью, в ураган, я не обратил должного внимания на степень ее повреждения. Машина съехала с обрыва, но не перевернулась, поэтому у тебя не оказалось ни переломов, ни ушибов. Тем более странной была рана на затылке: ты ни обо что не могла так удариться...

— Ты хочешь сказать, что кто-то ударил меня сзади по голове?! Грег кивнул.

— Похоже на то. Обычно люди не изъявляют горячего желания, чтобы их сталкивали со скалы. Мы с Коди думаем, что тебя сначала оглушили. Возможно, это произошло в другом месте. Их было двое. Они одели тебя второпях и не заметили, что туфли оказались разные...

Лаки прижалась к Грегу еще крепче, и он снова увидел в ее глазах страх.

— Почему ты считаешь, что их было двое? Он начал пространно объяснять ей, что у убийц должна была быть вторая машина, чтобы вернуться. Грег нарочно тянул время: ему очень не хотелось рассказывать про багажник. В конце концов он замолчал, не зная, что еще сказать. Лаки глядела на него выжидательно.

— Когда мы осматривали на стоянке для арестованных машин ту, что чуть не стала твоей могилой, Доджер вдруг заскулил — точно так же, как когда нашел тебя в стенном шкафу. — Грег не осмеливался поднять на нее глаза. — Коди открыл багажник. Там лежала простыня с зацепившимися за ткань длинными светлыми волосами.

— Моими?.. — прошептала она.

— Да. На простыне мы обнаружили пятно крови величиной с большую монету. Было похоже, что на ней тебя несли. Коди полетел с простыней из багажника в Гонолулу. Там есть криминалистическая лаборатория со всем необходимым оборудованием. Только что он позвонил и подтвердил: это твоя кровь.

Грег почувствовал, как по телу Лаки пробежала судорога. Выражение ее лица, впрочем, осталось прежним.

— Меня запихнули в багажник?

В ее голосе слышалось недоверие. Грег с радостью отдал бы все, чем обладал, и даже больше, лишь бы не говорить ей остального. Но скрывать правду было невозможно.

— Доджер заскулил, едва мы приблизились в машине, а ведь крышка багажника была захлопнута, и резиновое уплотнение при аварии не пострадало. Вывод прост: ты провела в багажнике много времени — несколько часов, а то и сутки, — и успела оставить запах, который Доджер сумел почуять даже при закрытом багажнике.

Лаки застонала, ее глаза расширились от ужаса. Грег снова обнял ее и прижал к себе, лихорадочно размышляя, как лучше ее успокоить. А ведь он еще не сказал всего! Увы, правда была так неприглядна, что способа смягчить ее не существовало.

— Помнишь, я тебе рассказывал, как ты бормотала что-то непонятное у меня в палатке?

— Помню. Кажется, я просила, чтобы ты полюбил меня...

— Эти слова ты произнесла вполне отчетливо, но выражение твоего лица поставило меня в тупик. Так не просят о любви! Твои глаза были полны отчаяния и ужаса. Я решил, что ослышался, потому что твои слова совершенно не соответствовали и внешнему облику, и поведению. — У него перехватило дыхание, как на стоянке, когда Коди открыл этот чертов багажник. Но он не собирался останавливаться на полпути. — Теперь я понимаю, что ты хотела сказать: «Не убивай меня». Ты умоляла сохранить тебе жизнь.

Лаки дрожащими руками крепко обняла его за шею и спрятала лицо у него на груди. Грег прекрасно понимал ее состояние, сочувствовал ей всей душой и ничего так не хотел, как утешить ее, изменить ее прошлое.

— Мне и теперь угрожает опасность? — спросила Лаки.

— Нет, — заверил ее Грег. — Если они хотели тебя убить, то у них было для этого сколько угодно возможностей. Уверен, что потеря памяти стала для тебя спасением.

— Все равно они могут за мной следить! — испуганно прошептала она.

— Мы с Коди считаем, что вряд ли. Твою фотографию много раз публиковали все местные газеты. Все эти глупости насчет призрака Пиэлы оказались как нельзя кстати. Ты стала объектом всеобщего внимания, однако не нашлось никого, кто смог бы тебя опознать. По моему, людей, покушавшихся на твою жизнь, давно след простыл. Но Коди на всякий случай держит твоё дело в центре внимания. Пусть только он найдет этих людей — я растерзаю их голыми руками!

Не приходилось сомневаться, что это не преувеличение. Вообще-то Грег никогда не считал себя кровожадным: ведь смыслом его жизни было спасение людей и четвероногих. Но сейчас его обурежала самая грубая, примитивная злоба. Ничто не доставило бы ему такого наслаждения, как возможность превратить подлых убийц в кровавое месиво. Он мечтал причинить им те же страдания, что приняла по их милости Лаки.

— У меня есть для тебя и хорошая новость: прокурор снимает обвинение.

— Слава Богу, — отозвалась Лаки странно безразличным тоном. — Хорошая новость — это то, что я не крада машину. Плохая — что меня чуть не убили.

Внезапно она засмеялась, сотрясаясь всем телом. Смех становился все громче, пока Грег не понял, что у нее истерика. Она хотела, но не могла остановиться.

Чтобы Лаки перестала смеяться, Грегу пришлось хорошенько ее потряхнуть. И тогда она зарыдала, вскочила и выбежала в темноту.

Ночной воздух был душным, напоенным ароматами моря и тропических цветов. Лаки стояла в траве, глядя на дорожку лунного света на воде, и глубоко дышала, чтобы прийти в себя.

ЕЕ ПЫТАЛИСЬ УБИТЬ!

Но у кого она вызывает такую лютую ненависть?

Слезы заволокли глаза Лаки, ею вновь овладело знакомое чувство: это был страх перед чем-то, напрочь вылетевшим из памяти. Приходилось полагаться на воображение. Наверное, она хотела от отчаяния расплатиться с убийцами своим телом. Наверное, то было отчаяние, степень которого она теперь даже не могла себе представить!

Лаки смотрела на воду и никак не могла унять дрожь — теплая ночь казалась ей зябкой. А той ночью она, видимо, испытала животный ужас и тряслась так же, как сейчас... Ее заперли в багажнике машины. Она не могла себе представить человека, способного на такую жестокость.

— Я не допущу, чтобы с тобой случилось новое несчастье.

Лаки испуганно обернулась и обнаружила, что Грег незаметно подошел к ней. Рядом стоял Доджер, поглядывавший на нее грустными собачьими глазами. Она вспомнила, что и он прошел когда-то через суровые испытания — несколько дней провел среди болота и чуть не утонул. Она чувствовала в нем родственную душу.

Лаки опустилась на траву. Стоило ей потянуться к Доджеру, как он прижался головой к ее плечу.

— Мы с тобой счастливы, — прошептала она. Грег тоже сел рядом и обнял ее горячей рукой.

— Вы не просто счастливы, а прирожденные мастера выживания! У вас обоих такая могучая воля к жизни, вы так отважно смотрите в лицо неизведанному будущему, что с вами никто не сравнится.

Лаки провела пальцем по шелковистой голове Доджера и нащупала у него на ошейнике хромированную бляху. В своей первой жизни он был гончей собакой, во второй стал поисковиком и спасателем. Ее вторая жизнь только начиналась, и Лаки считала, что начало оказалось достойным. Но какой была ее первая жизнь? Что она такого натворила, если нашлись охотники отправить ее на тот свет?

Взглянув на Грега, она произнесла:

— Знаешь, что тревожит меня больше всего? Что та ужасная блондинка из зеркала — и в самом деле я. У нее был вид стервы, способной на такую гадость, что у кого-то вполне могло возникнуть желание покарать ее смертью. Но мне совсем не хочется быть такой, как она! Мне хочется стать достойным человеком, помогающим другим.

— Ты — достойный человек, — твердо сказал Грег. — Кроме того, ты очень талантлива. Вспомни, сколько ты всего умеешь. Ты — настоящая компьютерная волшебница. Ты поешь

ангельским голосом. Ты превосходно готовишь. А главное — ты умеешь сочувствовать и поэтому можешь работать с животными. Вот сколько у тебя достоинств!

— Хотелось бы мне, чтобы ты оказался прав! — пробормотала Лаки и как-то затравленно взглянула на него.

— Можешь не сомневаться в моей правоте. Когда тебя покажут в передаче «Пропали и разыскиваются», кто-нибудь наверняка откликнется, и ты узнаешь все о своем прошлом. Вот увидишь, у тебя появятся новые основания гордиться собой.

Лаки недоверчиво покачала головой. У нее осталось тревожное чувство, что женщина в зеркале — это она. Вульгарная, злобная, такая, какую и убить не жалко.

Грег сжал ее лицо ладонями.

— Встреча с тобой — лучшее, что со мной когда-либо происходило. — Он смотрел ей прямо в глаза, и это подтверждало его искренность. — Я просто без ума от тебя!

Вот они, слова, которых ей так недоставало! «Без ума от тебя...» Но у нее не осталось сил, чтобы откликнуться; его рассказ слишком ее потряс.

— Не бойся, — прошептал Грег, словно прочтя ее мысли. — Худшее позади. Помнишь, доктор Форенски говорила, что тебе выдался счастливый шанс все начать сначала?

— Конечно, помню. Она мне очень понравилась. После ее сеанса мне стало гораздо легче.

— А знаешь, что вернее всего исправляет мне настроение?

—Что?

— Океан. Я часто сижу здесь и люблю океаном. — Грег обвел рукой спокойный простор, отражающий свет звезд. — Очень полезно почувствовать себя песчинкой в огромном мироздании. В этом есть что-то целительное, освобождающее от оков времени. Скажем, миллион лет назад произошло извержение вулкана Халеакала, породившее этот остров. По прошествии десятков тысяч лет здесь сумели укорениться растения; год за годом, дюйм за дюймом остров превращался в цветущий тропический рай. Глядя на океан, я понимаю, что явился в этот мир на какой-то миг, что в расписании природы я — всего лишь крохотная былинка. Это помогает почувствовать смирение, осознать, какое счастье — быть частью неизмеримо большего целого.

Его слова, такие простые и красивые, переполняли душу Лаки. Ее самообладание, и без того хрупкое, как яичная скорлупа, грозило разлететься вдребезги. Она боялась нового взрыва истерического хохота или, хуже того, неукротимых рыданий. Молча кивнув, она придвинулась ближе, надеясь обрести покой в его объятиях.

Ее голова удобно устроилась на плече Грега. Она вдыхала его запах, глядя на прибой, и чувствовала, что успокаивается. Ей сейчас так нужен был близкий человек рядом!

— Я от тебя без ума, — шепотом повторил он.

— Но ведь ты меня совсем не знаешь! Вдруг я была шлюхой, преступницей? Вдруг я...

— Какой ты была раньше, теперь не имеет значения, — перебил ее Грег. — Сейчас важнее

всего, какая ты есть. Я знаком только с тобой теперешней. — Он нежно прикоснулся губами к ее затылку. — И именно такая ты сводишь меня с ума.

Лаки не знала, сколько времени они просидели так, обнявшись, любуясь ночным океаном. Постепенно ей становилось лучше. Она уже убеждала себя, что прошлое осталось позади. Что бы она раньше ни делала, кем бы ни была, теперь это уже не могло ей навредить. У нее началась новая жизнь, рядом есть человек, которому она небезразлична, а это важнее всего.

Лаки сама повернулась к нему и подставила губы. Ей показалось, что она плывет по волнам, пульс тревожно участился, хотя он всего лишь дотронулся губами до ее губ. И тогда она с отчаянием прильнула к Грегу, заставив его поцеловать ее по-настоящему.

Его губы были такими настойчивыми, такими убедительными в своей властности, что Лаки с радостью повиновалась. «Душа моя заблудшая, ты найдена опять!» — торжественно раздавалось у нее в голове.

Она приоткрыла губы, его язык встретился с ее языком. Извиваясь в объятиях Грега, Лаки старалась прижаться к нему еще сильнее, хотя это уже вряд ли было возможно.

То, что происходило сейчас, резко отличалось от всего, что было между ними прежде. Куда девалась обычная суровость Грега? Он был необыкновенно нежен.

Лаки откинулась на теплую траву, увлекая его за собой. Слишком долго она страдала от одиночества! Теперь для сохранения душевного спокойствия ей была необходима физическая близость.

Но стоило ей так подумать, как Грег, отстранившись, заглянул ей в глаза.

— Ты уверена, ангел мой?

— Совершенно.

Всего одно короткое слово — и ей показалось, что она спустила с цепи дракона. Его поцелуи стали настойчивее, теперь в них угадывалась сугубо мужская агрессивность. Но Лаки и в этом усматривала защиту.

— Ты мне нужен, — прошептала она ему на ухо.

— Я с тобой, можешь не сомневаться.

Его губы опять, с еще большей решимостью завладели ее губами. Лаки сжигало желание слиться с ним в одно целое. Она упивалась сладостью его поцелуев, которые теперь прокладывали путь от ее плеча к краю купальника. «Да, да! — стучало в голове. — Так и надо! Зачем я столько времени сопротивлялась?»

Грег приподнялся на локтях и накрыл ее своим телом — так, что его грудь лишь слегка касалась груди Лаки. Она застыла, желая продлить это волшебное, эротичнейшее ощущение.

Лежа в траве, она вдыхала ее пьянящий аромат, с неба ей улыбались и подмигивали тысячи звезд. Лаки была счастлива: ведь она жива, находится здесь, с мужчиной, воплощающим ее самые смелые грезы...

Лямка купальника соскользнула с плеча, и Грег медленно, дюйм за дюймом, потянул ее вниз,

оголяя грудь. Восторженно взглянув на Лаки, он опустил голову и благоговейно прикоснулся губами к ее груди.

Лаки обвила руками его шею, инстинктивно побуждая действовать решительнее. Она понимала, почему он не торопится: Грег считал, что она по-прежнему находится в смятении после услышанного. Что ж, ей и в самом деле не хотелось сейчас вспоминать пережитый ужас. Но для того, чтобы забыть об этом, ей требовалось одно: подтверждение его любви. Она не помнила, когда в последний раз была так переполнена жизнью, страстью.

Внезапно его колено очутилось у нее между ног, и этого оказалось достаточно, чтобы Лаки восторженно простонала:

— Да!..

Ее руки оказались у него под рубашкой. Она извивалась под ним, пытаясь прильнуть еще ближе.

— Все хорошо? — спросил он, и его голос был искажен страстью.

Чувствовала ли она когда-нибудь что-либо подобное? У Лаки не было ответа на этот вопрос, и занимал он ее недолго — долю секунды. Для нее существовало сейчас только настоящее, эта минута, эта секунда. Этот мужчина.

— Не останавливайся! — взмолилась она, чувствуя бедром его отвердевшую плоть.

Губы Грега скользнули по шее Лаки, обдавая ее лихорадочным дыханием. Она вцепилась в его рубашку, и он, догадавшись, что это значит, мигом сбросил ее.

Жесткие волосы у него на груди кололи ей ладони, пронзая ее судорогами сладострастия.

— О, Грег, почему я так долго ждала?

— Вот и я спрашиваю о том же.

В его глазах отражалась луна, вечная сообщница всех влюбленных. Лаки гладила руками его грудь, восторженно прикасаясь к выпирающим мускулам. Дыхание Грега участилось, глаза сузились, и ей вдруг безумно захотелось не просто чувствовать его, а попробовать на вкус.

Его кожа оказалась солоноватой и одновременно сладкой. Это почему-то наполнило Лаки новым восторгом, ее руки заскользили по его могучим плечам. Теперь зрачки Грега расширились, превратившись в черные, мерцающие в лунном свете бусины, окруженные узкими кольцами серебристо-синей радужной оболочки.

— Милый... — выдохнула Лаки. Как давно ей хотелось произнести это слово!

Она провела руками по его торсу и достигла ремня. Но стоило ее рукам двинуться еще ниже, Грег перехватил их, прошептав:

— Не торопись! Дай мне насладиться тобой... Одна ее грудь уже была обнажена, теперь и другая заблестела под луной и звездами. Лаки понимала, что напряжение сосков выразительнейшим образом демонстрирует ее вожделение. Грег втянул сосок в рот и немедленно убедился в этом сам.

Она изогнулась, омытая горячей волной желаний. Он сжимал ей рукой другую грудь, и Лаки

казалось, что уже от одного этого можно умереть, потому что более острого наслаждения не существует. А ведь главное было еще впереди...

— Ты знаешь, чего мне хочется, — хрипло проговорил Грег, не скрывая нетерпение. — Я ждал слишком долго.

Она ответила без колебания — не только слабеющим голосом, но и телом, стремившимся принять форму его тела:

— Я тоже. Теперь ожиданию конец.

Лаки хотела его, его одного, хотела обрести его навсегда.

Она не понимала, чего он медлит. Горячее, пульсирующее подтверждение его страсти упиралось ей в бедро. Грегу достаточно было сделать одно движение — и она без колебаний приняла бы его в себя. Лаки чувствовала, что его тело жаждет соединиться с ее телом, однако его глаза говорили совсем о другом: в них читалось вовсе не только телесное нетерпение.

Грег неторопливо стянул с нее купальник, покрывая поцелуями плечи. Прекраснейшая луна, какою только Лаки доводилось видеть, теперь любовалась вместе с Грегом ее наготой.

Демонстрируя себя ему, она не испытывала ни малейшего смущения. Ведь он уже видел ее обнаженной, спал с ней, знал ее лучше, чем кто-либо еще! Лаки улыбнулась и легонько коснулась губами его губ, словно умоляя о новом поцелуе.

— Ожиданию конец, — объявил он. — Сколько можно ходить вокруг да около?

— Это вальс, — прошептала она в ответ. — Мы не ходим, а вальсируем.

И этот поцелуй чуть не лишил ее рассудка! Его горячий язык наглядно показывал, что произойдет через секунду-другую там, где разгорался нестерпимый пожар ее страсти.

Оторвавшись от ее рта, губы Грега двинулись вниз. Его язык неторопливо скользил по ее коже, и Лаки снова предвкушала прикосновение к соску, но этого не произошло. Цепочка поцелуев пересекла ее живот. Язык Грега нашел самую интимную точку ее естества, и Лаки содрогнулась всем телом, застонав от невыносимого наслаждения.

Он уже поступал с ней так, только в этот раз она реагировала быстрее, полнее. Ведь она помнила, как это бывает, а память способствует предвкушению. Ей казалось, что Грега она не забыла бы никогда — даже если бы он существовал в ее прежней жизни.

Грег быстрым движением расстегнул шорты и отбросил их в сторону. Лаки ощутила его возбуждение, и ее наполнила гордость: ведь это она явилась причиной такой могучей страсти!

Теперь в нее упиралась его обнаженная вздыбленная плоть. Лаки казалось, что она сейчас сойдет с ума от вожделения. Звезды в бархатно-черном небе пустились в пляс, ликуя вместе с ней, что ее необъяснимому воздержанию настает конец. Она так заждалась, что теперь в ней открылось второе дыхание, и она была готова ждать еще, ощущая в этом особую, эротическую прелесть.

Грег не мог не почувствовать, что ее возбуждение достигло предела, и не собирался больше тянуть. Он погрузил в нее палец, заставив ее вскрикнуть от наслаждения. Лаки царапала ему спину и лепетала, пылая вожделением:

— О, Грег, только не останавливайся! Не останавливайся.

А он и не думал останавливаться. Пока Лаки безумствовала, он, наоборот, действовал по всем правилам. Нацелившись в нее своим готовым к залпу орудием, Грег мастерски преодолел заслон и постепенно глубоко погрузился в ее лоно. На мгновение они превратились в неподвижную скульптурную композицию, наделенную, впрочем, даром речи.

— Ты себе не представляешь, Лаки...

Но она не смогла бы сосредоточиться на его словах, даже если бы захотела. Ощущать его внутри себя было слишком желанным даром, чтобы отвлекаться. Ей казалось, что они отделились от земли и летят к звездам, все ускоряя движение.

Лаки не могла бы сказать, сколько времени продолжался этот полет. Наконец Грег застонал, содрогнувшись всем телом, и она поняла, что он испытал экстаз. Ее тут же пронзила ответная молния, и по телу разлилась истома насыщения. Тело Грега все еще вибрировало в ее объятиях. Лаки крепко зажмурилась, упиваясь удовлетворением, а потом, погладив его по голове, шепотом призналась:

— Я тоже от тебя без ума.

Коди сидел за столиком в «Живой приманке» и утолял голод пиццей, имевшей вид подметки и примерно такой же вкус. По случаю обеденного перерыва заведение было заполнено работниками прачечной, тоже жевавшими пиццу и запивавшими ее пивом в ожидании гудка — оповещения о начале следующей смены. Напротив Коди сидел Скотт Хелмер и выковыривал из своей пиццы анчоусы.

— Ну и дельце! — ворчал он. Прошло два дня с того момента, когда лаборатория в Гонолулу установила тождество между кровью на простыне, обнаруженной в багажнике, и кровью, взятой у Лаки в больнице для анализа. Хелмер рвал и метал, узнав, что простыня не попала в Квонтико, где специалисты ФБР изучали останки туристки. Но Коди не отправил ее туда намеренно, потому что хотел, чтобы Грег как можно быстрее получил ответ.

Сейчас он испытывал ту же тошноту, что и тогда, на стоянке, когда открыл багажник. Он представлял, как Лаки заталкивают в багажник, как захлопывают крышку, оставляя ее скрюченной, в полной темноте. Была ли она в сознании в тот момент? Знала ли, что обречена на смерть?

Все это время он был врагом Лаки, стремился любым способом поскорее избавиться от нее, а теперь глубоко сожалел о своей грубости и бездушии. Коди знал: оправдаться перед ней он сможет, только поймав людей, пытавшихся ее убить. И первым подозреваемым был Тони Трейлор. Лишь бы удалось доказать его вину!

Хелмер лизнул указательный палец и сказал:

— Учтите, завтра утром прокурор объявит, что дело против Джейн Доу прекращено. Зачем вы так торопились? Вся эта история с багажником немедленно станет достоянием местной желтой прессы.

— Лаки имеет право узнать правду и очистить свое доброе имя от лжи!

— Так-то оно так, но было бы гораздо полезнее избежать огласки и посмотреть, что из этого

выйдет.

Коди едва сдерживался, чтобы не огреть бессердечного панка бутылкой по башке.

— Я уже говорил о багажнике у себя на службе, и подслушивающее устройство донесло мои речи до чужих ушей. Я не хотел, чтобы те, кто его установил, узнали об этом из «Таттлер»: они сразу заподозрили бы неладное.

— Что ж, пожалуй, это ваш первый правильный поступок.

Коди побагровел от негодования.

— Я уже объяснял, почему не заглянул в багажник раньше! А если бы и заглянул, то все равно не догадался бы, что бурое пятнышко — кровь. Нас надоумила собака.

— Хорошо, что хоть у кого-то здесь имеется голова на плечах.

— Я свое дело знаю. Недаром проработал четыре года в полиции Лос-Анджелеса.

— Нашли, чем хвастаться!

Коди потерял терпение и схватил панка за ухо, украшенное черепом со скрещенными костями. Секретный агент тут же запросил пощады.

— Слушай, ты, чертов зазнайка, брось обращаться со мной, как с безмозглой деревенщиной! — Он выпустил побагровевшее ухо. — Я хочу знать об этом деле все. У меня есть на это законное право, а кроме того — личный интерес.

Хелмер потер пострадавшее ухо.

— Ты о своем братце? Который спутался с этой... Лаки?

Коди промолчал: его снова кольнуло чувство вины. Он сознавал, что обошелся с Лаки несправедливо. Как можно было придать забвению принцип «невиновна, пока не будет доказано обратное»?! Он заподозрил в ней преступницу с самого начала и относился соответственно. Впившись зубами в пиццу, Коди клял себя на чем свет стоит.

Хелмер показал официантке два пальца — еще два пива.

— Только не забудь: ты дал обязательство о неразглашении. Это дело куда серьезнее, чем просто покушение на убийство. Я распорядился переправить в Квонтико подстилку из багажника. Там экстренно провели анализ и нашли микроскопические следы крови Тельмы Оверхолт.

Кусок пиццы, не достигнув желудка Коди, застрял в пищеводе. Он представил себе двух несчастных, которые с разрывом в год провели неизвестно сколько времени в одном и том же багажнике. С какими же преступниками они имеют дело?

— Машина была угнана за несколько дней до обнаружения трупа журналистки. На Лаки была ее туфля. Между этими двумя преступлениями наверняка есть связь. Нам предстоит определить, какая.

Хелмер говорил очень тихо, хотя из-за завывания музыкального автомата их все равно никто не смог бы подслушать.

— Только никому ни слова! По-моему, тут все дело в орхидеях. Друг твоего брата оказался прав. Те насекомые действительно обитают только на растениях, выращиваемых на юге Китая. — Хелмер подождал, пока официантка поставит им на столик пиво и уплывет, виляя бедрами. — Но самое интересное — исследуя подстилку из багажника, наши специалисты нашли остатки высохшего лепестка орхидеи. Забыл название, но суть в том, что это тоже редчайший, вымирающий вид. И произрастает он здесь, в джунглях Мауи.

Коди прихлебывал пиво, радуясь, что можно отвлечься от мыслей о Лаки. Наконец-то он участвовал в расследовании интересного и запутанного дела. Тут было о чем подумать. Хорошо, что об орхидеях можно не сообщать в газеты. Подобные факты полиция часто сознательно скрывает от общественности, чтобы не отвлекаться на психов, готовых признаться в любом преступлении, лишь бы увидеть свою физиономию в шестичасовом выпуске новостей. Экзотические орхидеи — подробность, известная только убийцам.

— Я знаю, что контрабандисты вывозят из джунглей редкие орхидеи. К сожалению, у нас не хватает людей, чтобы держать этот процесс под контролем. — Коди задумчиво сделал новый глоток. — Но должен сказать, что орхидеи и марихуана, из которой изготавливают «мауи вауи», здешний наркотик, растут бок о бок. Вдруг мы столкнулись со сведением счетов внутри наркомафии? Мой первый подозреваемый — Трейлор.

— Не исключено, — отозвался Хелмер, впрочем, без всякой убежденности. — Я уже запросил на него информацию. Кстати, существует один интересный источник, который обещал предоставить сведения о схеме использования поддельных кредитных карточек. Мы потребовали доказательств. Если они будут предоставлены, то мы пойдем, на какой след вышла Тельма и почему ее убили.

— Я не доверяю тайным осведомителям, — проворчал Коди. Недолгая служба в полиции Лос-Анджелеса приучила его относиться к этой публике с подозрением. — Обычно они готовы продать родную мать, лишь бы получить денег на очередную дозу наркотиков.

— Что верно, то верно, — согласился Хелмер. — От тайных осведомителей больше хлопот, чем пользы. Кстати, этот больше к нам не обращался, так что тут скорее всего и говорить не о чем.

Тайные осведомители, Тони Трейлор, орхидеи...

А может быть, все это чушь? Коди никогда не слышал, чтобы Тони интересовался орхидеями.

— Да, еще одна подробность... — Хелмер огляделся. Почти все посетители разошлись на вторую смену, когда прозвучал гудок. — Я получил свежий рапорт о причинах смерти журналистки. Удар по затылку тем же орудием, которым огрели вашу Лаки.

— Дьявол!

Коди чуть не разбил пивную бутылку о деревянный стол. Хорошо, что он пообещал хранить все эти сведения в тайне, — иначе не удержался бы рассказать обо всем Саре, и повторилась бы недавняя сцена. Когда он сообщил жене, что Лаки чуть не стала жертвой хладнокровных убийц, преспокойно заперших ее в багажнике, как запасное колесо, та проплакала добрый час.

— Пока ясно одно: оба убийства преследовали одинаковую цель — заткнуть жертве рот, — заявил Хелмер.

Коди нахмурился. Гавайская мафия славилась своим умением избавляться от неудобных людей таким образом, чтобы никто не заподозрил убийство. Ее специализацией была организация

несчастных случаев и самоубийств. Дело в том, что одним из источников ее дохода был неослабевающий поток туристов. Чтобы не допустить превращения Гавайев во вторую Флориду, здесь избегали громких убийств. Погибшие предавались земле, а полиция не заводила уголовных дел.

Покушения, орхидеи. Тони Трейлор... Чем дольше Коди думал об этом, тем больше убеждался, что какая-то связь здесь есть. Он был готов на все, лишь бы раскрыть дело, сделать Сару и Грега счастливыми, перестать чувствовать себя виноватым перед Лаки. Но при этом он понимал, что попытка преступников убрать Лаки ~— еще не доказательство ее непричастности к преступлениям....

25

— Я придушу этого подлого пса! — вопил партнер Короля Орхидей. — Если бы не он, никто не догадался бы, что мы пытались ее убрать. А теперь нас свяжут с этой стервой из «Америкэн экспресс».

На телеэкране горел номер «800» — приглашение бесплатно сообщать по телефону любые сведения о героине только что окончившегося сюжета «Пропавших». Король выключил телевизор. В программе все было воспроизведено удивительно точно — хотя, разумеется, актриса, изображавшая Лаки, сильно уступала оригиналу.

К тому же авторы передачи, на счастье, не знали, как она выглядела в действительности. Показанная в программе фотография была сделана в тот день, когда ее доставили в больницу. Длинноволосая блондинка...

— Успокойся! — раздраженно бросил он партнеру. — Я не вижу никакой связи между происходящим и нами.

— Не могу понять, почему ты так спокоен! Король отвернулся, чтобы полюбоваться редчайшей бежевой орхидеей «Спящая красавица».

— Полиция меня несколько не волнует. Куда опаснее, если ее узнает кто-нибудь из старых знакомых.

— Но у ФБР есть останки журналистки из «Америкэн экспресс»!

Король рассматривал аметистовые прожилки, густой паутиной покрывающие нежные лепестки орхидеи.

— Ну и что? Судя по всему, это им ничего не дало — иначе «жучок» заставил бы нас насторожиться. Тельма Оверхолт провела два года в земле, а это означает сильную степень разложения. К тому же она забальзамирована, то есть из тела откачана вся жидкость. Сколько бы они с ней ни возились, все равно ничего не...

— Не нравится мне все это! — перебил Короля партнер. — Не нравится!

— Я тоже предпочитаю безопасность, которую обеспечивает компьютер, — согласился Король. — Мы в состоянии заглянуть в любой шкаф и вытащить оттуда все грязное белье, так что хозяин не заподозрит, что мы его навестили. Поэтому мне не нравится оплачивать установку «жучков» и подбрасывание пленок. Но иногда без этого не обойдешься.

Упоминание грязного белья навело Короля на любопытную мысль. Компьютеры держат в подчинении весь мир. Он побывал в многочисленных банках памяти и стер там все упоминания о женщине, посмевшей встать ему поперек дороги. Почему бы не поквитаться теперь с Бракстоном? Почему не закрыть ему кредит, не поколдовать с его расчетной картой? Впрочем, расчетной карты у него нет. Неужели человек способен без нее обходиться? Такой заслуживает сострадания...

Грег взглянул на часы. Он виделся с Лаки ровно девятнадцать минут назад, а ему казалось, что прошел не один час. Тут он был над собой не властен. Ему хотелось постоянно быть с ней рядом, а не корпеть над программой путешествия на остров Ниихау, где они ежегодно учитывали тюленей-монахов и делали самцам прививки.

Три недели, истекшие со дня эфира программы «Пропали и разыскиваются», тянулись мучительно долго. Звонки исчислялись сотнями. Можно было подумать, что речь идет не о Лаки, а о самом Элвисе Пресли. Повсюду, от Вермонта до Аризоны, находились люди, утверждавшие, что видели ее. Но все это, слава Всевышнему, оказалось ерундой.

Услышав звонок, он поднял трубку. Неужели опять из банка? Какой-то идиот что-то напутал, и деньги, которые он внес на депозит, не дошли до его счета. Теперь ему грозила опасность потонуть в бесконечных бумагах, так ничего и не доказав.

Звонил Коди.

— Привет, Грег. Как дела?

— Отлично, — ответил он, напрягшись всем телом. Всякий раз, разговаривая с братом, Грег ждал падения ножа гильотины — сообщения, что нашелся человек, который вправе лишить его Лаки. — Есть новости?

— Никаких. ФБР уже проверило все мало-мальски серьезные сообщения и говорит, что теперь, по прошествии трех недель, на успех надеяться трудно. Я сам в растерянности. Я тоже думал, что ее узнают, но, как видишь...

— А твое расследование? Еще не выяснил, кто пытался ее убить?

— Мы как раз этим занимаемся.

Ответ Коди прозвучал сдержанно, и Грег больше не стал задавать вопросов. Он знал, что его брат сотрудничает с ФБР, которое запрещает вдаваться в подробности. Прижав трубку к уху плечом, он потянулся за почтой и стал ее просматривать.

— Завтра мы отплываем на Ниихау, на лежбище. — Грег отбросил в сторону бумажку. — Пора считать тюленей и делать прививки самцам.

— Прививки?

Грег сообразил, что осуществление этой новой программы началось как раз тогда, когда братья перестали разговаривать.

— Представь себе. Для понижения уровня тестостерона в организме.

— Господи! Только не вздумай приближаться ко мне с такой гадостью! Зачем это?

Грег подумал, что, судя по тому, как Коди обращается с Лаки, ему уже вкатили дюжину доз.

— Дело в том, что самок этого вида осталось совсем немного. Только сегодня акула сожрала еще одну. Во время течки самцы устраивают групповое изнасилование: самок на всех не хватает. В результате кого-то задавливают насмерть, кого-то сильно ранят. Бедняжки так или иначе умирают, поголовье самок сокращается еще больше, и в следующий сезон последствия группового изнасилования только усугубляются. Снижая у самцов уровень тестостерона, мы делаем их менее агрессивными и тем самым повышаем выживаемость самок.

— Почему же эти молодцы такие необузданные?

— Дело в инстинкте выживания. Если бы самок было больше, тюлени-монахи держали бы себя в узде, атак...

— Ты там поосторожнее! Кажется, один такой самец весит не меньше четверти тонны.

— Это верно, к тому же они иногда проявляют дурной нрав.

Он добавил к стопке неоплаченных счетов счет за козье молоко для Абби. Следующий чек вызвал у него недоумение. Грег надорвал конверт, слушая вполуха рассказ Коди о последнем футбольном матче сыновей.

— Черт!

— Что случилось?

— Ты не поверишь, Коли! У меня собираются изъять машину! Совсем свихнулись! Я все вовремя оплатил, у меня и квитанция осталась...

— Бывает. Я постоянно получаю угрожающие напоминания, хотя давно внес платежи. — Коди засмеялся. — Поделом мне! С бухгалтерией у меня вечный кавардак.

— Нет, они меня доведут! Черт знает что! Мой банковский счет якобы перерасходован. Я точно знаю, что на нем еще уйма денег! Поразительно, что оба уведомления пришли сегодня утром.

Немного помолчав, Коди буркнул:

— Наверное, это просто совпадение. Слушай, мне пора. Когда вернешься с Ниихау, позвони.

— Ладно. Я твой должник.

«Я твой должник»... По пути в ресторан «Мама Фиш-хауз», где у него была назначена встреча со Скоттом Хелмером, Коди непрерывно улыбался. Он был счастлив, что восстановил отношения с Грегом. Жаль только, что нельзя обсудить с ним это дело. Коди чувствовал, что из последних сил соблюдает мораторий на разглашение сведений.

Заметив «Тойоту», арендованную Хелмером, Коди понял, что агент ждет его внизу, у скал. Ветер здесь почти всегда дул вдоль берега, и это делало уютную бухту излюбленным местом виндсерфингистов. Над пенистыми волнами летали, как ласточки, разноцветные доски с прозрачными парусами, развлекая туристов, подкрепляющихся за ресторанными столиками.

— Того и гляди кто-нибудь сломает себе шею! — проворчал Коди и присел на камень рядом с агентом, обратив в бегство блаженствовавшего там краба.

— Бесстрашные ребята! — Хелмер поднял солнечные очки на лоб. — Послушай, кто навел тебя на психиатра, которая проводила с Лаки сене гипноза?

— Один знакомый из медицинского университета в Гонолулу. Он ввел запрос в Интернет, и доктор Форенски сама мне позвонила. А что?

— Она побывала в твоём кабинете? Коли сразу сообразил, куда клонит панк.

— Неужели это она поставила «жучок»?

— Она. Наши ребята неплохо поработали и все-таки вычислили ее. Устроилась жить неподалеку от вашего офиса и записывает себе все разговоры!

Коди встал и подошел к воде.

— Я помню, когда она прилетела на Мауи, ее встретил в аэропорту один из моих подчиненных. Мы договаривались, что он сразу отвезет ее в клинику. Но Форенски упростила, чтобы он сначала завез ее ко мне: сказала, что ее интересует мое впечатление от Лаки. Мне бы почуять неладное, но у нее такие безупречные рекомендации... И вообще, милейшая пожилая леди! Мне и в голову не пришло...

— Рекомендации подлинные. Она действительно первоклассный психотерапевт из Гонолулу. Ее просто наняли. Платят огромные деньги, чтобы она здесь торчала.

— Кто платит?

Коди резко повернулся к нему, вне себя от волнения. Неужели они нащупали ниточку?

— Доктор Форенски сама этого не знает. Сначала она согласилась проверить Лаки, как делает это обычно, и только потом ей позвонили и посулили такие деньжищи, что отказаться было невозможно. Вопрос в другом: как они на нее вышли?

— Компьютер! Они отслеживают все сети... — В следующую секунду его осенило: — А теперь этим же способом донимают моего брата!

— То есть как?

Глядя на серебряный череп с костями в ухе Скотта, Коди изложил свою догадку. Закончив, он увидел в глазах вредного панка искреннее восхищение.

— Наверное, ты прав. Я поручу нашим экспертам разобраться. Держу пари, это напрямую связано с липовыми карточками! Кто-то научился взламывать банковскую систему компьютерной безопасности. Теперь понятно, каким образом они получают необходимую информацию и почему всякий раз успевают скрыться, прежде чем их сцапают.

— А Трейлор? Есть что-нибудь на него? Мне все равно кажется, что он как-то с этим связан.

— Пока непохоже. Впечатление такое, что он понемногу приторговывает «мауи вауи» — только и всего.

Видимо, торговля марихуаной не занимала первого места в списке фэбээровских приоритетов. Коди не осуждал агента: его служба тоже испытывала нехватку средств. Кроме того, основными поставщиками наркотиков традиционно считались Мексика и Южная Америка, а вовсе не Гавайи. Но Коди, в отличие от Хелме-ра, касалось все, что происходит на острове. Это

был его остров, здесь жила его семья! Он давно дал себе слово, что доберется до Трейлера.

— Может быть, сказать Лаки, что ее пытались убить тем же способом, что и Тельму Оверхолт? У нее есть право знать, что на нее покушался тот же, кто убил туристку.

— Ни в коем случае! Мы вот-вот раскроем дело. Смотри не испорти нам всю игру!

Коди вздохнул. С каждым днем ему становилось все труднее скрывать такие важные сведения от Лаки. И от Грега — тоже.

Проработав в кабинете несколько часов кряду, Грег спустился к бассейну, чтобы повидать Лаки. В последнее время его постоянная тревога за нее почему-то усилилась. Он то и дело пытался представить себе, что с ней происходило перед тем, как ее засунули в багажник машины. «Я постараюсь, чтобы ты меня полюбил»... Очевидно, ее переполняло отчаяние, и она была готова предпринять что угодно, лишь бы спастись.

Что еще они с ней вытворяли?!

Грега переполняло желание отомстить за нее. Он опасался, что если узнает, что заставил ее страдать, то не сдержится и отправит мерзавца на тот свет. А вот сама Лаки как будто смирилась со своей участью. Если она и планировала месть, то ловко это скрывала. Все ее силы были направлены на созидание новой жизни. Грег не переставал восхищаться ее отвагой и силой духа. Рядом с ней все женщины, каких ему только приходилось знать, отступали в тень. — Ты должен это увидеть, аикане!

Откликнувшись на радостный призыв Номо, Грег обогнул олеандровую изгородь.

— Только посмотри на нее! — сказал Номо, указывая на Лаки.

— Хеле, хеле! — звала Лаки по-гавайски Абби. — Все хорошо, лапочка! Иди сюда. Хеле!

Сама она плавала в бассейне, а тюлененок мешкал

на пологом спуске: вода явно его отпугивала. До сих пор Абби содержали в специальном аквариуме для новорожденных. Сегодня ее впервые должны были выпустить в открытый бассейн.

Мокрые волосы Лаки убрала назад, что делало ее зеленые глаза еще крупнее. Грега привлекало в ней буквально все — от шрамов на ступнях до выбритого квадрата на затылке. Но если раньше его пленяло только ее тело, то теперь это влечение обрело новую, облагораживающую глубину.

Лаки помахала ему рукой и крикнула:

— Доджер, покажи Лаки, что надо делать! Доджер толкнул робкое создание носом и попятился к воде. Абби неуверенно поползла за ним. Пес погрузился в воду и поплыл, умудряясь совершенно не брызгаться. Тюлененок плюхнулся в бассейн и отчаянно заработал ластами, вытаращив от страха глазенки. Номо покачал головой.

— Вот что происходит», когда тюлень не знает, что он тюлень. Абби привязалась к Лаки и Доджеру и никогда не видела других тюленей. Вот они и пытаются приучить ее к природной среде собственным примером.

— Поно! — крикнула Лаки. — Смотри! Теперь она плыла рядом с Абби, мастерски изображая тюленя. Зрелище было смешным до слез. Грег не видел таких комических сцен с самого детства, когда урывками смотрел телевизор, пользуясь отсутствием тети Сис. Но смех смехом, а в данном случае комедия приносила плоды прямо на глазах. Малышка Абби набралась храбрости и уже болталась на воде, как мохнатая пробка, шлепая ластами и брызгаясь во все стороны. Вокруг нее гордо плавал Доджер.

Внезапно Абби, словно опомнившись, перестала без толку плескаться и заскользила по бассейну, словно для этого ей не требовалось никаких усилий.

— Аками оэ, — сказала Лаки тюлененку. Грег покосился на Номо.

— Я догадываюсь, что ты учишь Лаки гавайскому с дальним прицелом.

Номо пожал плечами и улыбнулся еще шире обычного.

— Что ж, ей действительно хочется жить здесь. А раз так, вовсе ни к чему, чтобы ее принимали за туристку.

Грег проследил взглядом, как грациозная троица, достигнув глубокой части бассейна, повернула назад. Лаки плыла безупречным брассом и совсем не брызгалась, чтобы не напугать воспитанницу.

— Из нее получилась бы отличная мать, — заметил Номо.

Грег промолчал, не желая признавать, что Номо прочитал его мысли.

26

Король Орхидей закрыл дверь рефрижератора, установленного на новом складе в Чайнатауне.

— Превосходно! Сам Гудини отсюда не выбрался бы. Впрочем, как бы он сюда залез?

— Ума не приложу, чего ты так переживаешь из-за этих дурацких орхидей! — проворчал партнер. — Кому взбредет в голову их воровать?

— Ты бы удивился, если бы узнал, на что готова пойти некоторые коллекционеры, чтобы завладеть экземплярами такого редкого вида, как этот.

— А сам-то ты как собираешься входить в этот рефрижератор, полный ядовитых испарений?

Король указал на выключатель.

— Я могу подать внутрь наружный воздух, чтобы рассеять испарения. Но если нам потребуется кого-то убить, достаточно будет запереть его здесь... — Король зловеще усмехнулся, — и выключить вентилятор!

Партнер поморщился. Человек, который был ему в свое время роднее брата, явно тронулся рассудком. А может, никогда им не обладал? Главное — хватит ли ему духу сделать в их игре следующий ход.

— Сколько нужно времени, чтобы запертый задохнулся?

Король представил себе, как Грег Бракстон, оставшись наедине с его прекрасными, но смертоносными орхидеями, судорожно разевает рот.

— Это медленная, очень медленная смерть! Испарения вызывают паралич легких, — Король усмехнулся. — Умиравшему кажется, что его легкие пожирает огонь. А знаешь, что самое чудесное? Полиция ни за что не догадается о причине смерти! Яд настолько редкостный, что еще не существует теста на его определение. По-моему, нет лучшего средства для устранения неугодных.

— Номер шестьдесят восемь! — крикнул Грег Лаки через весь песчаный пляж Ниихау, где они пересчитывали тюленей-монахов.

Лаки нашла огромного, самца с зеленой биркой. Цвет бирки означал, что он носит ее уже больше десяти лет, с самого начала программы. У них были разделены обязанности; Лаки отыскивала тюленя с нужным номером, Номо держал ему голову, чтобы не дергался, а Грег делал инъекцию.

— Осторожно! — предупредил Номо.

Тюлень оказался бойким, такого было трудно удержать. Он издал грубый звук, готовясь к атаке, но Грег вовремя отпрыгнул.

— Ничего, скоро закончим.

Лаки сопровождала их босиком, в своем провокационном «закрытом» купальнике без спины, и была безумно соблазнительна. Впрочем, сама она этого как будто не сознавала, слишком поглощенная приключением.

С ближнего камня с криком взлетела красноногая олуша, расправив черные крылья.

— Здесь так прекрасно! — воскликнула Лаки, и Грег представил себе, как она расширила под темными очками свои зеленые глаза. — Никаких городских шумов...

С этим не приходилось спорить. Стая тюленей издавала, впрочем, множество разных звуков — от низкого фырканья взрослых до писка молодняка, кувыркающего в полосе прибора. Взрослые тюлени находились в процессе линьки, что делало их раздражительными и еще более шумными, чем обычно. Тюленям вторили крачки и фрегаты, носившиеся над отмелью в поисках рыбы, а фоном всему этому служил извечный прибор. Лаки была права: цивилизация осталась далеко, и Грег не возражал бы, если бы к ней вообще не пришлось возвращаться.

Лаки взяла его за локоть, прижав к груди большой блокнот, где делала отметки о прививках.

— Когда мы переправим сюда Абби? Они брели по нагретой воде к лодке, которая должна была отвезти их обратно на «Атлантис».

— Как только она сможет самостоятельно добывать корм, мы ее пометим и выпустим. Самок становится больше, но пока их недостаточно.

Грег помог Лаки забраться в лодку «Китобой», которая покачивалась на мелководье внутри рифа, и она улыбнулась своей радостной улыбкой, неизменно его пленявшей. Больше всего ему хотелось прямо сейчас наброситься на нее с поцелуями, но рядом находился Номо.

Несколько, минут — и они поднялись на «Атлантис», бросивший якорь с внешней стороны рифа. Грег завел мотор, и островок — рай для тюленей-монахов — стал уменьшаться на глазах. Номо вызвался встать к штурвалу, отпустив Грега и Лаки вниз.

Спускаясь, Грег твердил себе, что немедленно займется проверкой бирок, но на самом деле у него на уме было совсем другое. Весь день он боролся с желанием повалить Лаки на белый песок и в очередной раз доказать ей свою любовь!

— Я в душ, — заявила Лаки и сняла купальник. Прежде чем он успел что-то сказать, она исчезла в кабинке. Грег обнаружил, что его заждавшаяся плоть достигла рекордных размеров, и поспешно стащил плавки. Раньше непрекращающееся физическое напряжение, которое вызывала в нем эта женщина, вселяло в него беспокойство, теперь же, напротив, он наслаждался своей постоянной боеготовностью.

— Вдвоем мы здесь не поместимся! — запротестовала Лаки, когда он открыл дверь душевой кабинки.

— Спорим? — Грег втиснулся под душ. Их тела разделял теперь какой-то дюйм — ровно столько, чтобы вода, не задерживаясь, смывала с них соль и песок. Впрочем, кое-где зазора не осталось: грудь Лаки, к примеру, туго уперлась ему в грудь, а его мужское оснащение тоже настойчиво искало, куда бы упереться.

Она уже успела ополоснуться, мокрые волосы были откинута назад, на ресницах блестели прозрачные капельки. Вода бежала по ее груди, растекалась по животу, орошая курчавые заросли.

— Ну и вид у тебя! — неожиданно прыснула она. — Давай-ка я сама тебя намылю.

Грег пошире расставил ноги, чтобы не реагировать на качку. Лаки взяла с полки пузырек с жидким мылом и, налив на ладонь, начала растирать ему грудь. От нежного прикосновения ее пальцев его сотрясала дрожь, эрекция становилась совершенно невыносимой. А Лаки ухмылялась, нарочно касаясь его члена то бедром, то локтем. Ее ладонь ужасающе медленно кружила по его груди.

— Теперь я зайду со едины, — заявила она, продолжая разыгрывать неведение. — Там тоже, наверное, тонна песка.

— Не надо! Лучше спустись ниже. Вся проблема там.

— Какая проблема?

Лаки приподняла темную бровь, дразня его, но рука послушно поползла вниз. Она намылила ему живот, водя пальцем вокруг пупка, и это подарило Грегу ранее неизведанные эротические ощущения. Чем медленнее она действовала, тем нестерпимее становилось его напряжение. Она подвергала его изощренной пытке.

— Это еще что такое?! — Ее намыленная ладонь добралась-таки до члена. — Разве мы с тобой не занимались любовью вчера вечером? А сегодня утром? Вот кому нужна антигестостеронозная прививка, а не беднягам-тюленям!

— Пока не появилась ты, я не расхаживал с динамитной шашкой в штанах.

Лаки всплеснула руками, устроив мыльный фонтан.

— Значит, во всем виновата я?!

— Вот именно!

Он схватил ее руку и поднес к своему члену — раскаленному и твердому, как вековой дуб, чувствуя, что ему становится все труднее дышать.

— Боже! — прошептала Лаки.

— Ты в религиозном экстазе?

— Проклятье! Да!

— Если будешь браниться, не получишь отпущения грехов.

Грег с удовольствием отмечал признаки ее возбуждения: учащенный пульс, трепещущая жилка на горле, расширенные зрачки, превратившие изумрудную радужную оболочку в узкие мерцающие кольца. Она неосознанно изгибалась, предлагая ему себя.

Лаки запустила пальцы в волосяную чашу, из которой торчало его огромное орудие, грозившее припечатать ее к мокрой загородке.

— Все, пора! — не выдержал Грег. — Настала моя очередь.

Его рука мигом очутилась у нее между ног. Лаки вздрогнула, чувствуя, как подгибаются колени, и, наверное, упала бы, если бы не ухватила за его плечи.

— Скорее... — простонала она.

— Не торопи меня, детка.

Грег начал с поцелуя. Пока его язык орудовал у нее во рту, большой палец нажимал на ответственнойшую кнопку. Лаки привстала на цыпочки, прильнула к нему, впила ногтями ему в плечи. Его пронзило грубое желание, потребность немедленно получить удовлетворение. Борясь с собой, Грег зашептал ей на ухо, что без ума от нее, что никак не может ею насытиться...

Потом он начал погружение, стараясь не торопиться, но сейчас ему было не до нежностей. Лаки будила в нем первобытные инстинкты! Не обращая внимания на то, что она вовсю царапает ему спину, он подложил ладони ей под ягодицы, помогая обхватить ногами его поясницу. Новая поза позволила настолько углубить проникновение, что Лаки громко застонала.

— Тебе больно?

Ее глаза сделались совершенно черными, уже без намека на зелень.

— Немножко. Но все равно хорошо! Не останавливайся.

Грег пытался задержать дыхание, призывая себя к спокойствию, но легкие все равно наполнились горячим, влажным воздухом.

— Слушай, я вот-вот...

— Быстрее! — прошептала она, и он послушно задвигался взад-вперед, чувствуя, как у нее внутри сжимается бархатный капкан. — Сильнее!

Эту просьбу ему ничего не стоило исполнить — тем более что она соответствовала его намерениям. Лаки так сладострастно двигалась в такт его толчкам, что он совершенно распоясался. Вернее, распоясались они оба. Ему потребовалось напряжение всех сил, чтобы продержаться еще пару минут, пока ее тело не начал сотрясать могучий оргазм. Тогда перестал сдерживаться и он. Грег швырял ее на хрупкую загородку с такой силой, что еще немного — и они, пробив борт, преподнесли бы сюрприз населению кораллового рифа.

Завершив последний рывок, он замер, прижимаясь к ней и жмурясь от воды.

— Милый... — выдохнула Лаки.

Грег открыл глаза. Она пыталась высвободиться, но ему хотелось продлить волшебство, и он не сразу ее отпустил. Потом он поспешно ополоснулся, стараясь не смотреть на нее. Ему было стыдно за свое скотское поведение, за похоть, возникающую когда надо и не надо, за склонность к примитивному сексу...

Одевались они молча. Грег пытался догадаться, о чем она думает, но у него ничего не получалось. Лаки уже надела шорты, майку-безрукавку с надписью «Спасем китов» и потянулась за акульным зубом, дожидавшимся на тумбочке, когда он схватил ее за руку.

— Мне трудно облечь в слова свои мысли, но я хочу, чтобы ты знала то, что у нас происходит, — это не просто секс! Во всяком случае, для меня. Ты мне очень дорога. — Заглянув в ее огромные зеленые глаза, он сказал правду: — Я люблю тебя.

— Честно?! — прошептала она. — Я не смела надеяться... Боже мой, я так счастлива! Ты и вся моя теперешняя жизнь — это настоящее счастье.

— Ну а ты?.. Почему ты не скажешь, что чувствуешь ко мне?

У нее в глазах появились слезы, но она сразу их смахнула.

— Разве это и так не ясно? Любовь. Не могу себе представить, что смогла бы полюбить кого-то еще так же сильно, как тебя.

Грег сгреб в ее охапку, потом, испугавшись, что сломает ей ребра, ослабил хватку.

— Я хочу делить с тобой всю свою жизнь! Хочу, чтобы ты была со мной зимой, когда вернутся с детенышами киты. И следующим летом, когда мы снова примемся за перепись тюленей. Я хочу...

— Я тоже хочу быть с тобой! — перебила она его. Грег улыбнулся: ее энтузиазм передавался ему.

— Жаль, что ничего не дала телепередача. Надо же знать твое настоящее имя! Без имени тебя как бы не существует. Но ничего, я навел справки и узнал, что дать тебе новое имя совсем не сложно. Нужно только заполнить все строчки в брачном свидетельстве.

Она просияла.

— Помнишь, я сказала доктору Форенски, что хочу быть Лаки Бракстон? Теперь мне хочется

этого больше, чем когда-либо!

«Атлантис» отошел от причала еще до рассвета, а вернулся под конец дня. Грег издали заметил на пристани Коди и Сару. Их появление не вызвало у него тревоги: в былые времена Коди часто встречал его. Но почему он не предупредил, что приедет? А Саре наверняка пришлось с кем-то оставить детей...

Помогая Номо подводить яхту к пристани, Грег твердил себе, что повода для волнения нет. Но когда они с Лаки сошли на берег, а Коди и Сара направились к ним с непривычно серьезными лицами, он уже был готов к худшему.

— Передача все-таки дала результат, — сразу сообщил Коди.

Грег посмотрел на Лаки. С ее лица мигом сошла улыбка. Она испуганно оглянулась на Сару, потом на него. Он положил руку ей на плечо, мысленно произнося молитву.

— Лаки, нам нелегко сообщать тебе эту вест, но... — Коди собрался с духом. — Нашелся твой муж.

Грег осатанел. Сбывались его самые страшные кошмары.

— Муж?! — взревел он. — Где же он пропадал? Лаки была потрясена. Она поднесла к лицу левую

руку и, словно в трансе, уставилась на безымянный палец.

— Но на мне не было обручального кольца!

— Оказывается, ты его сняла, когда уехала из дому, — Коди выразительно посмотрел на Грега. — Брэд Вагнер не сообщал об исчезновении Лаки, потому что считал, что она где-то развлекается...

— А когда переберется, вернется домой, — закончила за мужа Сара. — Так он сказал. И объяснил, что с ней это уже бывало.

Развлечения на стороне? Грегу было трудно в это поверить. Впрочем, если вспомнить, какой он ее нашел... Видимо, у них с мужем были проблемы. Да какая разница?! Теперь Лаки стала другим человеком! Разведется, что ж тут такого?

— Вагнер, Вагнер... — прошептала Лаки, прислушиваясь к себе. — А как меня...

— Келли, — подсказала Сара. — Ты — Келли Энн Вагнер. Звучит красиво.

— Келли Вагнер! — Лаки радостно улыбнулась Грегу и стиснула его руку. — Вот оно, мое имя! Келли Энн Вагнер...

Коди и Сара, судя по всему, не разделяли ее восторга. Их определенно что-то беспокоило. Надежда, которую Грег испытал было при мысли о разводе, погасла.

— Вы уверены, что этот Вагнер — действительно ее муж?

Коди кивнул.

— ФБР все проверило. Брэд прилетел сегодня утром и остановился в «Четырех сезонах».

— А где я живу? То есть жила...

— В Гонолулу, — ответила Сара. — В роскошном районе Кахала возле «Даймонд Хед».

— Минуточку! — спохватился Грег. — Тут что-то не так. Ты же проверял в Гонолулу ее отпечатки. Там ничего не оказалось.

Коди мрачно кивнул.

— Ничего. У Ла... У Келли нет водительских прав. Они ей ни к чему: у нее постоянный шофер и лимузин. На кольцо, которое нам показал Вагнер, красуется бриллиант размером с дверной набалдашник.

Грег увидел, что разговор о ее богатстве не производит на Лаки впечатления, и вздохнул с облегчением. Чего он так испугался? Он достаточно хорошо ее знал. Признаваясь ему в любви, она не кривила душой. Она останется с ним, даже если для этого придется пожертвовать всеми земными благами! Он прижал ее к себе еще

сильнее.

— Почему же он так долго тянул? Почему не прилетел за мной сразу после выхода программы в эфир?

— Он ее не смотрел, — объяснил Коди. — Ваша горничная видела «Пропавших», но испугалась позвонить: она — нелегальная эмигрантка с Филиппин. Эта женщина дождалась возвращения Вагнера из деловой поездки и все ему рассказала.

— Он хоть знает, кто покушался на ее жизнь? — спросил Грег.

Коди отрицательно покачал головой.

— Судя по всему, Келли уехала довольно давно. Муж не знал, куда она подевалась, с кем она. Грега по-прежнему мучили подозрения.

— Что он за человек? Про богатство мы уже знаем. А помимо этого?

Коди бросил взгляд на Сару.

— Довольно приятный. Среднего роста, светловолосый, симпатичный...

Грега захлестнула ревность. Он не мог смириться с тем, что какой-то Брэд Вагнер жил с Лаки, прикасался к ней... Она принадлежала только ему, Грегу Бракстону! Он мог сколько угодно упрекать себя в иррациональности: поскольку у нее было прошлое, в нем наверняка существовали мужчины. Ненависть к Вагнеру не уменьшалась от этого ни на йоту.

— Брэд сделал состояние на постном мясе, — добавила Сара.

Просто Брэд? Значит, он уже успел вызвать у них симпатию?

— Что такое «постное мясо»? — спросила Лаки.

— Это мясо пониженной жирности — от каких-то особенных коров. Его продают в дорогих магазинах, блюда из него готовят только в первоклассных ресторанах.

Лаки взволнованно провела языком по губам и подняла глаза на Грега.

— Мне обязательно нужно с ним встретиться! Он знает все о моем прошлом. Наверное, он для того и приехал, чтобы просто мне помочь. Если он так долго меня не хватился, значит, мы с ним были практически чужими людьми.

Грег облегченно перевел дух и взъерошил себе волосы. Лаки воспринимала ситуацию точно так же, как он.

— Конечно! Разумеется, вы должны поговорить.

— Я сама ему объясню, что остаюсь здесь, — продолжила Лаки. — Думаю, что все формальности можно уладить довольно быстро. Вряд ли я его сильно расстрою. — Она улыбнулась Саре. — Мы с Грегом решили пожениться. Мне так хочется иметь семью!

Так, значит, она его действительно любит и хочет выйти за него замуж! Они еще ничего толком не обсудили, но, оказывается, она поняла его правильно. Грег был счастлив. Он тоже любил ее и тоже стремился начать жить заново.

Сара и Коди переглянулись, и Грег замер в тревоге. Ему не понравилось выражение их лиц.

— У тебя уже есть семья, Лаки, — сказала Сара. — Брэд приехал с вашей дочерью, Джулией.

27

ДОЧЬ! Лаки оцепенела. Ни в одном из сценариев, которые она прокручивала в голове, — а их были сотни — она почему-то не представляла себя матерью. Но разве быть матерью — не уникальное чувство, которое сохраняется у женщины, невзирая на любые испытания?

Она сразу возненавидела себя лютой ненавистью. Как она могла бросить дочь?! Почему это произошло? А впрочем, какая разница? В любом случае ей не может быть оправдания. Она оказалась законченной эгоисткой, а ведь так мечтала стать когда-нибудь образцовой матерью, вроде Сары, которая сделала все ради сохранения семьи.

— Сколько лет моей дочери? — прошептала Лаки.

— Четыре года, — ответила Сара. — Вылитая ты: чудесные каштановые волосы, вот такие зеленые глазщи!

У Лаки потемнело в глазах, но рука Грега у нее на плече помогла прийти в себя. «Где-то развлекается...» Вспомнив слова Коди, она испытала унижительный стыд. Муж не заявил о ее пропаже, потому что решил, что она перебесится и вернется! Кем же надо быть, чтобы пренебречь ради легкомысленных забав собственным ребенком?!

ЖЕНЩИНОЙ ИЗ ЗЕРКАЛА.

Коди вез их в своем «Бронко» к отелю, где ее ждала семья. Тягостную тишину нарушали только голоса в полицейской рации.

— Не представляю, как я могла бросить своего ребенка! — сказала она Грегу и умоляюще посмотрела на Сару. — Этот человек... Брэд Вагнер объяснил, что произошло?

— Нет. — Сара покачала головой. — Сказал только, что у вас были проблемы.

— Боже мой, при чем тут наши проблемы?! Вот ты бы никогда не...

— Не будь к себе так жестока, — перебил ее Грег. — Ведь ты еще не знаешь фактов. Сначала поговоришь с ним, а потом сделаешь выводы.

Они въехали в обсаженный пальмами гостиничный двор. К машине метнулись сразу двое привратников, за ними семенила дежурная. Лаки вышла из машины, едва держась на ногах. Ее раздирали сомнения. Что она скажет своей четырехлетней дочке? О, если бы знать хотя бы в общих чертах, что произошло!

— Я с тобой, — вызвался Грег. Поколебавшись, Лаки покачала головой:

— Нет, я должна пройти через это сама. Прощу тебя, лучше подожди меня где-нибудь здесь.

— Мы посидим в пляжном баре, — сказала Сара. Коди назвал Лаки номер комнаты и повел Сару к пляжу. Но Грег не спешил их догонять. Лаки догадалась, что он хочет поговорить с нею с глазу на глаз.

— Я должна увидеть этого человека, своего мужа. — Она взяла его за руку и заглянула в глаза. — Мне нужно узнать, почему я бросила дочь... Ты обязан меня понять!

Грег поднес ее руку к губам и поцеловал в ладонь. Этот нежный поцелуй говорил о многом. Грег словно пытался поделиться с ней своей внутренней силой, своей любовью.

— Я понимаю. У тебя есть ребенок, и это все меняет. Одно остается неизменным — мое чувство к тебе. Я тебя люблю.

— Знаю. Я тоже тебя люблю. Очень-очень!

Он кивнул и медленно отошел, а Лаки направилась к дверям отеля, пытаясь освоиться с ситуацией. Она любит Грега — это не подлежит сомнению. Но как поступить с прежней жизнью? Может быть, прежде она любила Брэда Вагнера так же сильно, как теперь любит Грега? Нет, это невозможно! Так любить нельзя никого, кроме него.

Но ведь человек, с которым ей сейчас предстояло встретиться, когда-то женился на ней и сделал самый ценный на свете подарок — ребенка. Все это, правда, происходило в другой жизни, о которой у нее не сохранилось даже воспоминаний. Теперь у нее новая жизнь, и в ней она счастлива...

Двери лифта медленно разъехались, и Лаки увидела великолепный мраморный вестибюль. Она неуверенно шагнула в кондиционированную прохладу и пробормотала номер бросившемуся к ней человеку в униформе. Ее повели по застеленному пышным ковром коридору к комнатам, которые занимала ее семья.

Ее семья! Странно, но, произнеся про себя эти слова, Лаки ничего не почувствовала. Впрочем, чему удивляться? Уж если она не догадывалась, что у нее есть ребенок...

Лаки ускорила шаг. Замешательство грозило вот-вот смениться паникой. Сердце билось все

учащенное, по шее сбегал пот, она совершенно потеряла ориентировку... Это было очень похоже на ее состояние в первое утро после аварии, когда она очнулась в палатке.

Коридорный замер перед дверью, за которой ее ждали муж и ребенок. Стук в дверь показался Лаки нестерпимо громким. Ей так хотелось, чтобы рядом сейчас был Грег! Но она набрала в легкие побольше воздуха и сказала себе, что это ее жизнь, ее семья. Значит, ей и разбираться.

Дверь распахнулась, и Лаки облегченно перевела дух: перед ней стояла горничная в девственно-чистой униформе.

— Миссис Вагнер, — доложил провожатый.

«Миссис Вагнер»... Как странно звучит! Она воспринимала себя исключительно как Лаки Бракстон. Что ж, надо смириться с тем, что это имя и фамилия — не более чем иллюзия. Она замужем за другим человеком и имеет ребенка.

Коридорный удалился, и горничная пригласила ее в просторную комнату. У распахнутого окна с видом на пляж и заходящее солнце стоял круглый обеденный стол. За столом спиной к ней сидела девочка, напротив девочки — светловолосый мужчина с глубоко посаженными глазами. Очень знакомый с виду мужчина...

— Келли! Это ты? — Он вскочил, но не подошел ближе.

Девочка обернулась, зажав ложку в руке, и уставилась на нее. «Боже! — подумалось Лаки. — Такой же была, наверное, и я в четыре года: густые каштановые волосы, сияющие зеленые глаза...»

— Брэд? — выдавила Лаки, переведя взгляд на мужчину, который назывался ее мужем.

— Как ты себя чувствуешь? Мне сказали, что ты... Что у тебя были неприятности.

Он скосил глаза на девочку, и Лаки догадалась, что от ребенка скрывают правду о случившемся.

В карих глазах Брэда Вагнера читалась тревога. Он был худ, невысок и телосложением напоминал бегуна на длинные дистанции. Светлые волнистые волосы падали ему на лоб. Столкнувшись с ним в супермаркете, она вряд ли на него оглянулась бы. Грег Бракстон был несравненно красивее и мужественнее. Но Лаки тут же поняла, чем Брэд понравился Саре: ему была присуща простота, резко контрастировавшая с роскошным окружением.

— Мамочка? — Джулия слезла с высокого стула. — Что с твоими волосами, мамочка?

У Лаки сжалось сердце: в глазах дочери светилась любовь и какое-то недетское волнение.

Девочка казалось знакомой — и только. Лаки не помнила о Джулии ровно ничего! Только сейчас она впервые поняла, что потеряла, лишившись памяти. Ей очень хотелось вспомнить Джулию младенцем с пухом на макушке, но ничего не получалось. Перед ней стояла девочка с длинными темными волосами и настороженно смотрела на нее.

— Мама постриглась, — ответила Лаки, уловив молчаливую подсказку Брэда. — Тебе нравится?

Джулия бросилась к отцу и обхватила его за ногу, нуждаясь, видимо, в его ободрении. Брэд Вагнер погладил дочь по голове. Этот естественный жест, свидетельствующий о любви и

близости, усугубил в Лаки чувство вины.

— Джулия немного напугана, — пояснил Брэд. Лаки подошла поближе и опустилась перед девочкой на колени, вспомнив слова Грега о том, как надо обращаться с испуганными животными: стань ниже, чтобы твои глаза оказались на уровне их глаз.

— Хеле, хеле, — позвала она тихонько. — Иди ко мне. Иди к маме.

Зеленые глаза Джулии расширились, и она сделала два медленных, неуверенных шажка.

— Мамочка? Где ты была?

— Не важно. Я же вернулась, — ответила Лаки. Дочь уже была на расстоянии вытянутой руки, и Лаки ничего так не хотелось, как прижать ее к груди. Наконец Джулия улыбнулась и бросилась в ее объятия. Крохотные ручонки обвили шею Лаки, губы мазнули по одной щеке, потом по другой. Прижав к себе теплое тельце, Лаки крепко зажмурилась.

Через несколько секунд она разжала веки. В глазах стояли слезы, в горле — тугой ком.

— Не плачь, мамочка. — Джулия смахнула с ее ресниц слезинку. — Я поцелую тебя — и все пройдет. — Она чмокнула Лаки в подбородок и озабоченно уставилась на нее.

Лаки лишилась дара речи. Она ощущала могучий прилив неизведанных чувств, которые, очевидно, и назывались любовью. Этот ребенок был ее плотью и кровью! Невинное создание, лучшая ее частица...

— Джулия, ты не доела, — напомнил ей отец. — С мамой все будет хорошо.

Лаки выпустила Джулию, и та снова забралась на свой стул. Брэд подал Лаки руку, помогая ей встать. Она заглянула ему в глаза, слишком переполненная чувствами, чтобы говорить.

— Садись с нами. Хочешь перекусить?

Лаки помотала головой и смахнула слезы. Меньше всего ей сейчас хотелось есть. Гораздо интереснее было наблюдать за дочерью, расправлявшейся с куриной ножкой. Интересно, кто научил ее пользоваться вилкой?

Сколько всего она уже никогда не вспомнит! Как впервые увидела свое новорожденное дитя, как Джулия делала первые шаги как выговорила первое словечко... — Такие воспоминания все матери хранят как зеницу ока, а она лишилась их навсегда.

Раньше Лаки убеждала себя, что прошлое не имеет значения, и старалась зажить новой жизнью. Сейчас она поняла, почему поступала так. Она боялась, что ее прошлое окажется пугающим, уродливым; боялась, что была в прежней жизни проституткой, а уж никак не матерью.

Однако от прошлого не сбежишь. Любуясь Джулией, Лаки мысленно оплакивала утраченные драгоценные моменты — воспоминания о дочери.

Почувствовав на себе взгляд Брэда, она выдавила улыбку. Ей нужно было задать ему уйму вопросов об их отношениях, о причинах своего бегства. Но пока Джулия уплетала свою курицу, ей было не до расспросов. Для серьезного разговора им с Брэдом надо остаться наедине.

— Не забудь про овощи, милая, — напомнил Джулии отец.

Девочка наколола на вилку горошину и медленно поднесла ее ко рту. Лаки поневоле расплылась в улыбке: было ясно, что Джулия, как большинство детей, ненавидит горошек. Чего еще она не любит? Чего еще не помнит о ней родная мать?

— А ей обязательно нужен горох? — спросила у Брэда Лаки. — Она ведь его не любит. Может, лучше попросить моркови? Ты любишь морковь, детка?

Джулия посмотрела на Лаки, как на помешанную, потом перевела удивленный взгляд на отца. Брэд, казалось, удивился не меньше.

— Но ты ведь всегда настаиваешь, чтобы она ела то, что лежит на тарелке. И твердишь, что не хочешь, чтобы она превратилась в принцессу на горошине.

Лаки подумала, что ребенок в такой состоятельной семье действительно рискует вырасти избалованным.

— Все равно, пускай в честь моего возвращения Джулия обойдется без горошка.

Брэд удивленно приподнял брови, но потом улыбнулся, и она поняла, что впервые видит его улыбку. Улыбка была пленительной и очень ему шла. Лаки не удержалась и тоже улыбнулась.

Джулия покончила с курицей, со звоном отбросила вилку и потянулась за стаканом молока, но слишком поторопилась. Стакан опрокинулся, молоко залило тарелку.

Джулия уставилась на Лаки, вытаращив глаза и зажав ладошками уши. Секунда — и она расплакалась. Лаки бросилась ее утешать.

— Не плачь, детка! Подумаешь! Все в порядке. Мы закажем еще молочка.

Но Джулия зарыдала еще громче, по-прежнему зажимая уши. Что с ней? Из-за какого-то молока... Брэд поспешно забрал девочку у Лаки и погладил по голове. Оказавшись у Брэда на руках, она сразу затихла.

— В чем дело? — недоуменно спросила Лаки.

— Когда она что-нибудь случайно прольет или разобьет, ты всегда на нее кричишь, — ответил Брэд укоризненным тоном.

— Неужели? — Ей стало стыдно. Какая же она после этого мать? Вот Сара никогда не кричит на свою малышку.

— Извини, я... — Она окончательно растерялась. Джулия заморгала мокрыми ресницами.

— Скажи мне, мамочка, скажи!..

— Что сказать, милая? — Она погладила дочь по щеке. — Мама побывала в аварии и многого не помнит. Так что давай, помогай. Что ты хочешь от меня услышать?

Джулия улыбнулась.

— Ты должна сказать: помни, я тебя люблю. Лаки тяжело перевела дух. Боже! «Помни, я тебя люблю»... Какая же она все-таки эгоистка! Все это время она воображала, будто эти слова ей шептал возлюбленный. А оказывается, она сама произносила их, прося прощения за вспыльчивость!

— Иногда у тебя бывает слишком бурная реакция, — спокойно объяснил Брэд. — Ты сердисься, кричишь на Джулию, но быстро остываешь и всегда говоришь потом, что любишь ее.

Лаки попыталась улыбнуться дочери, но губы ее дрожали, и улыбка получилась вымученной.

— Мама жалеет, что раньше кричала на тебя. Я больше так не буду, честное слово!

Джулия смотрела на нее расширенными глазами.

— Я тебя люблю, мамочка.

Во второй раз за считанные минуты у Лаки на глазах выступили слезы. Видимо, она так часто кричала на бедняжку, что девочка привыкла к этим приступам ярости и все равно продолжала ее любить...

— Я люблю тебя, Джулия. Я обещаю, что никогда не буду на тебя кричать.

На лице Брэда появилось странное выражение.

— Я отнесу Джулию поспать, и мы поговорим.

— Мама, ты будешь здесь, когда я проснусь?

— Конечно!

— Больше не пропадай, мамочка...

Брэд унес Джулию, прежде чем Лаки успела ей ответить. Да и что тут было сказать? Она пребывала в полной растерянности, но одно знала твердо: Джулия должна быть уверена, что мама никогда больше ее не покинет.

Внезапно ее пронзила новая мысль: а как же быть с Грегом? Ведь если она хочет остаться с дочерью, ей придется отказаться от любимого! Так ничего и не решив, Лаки глядела на заходящее солнце и вспоминала свои вспышки гнева. Обычно ей удавалось сдерживаться. Кем же она была раньше, если не жалела родное дитя?

Очень просто: женщиной в зеркале!

Все это время Лаки уповала на то, что отвратительная мегера в зеркале не отражала ее подлинной сущности. Она говорила себе, что неприятное впечатление порождалось нелепой прической и затравленным взглядом: та женщина смотрела зверем, потому что боялась...

Увы, все это были пустые отговорки. Нужно признать страшную правду: женщина в зеркале — это она.

«Ненавижу себя! Ненавижу, ненавижу, ненавижу!»

— Я улетаю в Гонолулу сегодня вечером, десятичасовым рейсом, — сообщил Брэд, вернувшись. — Думаю, для Джулии будет лучше, если завтра утром она, как обычно, пойдет в детский сад. Так что ее я собираюсь взять с собой.

— А я? — прошептала Лаки.

Брэд откашлялся и неуверенно повел плечами. Лаки понимала, как ему нелегко. Очевидно, она не только изводила дочь, но и доставляла невыносимые страдания мужу.

— Ты? Я не знаю, чего ты хочешь. Моя обязанность — заботиться о благе Джулии.

— Но я тоже хочу, чтобы ей было хорошо! — воскликнула Лаки, снова готовая расплакаться. — Нельзя ее терзать.

Брэд сунул руку в карман и вынул золотое кольцо с огромным бриллиантом. Лаки считала подобные вещи воплощением безвкусицы. Неужели когда-то ей могло нравиться такое кольцо?

— Все эти годы я твердил тебе то же самое. Если ты решишь вернуться домой и снова наденешь кольцо, то пусть это будет навсегда, а не на время. После твоего ухода Джулия проплакала несколько дней. Ты вспыльчива и часто на нее срываешься, но ты все равно ее мать, и она в тебе души не чает.

В его голосе звучала горечь, и Лаки поразила выдержка этого человека. Она мучила не только дочь, но и его, мучила безжалостно, но он все равно готов снова ее принять, еще раз попытаться восстановить брак. Возможно, если бы он мог решать только за себя, то не согласился бы на это. Но любовь к дочери принуждала его идти на жертвы.

Сможет ли она вернуться к нему, любя другого? Лаки готова была это сделать ради блага Джулии. Но что она скажет Грегу? Сможет ли он ее понять? Грег не заслуживает плевка в лицо...

— Брэд, тебе, наверное, рассказали, что я ничего не помню. Может, ты объяснишь мне, что произошло? Почему я от тебя ушла?

Он нахмурился и пожал плечами.

— Хотелось бы мне самому это понять, Келли! Я знал, что ты вышла за меня ради моих денег, и смирился с этим. Некоторое время мы жили спокойно, а потом тебе ужасно захотелось ребенка. Но, произведя на свет Джулию, ты не сумела стать ей хорошей матерью. В конце концов ты собрала вещи, сняла кольцо и исчезла...

В его карих глазах была такая мука, что Лаки поняла: он говорит правду. Сердце защемило от сочувствия и раскаяния. Да, она любила Грега без памяти и была ему многим обязана. Если бы не он, ее бы попросту не было в живых. Но сейчас перед ней находился ее муж, хороший человек, любящий дочь.

— Ты не считаешь, что ради Джулии мы могли бы сделать еще одну попытку? — спросил он.

Лаки вспомнила звонкий голосок дочурки: «Я тебя люблю, мамочка! Больше не пропадай...» Сколько же она успела натворить глупостей! Разве не пора остановиться?

Если она не вернется к Грегу, то какую альтернативу сможет ему предложить? Развод и поочередное проживание с ребенком? Для Джулии это стало бы катастрофой. Девочка превратилась бы в мячик, которым перекидываются взрослые люди, не способные учесть ее интересы. А ведь в детстве так важно ощущать единокровие родителей! Лаки снова вспомнила самопожертвование Сары: она вытерпела унижение — измену Коди — ради сохранения семьи. И одержала победу.

Для хорошей матери на первом месте всегда стоит благо семьи. А она, видимо, всю жизнь

только тем и занималась, что шла на поводу у собственных прихотей. Счастье Джулии ничего не значило для нее. Нет, теперь с эгоизмом покончено!

Лаки поспешно протянула руку, чтобы лишиться себя возможности передумать. Брэд неуверенно улыбнулся и надел ей на палец кольцо.

Удивительно, но Лаки показалось, что она его никогда не снимала...

28

Грег потягивал на террасе бара четвертый по счету коктейль, слушая вполуха щебет Сары. Все ее старания его отвлечь были безуспешны. Спиртное тоже не срабатывало. Его медленно затягивала пропасть отчаяния, из которой не было выхода. Ребенок! Это именно то, что отнимет у него Лаки.

Он уставился в стакан, раздумывая, как удержать ее. Брак Лаки, судя по всему, не был безоблачным — иначе она не сбежала бы от Брэда Вагнера. Трудно себе представить, что она могла любить этого человека так же сильно, как его. Но из памяти не выходило выражение лица Лаки в тот момент, когда она узнала, что у нее есть дочь...

— Вот и они! — воскликнул Коди, вставая.

Грег увидел Лаки. Она несла на руках девочку, рядом шел светловолосый мужчина. Девочка сосала палец, зеленые глаза были полуприкрыты сонными веками. Копия матери, даже издали! «Почему это не наша дочь?» — с горечью подумал Грег.

До этой минуты он не отдавал себе отчета, как сильно хочет иметь детей. Детей Лаки. Они были предназначены для этого самой судьбой! Однако Лаки держала на руках дочь другого мужчины...

Грег заметил у Лаки на пальце кольцо — не заметить такое было трудно — и ему показалось, что ему с размаху нанесли удар под дых.

— Она надела обручальное кольцо, — прошептала Сара. — Значит, она улетает с ним!

«Надела обручальное кольцо»... Грег уже не мог дышать, не то что шевелиться. Подойдя ближе, Лаки не отвела взгляд, и он увидел, что ее глаза смотрят безрадостно, прежнее оживление сменилось в них тоскливой серьезностью.

Грег чувствовал, что она мысленно просит у него прощения, и ждал, борясь с желанием заявить вслух о своих правах. Он внезапно обнаружил, что стоит, хотя не помнил, как встал со стула; кулаки его были сжаты так сильно, что сводило пальцы.

Услышав, как Лаки представляет его Брэду Вагнеру, Грег посмотрел сопернику в глаза. Брэд был настолько зауряден с виду, что было трудно представить Лаки его женой. Что она в нем нашла?

— Спасибо вам всем за то, что помогли Келли, — сказал Брэд с подкупающей искренностью. — Она рассказала, какими чудесными друзьями вы себя проявили.

— Мы были рады ей помочь, — Сара постаралась улыбнуться как можно приветливее.

Брэд повернулся к Грегу,

— Вы спасли Келли жизнь. У меня нет слов, чтобы выразить признательность.

Грег промолчал: если бы он сейчас воплотил в слова свои чувства, всем стало бы неловко.

— Я хочу заплатить вам за одежду и за...

— Перестаньте! — перебил его Грег каким-то чужим голосом.

— Брэд улетает домой десятичасовым рейсом. Утром Джулии надо в детский сад, — медленно проговорила Лаки и отвернулась. — Я... улетаю с ними.

Боже всемогущий! Почему она на него не смотрит? Грег не смог сдержать стон отчаяния, и Коди, понимая его состояние, бросил на брата предостерегающий взгляд.

— У нас хорошая воспитательница, — сообщила Джулия тоненьким голоском.

— Вы живете совсем близко, — бодро воскликнула Сара, стараясь снять напряжение. — До Гонолулу меньше получаса лету. Мы сможем часто видеться.

— Конечно, мы будем поддерживать связь, — не очень внятно поддакнул Коди, не глядя на Грега.

— Я хочу собрать вещи и кое с кем попрощаюсь, — сказала Лаки Коди. — Вас не затруднит подвезти меня к самому рейсу?

— Конечно, никаких проблем.

— Мамочка, мамочка, не бросай меня! — крикнула Джулия, обвив ручонками шею Лаки.

— Я никуда не денусь, честное слово. — Она обняла дочь и поцеловала ее в щеку. — Больше я тебя никогда не брошу!

«Больше я тебя никогда не брошу»... У Грега упало сердце. Это был не ночной кошмар, а подлинный ад.

Он, не оглядываясь, зашагал к машине. Ему очень хотелось сохранить присутствие духа — как тогда, когда он узнал о романе Код и и Джессики. Но на сей раз рана оказалась слишком глубокой, боль слишком острой, чтобы притворяться, что ему на все наплевать.

Следом за ними шли, тихо переговариваясь, Лаки и Сара. Коди сел за руль, и Грег устроился рядом с ним. Если бы он сел на заднее сиденье, рядом с Лаки, то, наверное, не удержался бы и стал умолять, чтобы она передумала, хотя все мольбы были заведомо напрасны...

Размышляя о прошлом Лаки, Грег прикидывал самые разные варианты, но реальность оказалась во сто крат хуже. Он лишился всякой надежды.

Лаки хотелось заехать в институт и со всеми проститься. По пути все четверо словно воды в рот набрали. Даже Сара поняла, что все пропало, и больше не пыталась подбодрить своих спутников.

Коди остановился перед институтом.

— Мы, пожалуй, поедem домой. Лаки. Грег отвезет тебя в аэропорт.

— Что ж, будем прощаться, — вздохнула Лаки. — Спасибо за все, Коди.

— Мы обязательно увидимся, — пообещала Сара. — Тут ведь недалеко.

— Не обижайтесь, если я некоторое время не буду подавать признаков жизни, — произнесла Лаки со слезами в голосе. — Брэд хочет восстановить семью и считает, что я буду несчастлива, если стану все время вспоминать здешнюю жизнь.

Дьявол! Этот сукин сын не только крадет у него женщину, но и лишает возможности поддерживать с ней контакт! Видимо, Вагнер смекнул, что сердце Лаки остается на Мауи, и решил обрубить все концы.

— Не беспокойся, мы все понимаем, — ласково сказала Сара. — И помни, пожалуйста: если понадобится, мы всегда будем рады помочь.

Грег вышел из машины, не сказав Коди ни слова: он знал, что брат нарочно оставляет его вдвоем с Лаки. Подождав, пока Лаки с Сарой расцелуются, он неторопливо направился к бассейну для молодняка. Лаки молча шла за ним.

— Вот это да! Вернулись?

Номо кормил Абби из бутылочки. Он широко улыбался, но стоило ему увидеть лицо Грега, как улыбка погасла.

— Сегодня я улетаю, — прошептала Лаки. — Я возвращаюсь домой.

— За ней приехал муж, — пояснил Грег, не скрывая горечи. — У нее маленькая дочь, которой нужна мать. Номо положил Абби на подстилку и обнял Лаки.

— Я буду по тебе скучать, лоя. Жаль, что ты уезжаешь: ты прямо рождена для этой работы.

— Я нужна своей дочери. Джулии всего четыре года, и она...

— Знаю, ты бы не уехала, если бы не считала, что так надо. Но разве это запрещает мне по тебе скучать?

«Скучать»... Если бы Грег мог сказать о себе то же самое! Он изнывал от тоски, ему было больно даже смотреть на Лаки. Какой же невыносимой станет боль потом, когда она навсегда исчезнет из его жизни?

— Спасибо, что научил меня гавайскому языку, Номо, и за то, что показал, как обращаться со зверьем. Мне здесь было очень хорошо... — Голос Лаки становился все тише, пока не превратился в шепот.

— Не грусти, — сказал ей Номо, которому тоже было невесело. — Вспоминай про нас. Может, как-нибудь выберешься навестить...

— Обязательно выберусь! Но сначала мне надо разобраться в собственной жизни.

Абби обратила на себя внимание жалобным твяканьем. Лаки схватила ее и прижала к груди. Грег встретился взглядом с Номо. Тот был, как никогда прежде, близок к слезам.

— Абби, деточка, я должна уехать! Ты знаешь, я бы тебя не оставила, если бы не необходимость. Будь умницей — ради меня. Слушайся Номо. Пускай он тебя научит ловить

рыбу... — Ее голос прервался, Номо вытер кулаком глаза. — Ты повторишь мой путь и вернешься домой. Тебя отвезут на Ниихау, к родичам. Жаль, что я не увижу, как ты станешь плескаться с другими тюленями.

— Я сделаю снимки и пришлю тебе, — пробормотал Номо. Он был так растроган, что Грегу сделалось еще грустнее.

— Обязательно пришли! — Лаки чмокнула Абби в лоб, и тюлененок довольно заблеял. — Как досадно, что при этом не будет меня.

— Все, пора! — резко сказал Грег: сцена расставания стала совершенно невыносимой.

Отдав Номо тюлененка, Лаки встала на цыпочки и поцеловала его в щеку.

— Ухаживай за ней получше, — попросила она. — Научи всему, что потребуется для самостоятельной жизни. Я буду за вас молиться.

Лаки отошла от бассейна со слезами на глазах. Идя с ней рядом, Грег ломал голову, что бы такое сказать, как убедить ее остаться. Его угнетала безнадежность

случившегося: узы, связывающие мать и ребенка, прочнее всех остальных уз на свете.

— Можно взять в аэропорт Доджера? — спросила Лаки.

— Вполне. Он где-то тут.

— Доджер, Доджер! — позвала она, и пес тотчас выскочил из темноты.

Всю дорогу в аэропорт они молчали. Доджер, занявший заднее сиденье, не снимал морду с плеча Лаки, словно понимал ее состояние. Ей бы очень хотелось знать, понимает ли ее Грег, но по его лицу, как всегда, ничего невозможно было угадать.

Заехав на стоянку аэропорта, Грег заглушил двигатель. Вот оно, мгновение, которого она так боялась! Все кончено, пора прощаться. Но как благодарить человека, который спас тебе жизнь, а потом научил любви?..

Они стояли у машины. Лаки жадно вдыхала вечерний воздух, смотрела на звездное небо и не знала, что сказать. Наконец она решила, что лучше сперва проститься с Доджером, и опустила на колени. Пока она гладила пса по узкой шелковистой голове, он не сводил с нее умных глаз, словно тоже умолял не уезжать.

— Будь умницей, Доджер. Слушайся Грега и приглядывай за Абби. Теперь ты будешь ей очень нужен. Но и обо мне не забывай. Мысленно я всегда буду с тобой. — Доджер лизнул ей руку и тихо заскулил. — И поосторожнее на спасательных операциях! Не хочу, чтобы с тобой случилось несчастье.

Пес лизнул ее снова, на этот раз в щеку. Лаки чувствовала взгляд Грега, но еще не была готова к прощанию с ним.

— Спасибо, что нашел меня, Доджер. У тебя непревзойденный нюх! Если бы не ты, я бы погибла и никогда не узнала, что у меня есть дочь. Я ей обязательно все про тебя расскажу. Я буду по тебе сильно скучать и все время про тебя думать!

Доджер склонил голову набок, словно понимал каждое ее слово. Лаки обняла пса за шею и прижалась к нему, как когда-то в универмаге. Ей хотелось позаимствовать у него силы, ибо собственные покидали ее на глазах. Она не представляла, как расстанется с Грегом.

«У тебя нет выбора, — твердила себе Лаки. — Джулии нужна мать. Ты обещала больше ее не бросать».

Она медленно выпрямилась и решила наконец посмотреть на Грега.

— Ты ведь понимаешь, почему я уезжаю?

— Не понимаю! Твой брак был неудачным, ты вовсе не обязана возвращаться к мужу! — Он крепко обнял ее и прижал к себе. — Я люблю тебя, Лаки! Останься со мной.

— А как бы ты стал ко мне относиться, если бы я махнула рукой на дочь?

— Можно оформить совместное попечительство, еще что-нибудь придумать... В наше время полно детей, у которых развелись родители.

В голосе Грега слышалось отчаяние, и Лаки провела пальцами по сто небритой щеке. Больше она никогда не сможет дотрагиваться до него, обнимать его... Она долго не могла собраться с силами, чтобы ответить.

— Ты лучше многих понимаешь, как важна материнская любовь. Я не могу бросить своего ребенка!

— Но девочка может остаться с тобой. Если оформить опеку...

— Нет. Брэд безумно любит ее, а она любит Брэда. Видел бы ты их вместе...

Грег взял ее за плечи, взгляд его был полон невыразимой нежности. Лаки ни на мгновение не сомневалась в его любви и знала, что над ее любовью время тоже не властно. Она обязана вернуться к Брэду и Джулии, но ее сердце навсегда отдано Грегу!

— Пойми, я в неоплатном долгу перед Джулией и должна попытаться сохранить брак. — Грег стиснул ее плечи еще сильнее. — Помнишь, я тебе говорила, чего больше всего боюсь?

— Помню. Ты боялась, что окажешься женщиной, которую увидела в зеркале.

— Так вот, я и есть она. Я спросила Брэда, в чем состоят наши проблемы, и он ответил, что я вышла за него ради его денег, не заботилась о Джулии...

— Не верю!

— Милый, мне тоже хотелось бы, чтобы это оказалось ложью, но, увы, это правда. Представляешь, Джулия разлила молоко и расплакалась, потому что была уверена, что я на нее заору! Боже, как ужасно узнавать про саму себя такую правду! Но деваться некуда: я была плохой матерью.

— Ты прекрасный человек. Лаки. Я достаточно тебя узнал, чтобы это утверждать.

Грег взял ее за подбородок, и Лаки поцеловала его ладонь. Если кто и был прекрасным человеком, так это он! Ей бы очень хотелось походить на него, но она совершила подлый поступок: бросила собственного ребенка. Теперь ее терзало отчаянное желание искупить

сдою вину перед дочерью, и это желание придавало ей сил.

— Нет, Грег. Я была эгоистичной. Я удрала, чтобы «найти себя», наплевав на мужа и дочь. А ведь Брэд мне еще далеко не все рассказал: Джулия не могла уснуть в незнакомом месте и позвала его. Не представляю, что со мной будет, когда я узнаю о себе всю правду.

— И все-таки я не могу поверить...

— Это потому, что ты меня любишь.

— Тут ты права: я тебя люблю.

Лаки понимала, что он не лжет: в его глазах она видела любовь, на какую только может надеяться женщина. Непобедимую любовь, которой она не заслуживала.

— Я тоже тебя люблю. Тебе ли этого не знать?

— Любишь — и бросаешь?

— Дорогой мой, иначе нельзя. Всякому ребенку необходима мать. Мне надо хотя бы попытаться стать для Джулии хорошей матерью.

Лаки заглядывала в его синие глаза, такие же манящие и изменчивые, как океан, который он обожал. Грег хмурил темные брови, как бывало всегда, когда он о чем-то сосредоточенно думал. Черная прядь, упавшая на лоб, дрожала на ветру, как в их первую встречу.

Лаки зажмурилась. Почему Бог не позволил ей побыть с ним дольше?! Несколько недель ее жизни прошли под знаком этого человека. Ей столько хотелось ему сказать, стольким поделиться, но она откладывала все это на потом. Однако «потом» так и не наступило. Время вышло. Оба были отныне лишены будущего.

— Не представляю, как буду без тебя жить, — сознался Грег.

Лаки открыла глаза.

— Ты — самый сильный мужчина из всех, кого я знаю. Ты выживешь! Он крепко ее обнял.

— Может быть. Только забыть тебя я не смогу никогда.

Лаки почувствовала, что ее покидают последние силы.

— Прошу тебя, помоги мне! У меня не хватит сил на двоих. Ты же знаешь: я должна уехать!

Грег отстранился. Над потухшим вулканом Халеакалы взошла луна.

— Мне страшно, — прошептала Лаки. — Меня снова ждет неведомое, но рядом уже не будет тебя, такого сильного и надежного... Я не хочу причинять Джулии новые страдания и очень боюсь снова превратиться в ту женщину из зеркала.

Он снова ее обнял и прошептал в самое ухо:

— Ты справишься, ангел. Для меня было бы только лучше, чтобы у тебя ничего не получилось, потому что тогда бы ты вернулась. Но я знаю, какая ты теперь. У тебя хватило отваги войти в бассейн с кровожадной акулой, чтобы оказать ей помощь. Ты научила Абби принимать пищу и

плавать. С Джулией ты тоже справишься. Не говоря уж о ее папаше...

Слушая его тихий, полный любви голос, Лаки чувствовала, что ее наполняет уверенность. Она прижалась щекой к сильной груди Грега, чтобы услышать напоследок мерные удары его сердца. Это был тот же умиротворяющий стук, который возвращал ее к жизни в первый день, на мотоцикле, когда она подпрыгивала вместе с ним на ухабах. Слушая этот стук, она приходила в себя среди ночи, когда просыпалась в безотчетном страхе. И сейчас она в последний раз внимала голосу его любящего сердца!

— Лаки... — прошептал Грег, и она догадалась, что от волнения у него перехватило дыхание. — Помни, если что-то не получится, я тебя жду. Возвращайся, не раздумывая! Домой... Обещаешь?

— Обещаю. — Она высвободилась, зная, что если не уйдет сейчас, то уже не найдет в себе сил с ним разлучиться. — Мне пора, а то опоздаю на самолет.

— Поцелуй меня на прощанье!

Грег поцеловал ее в губы и провел руками по плечам, спине, талии, словно ему было трудно расставаться с каждым дюймом ее тела. Лаки прильнула к нему, наслаждаясь этим последним глубоким поцелуем.

Потом она, собравшись с силами, вырвалась и побежала к терминалу, вытирая на бегу слезы. Оглядываться она не стала. Лаки знала, что в темноте остались стоять мужчина с собакой, и оба смотрели ей вслед любящими глазами.

29

В аэропорту Гонолулу их встречал шофер с лимузином. Раньше Лаки видела такие длинные белые машины только возле шикарных отелей на Мауи. Сара помещалась со всем своим потомством в стареньком джипе, поэтому Лаки было трудно понять, зачем семье из трех человек такой дреднот.

— Ты должен помочь мне многое узнать заново, — шепотом предупредила она Брэда, садясь в машину. Джулия мирно спала у отца на руках.

— Конечно. Мы будем действовать постепенно. У него был нежный, сочувствующий взгляд, от которого Лаки становилось не по себе. Она бы, пожалуй, предпочла, чтобы он оказался грубияном, которого можно возненавидеть...

Если Брэд и обратил внимание на ее заплаканные глаза в аэропорту, то у него хватило такта промолчать. В машине Джулия уснула, и это дало Лаки возможность рассказать мужу про синдром Хойта — Мелленберга. Брэд Вагнер оказался внимательным слушателем.

— Знакомый вид, — заметила Лаки, указывая на огни вдоль побережья. — Тут рядом есть гора, вроде Халеакалы?

Брэд снисходительно улыбнулся.

— Да, за отелями Вайкики-Бич высится Даймонд Хэд. Но эта гора не так высока, как Халеакала. Формой своей она напоминает корабельный нос.

Город Гонолулу, в отличие от Мауи, казался Лаки знакомым местом. Она решила, что, пожалуй, могла бы добраться здесь самостоятельно до любой точки, передвигаясь совершенно механически. Эта мысль ее успокоила: она поняла, что скорее всего узнает свой дом. Ситуация, по крайней мере пока, была не такой уж пугающей.

Лимузин достиг пригорода с роскошными виллами, освещенными так же причудливо, как дорогие отели на Мауи. Подъезд к большинству домов был перегорожен вычурными воротами, за которыми зеленела пышная растительность. Многие крыши были покрыты оригинальной синей черепицей, сиявшей в лунном свете.

Подъехав к витым чугунным воротам, окруженным королевскими пальмами, шофер Рауль достал специальный приборчик и нажал кнопку. Ворота распахнулись, и лимузин въехал в мощный брусчаткой двор, посреди которого красовался фонтан со скульптурным львом. Из львиной пасти била вода. Фонтан был искусно подсвечен, вокруг стояли карликовые пальмы с алыми цветочками у оснований.

Лаки почувствовала выжидательный взгляд Брэда.

— Чудесно! — спохватилась она, с грустью подумав, что ничего не помнит.

Шофер принял у Брэда портфель, из дома вышла горничная, чтобы взять вещи Лаки, но та покинула Мауи с пустыми руками, если не считать сумочку.

Величественный мраморный холл поразил Лаки, а войдя в колоссальных размеров гостиную с высокими сводчатыми потолками, она просто растерялась. Одну из стен заменял проем с видом на очаровательный пруд, похожий на горное озеро.

— Где же окна? — спросила Лаки.

— Рамы задвинуты в стены. Мы закрываем их только в ливень.

— Мама! — Джулия проснулась у отца на руках и нашла глазами мать.

— Я здесь, милая.

Она протянула руки, и дочь охотно перебралась к ней. Сердце Лаки переполнило нежность.

— Давай уложим ее спать, — предложил Брэд и повел Лаки к спиральной лестнице, ведущей на второй этаж.

— Всюду черно-белая гамма... — пробормотала она.

— Это твой выбор, — пожал плечами Брэд, и стало ясно, что он от ее выбора не в восторге. — Этот дом — олицетворение твоей мечты. Ты сама работала с дизайнером. Я был слишком занят.

«Откуда такая любовь к черному и белому цветам?» — недоумевала Лаки. Все в роскошном доме буквально вопило о богатстве, и она не представляла себе, как здесь можно жить. Неудивительно, что Брэд не одобрял ее вкус...

Горничная принесла розовую пижамку с вышитыми кроликами и хотела уложить Джулию в постель, но Лаки предпочла сделать это сама.

Брэд некоторое время наблюдал, как она расстегивает пуговицы на сарафане Джулии, и наконец

не выдержал:

— Ты никогда раньше не переодевала Джулию! Для этого мы держим горничную.

— Разве ты не заметил, что я изменилась. Мне хочется проводить с дочерью как можно больше времени. — Она чмокнула Джулию в нежную щечку.

— Ты расскажешь мне сказку, мамочка? Девочка произнесла это так неуверенно, что у Лаки снова защемило сердце.

— Обязательно. Но сначала давай помолимся.

— Помолимся? — повторила Джулия, словно услышала иностранное слово.

Лаки вспомнила, как молится с детьми Сара. Неужели она была раньше такой отвратительной матерью, что не научила дочь молиться?

— Сложи ручки вот так. — Она помогла Джулии свести ладошки. — Потом расскажи Господу, за что ты Его благодаришь. Сегодня будешь повторять за мной, а завтра — я за тобой. Отец наш небесный, спасибо за то, что наша семья объединилась! Благослови нас, веди нас, дай нам сил построить вместе новую жизнь... — Потом она вспомнила малютку Абби. — Господи, не оставь милостью Абби. — Она безмолвно помянула в своей молитве Грега. — Аминь.

Лаки подняла глаза и обнаружила, что Брэд смотрит на нее. Судя по всему, он меньше всего ожидал, что она примется молиться.

— Кто это — Абби? — поинтересовалась Джулия.

— Это маленький тюлененок. Хочешь, я расскажу тебе сказку про Абби?

— Нет, про Золушку. Хочу про Золушку!

— Эту сказку мама не помнит, — призналась Лаки.

Джулия удивленно вытаращила глаза, но потом засунула в рот большой палец и послушно приготовилась слушать про Абби. Еще не дойдя до истории о том, как умный пес Доджер научил тюлененка плавать. Лаки удостоверилась, что дочь уснула.

Они с Брэдом вышли на цыпочках из детской. Боже, куда теперь? Неужели у них общая спальня? За вечер произошло столько событий, что об этой проблеме Лаки совсем забыла.

Она привычно сунула руку в карман, чтобы потрогать акулий зуб, но не нашла его и с досадой подумала, что, видимо, он остался на «Атлантике». «Сейчас же успокойся! — приказала себе Лаки. — Разве у тебя случилось несчастье? Напротив, все отлично!»

— Это твоя комната, Келли, — сказал Брэд и добавил после неловкой паузы: — Если я тебе понадоблюсь — вот моя дверь.

Немного поколебавшись, она решила, что имеет право на некоторые уступки с его стороны.

— Я не хочу быть Келли. Эта женщина мне совсем не нравится. Может быть, у тебя получится называть меня Лаки?

— Наверное, — неуверенно ответил Брэд и улыбнулся.

Из дверей ее спальни вышла горничная.

— Я постелила постель, мадам, и расставила свежие цветы, как вам нравится. Будут еще указания?

Лаки покачала головой и дождалась, пока горничная удалится.

— Вряд ли мне удастся сразу заснуть. У нас есть альбом с семейными фотографиями? Я бы посмотрела, а завтра ты бы мне про них рассказал.

— Внизу есть альбом с нашими фотографиями. Я его тебе принесу. Но фотографий твоей родни у нас нет.

— А кто вообще мои родители, дедушки и бабушки? Они живы?

Брэд покачал головой.

— Нет. Твои родители давным-давно развелись, и о своем отце ты ничего не знала. А твоя мать умерла еще до того, как мы поженились. Думаю, у тебя есть дальние родственники в Айове, но точно я этого не знаю.

Брэд пошел за альбомов, и Лаки осталась одна. «Душа моя заблудшая, ты найдена опять...» Если бы! Сейчас она чувствовала себя еще более неуверенно, чем когда-либо прежде. Чужой дом, чужой мужчина, никаких родственников, которые могли бы рассказать ей о ее прошлом.

Лаки вздохнула и открыла дверь в спальню, которая оказалась еще более роскошной, чем гостиная. Здесь тоже доминировали черно-белые цвета, ноги утопали в пушистом ковре. В такой обстановке она чувствовала себя неудобно.

Ванна из черного мрамора поразила Лаки; она была размером чуть ли не с бассейн для молодняка. В зеркальной стене Лаки увидела собственное отражение: отросшие каштановые кудри с темными корнями, дочерна загорелое лицо. На ней по-прежнему были шорты

цвета хаки и майка с надписью «Спасем китов». Какой контраст с окружающей роскошью!

«Хуже мокрых кошек», — вспомнила Лаки. Так Сара говорила сыновьям, когда они заигрывались в футбол.

— Тебе в этом дворце не место, — сказала Лаки своему отражению, и ей показалось, что она услышала ответ:

— Привыкай! Это твоя жизнь. Рядом спит твоя дочь. Ты обещала больше ее не бросать.

В стенном шкафу мог, пожалуй, поместиться весь дом Грега. Блузок и юбок здесь хватило бы на целый магазин. За стеклянными дверцами помещались десятки пар обуви. В особом отделении висела дюжина длинных платьев. Лаки застыла посреди комнаты, не веря своим глазам. Зачем ей когда-то понадобилось такое количество одежды? И почему столько неоторванных ценников?

— Вот альбом!

Лаки вздрогнула и испуганно обернулась. Муж протягивал ей черный бархатный альбом с золотым вензелем «В».

— Прости. Я стучал, но ты, очевидно, не слышала.

— Почему здесь столько абсолютно новой одежды? — с недоумением спросила она.

— Ты всегда любила делать покупки, — пожал плечами Брэд. — Почти весь день проводила в магазинах, салонах красоты или у своего тренера.

Лаки больше не удивлялась. Ну еще бы: женщина в зеркале! Если она была способна беспричинно орать на дочь, то что же удивляться подобному образу жизни?

— Все это в прошлом, — решительно заявила она. — Отныне я собираюсь...

На лице Брэда появилась уже знакомая улыбка.

— Сегодня был трудный день, ты устала. Давай поговорим об этом утром.

Брэд ушел. Лаки взяла альбом и устроилась в огромном мягком кресле. Фотографии представляли собой хронику жизни дочери от самого рождения — очевидно, это снимал Брэд. Лаки снова погрузилась: она ровно ничего не могла вспомнить...

Зато собственные фотографии ее ужаснули. Да, это была женщина из зеркала: то же выражение лица, тот же вызывающий и в то же время какой-то затравленный взгляд. Только у этой — совершенно прямые темные волосы до плеч. Зачем было обесцвечивать и завивать мелким бесом такие красивые волосы?

Лаки присмотрелась повнимательнее и поняла, что раньше ей была присуща заносчивость в сочетании с неуверенностью в себе. Взрывоопасная смесь! Она словно бросала вызов всему свету. Это было заметно на каждом снимке, даже на том, где она была запечатлена с новорожденным младенцем на руках. Тщеславная, самодовольная особа! Наверное, мужчины считали ее красоткой...

Лаки захлопнула альбом, испытывая отвращение и стыд. Как ее угораздило стать той женщиной из зеркала? Нужно будет завтра подробно расспросить Брэда о своем прошлом. Кое-что по-прежнему казалось ей загадочным...

Лаки побрела босиком на балкон. Внизу буйствовала тропическая природа, чуть дальше изгибался пляж с переливающимся, словно россыпи жемчуга, песком.

Подставив лицо луне, она вспоминала мужественный облик Грега. Он был совсем близко, всего в получасе полета, и в то же время так далеко! Чем он сейчас занят? Скучает ли по ней? Смог ли уснуть?

Глядя на звездное небо, Лаки возрождала в памяти ночи, проведенные с Грегом. Столько любви — и так мало времени вдвоем! Недаром она так дорожила каждым мгновением... Что ж, зато у нее остались воспоминания, и они придавали ей сил и отваги.

Там, на Мауи, ожидая результатов телепередачи, Лаки готовилась к худшему и все-таки не представляла, какой ужас припасла для нее судьба. Жизнь без Грега!

— Спокойной ночи, милый, — сказала она вслух. — Я люблю тебя всем сердцем.

Восток окрасился первыми алыми сполохами зари, но на западе собирались тяжелые грозовые тучи. Грег понимал, что надвигается новый тропический шторм; скорее всего он разыграется

еще до того, как на пляжи выползут туристы.

Со времени отлета Лаки прошло двенадцать часов, и он все это время колесил по острову, зная, что пустой дом повергнет его в еще большую тоску. Зачем лишний раз вспоминать их былое счастье, несбывшиеся надежды?

Когда солнечные лучи прорвались сквозь трепещущие на ветру пальмовые листья, Грег подошел к бассейну для молодняка. Номо ночевал прямо здесь, потому что Абби снова отказывалась принимать пищу. Впрочем, его старания тоже пока ни к чему не приводили. После исчезновения Лаки тюлененок пал духом и упорно отворачивался от бутылки.

— Так она долго не протянет, — пожаловался Номо.

— Отпусти ее. Пускай поспит. Может, потом одумается?

Номо положил Абби на цементный пол. Доджер, не отстававший от Грега, подбежал к тюлененку и ткнул его носом. Абби встревоженно заблеяла, и Грег вспомнил, что на руках у Лаки она издавала совсем другие звуки... Наконец Абби затихла, сложив лапы, словно для молитвы. Доджер плюхнулся на пол и свернулся вокруг нее клубком.

Что ж, у Доджера по крайней мере есть Абби, у Абби - Доджер...

— Положу-ка я бутылку Доджеру между лап, — решил Номо. — Вдруг Абби понравится?

— Попробуй, — сказал Грег, сомневаясь, что из этого выйдет толк: маленькие тюлени-монахи нередко отказывались от пищи после гибели матерей. — А потом ступай домой, спать.

— Ну уж, нет, — нахмурился Номо. — Я тебя не оставлю.

Грег вспомнил, как много лет назад впервые явился сюда, в институт. Он был тогда трудным подростком, и Номо взял его под свою опеку, заразил любовью к животным, посоветовал получить на материке хорошее образование, чтобы стать морским биологом.

Все эти годы Грег воспринимал Номо как своего наставника, не более того. Только сейчас его осенило: ведь Номо заменил ему отца! Лишь благодаря его любви и поддержке он может сейчас считать себя состоявшейся личностью.

Но сумел ли он его толком поблагодарить? Грег обнял Номо — человека, так самоотверженно любившего животных, не щадившего сил, помогая ближним, — но слов не нашел. Они молча наблюдали, как Доджер пытается заставить Абби прекратить голодовку.

Наконец Абби сделала несколько глотков козьего молока, и Грег облегченно перевел дух. Он был уверен, что теперь тюлененок выживет.

Покинув Номо, Грег поднялся в свой кабинет, сел и бессмысленно уставился на завал из бумаг. Он мог думать только о Лаки, переживая все, что было, минута за минутой...

Вздвогнув от стука в дверь, Грег спохватился, что утратил чувство времени: комнату заливало жгучее солнце наступившего дня. В кабинет вошел серьезный Коди.

— Я проезжал мимо твоего дома, но тебя там не оказалось. А вчера вечером, сколько я ни набирал твой домашний номер, все время нарывался на телефонный секс.

Грег махнул рукой.

— Не морочь голову!

— Я не шучу. Я даже звонил в телефонную компанию. Они объяснили это ошибкой компьютера и обещали все исправить.

Грег поморщился.

— Что-то слишком много ошибок в последнее время. То мои счета оказываются неоплаченными, теперь вот секс по телефону... Черт знает что!

— Аикане! — В кабинет ворвался Номо, размахивая какой-то бумажкой. — Ты только полюбуйся! Получая козье молоко. Лаки поставила в накладной вместо подписи «С-311». Что бы это значило?

— Понятия не имею, — пожал плечами Грег. — Мы так часто ставим где-нибудь свою подпись, что делаем это машинально. Я всегда надеялся, что Лаки вот-вот назовет или напишет свое настоящее имя, но этого так и не случилось. А при чем тут номер — ума не приложу.

— Зато я знаю, в чем дело! — хмуро буркнул Коди, и Грег в недоумении уставился на брата. — Она когда-то сидела в тюрьме, и там у нее был только личный номер. Держу пари, что она была заключенной триста одиннадцать в тюремном корпусе С!

30

Король Орхидей посмотрел в угол монитора, где велся счет истекшего времени. Два часа пятнадцать минут... Пожалуй, нужно еще немного подождать: двух часов маловато для наступления смерти. Он откинулся в кресле и уставился в потолок.

— Что бы еще такое сделать, чтобы превратить жизнь Грега Бракстона в кромешный ад?

Он уже поработал с его банковским счетом. Теперь на восстановление кредитного рейтинга у Бракстона уйдет не один год. Его телефонные звонки переадресовывались в самые экзотические заведения, предоставляющие сексуальные услуги. Король гордился этой своей выдумкой. Сперва он хотел просто отключить сопернику телефон, но потом сообразил, что секс по телефону — это несравненно забавнее.

— Может быть, пора отнять у него машину? Король разговаривал сам с собой вслух, но это его не смущало. Поблизости не было никого, кроме дворовой кошки, но и эта тварь не могла его услышать. Он вошел в банк данных и искал сведения, касающиеся машины Бракстона, так, чтобы машина была немедленно изъята у владельца.

Он не ожидал, что эти компьютерные пакости доставят ему столько удовольствия. Он оказался не просто Королем Орхидей, но также повелителем информационной магистрали. Они уже не один год использовали поддельные кредитные карточки, взламывая банковские базы данных, но то, чем он забавлялся сейчас, было куда приятнее, ибо имело оттенок личной мести.

— А теперь напустим на него налоговиков. Пусть он задолжает им полмиллиона долларов!

Король захохотал, очень довольный собой. Любому хакеру известно, до чего просто взломать файлы налогового управления.

При желании он мог бы разорить какую-нибудь авиакомпанию, телефонную компанию, целый

город.

Террористы с бомбами были по сравнению с ним жалкой мелюзгой. С помощью модема и клавиатуры он мог спровоцировать технологический Чернобыль! Ну а напасть Бракстону было просто приятной детской забавой.

Сколько там времени? Два часа тридцать пять минут. Издохла ли облезлая кошка? В прошлый раз ядовитым испарениям орхидей потребовалось около четырех часов, чтобы умертвить кошку. Теперь он поместил в камеру больше орхидей, чтобы ускорить процесс. Нужно все рассчитать так, чтобы на убийство человека уходило не больше двух часов...

Вообще-то Король не особенно волновался: на склад не ступала ничья нога, кроме курьеров, доставлявших орхидеи. На дне ящиков с орхидеями были спрятаны поддельные кредитные карточки из Сингапура. Король и его партнер сами их упаковывали, сами отправляли дальше по назначению. Эту операцию они не доверяли никому: чем меньше сообщников, тем меньше вероятность попасться.

Курьеры, забиравшие товар или оставлявшие на складе новые контейнеры, наведывались с интервалом в три часа. За это время нужно было успеть умертвить человека и спрятать труп в контейнере — иначе грозило появление нежелательных свидетелей.

Король наведлся на склад и включил вентилятор. Он был уверен, что дворовая кошка уже пребывает в кошачьем раю. Кошка — это, конечно, не человек, но ставить эксперименты на людях он не мог.

Зато ему очень хотелось прикончить одну собаку... Он распахнул двери специальной камеры, которая являла собой идеальное помещение для казни, и позвал:

— Кис-кис-кис!

Король аккуратно раздвинул орхидеи, но кошки за ними не оказалось: видимо, она уползла умирать подальше. Он знал, что надо спешить: в этой отравленной атмосфере нельзя было долго находиться.

— Мяу! — Кошка внезапно вылетела непонятно откуда, с оскаленной пастью и выпущенными когтями.

—Черт!

Король отпрыгнул, но тварь успела распороть ему когтями руку. Обливаясь кровью, он пнул кошку ногой, но промахнулся. Кошка шмыгнула за дверь.

Король Орхидей почувствовал головокружение, в горле першило — очевидно, вентилятор не успел разогнать ядовитые газы. Вытирая с руки кровь, он выбежал из камеры и захлопнул дверь.

— Значит, орхидей понадобится больше, чем я думал, иначе он не подохнет.

Коди нашел Хелмера на скотном дворе — он стоял за загородкой и наблюдал, как клеймили молодых бычков.

— Всегда мечтал стать ковбоем, — признался Хелмер. — Но я вырос в городе и даже не умею

ездить верхом.

— Что ты здесь делаешь?

— Через час у меня встреча с осведомителем в ближайшем баре.

— Мне нужна твоя помощь, — сказал Коди и в двух словах изложил тайному агенту ситуацию с Лаки. — Ты мог бы узнать, сидела ли она в тюрьме?

— Один телефонный звонок — и готово! — самодовольно заявил Хелмер. — А ты умнее, чем я думал. По-моему, ты нашел отгадку. Судя по всему. Лаки была заключенной в маленьком штате: трехзначный номер свидетельствует, что в ее тюрьме содержалось меньше тысячи заключенных. В крупных штатах более многолюдные тюрьмы.

— У нее четырехлетняя дочь. Значит, она вышла больше пяти лет назад.

Хелмер покачал головой, блеснув на солнце своей зловещей серьгой.

— Не обязательно. Помнишь Тэда Банди, серийного убийцу? Он стал отцом, когда сидел в тюрьме. Сам понимаешь, заключенных посещают супруги...

— Но ты ведь проверял Брэда Вагнера. Где-нибудь говорится, что его жена сидела в тюрьме и родила там дочь?

— Нет, нигде ничего. Наверное, ты прав: она познакомилась с ним, когда вышла из тюрьмы. Если срок был незначительный, она вполне могла утаить это от мужа.

— Мне тоже так кажется. Муженек у нее кретин, зато богатый. Зачем говорить такому о своем тюремном прошлом?

— Зато я раздобыл любопытные сведения о Тельме Оверхолт. Мы получили окончательное заключение о причинах ее смерти. — При их разговоре присутствовали только гавайцы-ковбои, которые клеймили бычков, но Хелмер все равно понизил голос. — Смерть наступила самое меньшее за два дня до того, как ее сбросили со скалы. Мы предполагаем, что Тельму убили в Сингапуре, а сюда привезли потому, что никому не пришло бы в голову искать ее на Гавайях.

— Теперь ясно, почему ее паспорт не прошел в Сингапуре пограничного контроля, — сказал Коди. — Непонятно только, как можно завезти мертвое тело на другой край света.

Хелмер неприятно усмехнулся — как и подобает панку.

— А как насчет длинного деревянного ящика, в которых перевозят орхидеи? Их ставят в специальные контейнеры-рефрижераторы. Прекрасный способ уберечь труп от порчи! И запаха никакого.

— Вот, значит, откуда в волосах у убитой азиатские насекомые! Она побывала не в Южном Китае, а в контейнере, под цветами.

— Мы тоже пришли к такому выводу.

— Зато это перечеркивает мою гипотезу насчет того, каким образом на Лаки оказалась туфля Тельмы.

— Отчего же? Они привезли тело сюда, но вытащили его из контейнера в каком-то укромном месте. Зачем гонять контейнер у всех на виду по горной дороге? Тогда с ноги мертвой журналистки и свалилась туфля. Вместо того, чтобы выкинуть, они ее припрятали и забыли о ней. А через год там появилась Лаки и по ошибке надела туфлю.

Коди уставился на мычащего бычка, которому ставили клеймо.

— Вы сумеете отследить орхидеи по документам воздушных перевозок?

— Пытаемся это сделать, — ответил Хелмер. — Орхидеи — ключ ко всему.

На второе утро своего пребывания в новом доме Лаки приготовила оладьи с орехами, которые так любил Грег. Брэд похвалил лакомство, однако Джулия явно предпочитала свежие фрукты. Она немного поковыряла оладью вилкой, а потом попыталась утопить ее в сиропе.

— Теперь Вангу не поздоровится, — заметил Брэд. — Мне пришлось нанять повара, потому что ты твердила, что никогда в жизни не станешь готовить.

Это было произнесено мягким тоном, и Лаки благодарно улыбнулась. Брэд два дня вел себя безупречно, не мешая ей привыкать к новой обстановке.

— Ванга хороший повар! — заявила Джулия. — Ты никогда не делала такие сэндвичи с арахисовым маслом и желе.

Лаки смиренно приняла этот упрек своей умной не по возрасту дочери. Накануне она дала Джулии с собой в детский сад сэндвич с индейкой, который вернулся домой нетронутым.

— Мне нравится готовить, — твердо сказала Лаки. — По-моему, можно больше не пользоваться услугами Ванга. Я прекрасно справлюсь сама — если вы мне напомните, какие блюда предпочитаете.

Брэд отложил вилку и скептически усмехнулся.

— Посмотрим, надолго ли у тебя сохранится интерес к готовке. А другого такого первоклассного повара, как Ванг, придется поискать.

Лаки отвела глаза и постаралась подавить вспышку ярости. Снова давал о себе знать тяжелый нрав! Надо держать себя в руках. Судьба предоставила ей шанс начать жить заново, и она сделает все, чтобы больше не давать волю своим дурным наклонностям. У Брэда были все основания в ней сомневаться. Что ж, она докажет, что он ошибается.

— Тебе пора, тыквочка, — сказал Брэд Джулии. Лаки тоже встала.

— Я провожу тебя до машины, детка. Не забудь, когда ты вернешься, мы пойдем в зоопарк.

В холле горничная Малия подала Джулии ее коробку с ланчем. Девочка неловко взяла ее, коробка упала, и пакетик с апельсиновым соком лопнул, залив беломраморный пол. Джулия по привычке закрыла руками уши, Малия отпрянула.

Лаки сообразила, что от нее ждут взрыва бешенства. Опустившись на колени, она притянула к себе девочку.

— Ничего страшного, Джулия. Подумаешь! Малия даст тебе другой сок.

Джулия перестала зажимать уши.

— Ты не сердишься?

— Нет, родная, не сержусь. Мама просит прощения за то, что раньше на тебя злилась. Ты меня простишь?

Джулия вместо ответа поцеловала ее в щеку. Это было сделано так неумело, что Лаки догадалась: девочка не привыкла целовать мать. Сколько же всего ей предстоит исправить! Она прижала Джулию к себе и крепко поцеловала.

— А может, вместо зоопарка пойдем на рынок выберем щенка? Тебе хочется собачку?

— Неужели можно, мамочка? Можно?

— Конечно, — ответила Лаки и подняла глаза на Брэда, ожидая его согласия.

— Ты же всегда говорила, что терпеть не можешь собак! Ты уверена, что не передумаешь?

Личико Джулии страдальчески сморщилось. Лаки поспешно обняла ее и весело улыбнулась.

— Я рада, что не помню этого. Детям нужны домашние животные. Возможно, мы заведем не только собаку, но и кошку.

Лаки проводила дочь во двор, где дожидался Рауль с лимузином. Джулия потянула ее за руку, и Лаки нагнулась, подставив ухо. Она уже привыкла к тому, что девочка предпочитает шептать, даже когда ничто не мешает общаться в полный голос. Лаки видела в этом стремление быть поближе к матери, которая прежде была такой холодной.

— Мама, ты можешь сама отвезить меня в детский сад? Всех детей привозят мамы или папы...

Лаки как-то не приходило в голову, что ежеутреннее прибытие в детский сад в шикарном лимузине с Шофером ставит ее дочь в неудобное положение.

— С удовольствием! Только не сегодня: я не умею управлять лимузином. Я попрошу папу купить нам машину.

Джулия поцеловала ее еще раз.

— Я тебя люблю, мамочка!

— И я тебя люблю. Когда вернешься, пойдем за щенком.

Она проводила взглядом лимузин и оглянулась на Брэда. Сейчас он сядет в свой черный «Порше» и уедет

в офис, оставив ее скучать в доме, похожем на безмолвный мавзолей.

— Ты уверен, что нам так уж нужен лимузин? Брэд вздрогнул от неожиданности.

— Сильно же ты изменилась! Ведь это ты настояла на лимузине.

— Я бы предпочла скромный джип, чтобы можно было всюду разъезжать с Джулией.

— Неужели? Сколько угодно. — Он немного поколебался. — По-моему, тебе следует заехать к Себастьяну и сделать прическу. Завтра вечером мой партнер устраивает коктейль. Я хочу пригласить тебя с собой.

Лаки еще не чувствовала себя готовой к участию в светских мероприятиях. Она казалась себе гадким утенком, угодившим в пруд с лебедями, и не представляла, как следует вести себя со знакомыми Брэда. Однако ей не хотелось его расстраивать: он успел заслужить ее хорошее отношение.

Лаки была очень рада, что Брэд не пытается предъявлять на нее супружеские права. И все-таки в этом было нечто странное. Или они давно прекратили супружеские отношения? Не потому ли у них отдельные спальни? Лаки не знала, что подумать, к кому обратиться с вопросами.

Поднимаясь по мраморной лестнице, она вспоминала Грега. Она безумно по нему скучала. Лаки честно пыталась найти себе место в жизни Брэда, но эта жизнь была так ей чужда, что задача оказалась гораздо сложнее, чем ей представлялось сначала.

— Старайся! — приказала она себе шепотом. — Та дала слово Джулии.

Наверху она заглянула в гардероб и глубоко вздохнула. Каждое платье или имело вырез до пупа, или было на размер меньше, чем нужно. Неужели она так любила обтягивающую одежду? К тому же почти все вещи были либо черными, либо белыми. Лаки решила, что придется срочно что-нибудь купить — в соответствии с ее нынешними вкусами.

Она заглянула в телефонную книгу, лежавшую на ночном столике: очевидно, нужно предварительно позвонить этому парикмахеру. Однако никакого Себастьяна она не нашла, а узнать у мужа его фамилию не удосужилась. Перелистывая книжку. Лаки с удивлением констатировала, что подруг у нее крайне мало. Впрочем, Брэд ведь говорил, что она общалась только с парикмахером, маникюршей и личным тренером.

О функциях последнего Лаки не имела ни малейшего представления, пока Брэд не объяснил, что это профессиональный спортсмен, под руководством которого она упражнялась в домашнем заде для тренировок. Лаки была поражена: оказывается, она настолько богата, что может платить людям, заставляющим ее потеть!

Нет, к черту тренера! Больше она не будет зря швыряться деньгами. Страшно подумать, сколько она понапрасну растратила. Вот если бы хоть часть этих денег попала в институт Грега...

— Не смей вспоминать Абби и Номо! И Грега тоже... — прошептала она. — У тебя теперь новая жизнь.

Лаки услышала, как подъехал лимузин, и кинулась вниз.

— Отвезите меня к парикмахеру, — попросила она Рауля, вышедшего из машины.

Рауль молча распахнул дверцу, она так же молча села. Они покатали по городу, где тротуары были забиты продавцами маек, и повсюду бродили толпы обгоревших туристов. Лаки все казалось смутно знакомым, хотя она не смогла бы назвать ни одной улицы.

Лимузин затормозил перед салоном с хромированными буквами над входом. Рауль открыл дверцу, и Лаки вышла из машины.

В противовес почтительному Раулю регистраторша обошлась с ней пренебрежительно. Она не обратила внимания на лимузин и вообще смотрела на Лаки так, словно предпочла бы не сталкиваться с ней в темное время суток. Лаки пожалела, что не успела купить себе что-нибудь приличное и явилась сюда все в тех же по-трепанных шортах. В ответ на свой вопрос о Себастьяне она услышала, что у него не будет свободного времени всю неделю. Она уже собралась уходить, но напомнила себе, что по сравнению со всем пережитым эта унижительная ситуация — мелочь. Заносчивая регистраторша заслуживала отпора!

— Скажите ему, что его спрашивает миссис Вагнер. Регистраторша разинула рот.

— Боже, я вас не узнала! — Она вскочила с места и исчезла за перегородкой из дымчатого стекла.

Через несколько секунд к Лаки вышел молодой человек довольно женственного вида с хвостиком на затылке. В его ухе и в левой ноздре красовались два одинаковых бриллианта по два карата каждый. Лаки сразу поняла, что видит юношу не впервые: его лицо было ей не менее знакомо, чем лицо Брэда. Заметив ее, он остановился как вкопанный и расширил глаза.

— Что вы сделали с волосами?! Не дав Лаки ответить, Себастьян кинулся к ней и громко поцеловал воздух у одной и у другой щеки.

— Не переживайте! Я мгновенно все поправлю. Он повел ее в салон, настолько заставленный экзотическими папоротниками, что его можно было принять за теплицу. Лаки села в кресло, осмотрелась и решила, что это место выглядит знакомым. Вот и Себастьяна она тоже определенно знала, хотя его имя прозвучало для нее словно впервые.

Постукивая миниатюрной расческой по бриллианту в ноздре, Себастьян оглядел ее со всех сторон.

— Я читал в газете о ваших злоключениях, — сообщил он. — Вас пытались убить, а теперь вы не помните собственного прошлого.

— Так и есть.

Лаки понимала, что перед ней гомосексуалист, но это не имело значения: он почему-то сразу вызвал у нее доверие.

Себастьян приподнял двумя пальцами прядь ее волос.

— Неужели дешевый самодельный перманент? Зачем?! С такими-то волосами!

— Я обесцветилась. Если вы смотрели «Пропавших», там показывали фотографию...

— Я видел этот отрывок. Глаза женщины показались как будто знакомыми, но мне и в голову не пришло, что это вы. Дорогая, по той фотографии вас не узнала бы и родная мать! А ведь вы так гордились своими волосами. Такие густые, темные, безумно сексуальные... Никогда бы не поверил, что вы способны обесцветиться и завиться. Как вас только угораздило?

— Понятия не имею. Вы можете что-нибудь сделать? Завтра вечером мне надо на прием...

— Только не злитесь! Вот мое предложение: остатки перманента мы сострижем. Получится коротковато, зато... — Он хлопнул себя по ляжке и хихикнул. — Зато хорошо.

— А я часто злюсь?

Господи, как же она себя вела? Орала на всех подряд?

Себастьян пожал плечами.

— Обычно мы с вами неплохо ладим, но вообще вам свойственно скандалить.

— Понимаю, — вздохнула Лаки. Все твердят одно и то же; ясно, что она отъявленная эгоистка и стерва. — Делайте все, что сочтете нужным. Главное, чтобы можно было показываться на людях. И не открывайте, пожалуйста, шрам на затылке.

Худенькая гавайка вымыла ей волосы, и Себастьян приступил к стрижке, приговаривая:

— Хакуна матата. Не волнуйтесь. На приеме вы будете сногшибательны.

— Скажите, Себастьян, мы с вами друзья? Брэд говорит, что у меня мало друзей, а подруг нет вообще.

— Вы никогда не любил» женское общество. Мне вы говорили, что женщины вам надоели. — Он встретился с ней взглядом в зеркале. — А меня вы называли своим лучшим другом. Вы хорошо ко мне относились, хотя я из геев. Вообще-то мы были на «ты»...

— Расскажи мне что-нибудь про меня! Брэд почти ничего не знает о моем прошлом. Он говорит, что я появилась здесь пять лет назад и он нанял меня секретаршей, поскольку я хорошо владела компьютером. Я что-нибудь рассказывала о своей семье, о том, где я раньше жила?

— Ничего. Ты говорила, что недолго проработала в Денвере — или в Чикаго? Твои родители умерли. Кажется, у тебя есть дальняя родня на Среднем Западе. Больше я ничего от тебя не слышал.

— А ты не находил это странным?

— Признаться, нет. Ты всегда держалась обособленно. У тебя вообще сложный характер.

— Сложный?! Да я была эгоисткой до мозга костей! Плохо обращалась с дочкой...

Себастьян вдруг резко развернул кресло и оказался с ней лицом к лицу.

— Ты любишь дочь! Я знал тебя еще до беременности. Ты ничего так не хотела, как иметь ребенка. Но для того чтобы быть хорошей матерью, тебе не хватает терпения.

— Теперь хватает. Я стала совсем другой. И она рассказала ему, своему единственному другу, про синдром Хойта — Мелленберга. Себастьян внимательно и сочувственно слушал. Лаки даже обнаружила в нем сходство с Сарой, которая тоже легко сходилась с людьми.

— А когда я... исчезла, я не говорила тебе, куда еду, надолго ли?

— Я думал, ты отправилась в Лос-Анджелес, прибарахлиться. Ты обычно летала туда несколько раз в году. Да, чуть не забыл! Когда мы виделись в последний раз, ты отдала мне сумку. Я бы ее захватил, но ты заранее не позвонила...

У Лаки побежали по телу мурашки. Грег считал, что она знает нечто важное, из-за чего стала

мишенью для убийц. Неужели она близка к отгадке?

— Что в сумке? Себастьян пожал плечами.

— Два каких-то конверта. Я их особо не разглядывал. Наверное, это вырезки из модных журналов. Ты всегда советовалась со мной, когда покупала что-нибудь из одежды, и показывала фотографии.

Значит, это он — вдохновитель ее вызывающего гардероба!

— Если хочешь, я завезу сумку тебе домой.

— Нет, я сама зайду за ней завтра.

— Завтра? Разве ты забыла?.. — Он хлопнул себя по лбу. — Ах да, ты же вообще ничего не помнишь! Завтра днем я отбываю на остров Мауи, это на Гавайях. Там открыли парикмахерский салон в отеле «Четыре сезона» и пригласили меня работать. Я летаю туда каждую неделю. Заходи в четверг. Я захвачу сумку и дам тебе совет насчет платья.

В прошлой жизни она была такой легкомысленной особой, что содержимого сумки вряд ли стоило бояться. В конвертах наверняка не окажется ничего важного. Подумаешь — фотографии очередного черного или белого платья! И все же Лаки не удержалась и пошарила в кармане сарафана. Увы, акульего зуба там не оказалось...

31

«Мама, а почему ты всегда говорила, что Гарри — жеребец?»

Переплывая бухточку, Лаки с улыбкой вспоминала вопрос дочери. «Жеребец Гарри» оказался тем самым тренером, который в прежней жизни посещал ее дважды в неделю. Узнав что она вернулась, Гарри тут же примчался, чтобы «помочь размять бедра». Как можно так себя холить?! Определенно, персональный тренер — постыдная блажь! Лаки поблагодарила и отказалась от его услуг. Она прекрасно разомнется сама — при помощи того же плавания.

Сначала она плыла на спине, потом перешла на баттерфляй. Вдали виднелись небоскребы Вайкики, серебрящиеся на солнце. По дорожке между виллами к пляжу приближался какой-то мужчина. До него было слишком далеко, чтобы узнать, кто это, но чем-то он напомнил ей Грега.

— Прекрати! — приказала она себе вслух. Ей всюду мерещился Грег. От такой безумной любви недолго спятить.

А потом она увидела бегущую за мужчиной собаку. Доджер?! Лаки чуть не захлебнулась от радости и повернула к берегу. Ей ничего не стоило вообразить, что они находятся на Мауи. Сейчас Грег войдет в воду, как прежде... но вместо него в воду, мотая хвостом, залез Доджер.

— Умница!

Лаки стояла среди пены и гладила пса по голове, не решаясь поднять глаза на Грега. Когда же она наконец сделала это, то обнаружила, что он улыбается — впрочем, довольно натянуто.

Может быть, он не одобряет ее легкомысленное бикини? Но у нее было ровно тридцать три купальника, с большинства из которых не сняты ценники! Было бы глупо покупать еще один...

Она и так выбрала самый скромный из всей коллекции.

— Привет! — Лаки очень старалась, чтобы ее голос звучал беспечно. Ей хотелось кинуться ему на шею, но она знала, что, поступив так, уже не сможет его отпустить. — Ты приехал натаскивать Доджера или с другой целью?

— Нет, просто без Доджера я бы не сел в самолет. Мой банковский счет в таком катастрофическом состоянии, что у меня не оказалось денег на билет. Но «Алоха Эйр» перевозит спасателей бесплатно, вот я и захватил в аэропорт Доджера. Они решили, что мы летим кого-то спасать, и посадили нас без билета.

— Тебе нужны деньги? Я сейчас сбегаю домой и...

— Не надо, Коди дал мне немного. Я переночую у Клода Уинстона. Это мой давний приятель, врач из местного университета. Кстати, именно он разработал инъекцию для тюленей.

— Вот оно что... — Лаки не могла скрыть разочарования: — Значит, ты по делу?

— Нет, я прилетел, чтобы поговорить с тобой. Грег поднял темные очки на лоб. Как хорошо она знала этот его серьезный взгляд!

— Что-нибудь с Абби? — Он покачал головой и взял ее за руку. — С Сарой или детьми?

— Да нет же, с ними все в порядке. Где нам лучше поговорить?

Лаки повела его в ближнюю рощицу финиковых пальм, по пути наблюдая задним краем глаза. Ей казалось, что она никогда еще не видела Грега таким напряженным и сосредоточенным.

В тени она уселась на плоский камень. Грег пристроился рядом, Доджер примостился у ног Лаки, глядя на нее влюбленными глазами.

— Скажи же наконец, что произошло! Он стиснул сильными пальцами ее ладонь.

— Тебе что-нибудь говорит номер С-311? Лаки целую минуту ломала голову. Номер казался смутно знакомым, но она не могла вспомнить, что он означает?

— Нет, ничего.

— За день до того, как за тобой явился Брэд, в институт привезли корма, и ты за них расписалась. Вместо подписи ты поставила С-311. Наверное, раньше ты очень часто повторяла этот номер, если твоя рука сама вывела его. Ведь люди обычно расписываются автоматически.

— Врачи говорили, что это рано или поздно произойдет. Но почему номер, а не фамилия?

Грег посмотрел ей в глаза, и она прочла в его взгляде сострадание.

— Выяснилось, что ты сидела в тюрьме. Заключенных называют не по фамилиям, а по таким номерам.

Лаки вскрикнула. Как ни отвратительна ей была женщина в зеркале, неужели она оказалась способна на поступки, за которые карают тюрьмой?

— Откуда ты знаешь?

— ФБР проверило номер. Коди позвонил начальнику тюрьмы в Монтане. Я тоже с ним поговорил. Мы даже расспросили о тебе тюремного психолога.

Правда о ее прошлом оказалась нестерпимо болезненной. Мало того, что она плохая мать, самовлюбленная пустышка; она еще совершила преступление! С этим было невозможно смириться.

— За что меня посадили?

Грег обнял ее за голые плечи.

— Тебе было семнадцать лет и одиннадцать дней, с юридической точки зрения — совершеннолетие. Твой дружок ограбил ночной магазинчик; ты сидела в его машине, когда он выстрелил в продавца. От ранения продавец скончался.

Лаки смотрела на неге широко раскрытыми глазами. Его слова отдавались у нее в мозгу отвратительным эхом. Соучастница убийства! Ее охватила ярость, хотелось крикнуть, что все это неправда. Она боролась с собой, напрягая все силы.

Грег молча привлек ее к себе, и Лаки поняла, что бы она ни совершила в прошлом, он любит ее всем сердцем. Она облегченно вздохнула и прижалась к его груди.

— Как же это меня угораздило?

— Ты показала, что не знала о его намерении совершить ограбление, но тебя все равно приговорили за соучастие в убийстве к двадцати двум годам. Ты отсидела десять лет и еще несколько месяцев.

Лаки в отчаянии смотрела на волны, обрушивающиеся на золотой пляж. Прожить треть жизни за решеткой! Невероятно! Она с содроганием вспоминала даже считанные дни, проведенные в каталажке на Мауи. В неволе она чувствовала себя недочеловеком, полным ничтожеством.

Номер... Конечно, она не помнила, как сидела в тюрьме, но отлично знала, что значит быть ничем — номером, а не личностью. STO унизительно и страшно. Ее охватило отчаяние, граничащее с тошнотой.

В таком случае надо благодарить судьбу за свое беспамятство! Камера в Мауи — и та была для нее сущим адом. Разве можно жить, помня о десяти долгих годах заключения?

Но кем же она была прежде? Как докатилась до тюрьмы?

— Что еще ты узнал? — тихо спросила Лаки.

— Доктор Кармайкл, психолог, рассказала о тебе довольно много. Судя по всему, она проявляла к твоему делу особенный интерес.

— Ей известно, есть ли у меня родня?

— Если и есть, то разве что совсем дальняя. Твои родители не состояли в браке. Об отце вообще ничего не известно.

— Моя мать умерла? — спросила Лаки, вспомнив слова Брэда.

— Да, погибла в автомобильной аварии, когда тебе было шесть лет. — Грег сделал паузу;

казалось, он хочет сообщить ей что-то еще, но никак не может собраться с духом. — Тебя отдали на воспитание в другую семью. Ты почти не умела говорить.

— Я была немой?!

Невероятно! Двухлетняя дочка Сары уже тараторила вовсю, четырехлетняя Джулия и вовсе говорила совсем как взрослая.

— Почему я молчала в шесть лет?

— Вряд ли мы сумеем получить ответ. Наверное, у тебя была такая сильная психическая травма, что ты боялась говорить. Помнишь, ты думала, что тебя зовут «Заткнись»? Очевидно, всякий раз, когда ты хотела что-то сказать, мать орала на тебя, требуя заткнуться.

Вместо жалости к самой себе Лаки почувствовала страшный стыд.

— Господи, ведь я делала то же самое! Я кричала на Джулию. Брэд рассказывал мне...

— Брэд говорил, что ты была дочь?

— Нет, но...

— Значит, тебя нельзя сравнить с твоей матерью. Ранние годы человека — источник самых глубоких впечатлений. Ты пережила страшные испытания, а неосознанно воспроизводила потом поведение, которое было тебе знакомо. Это свойственно многим людям, подвергавшимся в детстве жестокому обращению. Однако ты боролась с собой. Ты срывалась на Джулию, но ни разу не подняла на нее руку.

— Ты прав. Накричав на нее, я спешила признаться ей в любви. — Лаки взъерошила свои короткие волосы. Она была страшно зла на себя. — Я ее совершенно запутала. А ведь сколько твердят: не путайте детей, будьте последовательны!

— Больше ты не срываешься, а это самое главное. Лаки поудобнее устроила голову у него на плече и прикрыла глаза. Как ни ужасна была женщина по имени Келли, она хотела знать о ней все.

— Что еще ты узнал?

— Твоя приемная мать была доброй, набожной женщиной. Она жалела тебя, но считала умственно отсталой: ведь ты все время молчала. Она советовалась с врачами, пыталась разговаривать тебя, но это ей не удавалось. И вот однажды ты запела в церкви.

— Поэтому я и знаю «Господню благодать», — тихо проговорила Лаки.

У нее разрывалось сердце: сколько она ни силилась, никак не могла вспомнить эту чудесную женщину, у которой хватало любви и терпения на такого трудного ребенка. Лаки казалось, что она должна быть похожа на Сару, отдающую близким всю себя, ангела-хранителя семьи.

— Услышав, как ты поешь, она загорелась надеждой, и в конце концов ты действительно заговорила. Она отдала тебя в школу и помогала изо всех сил, чтобы ты не отставала: ведь одноклассники опережали тебя на два класса. Твоя жизнь сложилась бы совершенно по-другому, если бы эта женщина прожила подольше.

— Она умерла? Как печально! Мне хотелось бы с ней поговорить, поблагодарить ее...

— По данным, имеющимся у доктора Кармайкл, она была пожилой вдовой и умерла от сердечного приступа. Ты начала кочевать по приемным семьям, нигде подолгу не задерживаясь. У доктора Кармайкл есть только данные социальной службы, и из них следует, что твоя успеваемость неуклонно ухудшалась. Ты стала дерзкой, вспыльчивой, чуть что, лезла в драку, связалась с плохой компанией...

— Неужели обо мне нельзя сказать ничего хорошего? Может быть, я занималась спортом? Ты сам говорил, что я прекрасно плаваю...

Прежде чем ответить, Грег помолчал, взвешивая слова.

— Да, ты состояла в команде по спортивному плаванию. В тюремной команде.

Лаки вдруг пришло в голову, что Джулия очень скоро начнет расспрашивать ее о детстве и юности. Разумеется, ей не обязательно открывать всю подноготную, пока она не вырастет и не поумнеет. Но когда у матери такое темное прошлое... Боже, неужели ее будет стыдиться собственная дочь?!

— Доктор Кармайкл пыталась на тебя повлиять, умерить твою вспыльчивость, но ты не переставала ссориться с другими заключенными и с охраной. Тебя несколько раз сажали в карцер. Ты была настоящей одинокой волчицей, отказывалась с кем-либо дружить. Первые пять лет ты проработала на кухне, а по вечерам посещала тюремную школу.

— Теперь понятно, почему у нас повар. Брэд говорит, что я ненавижу готовить. Но у меня сохранились эти навыки, потому что я посвятила готовке слишком много времени. И вот что "любопытно: я не помню, чтобы это занятие вызывало у меня ненависть!

Грег печально улыбнулся.

— Ты так упорно училась и так прогрессировала, что тебя приняли в специальный компьютерный класс. В тебе проснулся замечательный талант. Сам начальник тюрьмы поручил тебе перевести их архивы на новые носители.

— Хоть одно доброе дело!

Он покачал головой и крепче обнял ее.

— Не совсем. Ты оказалась такой умницей, что стерла из тюремных архивов все упоминания о себе. В их банках данных не осталось ровно ничего, даже отпечатков твоих пальцев! Вот почему Коди не мог получить о тебе никакой информации. Тебя опознали по фотографии, но сказали, что в тюрьме ты была длинноволосой шатенкой.

— На всех фотографиях, которые мне показывал Брэд, у меня длинные волосы. Я сходила к Себастьяну, своему парикмахеру. Он не мог поверить, что я осветлилась и завилась. Наверное, я очень гордилась своими волосами. Чего ради мне понадобилось их обесцвечивать?

— Понятия не имею. — Грег погладил ее по мокрой голове. — Какие коротенькие! И больше не завиваются. Ты похожа на зеленоглазую фею.

— Себастьян советует снова отрастить волосы и больше не дурить. Но я, может быть, останусь стриженной. Не хочу быть похожей на себя прежнюю.

— Понимаю, что у тебя на душе. — Он поцеловал ее в кончик носа. — Я всегда буду тебя

любить — и с короткими волосами, и с длинными.

Лаки отвернулась: она не хотела переживать все это снова. Один раз они уже расстались, и второго раза она бы не выдержала. Но как ей хотелось быть достойной любви, которой светился его нежный взгляд!

— Все-таки непонятно, почему я не помнила собственного имени. Хорошо, я прожила десять лет под тюремным номером, но потом-то опять превратилась в Келли!

— Причина есть, и очень веская. — Грег посмотрел ей прямо в глаза. — В свидетельстве о рождении ты значишься Абигейл Сью Рестон.

— Абигейл?! Поразительно! Стоило тебе попросить меня придумать имя для тюлененка — и это слово само сорвалось у меня с языка!

— Знаю. Оно оставалось у тебя в подсознании: очевидно, мать иногда называла тебя по имени. Ну а приемная мать почему-то звала тебя Руди.

— Неужели? — Лаки едва не свалилась с камня. — Теперь понятно, почему я назвала так акуленка. Мозг подсказал мне мое собственное имя...

— Видимо, да. Видишь, как много у тебя было имен, начиная с «Заткнись!». У доктора Кармайл записано, что в старших классах ты называла себя «Дасты». Неудивительно, что ты не могла вспомнить свое настоящее имя.

— Значит, перебравшись сюда, я в очередной раз назвалась по-новому?

— Да. Перед самым освобождением ты связалась с 'Каким-то человеком по Интернету, и он предложил тебе работу на Гавайях — так, по крайней мере, помечено в рапорте. Освободили тебя досрочно. По мнению доктора Кармайл, ты была крепким орешком, но больше всего на свете боялась опять угодить в тюрьму.

Лаки задумалась. Теперь понятно, почему Брэд так мало о ней знает.

— Судя по всему, я никому здесь не рассказывала о своем прошлом. Уверена, что психолог права: меня преследовал страх снова оказаться в тюрьме.

— Кто же станет осуждать тебя за скрытность? Очень многие не доверяют человеку с судимостью. По словам доктора Кармайл, ты была полна решимости выйти замуж за богача и жить как принцесса. — Грег

запнулся, устремив взгляд на роскошную виллу, которую она теперь звала своим домом. — Что ж, твое желание исполнилось...

«Нет, не исполнилось! — хотелось крикнуть ей. — Я хочу жить в домике у моря с тобой и Джулией. И с нашим с тобой малышом».

— Не знаю, как мне удастся искупить все свои проступки. Оказывается, я еще хуже, чем женщина в зеркале! Я законченная стерва. Я...

Грег провел пальцем по ее губам.

— Я решил рассказать тебе все это сам, потому что знаю, как тебе тяжело считать себя дурным

человеком. — Он сжал ладонями ее лицо, заставил поднять глаза. В его взгляде было столько любви и тревоги за нее, что Лаки чуть не расплакалась. — Перестань себя грызть, Лаки! Тебе просто не было предоставлено шанса зажить достойной жизнью. Тебе не за что себя ненавидеть. То, что ты пережила, типично для многих детей, подвергавшихся в родной семье жестокому обращению. Такие дети, как правило, становятся трудными подростками, а потом, повзрослев, вступают в конфликт с законом.

— Не всегда, — возразила она. — Не все люди, над которыми издевались в детстве, попадают в тюрьмы.

— Верно, — согласился он. — Но если ты ознакомишься со статистикой, то увидишь: основные поставщики преступного мира — проблемные семьи, где мучают детей.

Лаки покачала головой.

— Все равно, я не хочу винить в своих ошибках других. Я сама несу ответственность за свои поступки, даже если не помню, как их совершала.

Она бы, наверное, разрыдалась, если бы Грег не смотрел на нее с такой любовью. Лаки почувствовала: он готов принимать ее такой, какая она есть.

— Вот и хорошо, — нежно сказал Грег. — Я знал, что ты не станешь искать для себя оправданий. Постарайся забыть о прошлом и думать о том, что тебе дали шанс, какого большинству людей не выпадает ни разу в жизни. Удар по голове — и полное перерождение личности!

— Очень надеюсь, что так оно и есть. Ах, Грег, ты не представляешь! Меня боялась собственная дочь, все, кто меня знал, были готовы к приступам моей раздражительности. Себастьян назвал меня капризной примадонной. И почему из ребенка, которого прижигали сигаретами, вырастает эгоистичная стерва? Ведь я, наоборот, могла бы научиться жалеть людей...

— Поведение диктуется внутренним содержанием человека. Можно забиться в угол, стать слабым и робким, а можно и огрызаться. Вряд ли мы узнаем о тебе все, но и так ясно, что ты не только огрызалась, но и сражалась за себя.

— Во мне говорили злоба и эгоизм!

— Не без этого. Но разве найдется человек, не совершавший ошибок? Зато теперь тебе предоставлен шанс стать такой, какой ты сама пожелаешь.

— Надо же! Потребовалась черепная травма, чтобы превратить меня в пригодного для общения человека и приличную мать! — Она покачала головой. — Что ж, я постараюсь сделать так, чтобы ты мог мной гордиться.

— Я горжусь тобой и всегда буду гордиться, мой ангел.

У Лаки заняло сердце при мысли, что Грег, зная о ней все, продолжает ее любить. То, что чувствовала к нему она, невозможно было выразить словами.

— Обещай, что будешь стараться возродить свой брак. Ты заслуживаешь счастья, Лаки, а я хочу только одного — чтобы ты была счастлива.

— Разве ты меня больше не любишь? — она поняла, что сейчас разрыдается.

— Конечно, люблю! Два года назад, потеряв Джессику, я поклялся себе, что больше ни одна женщина не причинит мне такой боли. Но я ошибся. Разлука с тобой оказалась в сто раз невыносимее. Мы не должны больше видеться, Лаки: зачем напрасно себя терзать? Я верю, что тебя ждет прекрасная жизнь. Джулия — чудесная девочка, Брэд тоже кажется славным малым. Забудь обо мне, думай только о своей семье.

Лаки подавила рыдание, сознавая его правоту: пока где-то рядом был Грег, ее брак находился под угрозой.

— Я тебя никогда не забуду. Где бы я ни оказалась, что бы ни делала, я всегда буду тебя любить. Если бы все сложилось иначе...

— Не надо так говорить. «Если бы» не в счет. Существует единственная реальность: твоя дочь и муж. — Он опустил руку в карман. — Я кое-что тебе привез. Впрочем, теперь это скорее всего ни к чему: у тебя ведь столько драгоценностей...

Грег сунул ей зуб Руди на золотой цепочке.

— О, спасибо! Я буду его носить, не снимая. Наверное, это звучит глупо, но мне кажется, что он приносит мне счастье. — Лаки надела цепочку с акульим зубом на шею. — Как же мне повезло, что ты меня нашел! Ты преподнес мне величайший на свете дар — возможность познать настоящую любовь.

Грег притянул ее к себе, и она припала к его груди. Его глаза выражали такую бездонную печаль, что в ней впору было потонуть. Этот человек любил ее и помог своей любовью преодолеть самый страшный в жизни кризис. И что же получил в благодарность? Только страдание.

Их губы соприкоснулись в нежном поцелуе, полном боли и горечи. Сильные руки, однажды спасшие Лаки от смерти, стиснули ее в прощальном объятии. Синие глаза, в которых она так часто читала понимание и любовь, в последний раз заглянули ей в душу.

— Прощай, Лаки. Будь счастлива.

Грег отпустил ее и щелкнул пальцами. Доджер насторожился, выжидательно глядя на Лаки, а потом побрел за хозяином по пляжу к дорожке, то и дело оглядываясь: очевидно, пес недоумевал, почему Лаки осталась сидеть на камне...

— Прощай, любовь моя, — прошептала Лаки, когда они скрылись из виду. — Желаю тебе счастья.

32

Придя с Брэдом на прием, Лаки первым делом оглядела немногочисленных гостей, надеясь узнать хоть кого-то. Однако все лица были чужими. Что ж, не исключено, что она ни с кем из них прежде не встречалась: недаром муж сказал, что их пригласил его деловой партнер. Едва ли Келли особенно интересовалась его делами...

О гостях с уверенностью можно было сказать только одно: все они очень богатые люди. Лаки внезапно устыдилась блеска бриллианта на своем пальце. Она купается в роскоши, а институт

Грега тем временем побирается, выклянчивая тут и там мелкие пожертвования! Она решила, что как только наладит с Брэдом отношения, непременно попросит его сделать щедрый взнос. Словно догадавшись, что она думает о нем, Брэд взял ее за руку.

— Большое спасибо за джип, — прошептала она.

— Тебе понравился цвет? Если хочешь, можно поменять.

Лаки улыбнулась. Все-таки с Брэдом ей удивительно повезло! Возвратившись с пляжа, она застала его дома: он вернулся раньше, чем обещал. Оказалось, Брэд купил машину, чтобы Лаки могла сама возить Джулию в детский сад. Джулия, появившаяся дома спустя несколько минут, пришла от джипа в восторг. Родители прокатали ее по острову и, вернувшись, едва успели переодеться.

Они ни на минуту не оставались одни, поэтому Лаки не смогла рассказать Врэду о своем прошлом. Но она решила, что обязательно сделает это. Возможно, женщина из зеркала врала ему, но Лаки не собиралась следовать ее примеру!

Брэд поздоровался с пожилой парой и представил им Лаки. Беседа с ними, Лаки старалась произвести хорошее впечатление, но то и дело невольно поглядывала в окно. Партнер Грега жил по соседству с их домом, и они пришли сюда пешком. Неподалеку высились финиковые пальмы, под которыми она простилась с Грегом.

— Добро пожаловать, поздравляю с возвращением! — раздался за спиной низкий голос, показавшийся Лаки знакомым.

Она обернулась и увидела красивого мужчину. Не вызвало сомнений, что они когда-то встречались, хотя память не подсказывала, как его зовут. Рослый, с коротко стриженными светлыми волосами и пристальным взглядом карих глаз, он улыбался ей, приподнимая одну бровь. Эта манера тоже показалась ей очень знакомой.

На Лаки было самое скромное вечернее платье, какое она только отыскала в гардеробе, — кусок белого шелка до колен, собранный на талии. Единственным ее украшением был акулий зуб. Мужчина сразу уставился на талисман в вырезе ее платья.

— Не уверен, помнишь ли ты меня, поэтому на всякий случай представлюсь. Джадд Фремонт. — Он со значением заглянул ей в глаза. — Какое любопытное украшение!

— Это зуб акулы, — объяснила Лаки. Ей было не по себе: Брэд отошел от нее и теперь оживленно беседовал с одним из гостей. — Я ношу его на счастье.

Джадд щелкнул пальцами, подзывая спешащего мимо официанта.

— Бокал «Кристалла» для Келли!

Командный тон и повелительный взор свидетельствовали, что перед ней могущественный человек, привыкший распоряжаться. Интересно, что общего было с ним у Келли?

— Если можно, зовите меня Лаки, — попросила она.

Его взгляд тут же стал непроницаемым, хотя губы растянулись в улыбке.

— Полагаю, после всего, что ты перенесла, это имя? действительно подходит тебе больше, чем

Келли.

— А что такое «Кристалл»? — спросила она, смущаясь.

— Твое любимое французское шампанское, из самых дорогих. У меня в винном погребе всегда хранится для тебя ящик «Кристалла».

Лаки хотелось застонать, но вместо этого она вежливо улыбнулась. Фремонт, казалось, был страшно доволен — то ли самим собой, то ли еще чем-то.

— Я действительно плохо помню прошлое. Мы с вами были близкими друзьями?

Он нагнулся к ней, обдав запахом дорогого одеколona, и прошептал в самое ухо:

— Ближе не бывает.

У Лаки закружилась голова. Неужели они были любовниками? Джадд Фремонт заговорщицки усмехнулся, снова приподнимая одну бровь, и стало ясно, что именно это он и имел в виду.

— Я не помню прошлого.

— Бред меня предупреждал, что ты ничего не помнишь. Но не отчаивайся, я тебе помогу.

— Бред меня предупреждал.

В его тоне угадывался недвусмысленный намек. Лаки чувствовала, что он готов к возобновлению прежних отношений. Подоспел официант с шампанским. Не взять бокал было неудобно, и Лаки сделала несколько глотков.

— Прошу прощения, — сказала она, выдавив улыбку. — Бред обещал меня со всеми перезнакомить.

Лаки поспешила к мужу, который принялся представлять ее присутствующим. Она поняла, что все знают о ее злоключениях, но тактично стараются не касаться этой темы. Как только Брэд привез Лаки домой, ее история попала во все газеты. Лаки не задавали неприятных вопросов, но она то и дело ловила на себе любопытные взгляды.

— Какая прелесть этот ваш кулон! — воскликнула пышная блондинка с добрым десятком складок на шее и ярко-голубыми глазами. — Очевидно, это последний крик моды?

— Эта вещь единственная в своем роде, — нахмурилась Лаки и тут же устыдилась своего высокомерия. Женщина определенно ее знала и уважала за страсть к нарядам и украшениям, хотя сама Лаки ее решительно не помнила. — Это зуб акулы, которую я спасла.

У блондинки расширились глаза, количество складок на шее выросло вдвое.

— Неужели?!

Призрак Пиэлы был притчей во языцех на Мауи, Но Гонолулу был о себе слишком высокого мнения, чтобы отдавать островным легендам первые полосы газет. Лаки наверняка упоминалась крайне скупно, пока не выяснилось, что она — жена Брэда Вагнера.

— Я ношу это в память о Руд и, — сказала Лаки и добавила про себя, что еще это память о Человеке, который так сильно ее любил, что нашел в себе мужество от нее отказаться.

Блондинка совершенно растерялась. Если бы позволяли приличия, она бы, наверное, обратилась в бегство.

— Мы знакомы? — поспешно спросила Лаки. — Многие люди кажутся мне знакомыми, но я не помню ни одного имени.

— Раньше я была такой же шатенкой, как вы, вот вы меня и не узнаете. Митси Морган. Конечно, вы почти не обращали на меня внимания. — Толстушка не скрывала сарказма. — До женщин вам не было никакого дела.

«Ничего странного: проведите десять лет в окружении одних женщин, и я на вас полюбуюсь!» Но поскольку Лаки ничего не помнила о пребывании в тюрьме, она чувствовала, что ей нужна подруга, какой была Сара.

— Простите, если раньше я бывала с вами груба. Не помню, чем я вас оскорбила, но все равно искренне прошу прощения за все сразу.

— В общем-то, оскорблением это не назовешь, — проямлила Митси. — Просто единственное, чего можно было от вас дожидаться, — это «хэлло!». Я нигде вас не встречала, кроме таких вот приемов у Джадда.

«Она явно была бы не прочь со мной подружиться», — подумала Лаки и сказала вслух:

— Может быть, пообедаем вместе как-нибудь на будущей неделе? Правда, Джулия возвращается домой в половине второго, для ленча это, наверное, слишком рано, но все равно...

Митси просияла:

— Я бы с радостью!

— У вас есть дети? — Опросила Лаки.

— Трое. Потому я и распростилась с талией.

— Отлично! Я не о талии, а о том, что вы тоже мама. Мне очень нужны советы, как растить дочь.

Митси Морган определенно была удивлена и польщена, что Лаки остановила свой выбор именно на ней. Они долго болтали о проблемах, с которыми сталкивается любая мать. Митси не хватало мудрости и глубины Сары, зато она оказалась такой любящей матерью, что Лаки получила от нее немало полезных советов. Например, как быть, если дети приносят из детского сада вульгарные словечки или слишком увлекаются компьютерными играми...

К тому моменту, когда гостей позвали к столу, Лаки уже окончательно освоилась. У Джадда Фремонта был дом с множеством открытых помещений. Огромная столовая, например, выходила на лужайку с прудом, где гордо плавали, не нарушая зеркальной поверхности воды, три белых лебедя. Брэд подвел Лаки к месту, где лежала карточка с надписью «Келли», и она уселась за стол длиной со взлетно-посадочную полосу.

Митси, Джадд и Брэд расположились слишком далеко от нее, чтобы участвовать в их разговоре, а соседи Лаки обсуждали дела какой-то неизвестной ей фирмы. Она попыталась заинтересовать их проблемами института Грега, тюленями-монахами и китами: вдруг эти

состоятельные люди внесут пожертвования на благородное дело? Но ее надежды не сбылись.

К тому времени, как подали десерт. Лаки пришла к выводу, что тюремное заключение немногим хуже пытки за столом. Она, во всяком случае, откровенно томилась, взгляд ее постоянно притягивала финиковая роща, а все мысли занимал Грег. Сколько в нем было любви, сколько понимания! Глаза Лаки наполнились слезами. Перестанет ли она когда-нибудь по нему страдать?

— Простите, — сказала она и встала, решив освежить перед зеркалом помаду на губах.

Теперь у нее было столько свободного времени, что она не брезговала дневными ток-шоу, из которых узнала, что даме не подобает подкрашивать губы прямо за столом. Тогда это правило показалось ей глупым, зато теперь она оценила такой удобный повод улизнуть.

В холле ее нагнала Митси.

— Вы не помните, где тут дамская комната?

— Дальше по холлу и налево. А я схожу наверх. Стоя перед зеркалом в ванной второго этажа, Лаки сообразила, что, не раздумывая, указала Митси направление, а потом сама безошибочно нашла дорогу. Поразительно! Она не узнавала собственный дом, тогда как в этом дворце ориентировалась почти что с закрытыми глазами!

Человек запоминает то, что делает систематически. Скажем, загрузку компьютерных программ. Видимо, она была частой гостьей этого дома. Что-то тут не так! Решив как можно скорее поговорить с Брэдом, Лаки выбежала из ванной и едва не врезалась в Джадда Фремонта.

— Я сумела найти эту ванную! — объявила она ему посреди просторного холла, украшенного древовидными папоротниками в подсвеченных нишах. — Вон там кабинет... Почему все это мне так хорошо знакомо, а в собственном доме мне буквально приходится сыпать по пути крошки, как Гензелю и Гретель, чтобы не потеряться?

Джадд усмехнулся.

— Как я погляжу, ты читаешь Джулии сказки братьев Grimm. — Он приподнял одну бровь. — Неудивительно, что этот дом тебе знаком. Вы с Брэдом жили здесь, пока строился ваш дом.

— Тогда все понятно.

Лаки испытала некоторое облегчение, но тревога прошла не полностью. Она чувствовала, что ее тревожит сам Джадд. Зачем он поднялся следом за ней наверх?

Шагая с ней рядом по холлу, Джадд рассказывал о своих особенных светильниках. Потом он свернул в зеркальную нишу, где экспонировалось необычное растение в причудливом горшке — с одним бутонем коралловой окраски размером с футбольный мяч. Лепестков было всего три: нежно-розовые у кончиков, они багровели у основания.

— Очень редкий экземпляр! — сказал Джадд с нескрываемой гордостью. — Вымирающий вид из джунглей Амазонки.

— Что это? — Лаки не помнила, чтобы видела прежде подобные цветы.

— Крупнейшая из известных орхидей. В ее научном названии десять непроизносимых слогов, но коллекционеры называют ее «Рассвет на Ориноко», потому что вид был открыт на берегах этой южноамериканской реки. Теперь остались считанные экземпляры.

— Кто же вывез цветок из джунглей? Это незаконно! — Она вспомнила рассказы Алана Данбара об опустошении, грозящем гавайским джунглям.

— Я купил его у одного коллекционера, — холодно ответил Джадд. — Амазонские джунгли вырубаются с такой скоростью, что скоро эти красавицы окончательно исчезнут. Вся надежда на коллекционеров вроде меня: только мы в состоянии их спасти.

— Не знаю, как насчет Амазонии, но в гавайских джунглях редким орхидеям действительно грозит полное уничтожение. Я слышала об этом на Мауи. Хищникам-браконьерам нет оправдания! Власти делают все возможное для сохранения флоры джунглей, но...

Джадд улыбнулся:

— Что я слышу! Ты превратилась в ярую защитницу природы?

— Что же тут удивительного? У меня дочь. Я хотела бы, чтобы для Джулии сохранилось все богатство растительного и животного мира.

— Не могу с тобой не согласиться, — Джадд повел ее дальше по холлу. — В конце концов бразильцы опомнятся и прекратят сводить собственные леса. Вот тогда коллекционеры и передадут им орхидеи для высадки.

Он задержался у следующей ниши, и Лаки увидела еще одно бесценное растение в не менее бесценном горшке. На длинном стебле красовались многочисленные цветы необычной голубой окраски с зазубренными лепестками, напоминающими акулы зубы.

— Полюбуйся! — воскликнул Джадд и поднес руку к выключателю.

В холле сделалось совершенно темно, лишь лепестки орхидеи излучали голубовато-белое свечение.

— Чудо! Как это получается?

Джадд стоял совсем близко, Лаки снова ощущала аромат его одеколona. Она сделала шаг в сторону. Даже если в прошлом они были близки, Лаки не собиралась повторять прежние ошибки. А Джадда она уверенно относилa к разряду ошибок.

— Родина этой красавицы — Заир, еще одна страна, которая не заботится о защите своих джунглей. Фосфор из почвы входит в реакцию с химическими веществами, которые содержатся в самом растении, и вызывает такое свечение. — Он опять сократил расстояние между ними, и она почувствовала тепло его тела. — Только не дыши. Это растение выделяет ядовитые испарения.

Лаки сама нащупала на стене выключатель и зажгла свет.

— Я не чувствую запаха. Джадд загадочно улыбнулся.

— Испарения практически не имеют запаха. Я построил для орхидей этого вида специальную камеру. Она оснащена целой системой вентиляции, чтобы ядовитые испарения не

накапливались. Иначе кто-нибудь мог бы туда забрести и задохнуться.

— Правда?

Она внимательно разглядывала Джадда. До могучего Грега ему было далеко, но и он мог не стесняться своего загорелого мускулистого тела. Скорее всего он пользовался услугами персонального тренера — еще одного «жеребца». Когда Джадд потянулся к растению, чтобы любовно погладить его ядовитый цветок, она заметила у него на руке свежий рубец.

— Что это? Ты порезался?

Он посмотрел на рубец так, словно впервые его увидел, потом улыбнулся Лаки. В выражении его лица было нечто такое, что у нее волосы зашевелились на голове. Как она могла поддерживать близкие отношения с таким зловещим типом?!

— Меня оцарапала кошка. Бродит, понимаешь, вокруг склада, в котором у нас с Брэдом офис. Я предложил ей дружбу, а она...

— Какой еще склад?

Брэд говорил ей об офисе в центре города, но склада не упоминал.

— Один из наших с ним общих проектов — экспорт-импорт орхидей. Удивительно, что ты ничего не помнишь! Когда-то у нас был офис в этом доме. Приехав на Гавайи, ты тоже работала с нами. Теперь мы оборудовали новый офис на складе в Чайнатауне. Так удобнее.

— Я думала, что Брэд занимается постной говядиной.

— Мы вложили средства в целый ряд компаний. Америка ополчилась против лишнего жира, поэтому постное мясо — перспективнейшее направление.

Оказывается, Брэд многое от нее утаил. Но вправе ли она его укорять? Ведь она тоже скрыла от него свое прошлое. Брэд, наверное, просто решил дать ей время привыкнуть. Несомненно, скоро он все о себе расскажет.

— Прости, я тебя перебила. Ты начал рассказывать про кошку, которая тебя оцарапала.

Джадд снова улыбнулся своей неприятной улыбкой и продолжил:

— Она случайно забрела в помещение, где хранятся синие орхидеи. Я ее долго искал, но все без толку, и решил, что она давно убежала. Спустя несколько часов открываю дверь, а она прыг на меня! Казалось бы, должна была надыхаться ядовитых испарений и издохнуть, но не тут-то было. Видишь, что она натворила!

— Неужели на нее никак не подействовали испарения? Она совершенно здорова?

Джадд зловеще сверкнул глазами и выдержал долгую паузу, прежде чем ответить:

— Нет. Как ни печально, бедняжка сделала всего несколько шагов, а потом упала и испустила дух. Я помчался к ветеринару, но...

Лаки поежилась от смутной тревоги. Ей почему-то показалось, что все было совсем не так! Она не знала, что навело ее на эту мысль, но не сомневалась, что Джадд лжет. Зачем? Она незаметно дотронулась до акульего зуба.

«Немедленно прочь отсюда!» — настойчиво требовал внутренний голос.

— Я, пожалуй, пойду к Бреду: он, наверное, меня потерял...

Лаки кинулась к лестнице. Оказавшись внизу, она свернула не туда и вместо столовой попала на лужайку.

Сердце отчаянно колотилось, тело покрылось потом; она не могла понять, чем вызвана такая бурная реакция.

Лаки старалась глубоко дышать, исцеляясь пряным воздухом тропиков. Как ни велика ее любовь ко всему живому, гибель кошки, которую она никогда не видела, не должна была так ее огорчить и напугать! Внезапно в памяти всплыли слова доктора Саммервилла. Он утверждал, что у человека, кроме известных пяти чувств, существует еще одно, шестое, превосходящее по важности остальные, — интуиция. Очевидно, ее интуиция и подняла тревогу! А еще доктор говорил о страхе. Оказывается, ученым удалось определить, где именно в мозге гнездится страх. Эта часть ее мозга совершенно не пострадала.

Может быть, центр страха предостерегает ее, подключая шестое чувство? Кто-то пытался ее убить, и теперь она инстинктивно боится Джадда Фремонта. Скорее всего здесь нет никакой связи! Но интуиция во весь голос твердила ей, что связь есть...

— Миссис Вагнер! Вам звонит горничная. Лаки бросилась следом за служанкой.

— Что случилось? — встревоженно спросила она, хватая трубку.

— Скорее всего это пустяк, — раздался в трубке голос Малии. — Просто у Джулии расстройство желудка.

— Скажите ей, что мама сейчас прибежит.

Король Орхидей выключил в спальне свет и устался на свою персональную полосу песка на прославленном пляже «Золотой Берег».

Итак, она вернулась! Телепередача не дала никаких результатов, и поэтому он решил ударить тузом, чтобы отнять Келли у Грега Бракстона. Король прекрасно знал, что перед Джулией она не устоит. А вот Брэд в последний момент испугался, что возвращать Келли домой — значит только накликать беду, его пришлось долго уговаривать.

Но в том-то и дело, что она больше не Келли, которая только и знала, что вертеть, как пропеллером, упругим задом и страшно гордилась своей грудью. Королю понравилась эта новая женщина — глазастая, коротко стриженная, с дерзким видом и кротким нравом. Ее робость сразу пришлась ему по душе.

— Теперь она моя! — громко провозгласил он. Эта женщина была буквально создана для материнства — то есть для произведения на свет его детей. С острой на язык, эгоистичной и убийственно сексуальной бабенкой, в которую он влюбился без памяти, было покончено. Но у нее сохранился живой ум: он заметил, как ее насторожил его рассказ про кошку.

Велика важность! Да, он запинал облезлую тварь до смерти. Но разве она этого не заслужила? Из-за нее у него останется теперь шрам на руке.

— Лаки... — прошептал он в темноте. — Теперь ты будешь принадлежать мне. Никому, кроме

меня.

Джадду было нелегко признаться в совершенной ошибке. Он познакомился с Келли по Интернету, это была настоящая кибер-любовь. Он предложил ей перебраться в Гонолулу и поступить к нему на работу. Она явилась — и оказалась еще более сексуальной и интересной, чем можно было ожидать. Он не торопился, давая Келли время понять, что он — мужчина, созданный для нее. Но в дело вмешался Брэд.

Вмешался? Черта с два! Келли сама повисла на нем — из-за его денег.

Джадд тогда уехал в двухнедельную экспедицию — за орхидеями. Ничего выдающегося, обычный опустошительный набег на джунгли. А вернувшись, он застал этих голубков мужем и женой! Не успел он и глазом моргнуть, как Келли забеременела.

Джадд убеждал себя, что скоро излечится от нее. Ведь, в конце концов, она вышла замуж за его лучшего друга. Но время шло, а ситуация оставалась прежней.

— Я хочу ее так же сильно, как тогда. Сегодня я выполнил нулевой цикл: она уверена, что у нас был роман. Я обманул ее, зато так мне будет легче ее добиться.

Он уставился на воду, оттачивая план, который вынашивал не первый день. От Брэда придется избавиться, хотя заманить его в душегубку — нелегкая задача: партнер знает о смертоносных испарениях орхидей. Ничего, он что-нибудь придумает. А потом нужно будет убрать Грега Бракстона, потому что после гибели Брэда Лаки навернякакинется к своему возлюбленному.

Утром Джадд наблюдал в мощный бинокль, как она плавала в бухте. Воспоминание о болезненно сильной эрекции осталось до сих пор. Тогда, подглядывая за ней, он представлял себе, как подомнет ее под себя... А потом он увидел Бракстона и его шелудивого пса, вторгшихся в бухту, которую Джадд привык считать своей.

Пока Лаки и Бракстон беседовали, он не сводил с них бинокля. Лаки считает, что любит этого мужлана... Не беда! Очень скоро он избавится от обоих соперников: сначала от Брэда, потом от Грега Бракстона. И обставит эти убийства как трагические случайности.

33

Коли подъехал к стоянке перед офисом Тони Трейлора и оставил машину, вспоминая вчерашний разговор с Грегом. Брат позвонил ему вечером из Гонолулу, от Клода Уинстона. По его словам, Лаки спокойно восприняла рассказ о ее прошлом. Неудивительно: принцесса, мать очаровательной дочки и жена богача...

Коди знал, что несправедлив к Лаки: она настрадалась больше, чем кто-либо из знакомых ему людей. Но кому было тяжело думать, что его брат понапрасну мучается, любя женщину, которой ему не суждено обладать. Одно хорошо: они с братом наконец помирились. Возможно, близкие люди помогут Грегу справиться с этим наваждением...

Коди без всякого энтузиазма вошел в офис Тони Трейлера. Этот кретин названивал ему уже несколько дней, но Коди его избегал: «Все его время уходило на поиски тюрьмы, в которой сидела Лаки, а потом — на беседы с тюремным психологом. С другой стороны, он негодовал при мысли, что Трейлор замешан в наркоторговле, и мечтал, как наденет на него наручники.

— Ты что, сквозь землю провалился? — взревел Тони, едва Коди вошел в его кабинет.

— Я работал, — ответил Коди не сулящим ничего хорошего тоном.

Трейлор едва заметно кивнул, и один из двух «мокес», всегда сшивавшихся с ним рядом, закрыл дверь. Так, что теперь?

— Давай договоримся о неразглашении информации, — предложил Трейлор. — Я кое-что тебе расскажу, а ты пообещай, что не будешь упоминать моего имени.

Проклятый боров наверняка пронюхал о расследовании Хелмера и теперь собирался переложить вину за торговлю наркотиками на кого-то другого! Коди тошнило от мысли, что этот жулик — избранный глава местного самоуправления на острове Мауи.

— Я не уполномочен заключать подобные сделки. Это привилегия окружного прокурора.

— Если ты не дашь мне слова, я тебе ни хрена не скажу.

Мерзавец имел пристрастие к крепким словечкам. Сам Коди перестал браниться, когда его сыновья подросли и начали подхватывать его выражения.

— Как знаешь, — Коди повернулся, чтобы уйти.

— А я думал, ты хочешь помочь брату. Коди обернулся.

— Что ты несешь?! Так я и поверил, что тебя заботит его благополучие!

— Я его в гробу видал, но мне надо заботиться о своем имидже. Твой брат разоряется, будто я виноват в том, что в океан спускают отходы, а это вредит моей репутации. Я ему помогу, если ты сделаешь так, чтобы он заткнулся.

Когда речь заходила об охране природы, никакая сила на свете не могла заставить Грега угомониться, но Трейдеру было не обязательно это знать. Коди кивнул. Трейлор сумел его заинтриговать.

Тони протянул ему последний номер «Таттлер». На первой странице красовалась фотография Лаки, садящейся с семьей в самолет. «ПРИЗРАК ПИЭЛЫ ИСЧЕЗАЕТ». Заголовок и фотография — работа Фентона Быоли — произвели на островитян должное впечатление. Лаки исчезала столь же неожиданно, как появилась, — именно так всегда поступал ее легендарный прототип.

— В этой статейке наврано, будто ее муженек не знал, что с ней случилось. Якобы он не видел ее несколько месяцев. Держи карман шире! Мы сами его здесь засекли. Верно, парни?

«Мокес» молча закивали. Коди показалось, что у него остановилось сердце.

— Не морочь голову! ФБР проверило показания Брэда Вагнера и все подтвердило.

— К чертям ФБР! Месяца три назад мы охотились в джунглях на диких свиней и засекли в зарослях машину. Там были два мужика и эта баба — призрак Пиэлы. Сидит себе на заднем сиденье и таращится в окно, словно наширялась. Мы видели их, а они нас нет, потому что чаща там, как у тебя в... В общем, глаз выколи. Верно я говорю, ребята?

«Мокес» дружно кивнули.

Сердце у Коди снова заработало, причем гораздо интенсивнее, чем положено. Он обливался

потом, как бегун-марафонец. Двое! Чтобы спрятать тело журналистки, требовались усилия двоих человек. Чтобы справиться с Лаки — тоже.

— Потому-то мне потом и казалось, что я ее знаю. Пойди забудь такие глазищи! Но я сообразил что к чему, только когда увидел мужчину на этой фотографии. Там, в джунглях, с призраком Пиэлы был Брэд Вагнер! Он и еще один тип грузили в багажник орхидеи.

Орхидеи... Вот он, ключ к разгадке! Коди утер со лба обильный пот, а Тейлор, как ни в чем не бывало, продолжал:

— Я ее сразу не узнал, потому что тогда волосы у нее были прямые и темные. А на следующий день она падает со скалы завитой блондинкой! Свихнуться можно!

— Вот-вот! — поддакнул один из громил. — Они были на машине Тони, только мы этого тогда не поняли.

Трейлор бросил на подручного, посмеявшегося подать голос, свирепый взгляд.

— Этих чертовых тачек у меня до хрена. Не могу же я помнить наизусть все номера! Эта машина пропала год назад, я тогда о ней и не подумал.

Коди не стал тратить времени на лишние разговоры, а мигом вылетел за дверь. Не может быть! Брэд Вагнер произвел на него самое благоприятное впечатление. Он даже Саре понравился, а уж у нее безошибочное чутье... Как же ловко он обвел их всех вокруг пальца! Они отдали Лаки человеку, который пытался ее убить.

Первым делом Коди оповестил Хелмера, который сильно удивился и пожалел о том, что у них нет законных оснований задержать Вагнера. На преступление указывал только конфиденциальный рассказ Тейлора, а о том, чтобы заставить его дать официальные показания, нечего было и мечтать. Тони никогда не сознается, что побывал в джунглях: версия об охоте на диких свиней звучала смехотворно. Речь наверняка шла о «мауи вауи», потому Трейлор и требовал конфиденциальности. В конце концов, до выборов оставался всего год.

На поиски Грега ушло два часа. Наконец-то до него дозвонившись, Коди коротко рассказал о разговоре с Тейлором.

— За дело взялось ФБР, — добавил он. — Хелмер уже позвонил в свое отделение в Гонолулу. Нам нужны доказательства, иначе у полиции связаны руки.

— Я должен немедленно забрать у них Лаки!

— Только будь осторожен. Одно убийство Брэд Вагнер уже совершил. С ним работает еще один человек, но мы пока не знаем, кто это. Возможно, его шофер. Так или иначе, они убьют тебя, не колеблясь, если ты встанешь у них на пути.

— Сейчас же еду к ней!

— Правильно, — одобрил Коди. — Расскажи все это ей, но так, чтобы вас не подслушали, иначе в опасности окажетесь вы оба. Ни в коем случае нельзя спугнуть Вагнера. Кстати, не могу понять, зачем ему понадобилось забирать Лаки домой. Было бы проще оставить ее здесь.

— Думаю, все дело в том, что он до сих пор ее любит. Наверное, она что-то видела или слышала, и поэтому он решился ее убить. А когда оказалось, что она ничего не помнит, он

понял, что бояться нечего, и приехал за ней.

— Наверное, ты прав, — Коди вздохнул и вновь вытер пот со лба. — Жаль, что я не могу тебе помочь. Прошу тебя об одном: будь осторожен!

— Ладно. Я твой должник.

— Вам звонит Себастьян, — шепотом сообщила Малия. — Говорит, что это срочно.

Лаки на цыпочках покинула комнату Джулии. Ночь она провела у постели дочери. У нее было самое банальное расстройство желудка, и тем не менее Лаки не пустила ее в детский сад. Сейчас девочка дремала.

— Ты можешь сейчас приехать ко мне? — раздался в трубке голос Себастьяна.

— Не могу. Джулия дома, и я...

— Это очень серьезное дело! — Чувствовалось, что Себастьян близок к панике. — Я только что заглянул в сумку, которую ты мне передала. Господи, ну и осел же я! Надо было сразу ее открыть. Я бы сам к тебе приехал, но слишком много клиентов. Поверь, ты не пожалеешь.

— Ну хорошо. Я попрошу Малию посидеть с Джулией.

Сказав горничной, что сейчас вернется, Лаки помчалась на новой машине в салон, гадая, что Себастьян мог обнаружить в сумке. Он говорил, что сумка маленькая. Как там могло оказаться что-то ужасное?

Ее снова охватил страх. Джадд Фремонт определенно представлял опасность, но какую? Она собиралась поговорить об этом с Брэдом, но он вернулся с приема поздно, заглянул к Джулии и тут же отправился спать, сказав, что на утро у него назначен деловой завтрак. Лаки не возражала, поскольку она не хотела отходить от Джулии. Сейчас она жалела, что не задала Брэду ни

одного вопроса.

Себастьяна она застала в разгар творческого вдохновения: он заворачивал пряди клиентки в алюминиевую фольгу. Увидев Лаки, он поторопился закончить и уединился с ней в своем кабинетике.

— Вот! — Он схватил со стола сумку. — Ты сказала, чтобы я это сохранил до твоего возвращения. Конечно, мне нужно было спохватиться раньше: ведь ты так долго не появлялась. Но мне и в голову не приходило, что там может содержаться нечто важное!

Он вынул из сумки белый конверт и подал ей. Лаки узнала собственный почерк, однако содержание записки оказалось загадочным: «Себастьян, я слышу ночных марширующих. Если со мной что-то случится, немедленно отправь письмо».

— «Ночные марширующие»?! Ничего не понимаю... Это, наверное, люди, собиравшиеся меня убить! Себастьян покачал головой.

— «Ночные марширующие» — персонажи гавайского фольклора. Суеверные люди считают, что если засыпающий слышит шаги, то это призраки древних воинов, которые маршируют к морю, как в давние времена. Тому, кто услышал такие шаги, грозит смерть.

Лаки смотрела на него во все глаза.

— Видимо, я знала, что мне грозит беда! Я ничего тебе об этом не рассказывала?

— Нет. Если бы я заподозрил неладное, то немедленно отправил бы письмо.

Он вынул из сумки второй конверт. Адресатом на нем значился Нед Адамс, следователь по особым делам ФБР.

— Что же я хотела сообщить ФБР? Торопливо надорвав конверт, она вынула оттуда две дискеты. Себастьян указал на свой компьютер.

— Проверь, что на них.

Стоило Лаки сесть за компьютерный стол, как она поняла, что этот кабинет ей очень хорошо знаком. Она знала, что в верхнем ящике лежат канцелярские принадлежности, а нижний отведен под шоколадные конфеты.

— Я здесь часто бывала?

— Еще бы! Ведь это ты составила мне программу. Теперь мне не нужно ломать голову, сколько чего заказывать, вести учет клиентов, рассчитывать зарплату сотрудников. Программа делает это сама! Ты обозвала меня динозавром и была права. Благодаря тебе моя жизнь стала несравнимо проще. — Он потрепал ее по плечу. — Приступай! А мне надо бежать к миссис Дорам.

Лаки включила компьютер и сразу вспомнила пароль — «ВОЛОС». На первом диске обнаружился учет поставок орхидей. Главным отправителем являлся Сингапур, получателей было много по всей стране, а посредником оказались Джадд Фремонт и ее муж. Внешне все это выглядело безобидно, но наверняка находилось в какой-то связи с преступной деятельностью. Иначе она не опасалась бы за свою жизнь и не просила в случае чего отправить дискеты в ФБР!

Лаки замерла перед монитором. А что, если на ее жизнь покушался отец ее ребенка?!

Нет, это невозможно! Бред, несомненно, любил Джулию и был ей хорошим отцом. Он казался таким добрым и внимательным... Но значит ли это, что он хороший человек? Вдруг он просто умеет скрывать свою истинную сущность?

Когда Лаки поменяла дискеты, ее руки дрожали.

Вставив следующую, она застонала от разочарования: дискета содержала какие-то загадочные цифровые коды. Кроме цифр, на ней не было ничего, ни единого слова.

Лаки положила обе дискеты в коробочку, а коробочку убрала в свою сумку. Здравый смысл подсказывал, что Бред и Джадд хорошо знают, что означают обе дискеты. Видимо, эта информация для них настолько ценна, что ради нее они способны на убийство... Лаки решительно сняла трубку и набрала номер службы ФБР в Квонтико, штат Виргиния — этот адрес значился на конверте.

На Восточном побережье был уже поздний вечер, и дежурный не смог ей помочь. Она попросила домашний телефон Неда Адамса, но оказалось, что такую информацию они не дают. Дежурный записал ее имя и телефонный номер салона и пообещал, что Нед Адамс сам ей

позвонит.

— Ну, что на дискетах? — поинтересовался Себастьян, входя в кабинет в тот момент, когда Лаки вешала трубку.

— Не пойму. Я звонила в ФБР, они пообещали перезвонить сюда. — Лаки глубоко вздохнула, глядя на человека, которого Келли считала своим единственным другом. — Ответь честно, в каких я была отношениях с Брэдом? Я любила Брэда?

Себастьян присел с ней рядом.

— Ты говорила, что он милый, но неисправимо скучный. Зато он богат и дает тебе все, что ты хочешь. Помню, как ты сказала, что сперва намеревалась выйти замуж за Джадда, но, поразмыслив, предпочла Брэда. Очевидно, им оказалось легче манипулировать.

— Господи, какой же я была стервой! Наверное, все меня терпеть не могли?

— Ну, этого нельзя сказать. Ты была... забавной. Любила рассказывать всякие истории, анекдоты. Всегда все знала о самых модных ресторанах и бутиках. С тобой было интересно общаться: умница, и сексуальная в придачу. Мужчины клевали на тебя моментально.

— У меня был роман с Джаддом Фремонтом? — Лаки затаила дыхание, уповая на отрицательный ответ. Себастьян с улыбкой покачал головой.

— Он был от тебя без ума, и ты это, конечно, понимала. Ты с ним заигрывала, безжалостно его дразнила. Но это все. По-моему, тебе было достаточно сознавать, что стоит разок ему подмигнуть — и он твой со всеми потрохами.

Она задумчиво посмотрела на него.

— Как ты думаешь, Джадд и Брэд могли сговориться меня убить?

Загорелое лицо Себастьяна стало мертвенно-бледным.

— Ты с ума сошла! Откуда такие мысли?!

— Одна из дискет содержит информацию о поставках орхидей. А они как раз импортируют орхидеи. Джадд коллекционирует очень редкие, исчезающие виды, не брезгуя ворованными. Меня пытались убить, и это наверняка как-то связано с дискетами. Скорее всего орхидеи — ключ к разгадке.

— Ну, не знаю... Конечно, Джадд и Брэд — ребята крупные и явно занимаются темными делами. Друзья не разлей вода. Вы даже сначала жили в одном доме, но потом ты настояла, чтобы Брэд построил собственный. — Себастьян пожал плечами. — Но убийство... Хотя, пожалуй, Джадд на все способен.

Услышав телефонный звонок, Лаки схватила трубку. Звонил Нед Адамс. Себастьян оставил Лаки одну.

— Вы сказали, что у вас ко мне срочное дело? Неда Адамса отделяли от нее пять часовых поясов, и, судя по всему, он был не в восторге от такого позднего звонка. В его голосе слышалось нетерпение.

— Скажите, вам знакомо мое имя? Я думаю, что мне уже приходилось с вами связываться.

— По какому поводу?

— Я не помню! — выпалила Лаки, сознавая, что кажется ему полной идиоткой. — Ваш адрес написан на конверте, который я собиралась отправить.

— Знаете, леди, я устал. Вот вспомните, тогда и...

— Пойдите! — перебила его Лаки, испугавшись, что он сейчас бросит трубку. — Я хотела послать вам две компьютерные дискеты. На одной что-то вроде учета поставок орхидей из Сингапура...

— Минутку! Вы мне действительно звонили один раз, но отказались назвать свое имя. Вы сказали тогда, что уже сидели в тюрьме и больше туда не хотите. Вы утверждали, что располагаете информацией о поддельных кредитных карточках.

Лаки, естественно, ничего подобного не помнила.

— По-моему, вы что-то путаете. Я ничего не знаю ни о каких кредитных карточках. Помолчав, Адаме спросил:

— Вы недавно с Мауи?

— Да, я...

— Черт побери! Вы та самая женщина, которая сидела в машине, сброшенной со скалы?

— Так вы обо мне знаете? Впрочем, кажется, моим делом занималось ФБР.

Лаки помнила, что Коди связывался с ФБР, но это не помогло ее опознать.

— Не просто ФБР, а лично я! На вас была туфля, парная с той, в которой нашли журналистку «Амери-кэн экспресс». Она как раз расследовала аферу с поддельными кредитными карточками в Сингапуре. — Он тяжело перевел дух. — Я понятия не имел, что вы и есть женщина, выходящая на меня по поводу кредитных карточек.

Лаки дрожала от волнения, руки и ноги налились свинцом. Сингапур, орхидеи, кредитные карточки...

Пока ей было ясно одно: подтверждаются ее наихудшие опасения. Неужели Брэд пытался ее убить?! Боже, только не он, не отец Джулии!

. — Повторите, что записано на этих дискетах. — Нед Адамс окончательно проснулся.

— На первой — информация о грузах, поступающих из Сингапура.

— Отлично! Это поможет нам выйти на тех, кто изготавливает бланки поддельных карточек.

— Неужели они переправляют их в контейнерах с орхидеями?

— Скорее всего. В контейнерах, видимо, делают двойное дно. Мы могли бы немедленно прихлопнуть всю сеть, но нам не доставало последнего звена. Теперь оно у нас есть!

Лаки представляла себе его довольную улыбку, но сама едва могла говорить. Отец ее ребенка — хладнокровный убийца! Это не укладывалось в голове.

— Что на другой дискете?

— Не знаю. Какие-то непонятные цифры...

— Цифровые символы?

— Кажется, да. Вы такие уже видели?

— Боже всемогущий! Это же распознаватели кодов! Лаки изо всех сил пыталась сосредоточиться. То, что человек, от которого она родила ребенка, покушался на ее жизнь, стало для нее страшным ударом. Она чувствовала себя абсолютно беззащитной — как в тот день, когда очнулась в палатке Грега и не могла сообразить, кто она и где находится.

— Наверное, когда-то я знала, что это такое, — с трудом произнесла Лаки. — Но никак не могу вспомнить. Это компьютерные программы, которые составляют хакеры для взлома сложных банковских кодов.

Все банки имеют свои коды, защищающие их компьютерные системы. Взлом кода открывает доступ к конфиденциальной информации: последовательным номерам кредитных карточек и всяческим техническим сведениям, позволяющим изготавливать подделки.

—О!..

Лаки ничего не могла понять. Сейчас она жалела только об одном: что рядом нет Грега. Он был с ней в самые трудные моменты и наверняка смог бы помочь сейчас.

— Эти дискеты у вас? — спросил Нед.

— Да. Отправить их вам?

— Ни в коем случае! Позвоните в наше отделение в Гонолулу. С вами встретится один из наших агентов. Отдайте ему дискеты — и спасайтесь!

Он объяснил, что она имеет дело с опасными преступниками, которые год назад точно таким же способом убили журналистку из «Америкэн экспресс». Слушая Адамса, Лаки чувствовала, как растерянность в ней сменяется гневом. Она снова превращалась в женщину из зеркала!

У нее украли первые годы жизни дочери, воспоминания, которые свято хранят все матери. Лаки больше не считала, что ей повезло, раз она не помнит ужасов своей прежней жизни. Ей хотелось помнить, чтобы понимать саму себя! По милости Джадда и Брэда она лишилась этой возможности.

Ярость оттеснила все прочие чувства и соображения. Она уже не слышала Неда. Ей хотелось мстить — хотелось так сильно, что все тело сотрясала дрожь.

— Один раз они уже попытались вас убить, — предупредил Нед. — Теперь вас спасет только бегство.

34

Грег решил, что его неожиданное появление в доме Брэда Вагнера может показаться подозрительным, и предпочел позвонить по телефону. Лаки он не застал, но ему удалось выжать из горничной кое-какие сведения. Он узнал, что Лаки поехала к парикмахеру

Себастьяну из салона «Каше» в дорогом районе Ала-Моана. Грег помчался туда с Доджером на машине Клода Уинстона.

Лаки там не оказалось, но Себастьян слышал от нее о Грее и охотно вступил с ним в разговор. С растущим беспокойством Грег слушал рассказ человека с нелепым хвостиком на затылке о том, как тот нашел в сумочке Лаки дискеты, и с трудом сдерживался, чтоб не отвесить ему затрещину. Ведь Лаки отсутствовала несколько месяцев! Если бы этот парикмахер вовремя спохватился и связался с ФБР, она давно была бы избавлена от опасности. Когда же Себастьян сообщил, что ему удалось раздобыть для Лаки пистолет, Грег не выдержал и взорвался:

— То есть как это — вы раздобыли для нее пистолет?!

— Поговорив с человеком из ФБР, Лаки спросила, нет ли у меня пистолета. Я знал, что ей страшно. Любой на месте Лаки испугался бы: ведь Джадд и Брэд пытались ее убить. Я заглянул к Диксону и одолжил у него пистолет.

— Но почему она не обратилась в полицию?! Себастьян пожал плечами.

— Нед Адаме посоветовал ей связаться с местным отделением ФБР. Но Лаки сказала мне, что еще успеет, и убежала. Я не знаю, куда. Думаю, первым делом она заедет домой за Джулией.

Грег устремился на «Золотой Берег», но Лаки там не нашел. Горничная сказала, что она не заезжала домой. Он позвонил в отделение ФБР, и ему сообщили, что ждут ее звонка, но пока еще с ней не говорили.

Куда же она подевалась, черт побери?!

Больше всего Грега беспокоило то, что Лаки попросила пистолет. Он помнил ее вспыльчивость и решительность, проявившуюся хотя бы в эпизоде со спасением акуленка Руди. Раз Лаки понадобился пистолет, это свидетельствовало не о страхе, а о решении расквитаться с Брэдом и Джаддом!

Неужели она способна на подобную опрометчивость? Еще как! Недаром эта женщина полезла в бассейн, где плавала акула-людоед.

Грег взял у горничной адрес склада и прыгнул в машину.

— Как бы она не натворила глупостей! — бросил он Доджеру. — Остается надеяться, что мы не опоздаем.

Здание склада Лаки нашла без труда: накануне она подробно расспросила о нем Малию, словно знала, что ей эти сведения очень скоро понадобятся. Остановив машину, она несколько секунд сидела неподвижно, но, как ни призывала себя к спокойствию, ее душил гнев, не дававший сосредоточиться. Лаки твердила себе, что умеет пользоваться пистолетом, хотя понятия не имела, где и когда овладела искусством стрельбы. Прежде чем проникнуть на склад, она погладила акулий зуб.

Внутри было сумрачно, но она разглядела контейнеры вдоль стен. На каждом было написано: «ОСТОРОЖНО — ЦВЕТЫ!»

Орхидеи и поддельные кредитные карточки... Судя по всему, женщина в зеркале на всю жизнь усвоила урок и не захотела снова садиться в тюрьму. Поняв, что Джадд и Брэд — прожженные

жулики, она решила сдать их властям.

Брэда и Джадда Лаки обнаружила в ярко освещенном кабинете, оба сидели за компьютерами спиной к ней. Она вспомнила, как Брэд однажды сказал, что для работы ему не требуется ничего, кроме компьютера: он не нуждался даже в секретаре. Тогда Лаки сочла это странным, но теперь поняла, в чем дело: сообщники не хотели посвящать в свою деятельность посторонних.

В просторном кабинете располагалась странная на вид металлическая камера с термостатом и вытяжкой. Лаки сразу вспомнила смертоносные орхидеи Джадда.

Она решительно шагнула вперед, и Брэд обернулся.

— Лаки?! Что ты тут делаешь?

— Хочу задать вам обоим пару вопросов! — Она даже не старалась скрыть душащий ее гнев.

— Какая-то ты расстроенная, — заметил Джадд, вставая.

Расстроенная?! Да она была сейчас злее самого разъяренного быка!

— В чем дело, дорогая? — спросил Брэд, подступая к ней.

И тогда Лаки выхватила из сумочки пистолет. Брэд остановился как вкопанный и бросил растерянный взгляд на Джадда. Его партнер смотрел на Лаки как ни в чем не бывало, оперевшись о стол, словно перед ним была редкая орхидея, а не женщина с заряженным пистолетом.

— Кажется, леди захотелось кое-что узнать.

— Совершенно верно! — Она навела пистолет на Брэда. — Это ты ударил меня по голове — там, на Мауи? Неужели ты действительно решил убить мать собственной дочери?!

— Не знаю, откуда ты взяла такую чушь! — запротестовал Брэд. — Наверное, ты и в самом деле сумасшедшая...

— Не надо меня оскорблять! Получив необходимые мне ответы, я вызову полицию. После всего, что вы со мной сделали, я с радостью погляжу, как на вас застегивают наручники!

Брэд вцепился в край стола так, что побелели костяшки пальцев, и бросил на Джадда гневный взгляд.

— Я же говорил: пусть остается с Бракстоном!

— Заткнись! Она не успеет прикончить нас обоих: мы отберем у нее пистолет.

— Я без колебаний пристрелю вас, если вы не ответите на мои вопросы! Который из вас ударил меня по голове? Он получит пулю первым.

— Это работа Джадда. — Брэд обессиленно опустился в кресло. — Ты случайно раскрыла нашу схему подделки кредитных карточек. Прожив с нами несколько лет, ты не догадывалась, как мы в действительности зарабатываем деньги.

— Разоблачив нас, ты грозила поднять шум. — Джадд разглядывал Лаки, приподнимая по

своей неприятной привычке одну бровь. — Нам ничего не оставалось, кроме как тебя прикончить. Но сначала мы, разумеется, пообещали, что прекратим всякую преступную деятельность. А ты поверила и не стала сообщать в полицию: ведь тебе с дочерью надо было на что-то жить.

— Почему на мне оказалась туфля мертвой женщины?

— По ошибке, — поспешно произнес Брэд. — Мы взяли тебя с собой в экспедицию за экзотическими орхидеями и заманили в лесную хижину. Там Джадд накачал тебя наркотиками и заставил осветлить и завить волосы...

Лаки слушала Брэда, который охотно выкладывал подробности в надежде спасти свою шкуру, и представляла себя в те последние часы. Да, она была эгоцентричной особой с тяжелым характером, но при этом — любящей матерью. Она пыталась преодолеть свое прошлое, не хотела снова оказаться соучастницей преступления...

Каково это — знать, что тебя ждет смерть? Даже находясь под влиянием наркотиков, она, очевидно, сохранила минимум рассудка, если смогла сделать себе перманент и обесцветить волосы. При этом она знала, что скоро умрет.

Наверное, она была в панике, мучительно размышляя, как бы сбежать, как спастись, думала о Джулии... Какой ужас — знать, что дочь будет воспитывать этот кроткий с виду монстр!

— Мы сами тебя одели, потому что ты лежала без сознания, — сообщил Джадд без тени раскаяния в голосе. — Замысел был в том, чтобы придать тебе облик дешевой шлюхи. Я надел на тебя одну туфлю, Брэд — другую. Но Брэд оказался глупцом: он не выбросил туфлю Тельмы, она валялась в шкафу. Этот идиот так разволновался, что напялил на тебя туфлю журналистки! Если бы не эта проклятая туфля, на Мауи вообще бы ни о чем не догадались!

Значит, они запихали ее, бесчувственную, в багажник машины. Лаки представила себе эту ночь ужаса, когда до смерти оставались считанные минуты. Хорошо хоть, что она не пришла в себя в багажнике.

— У женщины, которую вы убили в Сингапуре, была семья, — медленно проговорила Лаки. — У нее был ребенок, которого она любила не меньше, чем я люблю Джулию. Вы задумывались об этом?

Внезапно Джадд ослабил, приподняв бровь, и Лаки с ужасом поняла, что он больше ее не боится. Он обнаружил трещину в ее эмоциональной броне! Женщина из зеркала убила бы их, но Лаки не была способна на убийство. Она стала другим человеком. Лаки блефовала, и Джадд догадался об этом, когда она заговорила о Джулии.

— Знаешь, Брэд, — сказал Джадд очень спокойно, словно речь шла об интересном эксперименте, — по-моему, надо посадить Лаки в камеру со смертоносными орхидеями и отключить вытяжку. Пусть она умрет.

— Да она сейчас сама нас шлепнет!

— Кишка тонка! — усмехнулся Джадд. — Разве ты не видишь, что у нее на уме одна Джулия? Как она ей объяснит, что убила папочку?

— Я скажу, что это была самооборона, — поспешно ответила Лаки. — Джулия все поймет, когда вырастет!

В ее тоне уже не было недавней уверенности, и Джадд сразу это почувствовал. Он кинулся на нее, выбил из руки пистолет и повалил Лаки на пол.

— Стерва! Подумать только, я так тебя любил, что вернул домой!

Лаки лежала на животе, пистолет находился под ней, но она не могла его достать: Джадд упирался ей коленом в поясницу. Оставалось только сжимать в кулаке акулий зуб и молиться об удаче.

Грег позвонил из машины в ФБР, продиктовал агенту, ожидавшему звонка Лаки, адрес склада и помчался в Чайнатаун. Агент обещал прибыть туда без промедления.

Грег ехал по узкой улице, окруженной высокими домами. Чайнатаун в свое время построили китайцы, привезенные в прошлом веке для работы на сахарных плантациях. На домах висели таблички с китайскими иероглифами вместо привычных названий и цифр. Грег надеялся, что агентам ФБР эти кварталы знакомы. Сам он нашел нужную улицу без труда: когда-то его спасательная команда проводила здесь учения.

— Вот и ее машина, — сказал он Доджеру. — Теперь бы еще определить, в какой дом она отправилась.

Припарковавшись рядом с машиной Лаки, Грег выскочил и вдохнул вонь разлагающегося на жаре мусора, к которой примешивался какой-то странный пряный запах. Доджер, и тот наморщил нос. Грег понял, что он уловил запах опиума, доносящийся из квартала красных фонарей.

Эти улочки не имели ни малейшего сходства с туристским раем, зато трудно было найти более подходящее место для незаконной деятельности. Оглядевшись, Грег подумал, что мог бы с равным успехом принять этот город за Гонконг или китайский район Сан-Франциско. С балконов свисало белье, в узких

улочках раздавалась азиатская речь. Здесь явно не было принято задавать вопросы.

Грег не умел читать китайские иероглифы и терялся в догадках, в котором из ближайших зданий размещается фирма «Интернэшнл оркид импортинг». Магазинов поблизости не наблюдалось, спрашивать было некого и некогда. Да и вряд ли он встретил бы здесь знатока английского.

— Ладно, дружок, — сказал он Доджеру и показал ему один палец. — Ищи Лаки!

Пес не был натренирован на поиск следа, зато прекрасно знал запах Лаки. Он уверенно побежал по улице, приюхиваясь.

Здесь не было парковочных площадок, и машины стояли прямо у домов. Грег догадался, что Лаки решила не оставлять машину в непосредственной близости от склада. Они уже достигли края квартала, когда Доджер замер, приподнял одну лапу и заскулил.

Грег погладил его по голове.

— Молодчина, Доджер.

Дом показался ему слишком маленьким для склада, но он знал, что в Чайнатауне внешность

часто обманчива. Грег открыл дверь и оглянулся напоследок, надеясь увидеть агентов ФБР, но по улице ползла только древняя, отчаянно дымящая «Тойота». Ждать он не собирался: минута промедления могла стоить Лаки жизни.

На складе было темно, если не считать голубоватого свечения в глубине. Он постоял, поглаживая Доджера и давая глазам привыкнуть к потемкам. Постепенно ему стало ясно, что склад гораздо просторнее, чем ему сперва показалось. Вдоль стен были расставлены ящики, похожие на гробы.

Грег почувствовал, как по спине поползли капельки липкого пота. Почему такая темень? Что они с ней сделали на этот раз?

— Ищи Лаки! — шепотом приказал он Доджеру. Схватившись за собачий ошейник, Грег медленно пошел за Доджером по складу. Подойдя ближе к источнику свечения, он понял, что это компьютерные мониторы. Остальной офис тонул в темноте. Доджер потянул Грега в сторону от офиса, к пирамиде из картонных ящиков.

Секунда — и в живот Грегу ткнулось пистолетное дуло.

35

Ловушка! Грег клял себя за торопливость. Надо было дожидаться ФБР. В темноте он не видел человека, приставившего к его груди пистолет: тот прятался за ящиками.

Внезапно Доджер заскулил, колотя его хвостом по ногам, и Грег отпустил ошейник. Пес бросился куда-то за ящики, Грег почувствовал, что в него больше не утыкается металлическое дуло, и услышал знакомый голос.

— Доджер? Грег?

У Грега перехватило дыхание, он ощущал облегчение каждой клеточкой тела. Жива! Слава Богу!

— Лаки! Ты цела?

— Со мной все в порядке, — отозвалась она каким-то странным напряженным голосом.

Он шагнул к ней в темноте и сгрел в охапку. Она обхватила его за шею, оцарапав ему подбородок мушкой пистолета. Грег взял у нее пистолет и вывел из-за ящиков.

— Что тут случилось? — спросил он. — Почему ты прячешься в темноте?

— Жду, — ответила Лаки так тихо, что ему пришлось нагнуться, чтобы расслышать. — Я нарочно выключила свет: мне всегда легче думается в темноте.

Грег знал, что это возвращение к единственному доступному ей воспоминанию о прошлом — горькому, жестокому воспоминанию о матери, оказавшейся недостойной зваться матерью. Обнимая Лаки, он дал себе слово, что сделает ее будущее счастливым.

— Ты пришла за Брэдом и Джаддом? — осторожно спросил он, приближаясь вместе с ней к светящимся мониторам.

Лаки молча кивнула.

— Хорошо, что ты их не застала. Не стоит лезть на рожон: неизвестно, что бы они выкинули. — На самом деле Грег очень хорошо себе представлял, на что способны эти типы, но решил лишний раз не волновать ее. — Где тут выключатель?

Локи подвела его к выключателю. Он зажег свет — и не поверил своим глазам. Доджер опять заскулил, прижавшись к его ногам.

У Лаки была залита кровью щека, кровь капала с подбородка. В левой руке она сжимала

нечто, чего Грег не мог разглядеть. Между пальцами у нее тоже, видимо, был порез, потому что оттуда сочилась кровь.

Черт, опять с ней произошло что-то ужасное!..

— Что у тебя в руке, Лаки?

Она смотрела на него, бледная, с застывшими глазами. Рука медленно приподнялась, кулак разжался.

Грег не сразу догадался, что она показывает ему акулий зуб.

— Ты знаешь, что раньше гавайцы делали все свое оружие из акулиных зубов? — спросила она без всякого выражения. — До появления капитана Кука они не знали металла.

Сейчас она пугала его не меньше, чем памятной ночью в палатке. Он взял ее за плечи и легонько тряхнул.

— Ты выбрала неудачное время для урока истории, Лаки. Расскажи, что здесь произошло. Она на мгновение зажмурилась.

— Ты меня любишь?

— Люблю больше, чем это вообще возможно. — Грег привлек ее к себе и поцеловал в макушку. — И всегда буду любить.

Она отстранилась и взглянула на него своими волшебными зелеными глазами.

— Что бы я ни сделала? Даже если я совершила убийство?

Грег остолбенел. Она произнесла эти слова с таким отчаянием! Пистолет, окровавленный акулий зуб... Неужели она действительно кого-то убила?! Задыхаясь от волнения, он искренне сказал:

— Даже если так. Я буду тебя отстаивать. Только мне трудно себе представить, что у тебя на кого-то поднялась рука.

Она сделала слабую попытку улыбнуться.

— Я приехала сюда, чтобы узнать, что произошло тогда на Мауи, почему на мне была туфля женщины, погибшей годом раньше. Ты не знаком с партнером Брэда, Джаддом. Вот кто настоящее чудовище! Он рассказал мне все без малейших угрызений совести. Он признался, что заставил меня завить и обесцветить волосы.

— Чтобы тебя никто не узнал?

— Да. Это Джадд пытался меня убить. «Ему помогал Брэд», — мысленно добавил Грег. Инстинкт не подвел его, им руководила не одна ревность. Недаром он возненавидел этого сукиного сына с первого взгляда.

— Я была без сознания. Они меня одели и обули, но тут Брэд совершил роковую ошибку... — Она оглянулась на большую стальную камеру. — Джадд догадался, что я не смогу в него выстрелить! Он набросился на меня и выбил пистолет. Я не могла его побороть, потому что Джадд прижимал меня к полу. Пришлось ткнуть его в глаз зубом Руди.

— Постой, о чем ты говоришь? Они что, были здесь, когда ты пришла?

Грег оглянулся. Куда одевались эти мерзавцы? Может быть, заперлись в своей стальной камере?

Лаки, словно не слыша его, провела пальцем по зазубренному краю акульего зуба.

— Зуб разодрал Джадду щеку.

— Так вот откуда столько кровищи! — воскликнул Грег, облегченно переводя дух.

— Не только, — сказала Лаки с гордостью. — Я выстрелила Брэду в ногу. Тогда они поняли, что я не шучу. Я загнала их в эту камеру для орхидей и выключила вентиляцию.

Грег не мог не восхититься. Все-таки Лаки поразительная женщина! Она заставила негодяев проглотить их собственную пилюлю!

— Молодец! Только я не пойму, при чем тут вентиляция.

— Орхидеи выделяют смертельные испарения. Сейчас Брэд и Джадд вдыхают их. У них горят легкие и слезятся глаза... Они наверняка думают, что я оставлю их подыхать!

— Ну, я-то, положим, так не думаю. Ведь ты, надеюсь, вызвала полицию?

— Да, конечно. Я позвонила в местное ФБР, а потом выключила свет, чтобы собраться с мыслями. Когда появился ты, я решила, что это кто-то из их сообщников, и наставила на тебя пистолет... Но пусть Брэд и Джадд поверят, что их ждет смерть! Пусть почувствуют, что это такое...

— Если бы ты знала, как я волновался за тебя! Слава Богу, что ты жива и невредима. — Грег обнял ее и стал покачивать. — Я так тебя люблю!

— А я — тебя. Я скучала по тебе каждую минуту! Если бы не Джулия...

Их прервал громкий лай Доджера. Зная, что его пес — первоклассный спасатель, Грег догадался, что он подает сигнал, и понял, какой именно. Доджер побежал к нему, ткнулся носом в руку, и потом снова бросился к камере для орхидей.

— Что... — начала Лаки и не договорила: она тоже все поняла. — Боже, что я натворила?! Я не собиралась их убивать!

— Они там давно?

— Минут десять. Джадд говорил, что смерть наступает гораздо позже.

— Доджер дает нам знать, что в камере мертвец. Но ты не должна винить себя. Ты хотела только напугать их и вызвала представителей закона.

— Фэбээровцы уже должны были быть здесь! Если в бы они поторопились, все остались бы живы!

Грег взял пистолет.

— Это логово трудно найти, не зная Чайнатауна. Открой задвижку. Посмотрим, в чем там дело. Может, один из них еще жив.

Они подошли к камере, и Грег навел пистолет на дверь.

— Господи, — взмолилась Лаки вслух, — только бы Брэд остался в живых! Не хочу быть виновной в смерти отца Джулии.

Она опустила рычаг, открывающий дверь. Грег крепко сжимал пистолет, не зная, чего ждать. Из камеры вывалился человек, которого он видел впервые в жизни. Судя по распоротой щеке, это был Джадд Фремонт. Он рухнул на пол, хватаясь за горло и судорожно разевая рот.

— Боже! — вскричала Лаки. — Так, значит, Брэд мертв! Я не хотела его убивать, честное слово! Я только хотела его проучить, а потом передать в руки правосудия.

Она бросилась к камере, но Грег удержал ее.

— Остайся здесь. Держи его на мушке и чуть что стреляй.

В камере с орхидеями его встретил ужасающий кавардак. Растения были разбросаны по полу, многие бесценные цветки безжалостно раздавлены. Бездыханный Брэд Вагнер лежал на полу. Смерть его, судя по всему, была медленной и мучительной.

Грег вернулся к Лаки.

— Успокойся, ангел, ты ни при чем. Его задушил партнер.

Грег забрал у нее пистолет. Она смотрела на него, не веря собственным ушам.

— Но почему?!

Джадд Фремонт понемногу приходил в себя. Он уже не катался по полу, а сидел, по-рыбьи глотая воздух, и при этом привычно приподнимал одну бровь, словно упрекая их в глупости.

— Для двоих там мало воздуха, — наконец выдавил он. — Я знал, что вы вызовете полицию. Но со временем у меня не осталось выбора.

— Откройте! — раздался за дверью громкий голос. — ФБР!

— Открыто! — мрачно откликнулся Грег. Они сдали Джадда двум агентам, которые немедленно вызвали полицию, чтобы вывезти тело Брэда. Грег вывел Лаки наружу, на солнечный свет. Им еще предстояло дать показания.

— Я не хотела, чтобы Брэд погиб... — бормотала Лаки, чуть не плача.

Он обнял ее, удивляясь силе своей любви и не зная, как ее утешить.

— Возможно, это только к лучшему. Все равно его ждала казнь. Кроме того, кто-то мог проговориться Джулии, что ее отец убийца и сидит в тюрьме в ожидании приговора.

— Но она его так любила. Как мне сказать ей, что он погиб?

— Я буду с тобой. Мы отвезем ее на Мауи, ты пока поживешь с Сарой. Общество других детей поможет ей оправиться.

— Да, Сара в таких делах незаменима.

— Джулия еще совсем маленькая. Сейчас ей проще это пережить, чем в более сознательном возрасте. Лаки глядела на него во все глаза. — А мы... Мы с тобой?.. — Будем ли мы вместе? Теперь я тебя никуда не отпущу! Знаешь, что я подумал, когда впервые увидел Джулию?

Лаки молча покачала головой.

— Что ее отцом следовало бы быть мне! Мне было очень больно, что не я ее отец. — Грег нахмурился, вспоминая, что он пережил тогда. — Конечно, потребуется время, чтобы девочка сумела ко мне привыкнуть...

— Мы этого добьемся, — убежденно сказала Лаки. — Я уверена. Я так тебя люблю! Доджер заскулил и лизнул ей руку.

— Я и тебя люблю, Доджер. — Лаки погладила пса по голове. — Ведь ты поможешь Джулии, правда?

Доджер с энтузиазмом завил хвостом. Грег нежно обнял Лаки.

— Теперь ты никуда от меня не денешься! Я слишком сильно тебя люблю.

Эпилог

«Атлантис» приближался к Ниихау. Лаки стояла на носу с Сарой и не могла оторвать взгляда от островка, приютившего стадо тюленей-монахов.

— Итак, суд позади, — сказала Сара тихо, хотя дети все равно не могли бы ее услышать — они находились на корме, в обществе Коди и Грега. — Как долго все это тянулось! Прошло целых полгода.

— Да, — подтвердила Лаки. — Мне казалось, что это никогда не кончится. Я столько раз давала показания...

Сара погладила ее по руке. Ее темно-карие глаза были полны сочувствия.

— Я знаю, как тебе трудно. Зато Джадд Фремонт получил по заслугам.

— Теперь, когда приговор вынесен, я могу жить снова. Мы решили сыграть свадьбу в следующем месяце, — сообщила Лаки с улыбкой, довольная возможностью поделиться с Сарой своими планами. — Грег продаст дом на берегу, и мы купим на вырученные деньги такой же, как у вас, в глубине острова. Джулия уже мечтает, что у нее будет лошадка и киска, чтобы Доджер не скучал.

— Они с собакой совершенно неразлучны, — улыбнулась Сара. — Доджер спит рядом с ее кроватью и вообще ни на шаг от нее не отходит.

— Джулия привыкает к новой жизни гораздо быстрее, чем я ожидала. Думаю, это заслуга Доджера. И, конечно, твоя и всей твоей семьи.

Легкий ветерок растрепал черные волосы Сары.

— Вот увидишь, со временем Джулия полюбит Грега так же сильно, как он любит ее.

— Знаю. — Лаки улыбнулась и, зажмурившись, мысленно поблагодарила Грега за все, что он ради них сделал и делает. — Мне так нравится, как я живу! Я совершенно счастлива.

— Иногда из самых страшных наших кошмаров рождается добро, — заметила Сара. — Господь никогда не запирает дверь, не приоткрыв окошко.

Они замолчали, взглядываясь в темно-голубую воду. Им хотелось высмотреть там акулу по имени Руди. На прошлой неделе Руди засекали в этих водах акилангисты. Лаки мечтала взглянуть на него, убедиться, что он подросток, и поблагодарить за счастливый зуб, который спас ей жизнь.

Вода была кристально-прозрачной, в ней отражались рифы и плавали стайки рыб-клоунов с черными кружками вокруг глаз, но ни Руди, ни других акул не было видно. Лаки вздохнула и подумала, что это к лучшему: им предстояло выпустить на волю Абби, чтобы она присоединилась к другим тюленям-монахам на островном лежбище.

— Мамочка! — крикнула Джулия, почувствовав, что яхта сбавляет ход перед рифами. — Мы приплыли! Иди сюда, Абби уже готова!

— Иду! — отозвалась Лаки и поспешила на корму.

Абби, томившуюся в большой лохани, окружали близнецы, Коди и Грег. Рядом резвились Джулия и Молли в оранжевых спасательных жилетах. Вокруг девочек расхаживал Доджер, добровольно взявший на себя функции сторожа.

Абби сильно выросла: теперь это был настоящий тюлень весом более ста фунтов. Номо и Лаки научили ее ловить рыбу; впрочем, Джулия была убеждена, что главной наставницей являлась она.

Абби радостно затыкала, как делала всегда при появлении Лаки, и та грустно улыбнулась в ответ. Она чувствовала, что расстаться с Абби ей будет еще труднее, чем в свое время с Руди.

Номо бросил в воду якорь и дал задний ход, чтобы как следует зацепиться за песчаное дно. Когда цепь натянулась, он заглушил мотор, и яхта закачалась на волнах.

Лаки отметила про себя, что Джулия совсем не боится качки. За последние месяцы девочка стала настоящей морячкой. Сейчас она хлопотала вместе с Молли рядом с ведром, в котором плавала морская звезда. Это причудливое создание тоже ждало возвращения в родную стихию.

Мимо проплыла рыба-парусник, трепеща над лазурной поверхностью моря спинным плавником, похожим на вентилятор. Все засмотрелись на это чудесное зрелище, а Лаки улучила момент, чтобы опуститься на колени и сказать несколько прощальных слов Абби. Тюлененок не сводил с нее своих больших темных глаз, и Лаки похлопала его по бархатистой

спине.

— Не забывай, чему мы с Номо тебя учили. Не подпускай близко акул. Если столкнешься с Руди, передай ему мой наказ: пусть точит свои зубы о кого-нибудь другого, а тебя оставит в покое.

Абби слушала, наклонив голову, а Лаки удивлялась, как сильно она выросла. Но для нее Абби по-прежнему оставалась малышкой, крохотной беспомощной сиротой, существом, лишенным матери.

— Ну вот, пришла пора прощаться. Ты возвращаешься к родичам. Ты им нужна. — Лаки смущенно усмехнулась, поймав на себе взгляд Грега, и понадеялась, что он поймет, почему она разговаривает с тюленем. — Ты только представь, что тебя ждет! Ведь об этом грезят все женщины: одна ты на полсотни ухажеров! Ты сможешь проявить разборчивость. Главное, не позволяй им наваливаться на тебя всей кучей. Лучше выбери себе одного силача, чтобы остальные держались в стороне.

Грег опрокинул лохань, и Абби заскользила по мокрой палубе к борту.

— Скорее, Абби! Ныряй! — в один голос закричали близнецы.

— Плыви! — завизжали девочки.

Однако Абби пока что никуда не торопилась. Она неуверенно оглянулась на Лаки, словно спрашивая: «Это обязательно?»

— Все будет хорошо, милая, — сказала ей Лаки срывающимся от волнения голосом.

Действительно ли Абби приживется среди сородичей? Встретят ли они ее на будущий год, когда снова приплывут пересчитывать стадо и делать инъекции самцам? Этого никто не мог гарантировать.

— Ступай, Абби! — взмолилась Лаки. — Твой дом — здесь. Помни, я тебя люблю и всегда буду о тебе вспоминать.

Абби заковыляла к борту, потом снова оглянулась на Лаки. Все молчали. Только чайки кричали как ни в чем не бывало да волны тяжело стучались об обшивку.

— Не скучай, Абби. В следующем году я приплыву тебя навестить. Уверена, к тому времени ты уже родишь собственного детеныша.

Абби не могла понять ее слов, однако уяснила, что от нее требуется. Прежде чем нырнуть, она жалобно твякнула.

Доджер, жавшийся к ногам Лаки, заскулил от избытка чувств, и Лаки потрепала его по голове. Она ничего не видела от слез. Грег обнял ее сильной рукой, как поступал всегда, когда видел, что ей не по себе. Бросив на Лаки прощальный взгляд, Абби ушла под воду.

— Алоха, алоха! — закричал Номо; дети звонко вторили ему.

— Абби не пропадет, — прошептал Грег, зарывшись лицом в волосы Лаки. — Через год вы увидите.

Когда Абби отплыла подальше, Сара, Коди и девочки выпустили в море морскую звезду.

Джулия напутствовала ее советами, как спастись от более крупных звезд-хищниц.

— Не печалься, Лаки, — сказал Грег. — Это наш долг — возвращать животных в природные места обитания. Дело, конечно, рискованное, но я верю, что Абби выживет. Ей на роду написано выжить! Как и тебе...

Лаки заглянула ему в глаза. Грег прав: она осталась в живых и была счастлива. У нее дочь, скоро они с Грегом поженятся...

— Я бы не выжила, если бы ты не оказался рядом.

— Нет, это я благодаря тебе ожил. До встречи с тобой я считал, что моя жизнь кончена. Если бы не ты, я бы никогда не научился любить.

Она убрала темные волосы с его лба.

— Я люблю тебя, мой дорогой. Люблю сильнее, чем способна выразить.

— Мы вместе — вот что важнее всего. Мы строим новую жизнь — ты, я и Джулия.

Грег прижал ее к себе и поцеловал в губы, и Лаки затрепетала от этого нежного поцелуя. Ее душа была полна до краев — полна им, мужчиной, ставшим ее судьбой. Прежде чем обрести его, она прошла через настоящий ад, но нисколько не сожалела об этом.

«Душа моя заблудшая, ты найдена опять...»